Cake The Cat
БАГРЯНОЕ ПЛАМЯ
2018
litnet
Read and Talk

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На окраине мира, в густых дебрях Ауреваля назревает нечто ужасное, нечто, что угрожает существующему миропорядку. Мир древних чудес, нетронутый инквизицией, дикий и необузданный. Старый бог пробуждается от векового сна дабы начать извечную борьбу Добра со Злом. Но как понять, на какой ты стороне, когда понятия света и тьмы так размыты? Искать правду или вступить в слепую борьбу с чуждым тебе миром? Расплести клубок тайн почти невозможно, как невозможно понять, кто враг, а кто - друг. Пришло время погрузиться в этот омут с головой и надеяться лишь на то, что он не поглотит твой разум и твою душу. Древний лес надежно хранит свои тайны, но в этот раз ему всё-таки придется ими поделиться.

- Пролог
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Эпилог

Пролог

Лето в Ауревале подходило к своему логическому завершению, и конец его вскоре должен был ознаменоваться страшными бедами не только для жителей долины, но и для всего мира. Здесь, в самой дальней провинции Империи, отрезанной от остального мира бурными водами Полыни и Мраморного моря, жизнь протекала совсем иначе. Жажда наживы вот уже на протяжении двух столетий собирала в этих краях людей со всех уголков мира. В темных омутах, лесных чащобах и глубоких пещерах этой земли лежало немало костей тех, кто оступился на скользком пути к богатству и преходящей славе золотоискателя, однако это нисколько не уменьшало приток все новых искателей приключений, слетающихся в эти места подобно мотылькам к свету. Эта земля перемалывала в труху своими каменными зубами всех, кто оказался недостаточно силён или удачлив для того, чтобы бросить ей вызов и выйти победителем из схватки с дикой и необузданной природой. И так уж получилось, что именно здесь, на самом краю мира стали происходить события, так или иначе затронувшие жизни обитателей всех остальных изведанных и неизведанных земель.

В десятый день Месяца Жатвы к морскому порту Клемноса подошел очень странный по местным меркам отряд. В его рядах виднелись гербы неких рыцарских родов, известных только далеко за пределами Империи, штандарты Ордена служителей Антартеса, слишком хорошо известного и за пределами обжитых людьми земель, а также шевроны наёмной гвардии, что в конец сбивало с толку стороннего наблюдателя, поскольку такого зрелища здесь не видели, пожалуй, со дня сотворения мира. Позади сотни разношерстных вояк тянулся длинный обоз, положенный любому войску, в котором, однако, тоже можно было насчитать немало странных личностей. Формальным лидером этого сводного отряда выступал Преподобный Августин Цикута, инквизитор второго ранга и ярый служитель своего бога. Однако на тот момент никто не знал ни звания этого добрейшего с виду старика, вполне заслуженно получившего своё прозвище, ни его соратников, ни целей, преследуемых ими. Не смотря на предупреждения бывалых мореплавателей, предрекавших скорую и неминуемую бурю, было решено погрузиться на корабли и как можно скорее пересечь обыкновенно спокойные воды моря, именно от этого и прозванного Мраморным. Времени почти не оставалось, и потому, невзирая на опасность, кнорры приняли на свои пузатые борта почти сотню человек, с опаской

вглядывающихся в темные небеса.

В трех днях пути на север, за казавшимся бесконечным горизонтом их ждала дикая и суровая земля. Там, где бурные воды Полыни, великой реки Ауреваля впадали в Мраморное море, находилась маленькая крепость-порт, должная стать исходной точкой путешествия по этим недружелюбным для человека землям. Но именно Клемнос оказался тем самым первым звеном в цепи несчастий, постигнувших специальный отряд. Именно здесь в душе Августина Цикуты, получившего послание от своего брата, проросло зерно сомнений, давшее затем чудовищный урожай.

Однако в этот день удача была не на стороне младших братьев морских драконов, и как только отряд погрузился на суда и отплыл на расстояние едва ли составляющее пятую часть пути, подул резкий пронзительный ветер, и разразилась буря, затмившая на много дней небеса.

Глава 1

Шквалистый ветер сбивал с ног и рвал остатки парусов кнорра, заставляя корабль опасно раскачиваться. Я едва успевал вычерпывать всё прибывающую воду, с надеждой поглядывая в чернеющие небеса, отвечающие мне лишь полным безразличием. Никогда прежде мне не доводилось видеть подобной бури, да еще и на спокойных просторах Мраморного моря. Дождь хлестал измотанную команду подобно кнуту, опускающемуся на спины галерных рабов, непрестанно заливая палубу. Полторы дюжины человек, оказавшихся вместе со мной на этой посудине, всю ночь боролись со стихией, разразившейся, едва лишь мы вышли от просторных причалов великолепного Клемноса, бывшей столицы Империи.

Члены экипажа, прибывшие сюда откуда-то с запада, привыкшие к подобным выходкам вздорного климата Темных островов, казалось, тоже абсолютно не ожидали буйства стихии, поскольку налетевший шквал в мгновения ока разорвал все паруса и разметав нашу маленькую эскадру, как ребенок игрушечные кораблики. Матросы пытались идти на вёслах, но спустя столько времени, берег, казалось, нисколько не приблизился, хотя заметить его в такой пелене дождя было бы все равно практически невозможно. Один из матросов время от времени мерял глубину, но каждый раз груз останавливался на отметке в тридцать футов, что могло означать лишь одно: буря кружит нас где-то неподалёку от береговой линии, отчего-то не давая подойти к спасительной пристани. Пошел уже пятый день нашего несчастного путешествия. У нас почти закончилась еда и свежая вода, почти закончилась и вера в спасение. Не знаю, когда мне довелось нормально поспать в последний раз, но разум мой постепенно стал отказывать мне в простом удовольствии видеть мир таким, какой он есть на самом деле.

- Если мы сейчас же не возьмемся все вместе за вёсла, капитан, нас отнесет так далеко, что потом придется неделю добираться до ближайшего жилья! – пытаясь перекричать шум ветра, я как можно ближе подобрался к капитану судна, из последних сил удерживающего рулевое весло.

Поскольку моё звание на данной посудине по имперским меркам было выше остальных, и поскольку уже мужество оставило всех, кто находился на борту, я принял решение действовать. Неизвестно, когда кончится эта буря, и если прямо сейчас не преодолеть сопротивление стихии, нас унесет на располагающиеся на востоке скалы, и разобьет в щепки. Капитан,

похоже, прекрасно осознавал это, хотя до последнего момента и надеялся на милость стихии. Старый и согбенный, этот человек ходил последние дни в своей должности, готовясь к спокойной и размеренной жизни вдали от берега. Несмотря на преклонный возраст, фигура капитана все еще возвышалась над палубой на добрых шесть футов, а руки его бугрились узлами мышц, перетянутых синими прожилками вен.

Капитан Сиборн лишь коротко кивнул, всем своим видом показывая, что всё остальное нужно организовать мне, поскольку почти все члены его команды и так уже сидели на вёслах, бесплотно борясь со стихией. Я быстро обошел палубу, собирая всех, кого еще не оставили силы, и усадил их на свободные скамьи гребцов, сам заняв одно из мест за веслом, знаками отдавая команду к началу движения. Вскоре наш кнорр, всё еще терзаемый бурей и бросаемый волнами из стороны в сторону, начал понемногу тормозить и почти перестал кружиться. Поначалу все гребли вразнобой, поскольку задавать темп при таком вое ветра и стене дождя казалось попросту невозможным. Но каким-то чудом гребцы смогли почувствовать общий темп, который задавали матросы, знаками показывая остальным, как следует действовать, и вскоре мы уже довольно сносно шли в том направлении, где, по мнению капитана, находился берег.

Спустя примерно час ливень начал стихать, и можно было ясно видеть всю палубу целиком, а не только доски у себя под ногами. Теперь, когда буря пошла на спад, можно было задавать ритм привычным для людей способом и дело пошло еще лучше, хотя измученные до невозможности люди гребли уже исключительно по инерции, опуская и поднимая выскальзывающее из вытертых до кровавых мозолей рук весла. Спустя еще некоторое время дождь почти прекратился, и взорам команды открылось спасительное видение, похожее больше на мираж, нежели на суровую действительность. Песчаная отмель, заваленная мусором и усеянная крупными валунами, оказалась неожиданно близко. Сердце моё сжималось от той неизвестности, которая сгустилась над всеми нами: я не знал, живы ли остальные и сотню раз успел пожалеть, что сел именно на этот корабль, по пустякам разругавшись с Августином. Именно по его просьбе я оказался здесь, и по его вине нашу эскадру разметала буря. Но я всё равно не мог не тревожиться за старика, к которому относился почти как к отцу. Другой человек, за которого я переживал ничуть не меньше – Альвин, старый друг и товарищ, перед плаваньем напившийся и потому в бесчувственном состоянии загруженный в трюм того же кнорра, на котором плыл Августин.

К полудню мы, наконец, справились с ужасающим ветром, который, казалось, с каждой минутой лишь набирало силу, и со всего размаху выбросили кнорр на берег, разметав в стороны песок и крупную гальку. К этому времени силы оставили даже самых сильных из нас, и я едва мог передвигать ногами, чувствуя, что предел сил я перешел уже довольно давно.

Большую часть груза во время шторма пришлось отдать стихии, а то немногое, что осталось, за ночь смыло за борт. По иронии судьбы на борту нашлось лишь полсотни бурдюков с вином, бочка эля и немного сухарей. У нас не оказалось ни сухой одежды, ни палаток, ни нормальной еды, вообще ничего из того, что может пригодиться в походе. Я даже не знал, найдется ли на весь наш отряд хотя бы одно огниво для разведения костра. За время нашего похода я успел лишь мельком познакомиться с двумя воинами Ордена - братьями Азаном и Азизом, а также с сэром Валентайном – рыцарем из королевства Малькат. Остальные – оруженосцы, не понимающие ни слова на имперском, и разговаривающие лишь на своём грубом лающем языке, распространенном среди раздробленных княжеств и королевств запада. Расшитые одежды их нынче походили на втоптанные в грязь, а затем накинутые на грязных нищих штандарты потерпевшего поражение воинства. Поэтому коммуникация между всеми нами оставляла желать лучшего, я лишь надеялся, что Валентайн будет действовать заодно с остальными членами отряда, а не отправится в одиночку в противоположную сторону.

Вытащив корабль на берег, мы повалились спать в крохотном трюме корабля, даже не выставив часовых. Теперь, когда я прекратил борьбу со стихией, меня бил озноб от холода пропитавшей мою одежду воды, вытягивающей тепло из самых костей. Однако в трюме было достаточно тепло от такого количества людей, набившихся внутрь. Возможно, именно поэтому мы не умерли от лихорадки и воспаления легких в следующие пару недель. Едва лишь моя голова коснулась досок, как я впал в тяжелое забытье, обессиленный и замерзший. Но борьба моя лишь только начиналась, и этот сон стал лишь короткой передышкой.

***

К рассвету вокруг кнорра, подобно киту, выброшенному на берег штормом, уже горели костры. Рядом сидели угрюмые и голодные люди, сушившие свои немногочисленные пожитки и запивающие промокшие сухари кислым вином из бурдюков. Всего на берегу нас оказалось восемнадцать человек, большая часть – моряки и их капитан, сэр Валентайн, двое оруженосцев,

двое воинов Ордена и я сам. По моим расчетам, течение отнесло нас миль на тридцать на юго-восток, и, чтобы вернуться к цивилизации, требовалось пройти по местным лесам и болотам около двух дневных переходов. На корабле не оказалось ни луков, ни арбалетов, ни даже копий для нормальной охоты, поэтому можно было не рассчитывать на добычу крупнее кроликов, которые, однако, в изобилии водились в здешних лесах

Лишенный большей части оснастки и без запасов питьевой воды и провизии, корабль не представлял сейчас для капитана Сиборна достаточной ценности, чтобы умирать голодной и холодной смертью, пытаясь вывести кнорр к порту. Пока буйство реки не утихнет, нечего было и думать о том, чтобы пытаться подняться вверх по течению до Старого Брода, а до ближайшего порта к востоку отсюда не менее недели пути. Поэтому, собрав моряков и остатки груза, капитан выдвинулся вместе с нашим отрядом с тем, чтобы, разделившись на тракте, свернуть в сторону рыбацкой деревушки у переправы, именовавшейся Северкой, в то время как мы должны будем отправиться сразу к имперской заставе, расположенной вблизи лесного массива, названия которого я никак не мог запомнить. К моему удивлению в Ауревале оказалось столько лесов, у каждого из которых было начертано своё название, что когда я изучал карту провинции, от надписей около каждого перелеска и одиноко стоящей сосны начинало рябить в глазах. Здесь, среди дремучих северных лесов существовало что-то вроде культа природы, доставшегося людям, согласно легендам, от эльфов, когда-то населявших эти леса, откуда и произошел этот странный фанатизм к обозначению каждого дерева и ручейка каким-нибудь витиеватым именем.

До самого заката мы двигались вдоль берега, истерзанного стихией, останавливаясь только на короткие привалы, чтобы глотнуть немного вина с прогоркшими сухарями, и затем снова двинуться в путь. Мы находились где-то вблизи русла Полыни, в непроходимых болотах. Где-то там, в нескольких днях пути отсюда лежал Старый Брод, место предполагаемой высадки, бесконечно далекое и эфемерное. Мало того, что нам предстояло пройти по этим трясинам Антартес ведает сколько миль, нам также нужно было переправиться на противоположный берег Полыни. Почва под ногами настолько размокла, что каждый шаг отпечатывался на ней глубокой вмятиной, и ноги приходилось буквально выдирать из этой трясины с противным чавкающим звуком. Снова зарядил ледяной как дыхание смерти дождь, но у нас не было ни плащей, чтобы укрыться от него, ни сухих дров для костра. Казалось, сам Ауреваль отторгает нас подобно тому, как плоть выталкивает занозу. Вместе с кровью и гноем. Руки мои

едва слушались, и больше всего в этот момент хотелось набрести на какое-нибудь человеческое жилье, где можно было бы обсохнуть и согреться. Такими темпами скоро всем нам предстояло слечь в лихорадке и больше никогда не встать. Вскоре дождь стал перемешиваться с мокрым снегом, а потом и вовсе перешел в снежную бурю. Солнце окончательно покинуло эту землю, и густые серые тучи до самого горизонта заволокли небо. К сумеркам мы остановились у края прибрежного леса, надеясь найти хоть небольшое укрытие под его кронами. Вскоре ко мне подошел капитан Сиборн и, попросив отойти немного в сторону, опасливо зашептал мне на ухо.

- Примерно в трех часах пути отсюда на севере есть небольшое лесное убежище, где один мой знакомый охотник живет… - с какой-то неуверенностью в голосе обратился ко мне во время очередной остановки капитан Сиборн.

- И что же тревожит вас, капитан? - уловив его интонацию, спросил я.

Морщинистое лицо Сиборна казалось мне исполненным сомнениями, но я не торопил его высказать свою мысль. Снежинки забивались в складки на его лице подобно тому, как снег скапливается в расселинах горы, и уже даже почти не таяли. От напряженной работы мыслей брови его смешно заходили ходуном, но я не улыбнулся, погруженный в собственные тревожные мысли.

- Эти болота всегда пользовались дурной славой, и соваться туда в такое время, да еще и на закате солнца – дельце довольно-таки опасное. Но, с другой стороны, если мы сейчас не укроемся и не высушим одежду, нас заметет насмерть.

- Люди измотаны и голодны, и ночевать прямо здесь, пожалуй, еще опаснее, чем пройти пару миль по болотному лесу, - согласился я.

- Ауреваль – такое место, где даже самый великий скептик уверует в нечистые силы, кир. Есть здесь что-то не поддающееся разумному объяснению, и вот это-то меня и гложет, когда думаю о сегодняшнем ночлеге.

В этот момент, завидев, что мы с капитаном о чем-то толкуем в стороне, к нам подошли двое воинов Ордена – Азан и Азиз, до того понуро сидевшие в отдалении. Двое смуглых боевых братьев-монахов, уроженцев южных провинций, казалось, выглядели хуже всех и отнюдь не от их неприязни к холоду и проливным дождям со снегом, свойственной всем южанам. Вчерашняя буря для этих фанатиков стала дурным знаком от самого Антартеса, якобы запретившим дальнейший путь в эти языческие земли, и потому браться-монахи жаждали высказать Преподобному всё, что они

думают об этой «священной» миссии.

- Антартес явил нам свою волю этой грозой, - тряхнув мокрой головой, начал Азан, - не стоит ходить в лес и искать ночлег на этой земле, а лучше как можно быстрее уйти отсюда.

- Мы и так целый день потратили на поход по этой вашей «проклятой» земле, господа, так что если мы пройдем еще немного, ваша святость не запятнается так уж сильно - спокойно ответил я, - люди измотаны и голодны, у нас нет теплой одежды и укрытий. Если мы в скором времени не окажемся в тепле, к утру половина из них заболеет и умрет.

- Мы должны как можно скорее добраться до Северки и соединиться с остальным отрядом! Если понадобится, мы пойдем и ночью, но если останемся здесь, и уж тем более, пойдем в этот лес, наверняка найдем себе неприятностей.

- На данный момент я – командор, а не вы, отрезал я, - остальные члены отряда жаждут нормального ночлега на сегодняшнюю ночь, и, если узнают о лесном убежище в трех часах пути отсюда, никто не поддержит вашу идею идти впотьмах туда - не знаю куда, когда с небес, льется снег с дождем. Не ваших умов дело толковать знаки, посылаемые Антартесом, и не вам решать, куда следует идти и где спать.

- Тогда мы пойдем вдвоем, - холодно ответил Азиз, демонстративно поправляя перевязь меча.

- Согласно регламенту, подчиняться командору мы должны только после письменного согласия Преподобного, - бросил через плечо второй из братьев, удаляясь.

- Уйдете – и будете казнены, как дезертиры, - спокойно сказал я им вслед, заставив застыть на месте.

На самом деле, своды правил, инструкций и предписаний, подробно описывающие все взаимоотношения отряда в любых ситуациях – вещи невероятно запутанные и объемные. Имперская бюрократия всегда славилась своей неподъемностью и дремучестью, поэтому любые сферы ее деятельности всегда превращались в непролазные дебри. Я до конца не был уверен в своих словах, поскольку лишь мельком успел ознакомиться со всеми бумагами, касающимися нашей миссии, но эти двое, похоже, знали еще меньше.

- Пункт 5.2.1.8 подпункт «а», - деланно уверенным голосом начал я, - в случае, если командир сводного Отряда убит, пропал без вести или недееспособен, а также, если силам Отряда вследствие непреодолимой силы пришлось разделиться без возможности коммуникации, командир выбирается из состава принадлежащих к Ордену людей, если такие имеются, по принципу старшинства среди каждого из подразделений Ордена.

Естественно, большую часть этого пункта я выдумал, но, в общем и целом, всё вышесказанное составляло некую полуправду.

- А поскольку я – командор Кабинета Терасариев, а вы в своём ведомстве – лишь боевые братья, должность предводителя переходит ко мне.

Здравый смысл шептал мне о необходимости остановиться на ночлег в этом лесном хуторе, и с давних пор я склонен прислушиваться к такому проявлению внутреннего голоса. Да и идти всю ночь по болотистой местности в этом пробирающем до костей холоде и с пустым желудком, в котором только пара глотков вина – не лучшая идея, как по мне.

Братья злобно переглянулись, но мой аргумент заставил их подчиниться, поэтому далеко они не ушли, примостившись около группы оживленно болтающих оруженосцев. Сиборн же, наблюдавший нашу перепалку с каменным выражением лица, лишь покачал головой, но, похоже, тоже не слишком рвался под темные кроны негостеприимного леса.

- Решать, конечно, вам, - как бы невзначай бросил капитан камень в мой огород, - но чует моё сердце, любой из выбранных путей может обернуться кучей неприятностей. Ветер крепчает, и эту ночь в поле мы можем не пережить.

Валентайна уговаривать не пришлось, как и его оруженосцев. Они, едва заслышав малопонятные, но всё-таки знакомые слова о ночлеге, мгновенно подобрались и повеселели. Я не разделял мнения капитана насчет опасностей, которые могли бы подстерегать нас в лесу, поскольку большего скептика, чем я, пожалуй, не сыскать ни в одном из концов империи, однако ж, и сам не спешил ломиться к ночлегу сломя голову. Что-то в словах капитана меня настораживало, но вот что именно, я никак не мог понять. Да, наш приход сюда был обусловлен некими странностями, творящимися в Ауревале последнее время, но сведения о них больше походили на сказки пастухов у вечернего костра, нежели на достоверные сведения. Если бы не многочисленные жалобы самого стратега и местной аристократии, завалившие канцелярию императора слезными обращениями с просьбами о помощи в борьбе с нечистыми силами. Император, однако же, пожелал действовать лишь когда поток прошений наконец исчерпал себя, очень «вовремя» направив сюда Специальный отряд Ордена.

Старый капитан же, наоборот, оказался человеком весьма суеверным, что было заметно по некоторым его привычкам. На все мои расспросы касательно «странностей» и «плохого предчувствия», отвечал расплывчато и неуверенно. Он усиленно пытался строить из себя старого простака, эдакого бывалого

матроса, любящего раскурить трубку и рассказать пару баек о дальних землях, но получалось почему-то из рук вон плохо.

- Понимаете, кир, меня и раньше-то в этих местах в дрожь бросало, а теперь, как слухи эти поползли, и вовсе до костей пробирает. Может, просто старому морскому волку неуютно на берегу, а может, и вправду какой-то злой дух здесь присутствует, поди разбери.

Команда корабля, судя по всему, тоже чувствовала себя неуютно. Общались они между собой на одном из скентских наречий, так что я мог уловить лишь тревожный смысл сказанного. Среди всего разноязыкого сборища я чувствовал себя немым, имея возможность общаться только с Сиборном, братьями-монахами, державшимися с последнего разговора подчеркнуто-холодно, да с парой рыцарей, немного понимающих официальный имперский, в отличие от их оруженосцев.

- Так значит, ваше опасение строится на слухах в тавернах? – спустя какое-то время обратился я к старому капитану.

- Можно сказать и так, но вы, если б с местными пообщались маленько, сразу всё и прочувствовали.

Но я не разделял со старым капитаном его предчувствия. И лес, в который мы вошли на закате казался мне самым обычным, разве что вместо дубов и каштанов, растущих в окрестностях Стафероса – столицы империи, да и во всех центральных провинциях, здесь основной растительностью были могучие ели и сосны, образующие непроницаемый для солнца полог, под которым даже днем царил густой сумрак. Вскоре мы, следуя указаниям Сиборна, даже вышли на некое подобие охотничей тропы, петляющей между подтопленными участками и черными болотными заводями, уходящей куда-то вглубь леса. За отсутствием самого простого огнива, пришлось идти в полной темноте среди вековых елей, с веток которых подобно паутине свисали гирлянды лишайника. Тропинка едва угадывалась под ногами, но Сиборн, идущий впереди вереницы людей, похоже, не раз бывал здесь. Вскоре тропа стала расширяться, и деревья немного отступили, давая прорвавшемуся на секунду лунному свету осветить наш путь сквозь эту тьму. Буквально через несколько минут мы вышли на большую поляну, посреди которой возвышалось массивное строение, назвать которое иначе как крепостью я бы не решился. Целый деревянный форт, обнесенный частоколом из огромных, заостренных на конце брёвен, за стенами которого виднелось нечто вроде донжона, сложенного из таких же вековых деревьев толщиной больше человека. Тучи опасно нависли в темном небе, грозя в любое мгновение излить на наши головы очередные массы воды. Меня трясло от холода, и

другим приходилось не лучше, но я не спешил бросаться к спасительному теплу, остановив отряд у края леса и некоторое время в молчании наблюдая за окрестностями.

- Света нет, может, спят уже все, - поделился своими мыслями Сиборн, когда мы вплотную подошли к частоколу.

Ворота этого форта заменяла узкая калитка, сработанная из толстых, подогнанных вплотную досок, обитых металлом, через которую в лучшем случае можно пройти только боком.

- Что за звери здесь обитают, раз простым охотникам приходится возводить себе такие замки? – задал я вопрос, уже несколько минут занимающий мои мысли.

- Люди, - как-то неуверенно пожал плечами Сиборн.

- Чувствую я, что-то вы мне не договариваете, но коль этот ваш знакомец сможет посодействовать нашей миссии, предоставив воинам пищу и кров, вопросов ему задавать никто не станет.

Сиборн молча кивнут, и три раза постучал в дверь, затем отбил какой-то затейливый ритм, являющийся, по всей видимости, паролем, и уже совершенно другим взглядом посмотрел на меня. Прошло несколько минут, но внутри всё оставалось так же тихо. Либо все и вправду спали беспробудным сном, либо внутри никого не было. Сиборн, тихо выругавшись, принялся окликать обитателей своим могучим басом, но форт всё так же оставался глух к его воззваниям. Отряд, до того времени стоявший в полной боевой готовности, начал потихоньку роптать, предлагая попросту выломать дверь и войти без спроса.

- Вы уверены, что там вообще кто-то есть? – окинув отчаявшегося Сиборна взглядом, я намерился было пойти к остальным и организовать, так скажем, десант за стену.

- Всегда кто-то должен быть, - осипшим голосом ответил капитан, - разве случилось что…

- Дом этот, насколько я понимаю, населяют не простые охотники, а кто-то вроде черных золотоискателей или, скажем, контрабандистов, так может, завидев такую толпу народа, испугались и решили не открывать?

Сиборн от моих слов побелел так, что даже в темноте стало заметно. Черными золотоискателями здесь называли тех, кто добывал в этих краях золото в обход имперских досмотрщиков, скрупулёзно учитывающих каждую золотую песчинку, и нещадно обдирающих всех прочих честных работяг с помощью налогов. Каждый грамм золота, выходящий за пределы Ауреваля, строго учитывался, а добыча золота без специальной лицензии, как правило, каралась смертью, что, однако, не убавляло количество желающих нажиться в обход уплаты налогов. Капитан оказался не

так прост, как могло показаться с первого взгляда, и наверняка помогал переплавлять незаконную добычу на другой берег Полыни. Непонятно только, с чего бы это он решился привести имперский отряд в логово своих подельников. Разве что только страх замерзнуть под снего-дождем без огня и теплой одежды оказался сильнее возможного разоблачения. Нас мало, а значит, можно без проблем прикончить лишних свидетелей, особенно если за стенами этого убежища скрывается еще столько же отчаянных головорезов. Но теперь его план, судя по всему, дал трещину, и моя рука, до того времени, судорожно сжимающая рукоять меча, немного расслабилась.

- Как вы узнали, кир? – едва слышным шёпотом, спросил капитан, убедившись, что поблизости нет лишних ушей.

Я предусмотрительно отошел от остального отряда для этого разговора и вовсе не собирался посвящать кого бы то ни было в мою, оказавшуюся столь удачной, догадку.

- Немного логики и этого вашего «предчувствия», капитан - со снисходительной улыбкой я потрепал капитана по плечу, - со стороны всё, конечно, выглядит ничуть не подозрительно, обычная лесная крепость охотников или лесорубов, места-то опасные. Наверняка внутри всё чинно-благородно, и даже сушится партия кож или досок на продажу. Об остальном, я думаю, никому знать кроме нас с вами не стоит. Я, по крайней мере, еще не встречал людей, у которых бы возникло желание проверить боевых братьев Ордена в бою. Этих убийц, стоит заметить, учат с самого раннего детства, и к своему совершеннолетию они превращаются в настоящие машины для уничтожения живой силы противника.

Сиборн, казалось, немного успокоился, но всё равно с опаской поглядывал в мою сторону, избегая прямого контакта глазами. С виду действительно ничего подозрительного в этой лесной крепости и не найти, таких сотни по всему Ауревалю, поскольку промысел здесь во все времена шел хорошо, да вот опасное зверье, какое нигде в других частях империи не водится и разбойники очень любят поживиться такими честными искателями приключений. Вот и вынуждены местные охотники да лесорубы объединяться в бригады и выстраивать себе целые замки, поскольку военных сил фемы хватает только на контроль золотоносных источников и основных путей вывоза добытых богатств.

- Так или иначе, нам нужно попасть внутрь, хотят этого хозяева хутора или нет, - подвел я окончательный итог нашему разговору.

Сиборну оставалось лишь согласно кивнуть. Я вернулся к

отряду, занявшему к этому времени некое подобие круговой обороны, разделившись с подельниками Сиборна на две неравные кучки, и отдал приказания оруженосцам Валентайна срубить несколько молодых сосенок для изготовления лестницы, а морякам – нарубить лозы. Воины-монахи упорно продолжали выказывать своё неудовольствие, и я отправил их на разведку окружающего хутор леса с глаз моих подальше, надеясь, что вскоре части раздробленного отряда воссоединяться и мне больше не придется забивать голову разногласиями в командовании.

Через четверть часа лестница была готова и выглядела более-менее сносно, учитывая, что изготавливать ее пришлось с помощью мечей, подходящих для боя с людьми, а никак уж не для рубки деревьев. Первыми через стену переправилась тройка моряков, поскольку движения их не стесняли тяжелые доспехи, нести которые пришлось на себе за отсутствием вьючных лошадей и каких бы то ни было сумок. Скрипнул, вынимаемый со своего места засов, и дверь бесшумно отворилась, приглашая нас войти.

За частоколом оказалось больше места, чем могло показать снаружи. Помимо донжона – башни из грубых, едва обтёсанных брёвен высотой в четыре человеческих роста, во дворе располагалась маленькая конюшня на четыре стойла, курятник, сарай и то, что у местных называется баней. Я разослал бойцов проверить все имеющиеся во дворе постройки на предмет их обитаемости и наличия полезных припасов, а сам вместе с Сиборном отправился в донжон.

- Странно это всё, - пожаловался капитан, открывая узкую дверцу, оказавшуюся незапертой и протискивая внутрь свой факел, добытый здесь же.

- Чем это?

Но не успел Сиборн ответить, как в нос мне ударил ужасающий удушливый запах, какой исходит обычно от покойников не первой свежести. От этого смрада слезились глаза, и, чтобы войти, пришлось заткнуть рот и нос плащом, в противном же случае мы рисковали оставить весь наш скудный обед на утоптанной земле внутреннего дворика.

Переборов себя, я всё-таки вошел в тесное пространство башни, стараясь двигать факелом как можно менее размашисто, дабы не устроить себе погребальный костер, ткнув не туда, куда нужно. Справа и слева виднелись маленькие комнатки с парой сундуков и ворохом шкур, не то волчьих, не то еще каких, в такой темноте не разглядеть как следует. Короткий коридор упирался в узкую лестницу, уходящую на следующие этажи, и на ступенях которой мы впервые столкнулись со следами случившегося.

- Это Фьёрди, - опускаясь на одно колено возле отрубленной руки, прокомментировал Сиборн.

Затем он поднял конечность и протянул в мою сторону, указывая пальцем на крупное золотое кольцо, украшающее омертвевшую плоть: «Его вещица».

Очень приятно, Фьёрди, командор Маркус к вашим услугам - ответил я, пожимая ледяную плоть отрубленной руки, с ухмылкой наблюдая за реакцией капитана.

Сиборн взглянул на меня как на умалишенного, но промолчал, затем деловито стащил кольцо, а саму руку бросил на прежнее место. Мертвая плоть шмякнулась на пол с противным чавкающим звуком, показавшимся в царившей здесь тишине едва ли не оглушительным.

- Мертвецам золото ни к чему, - будто оправдываясь, заметил капитан, - тело бедолаги, судя по всему, где-то наверху, надо бы похоронить по-человечески, и заодно разобраться в произошедшем. Боюсь, ребята могли не поделить добычу и перерезали друг друга. В таком случае ничего полезного мы тут не найдем, только еще пару трупов.

В этот момент позади нас возникла рослая фигура Валентайна, едва сумевшего пройти сквозь узкий проход в своих объемных доспехах. Строители этого укрепления, казалось, каждую досочку здесь приколачивали с расчётом на осаду, поэтому каждый проход был создан так, чтобы враги могли, если уж прорвутся за частокол, драться только по одному да и то боком.

- Жилище птица всё опустошено, - с жутким заморским акцентом доложил рыцарь, - кровь и перья.

- Нет следов тех, кто это сделал?

- Человеческий след в сарай бежит, но дверь заперта изнутри. Здесь топор нашли и пытаемся ссадить.

Я кивнул в знак одобрения, пытаясь представить, что же здесь всё-таки могло произойти. Неужто старатели и в самом деле сорвали слишком большой куш и, не в силах поделить его, перерезали друг друга?

- Взглянем на остальные этажи башни, - предложил я, осторожно, стараясь не ступать на кровавые следы, поднимаясь наверх.

Сиборн, немного потоптавшись в нерешительности, всё же полез вслед за мной. Запах с каждой ступенькой становился всё более удушливым и неприятным, будто убитого выпотрошили, а все внутренности развешали на стенах для проветривания. И вот, когда моя рука наконец достигла пола на втором уровне башни и уцепилась за выступ, я поднял вторую руку с факелом и взглянул

наверх.

- Какого…

Надо мной в неясном трепетании пламени высился сгорбленный человеческий силуэт, обращенный ко мне спиной. Человек стоял абсолютно неподвижно и не издавал ни звука. Всё внутри замерло в напряжении, граничащем с каким-то первородным страхом неизвестного. Но вместо того, чтобы окликнуть незнакомца, я предпочёл медленно-медленно, стараясь не издавать лишних звуков, начать обратный спуск. Какое-то шестое чувство подсказывало мне об опасности, исходящей от этого темного силуэта. К тому же, если незнакомец и вправду представляет опасность, на самом верху лестницы я находился бы в более беззащитной позиции и не смог бы дать отпор, задумай он напасть.

- Что там? – правильно истолковав мои размахивания руками, шепотом спросил капитан.

- Кто-то стоит, - очутившись на полу, я первым делом извлек из ножен свой меч, и кивнул в сторону темнеющего проёма.

- Может, это Фьёрди? Тогда ему нужно немедленно помочь, бедняга потерял столько крови, - торопливо забормотал Сиборн, порываясь снова начать подъем.

Но я преградил ему дорогу мечом, стараясь оградить разнервничавшегося капитана от необдуманных действий. В этот момент со двора послышались громкая брань на мелькатском, а затем леденящий душу крик, перешедший через мгновение в визг забиваемого мясником животного. Наверху что-то шевельнулось, и в свете факелов показалась нога в высоком сапоге, неуверенно шарящая по ступенькам в поисках опоры.

- Антартес благословенный…

Сиборн быстро забормотал себе под нос какую-то молитву, как завороженный наблюдая за быстрыми, но какими-то неживыми и ломаными движениями ног того, кто пытался спуститься к нам. Вскоре показалось и остальная часть Фьёрди. А в том, что это был именно он, я теперь не сомневался, поскольку обрубок правой руки его деловито цеплялся за ступеньки и даже до сих пор сочился какой-то мерзкого вида субстанцией. Что-то с ним было не так, будто это уже был не человек, а какое-то демоническое существо, занявшее его тело, поскольку и движения и внешний вид лишь отдалённо напоминали человеческие. Глаза превратились в кошмарные черные провалы, в которых едва можно разглядеть остатки ввалившихся и ссохшихся глаз, залитых кровью и гноем.

Мы будто завороженные наблюдали за тем, как это существо спускается к нам, медленно и неловко, но ничего не

предпринимали, то ли надеясь, что Фьёрди просто немного не в себе от потери крови и шока, то ли просто не веря своим глазам. Из смятения меня вывел очередной крик, донесшийся снаружи, и я, выйдя из оцепенения и подскочив к тому, кто прежде был знакомым Сиборна, одним ударом снёс твари голову, как только ужасная застывшая маска ее лица повернулась в нашу сторону, ни на секунду не сомневаясь в правильности своих действий. Безголовое тело с глухим стуком повалилось к нашим ногам, заливая и без того грязный пол потоками густой бурой крови.

- Быстрее, наружу, - ухватив за рукав Сиборна, я ринулся к выходу, пытаясь хоть немного собрать в кучу разбегающиеся мысли.

Сердце бешено стучало в груди от встречи с неизвестным, и, вылетая во двор, я чуть было не насадил на меч вывалившуюся из темноты фигуру Валентайна, такого же встревоженного, но одновременно и трясущегося от переполняющей его ярости.

- Там в сарае какой-то без ума человек быть, - торопливо затараторил рыцарь, от волнения забыв большую часть слов.

Но я его уже не слушал, едва ли не бегом устремившись в сторону собравшихся в кучу людей. У сарая моим глазам открылась жуткая картина: один из оруженосцев, распростертый на земле, бился в агонии, и четверо человек едва справлялись, чтобы удержать его, в то время как пятый пытался наложить повязку на месиво, оставшееся от лица юноши, видимо, намереваясь остановить кровь. Но по первому же взгляду было видно: парень не жилец. Чуть поодаль лежал изрубленный на куски труп, рядом с которым, стоя на коленях, молились Азан и Азиз. Вырубленная дверь одиноко висела на одной петле, слегка покачиваясь на ветру, издавая навевающие жуть звуки. В довершение ко всему густо повалил снег, будто пытаясь скрыть жуткую картину произошедшего от всего мира.

- Что здесь происходит? – подойдя к воинам, я заставил их отвлечься от своих молитв.

- Антартес проклял эту землю, как я и говорил. Ты, кир, ответишь за страдания этого несчастного юноши и перед Преподобным и перед Богом, - зло блеснув глазами, ткнул в меня пальцем Азиз.

- Я, кажется, задал вопрос, - бесстрастно глядя в глаза разгоряченному монаху, повторил я.

Эти двое уже успели меня порядком утомить. Прожжённые фанатики, как и все рядовые братья Ордена, они слушались лишь церковных иерархов, способных направлять их буйную веру себе во благо. Меня они терпели лишь из-за пресловутой принадлежности к периферийным структурам Ордена. Всех

остальных они попросту презирали, включая даже истово верующих людей, ведь им с детства вбивали в голову тот факт, что служить господу можно лишь полным отречением от мирской жизни и самих себя, а лучшее что можно сделать для Антартеса – с мечом в руке рубить его врагов. Братья-монахи были искусственно взрощенным оружием Ордена, у которого нет ни собственной воли, ни собственных желаний помимо того, что вкладывают в их голову иерархи, и потому представляют огромную опасность без должного надзора. Только Преподобному они могли подчиняться беспрекословно, но старый инквизитор сейчас находился где-то далеко отсюда и никак не мог укротить буйный нрав этих двоих.

- Когда дверь взломали, этот, - Азан кивнул головой в сторону распростертого на земле оруженосца, уже переставшего сопротивляться, - первым туда полез. Вначале всё тихо было, а потом этот ненормальный, - кивок в сторону расчлененного трупа, - как демон из преисподней, бросился на несчастного юношу и… пока его рубили, тот уже всё подчистую и объел.

Я лишь коротко кивнул в ответ, и подошел к останкам нападавшего. С виду ничего сверхъестественного: обычный человек, только рот забит остатками лица его жертвы, будто безумец поставил себе цель запихать в себя как можно больше, покуда не отобрали. Только ввалившиеся, налитые кровью глаза смотрят совершенно спокойно и как-то отрешенно, в них нет предсмертной агонии и боли, свойственной умершим насильственной смертью.

- Вот про это я и говорил, кир, упоминая нехорошее предчувствие, - избавившись-таки от остатков последней трапезы, слабым голосом пробормотал Сиборн.

- Лучше бы вам, капитан, держать рот на замке, пока я не приказал взять вас под стражу для последующего допроса. Вам и вашим людям придется сдать своё оружие и провести ночь под замком. Если к утру всё будет хорошо, я подумаю над тем, чтобы отпустить вас на все четыре стороны.

Сиборн, с лицом белее мела, мелко затрясся, но быстро совладал с собой. Без существенного численного перевеса у него уже не было шансов справиться с нами, однако не было и улик, которые могли указывать на его преступные планы. Мне не хотелось связываться с этой шайкой контрабандистов и золотокопателей, поскольку настоящий мой враг скрывался совсем не здесь. И совсем не хотелось волочь капитана и его команду на суд, да и вообще тратить на них своё время. Завтра мы распрощаемся и пойдем каждый своей дорогой, как будто ничего и не было.

К моменту, когда я вновь организовал людей, оруженосец сэра Валентайна, отправился на тот свет. Часть людей я отправил в дозор на стены, часть – на уборку тел, остальные принялись обустраиваться к ночлегу. Припасы, найденные на местном складе, я приказал сжечь, воду не трогать и не идти на риск, пытаясь проверить их качество. Кто знает, отчего эти бедолаги могли сойти с ума? Отравленная пища и вода – худшие враги солдата.

В сарае, помимо многочисленных куриных костей, обнаружился так же и человеческий скелет, по всей видимости, женский, разломанный так, будто тот, кто это сделал, изо всех сил желал полакомиться костным мозгом своей жертвы. Открывшееся нам зрелище создало больше вопросов, чем ответов, и я уже почти отказался от идеи докопаться до правды. Всё выглядело так, будто эти двое, кем бы они друг другу ни приходились, вначале набили сарай курами, будто готовясь к длительной осаде, а затем заперлись внутри. А когда все пернатые закончились, мужчина убил женщину и затем долго и качественно обгладывал ее кости, так и не удосужившись выйти из своей добровольной тюрьмы.

Здесь также нашлись и горняцкие инструменты, что подтвердило мою теорию о золотоискателях, несколько упакованных тюков шкур, теплая одежда и еще много всякой мелочи, необходимой для выживания в лесу. Под полом обнаружилось намытое в местных реках золотишко, не очень-то и хитро упрятанное. Всё, что могло нам пригодиться, я приказал забрать, остатки тела – вытащить и уложить пока что вместе со всеми остальными.

- Ничего не понимаю, - озадаченно бормотал себе под нос Сиборн, пребывающий, по всей видимости, в сильном шоке, и оттого вытаскивать из него информацию приходилось чуть ли не силой.

- Знали этих людей? – я кивнул в сторону обезображенных останков, пытаясь увидеть в глазах капитана хоть искорку понимания.

- Если, как вы говорите, кости женские, тогда это может быть только Олея, жена Барта, - капитан ткнул своим толстым пальцем в сторону человека, набросившегося на оруженосца Валентайна.

- Так он съел свою жену?

- Наверное. Да. Это могло свести его с ума. А может, и наоборот. Вначале сошел с ума. А потом съел.

- Думаю, так и было. Вначале он сошел с ума, а потом уже и съел ее. А скорее всего, они и вовсе обезумели вдвоем, но перед этим, еще осознавая свои действия, заперлись в сарае, чтобы

никому не навредить.

- Какой вздор… В смысле, не ваши слова, кир, а всё это, - Сиборн неуклюжим жестом обвел окружающее нас пространство.

- Вы хорошо знали этих людей?

- Можно сказать и так, но теперь это уже неважно.

Башня встретила нас всё той же давящей на сознание темнотой. Тело Фьёрди с отрубленной головой уже вынесли, и на его месте осталась только начинающая подсыхать лужа мерзкого вида жижи. Остальные этажи также успели осмотреть на предмет отсутствия опасностей, и доложили о еще пяти телах. Первый лежал у бойницы второго этажа, голова его была оторвана от тела, разбита, объедена снаружи и внутри. Закрывающая тело кольчуга местами порвана, а тело под ней также обглодано. Оставшееся нетронутым мясо, уже ощутимо повонивало, но всё указывало на то, что с момента происшествия минуло не больше недели. Рядом с телом обнаружился короткий меч, измазанный в засохшей крови по самую рукоятку, скорее всего, именно им и была отрублена найденная внизу рука, поскольку склад с оружием, найденный здесь же, оказался нетронутым, а у остальных мертвецов при себе имелись только охотничьи ножи, которые те так и не пустили в ход.

- Торстен Буйный, - разглядывая останки, прокомментировал Сиборн, - здоровенный был мужик.

- Там наверху – Сигги Полбочки, - обратился к капитану один из его моряков, старпом, если мне не изменяет память, - заперся в оружейной и перерезал себе вены.

Видимо, капитан и его команда частенько заходили сюда на огонёк и вели дела с убитыми. Но это отнюдь не облегчало мой поиск ответов на бесконечно возникающие вопросы. Спина промокла от холодного пота, будто некий злой дух смерти всё еще витал над этим страшным местом. Меня уже потряхивало от усталости, холода и голода, однако я лишь краем сознания отмечал эти факты.

- Остальные что?

- Непонятно, тела не опознать, но один из них – сын Торстена, скелет детский.

Сиборн разразился отборной руганью и зло пнул валявшееся под ногами тело, будто обвиняя того во всём произошедшем.

- Уберите здесь всё, а мы еще задержимся, - повернувшись к старпому, сказал я.

Моряки выглядели испуганно, а уж если такие закалённые жизнью морские волки чего-то боялись, значит, дела у нас и вправду так себе. Перерыв башню сверху донизу, я всё равно не нашел ничего, что могло бы хоть косвенно указывать на причину

произошедшего. Будто и вправду в тела несчастных вселились злые духи, заставившие их поубивать друг друга, а затем и съесть тела.

- Мы проведем погребение, кир, - вызвались братья монахи, как только все останки оказались во дворе.

- Надеюсь, в этом вопросе у нас не возникнет споров? – холодно добавил Азиз.

- Только за частоколом. Не хватало еще устроить здесь пожар, - согласился я.

Братья синхронно кивнули, и отправились организовывать погребальный костер на девять персон, встретивших свою смерть в этой лесной чащобе.

- Примите мои соболезнования, сэр Валентайн, - подошел я к угрюмо стоящему над телом своего оруженосца рыцарю.

- Так было угодно Светоносному, - с заметно менее сильным акцентом, отозвался Валентайн, будто наконец смог овладеть собой, - зато теперь мы будем знать, что ожидать от этой проклятой земли, и будем готовы отразить ее посягательства на наши жизни.

- Жаль только, что такой ценой.

- Цена глупости всегда велика. Аэрн был слишком самонадеян и недостаточно умён, чтобы соблюдать осторожность. Лучшее оружие воина – не его меч или отчаянная храбрость, а то, что защищает шлем.

- Мудрые слова, - горько усмехнулся я, - надеюсь, этого оружия нам хватит для борьбы с тем злом, что еще встретится на нашем пути.

Рыцарь больше не проронил ни слова, все так же неотрывно глядя на своего погибшего оруженосца. Валентайн вызывал у меня уважение, чего не скажешь об остальных ренегатах, которых мне приходилось встречать по долгу службы. Я не слишком много за всё время нашего знакомства успел узнать об этом человеке, но своим спокойствием, рассудительностью и умом рыцарь умел блистать, даже не открывая рта. Десять лет тому назад после поражения в войне с легионами, эти рыцари, будучи пленниками, прониклись идеями и духом Антартеса – покровителя империи, и вскоре отреклись от своей старой веры. Таких людей Орден принимал с распростертыми объятьями, и целый корпус ренегатов уже многие годы служил в рядах воинов Ордена, сражаясь против своих бывших собратьев со всей отчаянностью и ненавистью, на какую обычно способны предавшие. И хотя почти все они истово верили в правильность своего поступка и новообретенного бога, благородства им это не добавляло. Единственное, что оставалось бывшим рыцарям – вера и вечный

бой с врагами Ордена. Иерархи церкви всегда умели заставить людей верить в то, что им необходимо и беспрекословно подчиняться людям в белых мантиях. Именно на этом зиждилось их бесконечное могущество. И даже сэр Валентайн, сколь умен бы он ни был и прозорлив, пройдя через жернова святой братии, стал верным воином Антартеса и слугой Ордена.

Найденными на хуторе топорами, воины быстро нарубили сухих деревьев и соорудили огромный погребальный костер, достойный королей. Через несколько минут, подпитанное земляным маслом, пламя взметнулось в звёздное небо, разгоняя кажущуюся бесконечной тьму этой ужасной ночи.

Братья-монахи, облачившись в свои белые одежды, заунывно пели молитвы, вознося то ли хвалу светоносному богу, то ли прося у того покоя для загубленных душ. Я так и не удосужился выучить этот древний и сложный церковный язык, и лишь делал вид, что смиренно внимаю словам святых текстов. Едва догорели последние угли, как природа снова взялась за старое, и кроны деревьев содрогнулись шквалистыми порывами ветра, а небеса принялись исторгать потоки воды и снега на наши головы. Моряков разоружили и заперли в подсобных помещениях донжона, но те, как ни странно, даже не выказали своего недовольства, равно как и их капитан. Видимо, шок от увиденного сломил их волю к сопротивлению, и потому никто не стал оказывать сопротивления воинам самого Антартеса. Я раздал последние указания и, убедившись, что всё устроено как нужно, бросил свой теплый плащ на кушетку в предбаннике, показавшимся мне самым уютным местом во всём убежище, приготовился как следует выспаться перед завтрашним переходом. Едва коснувшись головой импровизированной подушки из моей рубахи, я погрузился в темные в тревожные сновидения.

***

Вокруг сплошная тьма. Настолько густая, что ничего не видно уже на расстоянии вытянутой руки. И холод, пробирающий до костей. Я сплю, или это происходит на самом деле? Последнее время границы так размыты. Все чувства будто реальны, но в то же время смазаны пеленою сна.

Изо рта вырывается скомканное судорожное дыхание и облаками пара уходит куда-то в темноту надо мной. Здесь будто нет ничего, а я лишь парю в пустоте в самом сердце бездны. Но вот эта бездна оживает и, двигаясь неспешно и лениво, постепенно обретает форму. Я нахожусь там же, где и уснул, на проклятом хуторе, вот только вокруг ни души, не горит ни один факел, и стража не несет караул у костра. Здесь только страх,

холод и тьма.

- И снова наши пути встретились, - раздался откуда-то позади меня тихий, но такой знакомый голос.

Это был он. Всё такой же непомерно высокий и тощий, будто огородное пугало, почти человек, но нечто более страшное. Лицо узкое и хищное, орлиный нос будто клюв, высматривающий добычу. Сейчас, во сне, лишь глаза выдавали нереальность происходящего: глубоко посаженные и вечно лукавые, они будто горели изнутри каким-то серебряным запредельным светом. Тонкие длинные волосы его развивались на невидимом ветру, как и полы длинного безобразного плаща.

- Что тебе нужно от меня, чудовище? - стараясь прогнать дрожь в голосе, ответил я.

- Хочу показать кое-что.

- Это ты свёл с ума этих людей?

- Они и так были безумны. Оставалось лишь немного подтолкнуть.

- Что ты сделал?

- Ну-ну, это же так неинтересно, получить все ответы здесь и сейчас, - хохотнул Пугало, - все секреты будут рассказаны зрителю лишь после представления, когда он убедится в том, что фокусник – великий маг и чародей и в страхе падёт на колени перед его волшбой.

- Твои видения нисколько не трогают меня. Как и твои речи. Ты пришел снова мучить меня?

- Я никогда не ставил перед собой такой цели, мой мальчик, у меня пока еще нет собственной воли. Вопрос лишь в том, смогу ли я когда-нибудь убедить в этом тебя? Твоя ненависть ко мне, однако же, еще сослужит добрую службу, помни об этом.

- Убирайся прочь, если тебе больше нечего сказать.

- Как грубо, но это неважно, тем более что мне скоро понадобится твоя помощь, и мы встретимся в городе у скалы, хочешь ты того или нет…

- Могу лишь помочь тебе отправиться в демоново пекло.

Пугало лишь покачал головой и, развернувшись, быстро шагнул во тьму, напоследок всё-таки оглянувшись и пригрозив мне длинным, как лапка паука, пальцем.

- Ты всё еще мыслишь слишком узко, друг мой. Однажды ты скажешь слова благодарности за всё, что я для тебя сделал, и отбросишь в сторону всю эту… неприязнь.

С этими словами его силуэт окончательно растворился во тьме, и я остался один. Меня уже трясло от холода, и я едва ли мог трезво воспринимать происходящее. Темнота снова начала смыкаться вокруг меня, скрывая очертания внутреннего двора и

нежно обволакивая всё, за что еще мог уцепиться взгляд. Бездна вернулась и поглотила меня.

***

Я проснулся на полу, холод, исходящий от твердой земли в предбаннике, пробирал до костей, а я, по всей видимости, пролежал так не один час, и всё тело ломило и жгло. Выглянув за дверь, я убедился в том, что рассвет ждать еще нескоро, и вновь завернулся в теплый плащ, пытаясь согреться. Но сон так больше и не пришел ко мне, заставив погрузиться в пучину тяжких размышлений.

Стоило ожидать, что он снова перейдет мне дорогу, подобно злому духу из самой преисподней. Во мне уже не осталось ярости, кипевшей в истерзанной душе годы назад, только холодная решимость. И в этот раз ему не уйти.

Собрав все свои нехитрые пожитки, почистив оружие и доспехи, я хотел было умыться в бане, дабы прогнать остатки сна, но вовремя передумал. Завтрак – два сухаря, немного мяса пойманного накануне кролика и глоток вина, не очень-то питательно, но хоть что-то. Стража к этому времени успела дважды смениться, и во двор я вышел с первыми лучами рассвета, забрезжившими над угрюмыми вершинами мохнатых елей. Отряд пробуждался ото сна и готовился к походу, собирая всё ценное, что только можно было унести. В основном, конечно, золото, упакованное в несколько маленьких плотных мешочков в сумме весом около пятидесяти фунтов, из которого вышло бы более четырех тысяч золотых солидов при правильной выплавке.

Через полчаса после рассвета отряд покинул лесное убежище золотоискателей и отправился вдоль берега к тому месту, где находилась паромная переправа с небольшим поселением охотников, рыболовов и вновь прибывших искателей золота. На другой стороне – добротный имперский тракт, ведущий к Старому Броду и заставе. Выйти к парому я планировал к вечеру, подгоняя людей и останавливаясь только на короткие привалы около попадающихся на пути ручьев, поскольку кислое вино уже драло глотки и вызывало опьянение в отвыкших от нормальной пищи головах. Но, в конце концов, молитвы наши были услышаны.

- Здесь нам придется расстаться, командор, - на прощание пожимая мою руку, пробасил Сиборн, - сейчас наберем с ребятами припасов, да пойдем выковыривать нашу посудину с отмели.

- Удачи, капитан, в вашем деле, - почти искренне ответил я, - но лучше больше не заводите таких знакомых, за которых потом приходится в страхе бледнеть. Я бы разделил с вами добычу, но…

сами понимаете. Считайте, что эти деньги пойдут на благородное дело Ордена в борьбе за наши с вами души.

Все время с тех пор, когда мы обнаружили золото, я мысленно был готов отразить нападение моряков и их капитана, решивших, что добро их «приятелей» не должно так просто перетечь в загребущие руки Ордена, и потому вернул им оружие лишь в самом конце нашего пути. Наверняка старый пройдоха, после того, как вернет свой корабль, как можно скорее направит паруса подальше отсюда. Орден, несомненно, найдет, в чем обвинить капитана и даже выберет подходящий способ казни, чтобы другим было неповадно. Но к тому времени его уже и след простынет.

- Кому действительно понадобится удача, так это всем вам, кто остается на этой проклятой земле. Но коль в ваших душах сильна вера в этого вашего Антартеса, быть может, он и услышит ваши молитвы.

Так нас осталось всего пятеро. Через пару часов мы окажемся в имперском форте на другой стороне Полыни, и, если кто-то с остальных кораблей еще не успел добраться до него, организуем поисковую экспедицию. Перекусив в местной таверне, больше напоминающей хлев, почти пустой и грязный, но всё-таки упоительно теплый и сухой. Ноги мои пели от счастья после двух дней хождения по болоту по щиколотку в воде и грязи. Я изо всех сил надеялся на то, что спаслись все, но моим надеждам, как оказалось позже, не суждено было осуществиться.

Глава 2

Застава представляла собой два больших форта, перекрывающих тракт своими массивными телами. Здесь, в холмах, за которыми начиналась сплошная чаща, некогда располагалась основная база имперских войск, надёжно перекрывшая дорогу на север. Сложенные из огромных, идеально подогнанных друг к другу глыб, защитные сооружения, по замыслу создателей, должны были вызывать уважение и трепет у путников, идущих этим путем. Но теперь, после войны с империей Ахвилла, после того как легионы врага прошлись по всем окраинным фемам, от былого величия форта остались только опалённые огнем нижние блоки, поверх которых за прошедшие годы успели построить только деревянные укрепления, смотревшиеся донельзя нелепо, примерно так, как смотрится дорисованная детской рукой за великим мастером картина. Сейчас здесь располагалась лишь одна банда, в то время как основное своё войско стратег сосредоточил в столице фемы – Морхейме и его окрестностях. Но даже этих сил вполне могло бы хватить для удержания прохода от десятикратно превосходящих сил противника.

Патрульный отряд встретил нас, едва лишь мы успели пройти по тракту несколько сот ярдов. Дюжина хорошо вооруженных конных воинов, направлявшихся к Серебрянке, едва завидев блеск рыцарских лат, изготовилась к бою, предупреждающе выставив копья. Будь мы и вправду врагами, смерть настигла бы каждого из нас не позднее нескольких минут после подобной встречи. Укрыться от длинных и острых как иглы копий на плоском как стол пространстве тракта и его окрестностей попросту не представлялось возможным. Но, увидев символику Ордена на доспехах, патрульные немного успокоились и, после коротких переговоров, вызвались сопровождать нас до заставы.

Быстро умывшись с дороги, я практически влетел в кабинет Августина, который, как оказалось, он занимал последние сутки.

- Рад видеть тебя в добром здравии, сын мой, - приветствовал меня Преподобный Августин, сидя за массивным столом в выделенном ему кабинете.

- А я – видеть вас, святой отец, - с улыбкой отозвался я.

Старый инквизитор не мог не вызывать у меня приятных чувств, да и вообще у кого бы то ни было, кто видел его впервые, поскольку представлялся человеком весьма дружелюбным и открытым. Короткая, уже седая, борода, большие серые глаза с добрыми морщинами вокруг и вечно улыбчивый рот. Однако горе

тому, кто принимал эту доброту за слабохарактерность, поскольку империя еще не видела более яростного инквизитора, чем Августин прозванный Цикутой. Холодность, расчетливость и безжалостность в нем удивительно гармонично уживались с добротой и отзывчивостью, что меня иногда даже пугало. Но, в общем и целом, это был человек, которому я безгранично доверял и которого уважал, и потому сейчас искренне рад видеть. К тому же, старый инквизитор когда-то был моим наставником в Ордене, поэтому общение наше обходило строгий регламент воинского формирования. Говорили, что когда осужденный еретик или противник Ордена встречал Августина, странный холод зарождался у него в ногах, медленно но неотвратимо поднимаясь всё выше, к самому сердцу, сжимая его в тисках, из которых невозможно освободиться. Точно так, как действует цикута, попадая в желудок. Некоторые очевидцы даже заявляли будто своими глазами видели, как осужденные умирали от страха, когда рядом оказывался Августин, и многие даже верили в этот миф, активно насаждаемый самим инквизитором. Мне же никогда не доводилось испытывать того трепета, который внушал своим подчиненным Августин, и уж тем более того, который испытывали его враги. Для меня он всегда был почти отцом, пусть временами суровым, но неизменно справедливым и добрым.

После реформации, разделившей некогда единую некогда структуру Ордена на церковную и инквизиторскую палаты, Августин почти смог возглавить одну из вертикалей власти, однако недоброжелатели, испугавшись тирании, которую он мог учинить, добравшись до кресла Великого инквизитора, совместными усилиями протолкнули своего кандидата, на долгие годы отрезав честолюбивого Августина от дел касающихся управления Орденом. Пожалуй, именно это стало причиной, по которой его отправили вместе со специальным отрядом сюда, в Ауреваль. Никому не хотелось иметь у себя под боком такого сильного соперника.

- Мне уже доложили, что почти все, кто плыл с тобой на корабле, живы и в добром здравии. Однако далеко не всем так повезло.

- Сколько людей у нас осталось?

- Шесть десятков, - сокрушенно покачал головой Августин, - твой отряд – последний из тех, что нам удалось найти. Остальные либо сгинули во время бури, либо пропали без вести. Поисковые разъезды рыскали по всему побережью на два дня пути отсюда, но нашли только тела и останки кораблей. Не расскажешь, как тебе удалось разминуться с ними?

- Вот об этом я и хотел поговорить в первую очередь. История очень странная и даже пугающая, - неуверенно начал я, чувствуя сомнение в своих мыслях, - и в первую очередь она касается той миссии, которую на нас возложил император.

Последующий час я потратил на пересказ всего произошедшего в лесном убежище контрабандистов, не став скрывать факт сотрудничества Сиборна с обитавшими там черными золотоискателями. Ловить капитана сейчас всё равно бы никто не стал, и никакой симпатии к нему я не испытывал, а достоверная информация в данный момент могла спасти больше жизней, чем маленькая ложь во спасение одного. Не стал лишь рассказывать о своём сновидении, поскольку сны святыми братьями считались происками демонов, пытающимися затуманить разум человека бредовыми образами. Естественно, то был не просто сон, но посвящать в свои переживания Преподобного, как и любого другого, я не желал, поскольку сам до конца никогда и не был уверен в реальности существа, прозванного мной Пугалом.

- Иной человек мог бы, пожалуй, увидеть здесь происки нечистых сил, - немного помолчав, заключил Августин, - но мы с тобой, в отличие от остального божьего стада, должны быть куда прозорливее. Много чаще такие силы обитают в сердцах и умах людей, и действуют их руками.

- Вы знаете какой-нибудь яд, способный сотворить с человеком такое?

- Нет, но, думаю, он вполне может существовать. Вопрос здесь в другом: кому это могло понадобиться?

- Тому, кто хочет, чтобы всё выглядело, как происки злых сил? Глава фемы, достопочтимый Корнелий, в своих письмах упоминал нечто подобное, расцениваемое им как «непреодолимая сила». К сожалению, с подробностями мне так и не удалось познакомиться поближе.

Августин согласно кивнул и встал из-за стола, стараясь не опираться на стол при этом. Инквизитор изо всех сил боролся со старостью, пытаясь всегда быть примером добропорядочного верующего, и никогда не выказывал слабости. Со временем это переросло в настоящую манию, порой переходившую рамки разумного, однако упрямый Августин не желал сдаваться.

- Думаю, случай с этим лесным фортом – не единичный, - наконец заключил Августин, - помимо этой проблемы у меня здесь лежит доклад о событиях в Каррасе, городке к северо-западу отсюда. Ознакомься, как будет время, и поделись своими соображениями.

Выдвинув одно из отделений стола, Августин достал пухлую

стопку листов из тростниковой бумаги.

- Здесь донесения от разведчиков, солдат, очевидцев, администрации и прочея-прочея. Сколько здесь выдумки, а сколько правды – ведает лишь Антартес, но я бы не стал доверять и десятой части написанного. Там, - Преподобный ткнул пальцем в оставшийся открытым ящик стола, - еще десяток подобных случаев, только поменьше масштабом.

- Насколько большие у нас проблемы? – недоуменно переворачивая первую страницу, спросил я.

- Сложно сказать, Марк, но, по всей видимости, очень большие. Мой брат всегда был человеком благоразумным, но сейчас с ним творится нечто странное. Он одержим поиском заговоров и везде, где не может найти внятную причину происходящего, видит происки нечеловеческих сил. Боюсь, достойной поддержки мы пока что от него получить не в состоянии.

Последующие часы я посвятил изучению документов, подсунутых Августином. Половина отряда всё еще занималась поисками погибших, и сейчас на заставе пребывало всего около двух десятков человек, включая тех, кто прибыл со мной. Всего в этой буре потерялись четыре корабля, три из которых, судя по выброшенным на берег телам и обломкам, отправились прямо ко дну, налетев на скалы восточной части побережья. Возможно, четвертый кнорр не смог справиться с бурей и отправился на дно. Или же благополучно вернулся в порт Клемноса, едва началась буря. Проверить ни тот ни другой вариант событий на данный момент не представлялось возможным.

В любом случае, что бы ни случилось с кораблем и его командой, нынешние потери изрядно подорвали боевой дух отряда, разом уменьшившегося более чем на треть. Сейчас разведчики занимались поиском и транспортировкой тел погибших до заставы, где завтра-послезавтра должно будет состояться церемониальное погребение. Среди погибших не было, однако же, ни одного человека, которого я мог знать хоть немного лучше, чем любого из случайных жителей империи, и потому печаль моя была обезличена и не так остро терзала сердце. Преподобный же, казалось, и вовсе не испытывает никакого сожаления. Для него все погибшие были воинами Господа, единственной целью в жизни которых была смерть во благо Его, и нечего было печалиться об их участи, если Антартес пожелал забрать кого-то к себе раньше срока.

Удобно устроившись в выделенной для меня комнате, предназначенной для офицерского состава, я углубился в чтение. Бумага оказалось весьма скверного качества, да и свет от

масляной лампы больше нагонял тени, чем освещал, но это было и неважно. Смысл покрытых грубоватой, но достаточно четкой вязью строк дошел бы до меня и в непроглядной тьме. Каррас, если верить донесениям, в один прекрасный день покрылся завесой тумана, и участь жителей его для остального мира оставалась неизвестной, поскольку никто ничего не видел и не слышал, и немногие спасшиеся не добавили истины в общую картину. Очевидцы рассказывали о видениях ада, что на закате предстают перед взором путников в этих местах, одни рассказывают о чудовищных тварях, выходящих из завесы, другие – о призраках погибших в городе людей. Из всей этой мешанины слухов и всего лишь из двух официальных докладов вырисовывалась простая, но в то же время пугающая картина: туман, больше похожий на дым от пожара, какого бы происхождения он ни был, ночью накрыл город и его окрестности и погубил почти всех находящихся в нем людей. На этом достоверная информация исчерпывала себя, в остальном предстояло разбираться. Тем более, что Каррас лежит на пути к Морхейму – контрольной точке нашего путешествия, средоточию власти стратега и столицы Ауреваля.

Почти на закате, когда я заканчивал чтение, со двора послышались голоса прибывшей кавалькады всадников и я, отложив оставшиеся листы, поспешил на свежий воздух, надеясь услышать хоть какие-нибудь известия, хорошими они будут или плохими.

- Я уже раз десять вытаскивал из прибрежной жижи алые доспехи, и каждый раз надеялся, что это будешь не ты, командор – донесся до меня знакомый голос, стоило мне выйти на покрытый брусчаткой плац.

Ко мне, рысью двинув коня, устремился один из прибывших разведчиков, в котором безошибочно угадывался имперский инженер, а по совместительству и мой давний друг и соратник – Альвин. Гладко выбритые щеки его, как обычно отливали нездоровой синевой, а запавшие темно-карие глаза казались двумя кляксами на бумажном лице. Я уже и не мог вспомнить, когда видел его в более приличном состоянии, поскольку Альвин, казалось, никогда не спал, а если и спал, то только после хорошей выпивки, что также не добавляло положительных черт его внешнему виду.

- Мои алые доспехи я решил оставить дома, - усмехнулся я, - возможно, именно поэтому тебе не пришлось их ниоткуда вытаскивать.

Командором я значился только номинально, по поводу чего Альвин никогда не переставал меня подкалывать, поскольку из

всего Кабинета к текущему моменту в живых остались только три человека, двое из которых – глубокий старик и толстый монах, безвылазно сидящие в Стаферосе, занимавшиеся теперь непонятно чем.

Альвин же, в отличие от меня, занимал должность весьма почетную и куда более значимую, хотя и меньшую по рангу, согласно уже полсотни лет не перерабатываемому Уставу Ордена. Инженеры, можно сказать, работали с материей самой вселенной, и потому многими презирались и вызывали ненависть, поскольку как минимум были непостижимы для обычных человеческих умов. В народе их называли колдунами или магами, но всё-таки их дело было далеко от чудес, приписываемых народным творчеством. Инженеры были неразрывно связаны с наукой, что было четкой прерогативой высшего эшелона Ордена. В то время как низы были слепы и глухи в своей вере, иерархи в свою очередь должны были знать об этом мире всё, и желательно одну только истину, постижимую всеми доступными людям способами. Только так на протяжении столетий Орден и смог пережить все бесчисленные беды, рушившие империю: голова думает, а тело – беспрекословно подчиняется. Рука не задумывается, нужно ли ей взять в руки меч и каково ее назначение в этом мире, за нее всё решает голова, поскольку именно она знает, что и как лучше сделать.

- У меня отличные новости: нашлось четвертое судно со всем экипажем, - слезая с коня, провозгласил Альвин, - каким-то чудом им удалось проскочить скалы и пристать к берегу, за что их капитану – честь и хвала.

- Я думал, скалы непроходимы, да еще и в такую бурю.

- Это как посмотреть, - отдавая повод конюху, Альвин даже не заметил, что хлестнул того ими по лицу.

- Каким бы ни был искусным капитан моряком, пройти в подобный шторм прибрежные скалы и не разбиться – иначе как божьим чудом и не назовешь.

- Божье чудо, друг мой – это то, что тебе удалось спасти весь груз вина. Всё остальное – мастерство и банальное везение.

- Когда это ты успел прознать о вине? – пытаясь припомнить, как велел распорядиться с золотом и вином Преподобный, удивился я.

Но, судя по запаху, Альвин, похоже, даже успел приложиться к тем припасам, что мы так бережно сохранили специально для моего друга, и которые тащили больше сорока миль по раскисшему и грязному берегу.

- У нас, знаешь ли, свои тайны, - как всегда отшутился Альвин, - и простым смертным в них лучше не лезть.

- Спросил у коменданта?

- Может, и спросил, а может, и нет. Нужно старика проведать да готовиться в путь-дорогу.

- Думаешь, не будем ждать погребения?

- Все тела, что патрули нашли, ещё как минимум несколько дней сюда добираться будут, пока телеги по этому безобразию пройдут туда да обратно. Я думаю, здесь пару человек для церемонии Преподобный оставит, ну а мы как можно быстрее в Морхейм двинем.

- Но вначале – в Каррас, - напоследок как бы невзначай бросил я.

- Какой еще Каррас?

- Вот об этом пусть тебе старик и расскажет.

Альвин только рассмеялся в ответ и, развернувшись, направился к казармам, где заседал Августин, напоследок крикнув мне, чтобы я не ложился спать и был готов к серьезному разговору, под которым обычно подразумевал обычную пьянку. Я же решил провести оставшееся время с пользой: именно так, как просил не делать Альвин. Завтра предстояли долгие сборы в дорогу, полную неизвестностей, а последняя безопасная остановка на нашем пути – именно этот форт, имперская застава на самой границе диких земель, за которой только бескрайние леса, поля и реки, а еще дальше – горы, на самом горизонте, путь до которых – сотни поприщ. А за ними – лишь граница мироздания. Так далеко мы забрались. С каждой минутой во мне крепла мысль о том, что именно туда в конце-концов приведет меня дорога. И значит, перед всем этим путешествием нужно как следует отдохнуть.

И, будто стены этого древнего оплота дарили свою защиту не только от врагов, но и от дурных снов, в этот раз я заснул совершенно спокойно, и видел лишь то, чем полнился прошедший день, наутро проснувшись совершенно выспавшимся и бодрым. Вновь я застал ту самую раннюю минуту утра, когда люди обычно вот-вот готовы проснуться, но всё еще пребывают во власти сладостных сновидений. Удивительно, что за минувшую ночь Альвин так меня и не побеспокоил, видимо, нашел дела поважнее.

Пристрастие к выпивке губило его и как человека и как профессионала своего дела. Пройдя три войны и потеряв почти всех друзей и товарищей, он оказался накрепко вовлечен в своё простое но пагубное увлечение. Всем нам, кто пережил падение Шестой Империи, пришлось потерять слишком много, и потому каждый спасался от ужасов войны по-своему. Иногда мне казалось, будто та, последняя война всё-таки забрала его, оставив

лишь сосуд, который каждый день требовалось заполнять вином до самого края. Именно поэтому я уговорил Августина взять Альвина сюда, на самый край мира в надежде на возможное исцеление.

Когда окончательно рассвело, я вновь зашел на огонёк к старому инквизитору, выведать его план действий, прежде всего собрания командиров отряда. Никогда не любил подобных сборищ, к тому же, на них просто невозможно задавать вопросы, не предназначенные для сторонних ушей, а в моём поле действия таких вопросов была целая куча. К тому же, неуставные отношения учителя и ученика позволяли временами узнать больше, чем следовало.

Августин, как и всегда, не спал, вместо этого зарывшись в кипы документов и тихо скрипя пером. Привычку работать по ночам он выработал с годами, когда потребность во сне стала снижаться, но силы, вопреки всему, так и не покидали старика. Но на этот раз инквизитор был не один. Справа от его стола, на резной лавочке, сидела незнакомая мне девушка, осанке которой позавидовала бы любая корабельная мачта имперского флота, до того прямо и невозмутимо она держалась на своём месте. Волосы ее, собранные в незамысловатую причёску, в полумраке, казалось, были не то каштановыми, не то тёмными до черноты, до того разнился их оттенок. На благовидном лице удивительно сочетались и благородные и простые черты: полные чувственные губы с игривыми складками в уголках рта, немного крупный, чуть вздернутый нос, полуприкрытые отдающие зеленью глаза, и густые брови.

По обе стороны двери теперь возвышались верзилы в доспехах, по всей видимости, представляющие собой охрану этой дамы, поскольку Августин в жизни не доверял свою жизнь никому, кроме самого себя.

Тут Августин, будто опомнился, и, поднявшись со своего места, двинулся в мою сторону, бросив взгляд на девушку, также поднявшуюся со своей скамейки и приблизившуюся ко мне со скромной улыбкой на лице.

- О, позволь представить тебе младшую дочь стратега Ауреваля и мою двоюродную племянницу – Мелиссу Дука, - каким-то странным тоном обратился ко мне Августин.

- А этот благородный человек, дорогая моя, как я тебе и рассказывал, Маркус Клавдий Кемман – командор Терасариев и мой ученик.

Мы обменялись положенными этикетом приветствиями, и я теперь никак не мог заставить себя отвести свой взгляд, выходивший уже по своей пристальности за рамки приличия.

- Дядюшка много рассказывал о вас, - мелодичным, немного грудным голосом, Мелисса будто пропела эту фразу, так же не отводя взгляда с моего лица.

«Неужели Августин занялся сватовством?» - неожиданно мелькнуло у меня в голове. Но необычайно странно было после стольких лет даже думать об этом. Какое-то забытое чувство возникло у меня в груди, будто щелкнул замок, и крышка сундука с чем-то запретным и давно похороненным, вновь оказалась открыта. Впрочем, я тут же опомнился, и постарался запихать это чувство как можно дальше, снова запечатывая его в забвении, где ему и место.

- Интересно, что же такого о моей скромной персоне рассказал вам мой учитель? – стараясь ничем не выдавать своё волнение, осведомился я.

- У вас печальная судьба, но сердце очень храброе, - внезапно посерьёзневшее лицо Мелиссы озарила грустная улыбка, - говорят, если человек переживает множество бед и они не ломают его, Антартес после смерти делает такого человека своим вечным стражем.

- Боюсь, эта милость и сломает мой многострадальный хребет, - я попытался было отшутиться, но Мелисса продолжала смотреть на меня всё так же печально и серьезно.

- Скоро собрание командиров, Марк, но твоего присутствия я не требую. Всё обсудим по пути в Каррас. Быть может, ты составишь моей племяннице компанию на это утро? Боюсь, больше здесь она никого не знает, а я в ближайшие часы буду чрезвычайно занят…

Теперь мои сомнения развеялись окончательно. Старик всё-таки решил свести меня с Мелиссой. Августин и прежде вынашивал подобные планы, указывая мне то на одну, то на другую благородную даму, но, помня мое горе, так никогда и не решался устроить всё в открытую. До этого момента. Инквизитор отчего-то всегда думал, будто помочь мне пережить утрату можно лишь как можно скорее подобрав новую семью, я же лишь вежливо кивал и улыбался, надеясь, что очередная его избранница вскоре утратит ко мне интерес.

- Конечно, с удовольствием, - вежливо отозвался я, согласно кланяясь одной головой.

И действительно, в этих моих словах сейчас было слишком много правды, чтобы утверждать обратное, как мне хотелось сначала. Я предложил гостье свою руку, и та охотно приняла моё предложение. И первым делом мы отправились на завтрак.

Не смотря на то, что форт представлял собой сооружение чисто стратегическое, и за стенами его располагались воинские

части, комендант, как и любое другое должностное лицо в империи, никогда не жил в солдатской строгости, предпочитая светский уют военной казарме. Поэтому одно из сооружений в форте было полностью в ведомости этого грузного уже немолодого человека по имени Лоций, представляющего собой помесь боевого волкодава и облысевшего тура, однако с невероятно добродушным характером. Здесь, в своих покоях он принимал важных гостей, останавливающихся на заставе, и для них всегда имелись гостевые комнаты, а также слуги-рабы, готовые выполнить любую их прихоть. Поэтому за завтраком мы с Мелиссой оказались не одни, а в компании коменданта, непрерывно выспрашивающего у меня новости с «Большой Земли», как он именовал центральные провинции империи.

- Говорят, назревает новая война с хартидами, а у нас тут демон-разбери что творится! Уж думал, лучше снова в строй, и, плечом к плечу, в атаку, чем вот так прозябать в полуразрушенном гарнизоне. Но раз сам Преподобный Цикута здесь – сердце моё спокойно - несколько заискивающе лепетал Лоций, изысканными движениями разрезая пласты мяса, завернутого в бекон, и отправляя их в свой рот, больше напоминающий пещеру циклопа.

- Что же это тут такое творится, раз война двух империй по сравнению с этим для вас – антартесова благодать? – стараясь поддержать разговор, ответил я.

- Разное творится, да слишком запутанно всё. Люди пропадают, с ума сходят, чудища разные нападают на честных рудокопов. А слухами, как известно, земля полнится, да с каждым днем всё больше и больше. А вы, кир, если не секрет, по каким вопросам специалист у Преподобного Августина?

- По вопросам слухов как раз и специалист, - усмехнулся я, но, заметив недоумение в глазах коменданта, одернул себя, - занимаюсь вопросами истинности происхождения тех или иных мистических событий, если угодно.

- Как же это? – удивилась теперь и Мелисса, до сей поры чинно ковырявшая приборами в своей тарелке.

- Изначально Кабинет Терасариев, руководство которым я ныне осуществляю, занимался поиском, поимкой, каталогизацией и уничтожением всех тварей, выведенных богами, после сотворения мира Творцом. Так якобы первым своим слугам завещал Антартес, дабы очистить мир от самоуправства тех, кто был до него. Но затем, спустя столетия, когда никого из созданных существ не осталось даже у самого края мира, Кабинет перешел на нынешний курс. Сейчас я занимаюсь изучением реликтовыми созданий и первичной магией.

- Но в основном колдунами? – догадалась Мелисса, вытирая рот краешком парчовой салфетки.

- Да, хотя их тоже уже давным-давно не осталось. Лично поймал последнего, а ваш дядя, дорогая кира, лично отправил его на костер. Но здесь я затем, что в Ауревале предполагается присутствие мятежного инженера, которого необходимо вычислить и ликвидировать. А уж такая охота – именно то, чем занимались первые Терасарии, то есть охотники. Вначале охотились за нечистью, затем – за людьми. Теперь – за призраками тех и других.

- Но позвольте, - запротестовал Лоций, - я думал, охота на колдунов – задача инквизиции Ордена, а не какого-то отдельного Кабинета.

- Инквизиция охотится за людьми, уважаемый Лоций, - спокойно ответил я, - но мало кто знает: настоящие чародеи ими никогда и не были. Инженеры имеют лишь жалкое подобие тех сил, и то лишь благодаря человеческой науке. В большинстве своём инквизиторы отлавливают еретиков и обвиняют их в занятии черной магией лишь для более быстрой расправы над неугодными. Но это я вам говорю строго по секрету.

- Так вы считаете, будто вся чертовщина, что здесь творится – дело рук какого-то беглого инженера?

- Именно.

- Тогда поймайте негодяя и вздерните на ближайшем суку! Это даже звучит как тост… - улыбнувшись своим словам, комендант воздел над столом бокал с вином, и мне не оставалось ничего другого, кроме как поддержать его в этом начинании.

Когда, наконец, Лоций набил живот, выболтал всё, что накопилось на душе, и вытянул из меня последние крупицы информации о жизни за пределами Ауреваля, в голову его пришла идея оставить нас наедине. И Мелисса, улыбаясь одним лишь уголком рта вслед уходящей громаде фигуры коменданта, теперь обратила свой взор в мою сторону.

- Дядя говорил, вы человек закрытый и малообщительный, - снова едва заметно улыбнувшись, обратилась ко мне Мелисса, - но он также говорил, будто я способна разговорить и мертвого.

- Возможно, именно для этого он и решил нас познакомить, кира - попытался отшутиться я, чувствуя себя крайне неловко.

- Зови меня просто Мел: я не настолько знатная особа, чтобы грузить себя всем этим церемониалом. Да и здесь, в самом удаленном уголке империи, имеет ли это вообще какое-нибудь значение?

- Мелисса мне нравится куда больше. Произнося его, я будто чувствую запах этого чудесного растения и даже припоминаю

вкус чая, завариваемого моей матерью.

- Никогда не любила своё имя, - игриво фыркнула Мелисса, - отец, по всей видимости, посчитал крайне оригинальной идею назвать своих дочерей в честь растений из собственного сада. Поэтому у меня еще есть две сестры – Валериана и Лилия.

- А братья, надо полагать, Чертополох и Шалфей?

- Братьям повезло гораздо больше, потому как имена им давала моя мать. Но кто знает, остановится ли на достигнутом мой отец-садовод, и сколько еще будет ходить по свету всяких Вербен, Эхинацей, Астр и Розалий.

- Как скоро вы доберетесь до Морхейма? Дядя говорил, у вас какие-то неотложные дела, - после неловкой паузы, снова заговорила Мелисса.

- Не думаю, что это займет много времени. Быть может, неделя или две.

Окончательно сконфузившись, я уставился в собственную тарелку, на которой покоились разорванные в клочья остатки яичницы с беконом. Последняя женщина, с которой мне довелось вот так болтать за обедом, была моя жена. И было это больше десяти лет назад. С тех пор, казалось, я вовсе разучился поддерживать светскую беседу, замкнувшись на делах сугубо практичных. Многих это отталкивало, но Мелисса, будто проникнувшись моей проблемой, продолжала поддерживать разговор легко и непринужденно, почти не требуя от меня ответных действий.

Из нашей довольно продолжительной беседы наедине я узнал, что Мелисса – вторая, младшая дочь стратега Корнелия Дука, большую часть своей жизни прожила здесь, в Морхейме, и три года – в столице, получая образование в Школе Милосердия. По возвращении на малую родину Мелисса решила заняться местным фольклором и культурологией, а также созданием собственных произведений на основе местных мифов и легенд, как в прозе, так и в стихах. Я даже забыл о предстоящих сборах, до того легко мне было и приятно с ней общаться. Но время не могло предоставить нам еще хоть минуту, и я проводил Мелиссу к Августину, с тем, чтобы приступить к своим прямым обязанностям.

- Я еще некоторое время побуду здесь, на заставе, - тихим голосом, глядя мне в глаза, прошептала Мелисса, едва мы подошли к покоям Августина, - мне нужно закончить кое-какие дела. Через две недели я буду в Морхейме и надеюсь, ты не откажешься принять приглашение от моего отца?

- Как я могу отказать самому стратегу? А в особенности его прекрасной дочери, - шутливо ответил я.

Просто удивительно, как быстро мы перешли от придворного официоза на такое простое общение. А впрочем, для чего здесь, на самом краю мира, ограничивать себя глупыми формальными конструкциями? Впервые за долгие годы в моей душе хоть на мгновение вспыхнула искра забытых уже чувств. Однако страх потери так никуда и не делся. Не следует давать ход чувствам, пока тень Пугала нависает надо мной, и потому остается лишь два пути: забыть Мелиссу и никогда больше не видеть ее, с вежливой улыбкой на устах заверив в скорой встрече, или же как можно быстрее разобраться со своей миссией и тем, кто приходит во снах. В том, что за всем этим может стоять незримая сущность моего врага, я почти не сомневался. Осталось только придумать, как совершить невозможное. Убить его. Но больше всего мне хотелось вернуться в те времена, воспоминания о которых оказались потревожены неосторожными словами Мелиссы. Забыть о боли, забыть обо всем и раствориться в сладкой реке безвременья вместе с тем, кто раньше срока покинул этот мир.

***

На сей раз мир вокруг оказался не таким мрачным. Я стоял на вершине высокой горы, и подо мною расстилалась лазурная гладь Мраморного моря. На берегу, раскинувшись широко и привольно, подставив солнцу многочисленные свои черепичные крыши, расположился главный портовый город империи – Текрон. Гавань его, казалось, до предела забита разномастными судами и лодками, снующими туда-сюда, с такого расстояния казавшиеся игрушечными. Даже здесь слышались резкие голоса чаек и шум огромного города, перебивающие плеск огромного моря, расстилавшегося до самого горизонта.

Я медленно брел по горной дороге, овеваемый приятным летним бризом, пока, наконец, не добрался до дорожной развилки почти у самого подножия горы. Одна дорога вела к Текрону, а другая – куда-то в горы, туда, где за перевалами ощетинилась крепостями империя Ахвилла. Здесь, на перекрёстке возвышался величественный каменный монумент, не виденный мной прежде. Едва я приблизился к белой его громаде, как ветер переменился и вмиг сделался холодным и въедливым.

«Памяти защитникам Текрона, сложившим голову, защищая родную землю» - гласила большая витиеватая надпись, выбитая в мраморе и окрашенная черным. Ниже шло еще несколько строк: «Седьмой Огненосный» и «Первый Пурпурный легион» с изображениями боевых стягов каждого из них. Еще ниже – дата: 27 дня месяца Аттрикия 46 года Ш.И.

Теперь только я понял, что сплю. И странное это чувство полностью охватило мой рассудок, подобное панике утопающего,

разрастаясь с каждым мгновением. Ветер отчего-то стал еще немилосерднее, хлестая теперь ближайшие деревья ледяными плетьми с вкраплениями мелкого и колючего снега. С той стороны, где находился город, шел густой дым, постепенно застилающий небо и скрывая весь солнечный свет. Изо всех сил я пытался проснуться, но сон вокруг стал уже столь похож на реальность, что на какое-то мгновение я даже задумался, не в самом ли деле это происходит. Но только во сне возможны подобные контрасты: вот я вижу прекрасный город в ясный погожий день, и вот над ним уже поднимается дым пожаров. Ведь не быстротечность ли декораций – самый явный признак сновидения?

- Но ведь так всё и было. Мир и покой сменяется хаосом, – раздался за спиной знакомый до жути голос, - сон сменяется явью. Всё переплетается в едином потоке бытия.

В этот момент мне не хотелось оборачиваться, но я всё же пересилил себя и встретился взглядом с серебряными глазами Пугала. Ворон с пуговичными глазами, восседающий на тощем и костлявом плече, сердито каркнул и расправил крылья, будто пытаясь напугать меня. Его черные перья топорщились в бессильной ярости, но, казалось, птица навсегда оказалась прикована к своему хозяину и не может покинуть его без разрешения.

- В одно мгновение прекрасный вид заходящего солнца превратился в пропахшие гарью сумерки, и море окрасилось кровью.

- Зачем всё это? – обвёл я рукой окружающую меня нереальность.

- Чтобы ты всегда помнил.

- Но для чего?

- Чтобы исполнить свое предназначение, ты не должен засыпать. Сон разума означает смерть. Кошмары и боль возвращают остроту мысли. Они наполняют тебя стремлением к цели.

- Хватит путать меня загадками, чудовище! – разозлился я, пытаясь нащупать отсутствующую рукоять меча, - к чему это видение, зачем ты показываешь мне этот день?

- Это лишь первая частичка пазла, который я хочу показать тебе. Если ты сможешь собрать их все вместе, увидишь Его замысел. Он ждет тебя в безвременье, в пространстве вне мира. Он зовет тебя, но заставляет меня говорить своим голосом. Посмотри же!

И внезапно перед моим взором разверзлась огненная бездна, некогда бывшая городом. В море горели сотни кораблей – остатки Седьмого Огненосного флота, и всё вокруг – от пляжей до грязных улочек было завалено телами убитых. Место ужасающей бойни, с

которой началась война Трех Мечей, и над которым устало трепетал на жарком от пожаров ветру стяг легиона.

***

Я очнулся от кошмарного сна посреди ночи, не слишком хорошо соображая, где же нахожусь. Голова гудела, и перед глазами мелькали красные сполохи, но я чувствовал облегчение от пробуждения.

Отряд остановился в дневном переходе от Карраса на тракте, пересекающем в этом месте дремучую чащу, так и норовившую захватить обратно свою исконную территорию. Здесь царила темнота, заслоняющая даже звёзды, и только пламя костров хоть немного разгоняло эту непроглядную черноту. Прошла уже неделя с той поры, как мы покинули заставу и двинулись к первому пункту нашего назначения, и всё это время я спал спокойно, подобно младенцу в колыбели, но как только копыта наших коней ступили на покрытую слоем опавших листьев и хвои брусчатку тракта, мною овладело смутное беспокойство. По всей видимости, неуютно себя чувствовал не я один, поскольку в первую ночь многие не могли заснуть, тревожно собравшись вокруг костров и тихо переговариваясь о слухах, ходивших об этих местах. В первую ночь не спалось и мне, а сегодня вновь вернулось Пугало.

С Текрона началось падение моей семьи. Там находилось родовое имение Кемман, и многие носившие эту фамилию служили в Первом Пурпурном легионе, утратившим теперь свои регалии и упраздненным прошлым императором. Если бы не это сокрушительное поражение, империя смогла бы дать достойный отпор ахвиллейцам, но, потеряв весь свой флот на Мраморном море и лучший из своих легионов по вине потерявших бдительность командиров, вынуждена была вести долгие и кровопролитные бои не на окраинах, а уже в самом сердце страны. Доподлинно неизвестно, как врагам удалось застать врасплох лучших воинов империи. По вине ли праздника Конца Зимы, отчего расслабившиеся и изрядно набравшиеся вина воины слишком поздно заметили приближающегося неприятеля. То ли из-за предательства среди высших военных чинов и тщательному плану атаки ахвиллейцев. Но, так или иначе, дромоны вступили в бой лишь у самого выхода из гавани, где всё преимущество огненосного флота свелось на нет, и потому уничтожить более слабые по сравнению с боевыми триерами противника имперские корабли не составило никакого труда.

Десант высадился с обеих сторон от города в нескольких милях от стен, укрытый темнотой и беспечностью жителей. Ворота оказались открыты, а большая часть Первого легиона,

расположившаяся в лагере в полумиле от Текрона, отреагировала на происходящее только когда город занялся пламенем, принимая бьющие в набат колокола за полуночное ознаменование окончания зимы. Уничтожив всех, кто мог оказать сопротивление в городе, ахвиллейцы вчетверо превосходящими силами ударили в подошедшие было на помощь городу тагмы легиона, в считанные минуты уничтожив последнее сопротивление.

После этого Текрон тщательно и методично разрушался до самого основания, а все жители его оказались убиты или обращены в рабство. Так, без объявления войны, империя Ахвилла уничтожила главную морскую базу своего противника, а заодно и большую часть моей семьи. Не осталось даже тел, только пустые могилы родителей, братьев, сестер и их детей в погребальном саду Стафероса.

Теперь эти воспоминания вновь нахлынули на меня, будто сделав немым свидетелем тех событий. Я прибыл на развалины Текрона только спустя два года, после окончания войны. В видении же я стал свидетелем его падения. И там я видел, кто открыл ворота перед врагами, но поверить в это никак не мог. Да и можно ли хоть в чем-то доверять этому созданию?

- Не спится? – послышался над ухом голос Альвина.

Я не отвечал, всё еще находясь во власти видения и нахлынувших воспоминаний.

- Надо просто выпить, - не унимался он, - пьяный уснет хоть на приеме у императора. Пойдем к костру, приор Евгений нынче ночью тоже не спит, но он, в отличие от тебя, согласился с моим методом борьбы с бессонницей и вот уже третий час сыплет презабавными историями про духовную службу Ордена…

Пьяный голос друга молотом отзывался у меня в голове, но я чувствовал: сон этой ночью уже не придет. Мне так хотелось высказать всё то, что я долгие годы хранил в тайне, облегчить душу и выслушать совета, но в глубине души все же понимал: нельзя. Нельзя сесть сейчас у костра и, выпив, рассказать историю моей жизни, переплетенную с тем, кого я именовал Пугалом. Он был тенью на стене, ножом убийцы в глухом переулке, вестником бед и зла, почти нереальный, едва осязаемый. У всех моих врагов, казалось, было его лицо, лицо кукловода, дергавшего за ниточки. Пусть от этого и веяло безумием, но я окончательно утвердился в реальности его существования. Однажды я уже подобрался к нему достаточно близко, но та роковая встреча едва не стала для меня погибелью, и выжил я лишь чудом. Но даже об этом не знала ни одна живая душа, только я один. И одному мне придется нести эту ношу, как бы ни хотелось ее передать друзьям и родным.

Потому как неизбежно те, кто хоть кончиками пальцев касался завесы моей тайны, неизбежно отправлялись в Чертоги Тишины.

- Идем, конечно… - рассеяно ответил я, пытаясь подняться.

У костра, подобного солнцу в этой невероятной темноте, собралась небольшая компания из трех человек один из них – маленький и какой-то нескладный, с большими оттопыренными ушами и крысиными красными глазами – Евгений, один из приближенных к Августину клириков. Судя по размашистости его движений, приор уже изрядно набрался, и маленькие глаза его заплыли еще больше. Рядом примостились двое наёмников, имён которых я не знал, но оба они почти не обращали внимания на разошедшегося Евгения, только устало глядели на огонь, и поочередно подбрасывали в костер ветки.

Мы остановились лагерем в трех дневных переходах от заставы, когда солнце едва лишь начало клониться к земле. Проводники объяснили, что лучше разбить лагерь до темноты, и теперь я понял, почему. Здесь, в Ауревале, как будто не было звезд, и даже свет Близнецов, казалось, не проникал под полог совершенной тьмы, окутывающей каждую ночь эту землю. У берега Полыни это странное явление еще не казалось таким заметным, но здесь, по пути к Каррасу, мы будто оказались на самом дне глубокого колодца, крышку которого кто-то по вредности своей решил закрыть. Тишина и темнота опутала нас, и у многих от этого начались странные бредовые видения, не дававшие спокойно заснуть. Костры стали единственным спасением, и только треск горящих поленьев нарушал абсолютную тишину окружающего тракт леса. Но некоторым не помогало и это, поэтому запасы вина стали истощаться куда быстрее, чем было запланировано.

- Какой позор, говорю я вам! Со времён утверждения Седьмой империи не прошло и двух десятков лет, а всюду уже чувствуется этот смрад разложения. Что осталось от того великого государства? Даже длину мы теперь мерим в малькатских футах, ярдах и милях, Синклит превратили в Коллегию Кардиналов, а сам Орден переиначили так, что смотреть противно. Всюду эти аррендорские словечки, наплыв наёмных рыцарей, что так безбожно топчут нашу древнюю культуру! Раньше императору «ты» говорили, потому как один человек никак «вы» не может быть, сейчас и свинопасу выкать принято…

На глазах Евгения выступили пьяные слёзы. Похоже, приор не спал уже вторую ночь, и недосып вкупе с вином сделали его чересчур чувствительным. Я аккуратно присел на корягу напротив наёмников и по правую руку от Евгения, Альвин же уместился прямо на земле, проворно вынимая из ослабших рук

приора мех с вином.

- Что ж я теперь… приор… Раньше был пресвитером и ничего. Ничего, что должность мелкая, зато чувствовалась еще длань разящая Антартеса Светоносного, так и любой пресвитер мог нынешним приорам показать, какую силу духа иметь надобно.

- Так ведь, дорогой мой Евгений, не отказался ты от приората, когда Орден подвергался реформам да всех противников на кострах жгли, - вклинился в его речь Альвин.

- А что ж мне делать-то было? – взмахнул руками приор, будто намереваясь взлететь, - богу-то всё равно одному молимся, уж поступиться званиями этими да прежней иерархией – меньшее из зол, нежели на костре гореть.

Так фамильярничать с приором мало кто мог себе позволить, даже с пьяным Евгением старались держаться почтительно. Но Альвин имел такую родословную, которая позволяла по-приятельски общаться даже с императором, не говоря уже про иерархов Ордена. Строгой подчиненности у имперского инженера никогда и не было, поэтому ушлый Альвин мог себе позволить поболтать по душам и с Августином, и вхож был к самым влиятельным магистрам.

- Так значит, ты своими руками и позволил свершиться тому, что сейчас так осуждаешь, - резонно заметил Альвин.

- Я был один против всех!

- Может, стоит передать твои слова вот хотя бы Преподобному. Так у тебя сразу появится возможность снова побороться за справедливость. Правда, уже на пыточном столе.

- Антартес с тобой! – будто даже немного протрезвев, завопил Евгений, - дашь ты старику поворчать о былых временах или нет?

Наёмники, всё это время едва сдерживающие усмешки, на этот раз разразились хриплым смехом, но быстро взяли себя в руки и с опаской теперь поглядывали то на Альвина, то на Евгения, боясь выказать своё присутствие. Теперь, конечно, Инквизиция стала куда более мягкой, чем в былые времена, но всё-таки даже слышать, как кто-то насмехается над самим приором, в любое другое время было бы чревато последствиями.

- Говорю я вам: всё нынче такое гнилостное, да и сами люди уподобились троглодитам: живут в своих пещерах и видеть не могут, да и не желают, - никак не унимался Евгений, уже через минуту позабыв о словах Альвина, - почему, спрашиваю я вас, в каком-нибудь даже захудалом северном герцогстве бога ихнего куда как больше почитают и чтят его заветы, даже если в глаза этого бога не видели, и слыхать не слыхивали, нежели мы всеблагого Антартеса?

- Да потому, что выхода другого у них нет. Антартес их души к себе не примет, уйдут они в небытие, вот и приходится богов себе выдумывать, довольствуясь чем есть, - вступил в разговор один из наёмников, задумчиво поглаживая свою остроконечную бороду.

- Чушь! – рявкнул Евгений, нащупывая на земле своими короткими толстыми пальцами бурдюк с вином.

- Это всё потому, что Антартеса до панибратства низвели. Бог простит то, бог простит сё. И задницу вам тоже бог подотрёт, когда грехами своими обделаетесь, ведь всепрощающий и всемилостивый. А на суде небесном стоит только сказать: «Каюсь, грешен был и глуп», как сразу прощение обретешь. В священной книге сказано одно, да ведь найдутся демагоги, которые переиначат всё так, будто волен человек делать что угодно, и будет ему прощение в любом случае. Если видят, написано: «Антартес людей как детей своих возлюбил», так сразу думают, будто Антартес им наподобие отца – всё за них сделает, а им самим можно вечно детьми оставаться. У варваров бог высоко, его и не видно и не слышно, потому как обращать внимание на людишек для него – что человеку на муравьев. Он лишь диктует закон, и стоит тебе нарушить этот закон единожды – разбираться с тобой никто не будет, отправишься прямиком на муки вечные.

- Так и Антартес уже полвека не являлся людям, - напомнил я Евгению.

- Полвека – лишь мгновение для бога. Мы всё равно знаем о его присутствии и участии. Еще отец мой видел Антартеса, видел, как он к людям снизошел в облике огненном фениксу подобный. Раньше он лично корону на голову императорам возлагал, потому как правили они мудро и долго. А сейчас каждый день новая кукла на троне. Империи рушатся одна за другой, народ в грехах погряз и нищете. И пока не станут все снова к праведности стремиться, пока порядок не наведем, не видать нам его солнечного лика…

- Но для людей пять десятков лет это – целая жизнь, можно и забыть.

- Для того и нужна Инквизиция. Напоминать и карать, быть правосудием божьим и… что это?

Приор вдруг вскочил на ноги и, пошатываясь, начал нервно озираться. Наёмники снова тихонько захохотали, прикрываясь руками подобно девицам на светском приёме.

- Садись отче, это вино клокочет у тебя в ушах, - засмеялся и Альвин, бросая в Евгения поднятую с земли шишку.

Громко заржали испуганные лошади и тут же раздались крики дозорных, несущих службу почти в самой темноте леса.

Весь лагерь встрепенулся в мгновение ока, и начал спешно вооружаться и строиться, готовясь к битве. Несколько раз хлопнули тетивы арбалетов, и всё смолкло. С моего места сложно было разглядеть, из-за чего возник переполох, но вот темноту разрезали десятки факелов, осветив пространство и за пределами костров.

Огромное тело лежало у дуба, одиноко росшего на самом краю тракта. Поверить в существование таких чудовищ человеку, живущему за пределами Ауреваля, пожалуй, было бы очень сложно, однако теперь любой желающий мог убедиться в его реальности. Огромный волк высотой в холке достигал пяти футов, а длиною от кончика хвоста до чёрного носа – все пятнадцать. И если бы не три арбалетных болта, торчащие из раскрытой, полной острых зубов пасти, спины и глаза чудовища, смотреть на эдакое чудо без дрожи в коленях было бы невозможно.

- Что это за тварь? – протрезвевшим голосом спросил у меня Альвин, опасливо переводя взгляд с темноты чащи на труп зверя.

- Волк.

- Такого размера? Они разве не стаями охотятся?

- Эти – нет, - рассматривая раскрытую пасть чудовища, ответил я, - вот эта тварь – дальний родственник и прародитель всех волков. Водится только здесь, в Ауревале на самых дальних его оконечностях, где еще остались мамонты, на которых они охотятся.

- Надеюсь, тебе лучше знать. Что-то не хочется мне встречаться с десятком еще живых «волчков».

- Трофей – мой, - заключил один из егерей, нёсших дежурство, и чей выстрел, судя по всему, и прикончил чудовище.

- Оперение – моё, смотри, - отозвался второй, не желая уступать добычу.

- Да у вас одинаковые оперенья, дурни, - вклинился Альвин, - прямо со склада заставы, лично комендантом выданные. Третий-то болт чей?

Все вокруг возбужденно загомонили, обсуждая произошедшее. Егери, нёсшие этой ночью дежурство, гордо посматривали на остальных и уже, видимо, раздумывали над тем, как бы побыстрее содрать с чудовища шкуру и прокутить вырученные за нее деньги.

- Старый болт, - заключил кто-то, - вон, рана гноится.

- Да и стыдно так шкуру портить имперскому стрелку.

При ближайшем рассмотрении действительно стало понятно: волка ранили не позднее четырех-пяти дней назад. Оперение болта погрызено и изломано. Интересно, что же стало со

стрелком? Впрочем, если посмотреть на челюсти чудовища, вполне можно предположить самое очевидное.

- Снимите шкуру, достаньте зубы и когти, да разделите поровну, - резюмировал капитан егерей, - всё равно шкура порченая.

На том и порешили. Мне было интересно понаблюдать за процессом свежевания такого редкого зверя, поэтому я помог втащить массивную тушу в круг костров и принялся помогать егерям. Наконец я оказался в своей стихии, и это обстоятельство не могло не радовать мою истосковавшуюся по делу душу. Не знаю уж, чем меня в свое время увлекли различные мифические создания, но, сколько себя помню, даже в самом раннем детстве я уже просил родителей достать мне хранящиеся в библиотеке Ордена книги о вымерших чудовищах. Спустя годы, отойдя от службы в боевом подразделении Инквизиции, я наконец смог воплотить в жизнь свою детскую мечту. Пусть это и оказалось не совсем так, как я предполагал.

- Никогда не видел раньше подобной твари, хотя пять лет в этих лесах службу несу, - между делом обратился ко мне один из егерей.

- А я вот пять последних лет этих тварей изучал, но тоже ни разу не видел, - отозвался я.

- Так это вы – тот самый командор, о котором в отряде слухи ходят?

- Уж не знаю, что за слухи, но я и вправду состою в звании командора, пусть и весьма условно.

- Прошу простить мою бестактность, меня зовут Гретт, а это, - он указал в сторону второго егеря, - Фонарь.

- За что же такое прозвище? За частые драки или внешнее сходство?

- Не, это имя у него такое. Хотя, в общем-то, не без этого, такой же тощий, длинный и рожа от водки светится, да, Фонарь?

- Да пошел ты, - огрызнулся егерь, не желая отвлекаться от работы.

- Честь для меня вместе с легендарным командором Маркусом такого зверя разделывать, - закончив смеяться, совершенно серьезными глазами уставился на меня Гретт.

- Приятно знать, что кто-то всё же ценит твою работу, - усмехнулся я сам себе.

- Мы, солдаты пограничных легионов, далеки от интриг большого света, так что здесь вас встретят с распростертыми объятьями, в какую бы отдалённую крепость вы ни забрались. Все эти имперские политиканы – глупые свиньи, а уж одурачить настоящих солдат у них никогда не получится.

- Дело было десять лет назад, все уж и думать забыли…

- Даже до суда было ясно: предателем не может быть никто из рода Кемман, чьи предки жизни свои отдали, обороняя Текрон и Салезию, - не унимался Гретт.

Я внутренне вздрогнул, услышав название города из своего видения, но не подал виду. В конце концов, последний раз название этих развалин я слышал уже более пяти лет назад. Теперь там территория ахвиллейцев, но, кажется, новый порт они решили построить на другом месте, будто опасаясь, что мертвые захотят отомстить за себя.

- Кости настолько прочные, что даже арбалетный болт не смог их пробить, - резюмировал я, вытаскивая измявшийся стальной наконечник из ребер у самого их сочленения с позвоночником, - такого разве что выстрелом в глаз и можно убить.

- А правду ли говорят про волколаков, кир? Про серебряные стрелы и всё в этом роде? Может и этого серебро взять могло? – подал голос, обтирая окровавленные руки, Фонарь.

- В любой сказке есть доля истины. Когда-то, возможно, и существовали подобные твари, но подтвердить их достоверность достаточно сложно. Возможно, серебро и действовало на этих созданий каким-то особым образом. Но теперь это всего лишь записи в бестиариях, не более.

Альвин и Евгений, пьяным уже шепотом обсудив произошедшее, спали по разные стороны костра прямо на голой земле. Я не раз задавался вопросом, для каких целей нужно было отправлять в это опасное место пьяницу-приора и инженера, способности которого могли пригодиться разве что при осаде крепостей. Быть может, иерархи Ордена просто хотели избавиться от части своих соперников, буквально сослав их в такую, казалось бы, почетную но крайне неоднозначную миссию. Так здесь оказался и Августин, заодно с которым навязался я сам, но как же ошибались Великий Магистр и Великий Инквизитор, надеясь таким образом побороться за власть. Цикуту никогда не волновала политика, хотя многие и боялись, что в один прекрасный день он просто сметет своих оппонентов и займет кресло Великого Инквизитора сам.

- С детства меня занимали все эти чудовища, - признался Фонарь, - все эти сказки и мифы, предания и легенды. Скажите честно: есть ли хоть крошечная надежда встретить одно из этих сказочных существ или монстров? Посмотреть бы одним глазком на какую тайну.

- Люди и есть самые сказочные существа: они же и монстры и чудовища и добрые волшебники и рыцари.

- Но ведь когда-то существовали и эльфы и гоблины, вампиры, ожившие мертвецы и прочие-прочие? – не унимался Фонарь.

- Это были совсем не те существа, что живут в нынешних сказаниях. Те же эльфы – всего лишь родственный человеку вид, обитавший в лесах, некогда покрывавших большую часть империи. Впрочем, эльфами в своё время называли вообще все полудикие племена к востоку и северу от Стафероса. Были они дикими и едва-едва выучились речи, когда пришло время Завоевания. Большая часть из них вымерла, остальные – перемешались с нами. Вот и весь сказ. Но даже это – полуправда, поскольку историю пишут завоеватели. И каждый – на свой лад.

- Так может, живет кто-то из них еще у самых окраин мироздания?

- Незачем теперь. Окультурились они, да и ушли из лесов в конце концов. Верты с южных островов так и вовсе наполовину «эльфы», остальные – кто на четверть, кто на десятую часть. Так, по крайней мере, говорят основные источники. Скорее всего, грязными полуживотными, обитающими в лесах их назвали те же стафериты в период Первой Империи. А были они вероятнее всего обычным племенем, как и тысячи других, которые сопротивлялись несколько дольше идущим завоеваниям, за что их и поносили летописцы, стараясь измарать их внешний облик и культуру.

- Так ведь они ж маленькие были, сплошь волосатые да желтоглазые с ушами длинными да острыми. Кто ж с такими уродцами, кхм… перемешаться, удумал?

- Я же говор: этот облик – сплошные выдумки историков. Вспомни только, сколько грязи вылили на нас ахвиллейцы после победы? А как в наших хрониках описывались покорённые народы? С годами облик эльфов становился только еще более странным, по мере того, как переписывались хроники: неточности перевода, фантазия летописца – всё шло в ход.

Фонарь, закончив своё дело, как-то сильно поник и сел, задумчивый, на собственный плащ. Гретт же только многозначительно хмыкнул и протянул мне огромный волчий зуб, предварительно оттертый от запекшейся крови.

- Возьмите как талисман, кир. У нас есть поверье: нося кость зверя, человек как бы обретает связь с духами охоты. Поэтому он принесет удачу и в вашей охоте, на кого бы она ни шла.

- Благодарю, однако мне нечем отдариться…

- Не стоит, командор, - отмахнулся Гретт, - лучше ложитесь спать, силы вам еще понадобятся.

Я и вправду почувствовал слабую пока еще сонливость, но

внутренне боялся вновь оказаться во власти видений. Почти каждую ночь я возвращался в царство кошмаров, которые не отпускали меня до тех пор, пока во мне еще оставались силы им сопротивляться. До тех пор, пока мой страх и отчаяние не превращался в ярость, сметающую всё на своём пути, ярость, отгоняющую кошмары. Но бороться с ними изо дня в день было так утомительно, что иногда я просто сидел всю ночь напролет за каким-нибудь делом, не смыкая глаз. Сейчас мне хотелось хотя бы посидеть у огня, но организм отчаянно требовал сил для дневного пути, и пренебрегать минутами отдыха было бы глупо.

- Лес мы покинем еще только дней через пять, так что следует беречь силы. Многие тут умом повреждались, пока привыкали к абсолютной темноте, да потом еще кошмарами терзались долгое время.

- А почему так темно? Ни звезд, ни луны не видно, даже кроны деревьев небо не заслоняют.

- По поверьям, говорят, Лесной Царь так путников пугает, дабы сбить их с пути и к себе прибрать. Что на самом деле происходит – демон его разбери, тьма и тьма.

Я сунул клык за пазуху и, распрощавшись с егерями, отправился в свою палатку. На меня обязанности ночного дежурства не распространялись, хоть в моем подчинении не было ни единой души, и звание мое казалось скорее насмешкой. Когда-то я даже командовал декурией катафрактариев, но как же это было давно, еще до моего вступления в ряды Ордена. Вновь погрузившись в воспоминания, я лежал еще некоторое время, вглядываясь в отсветы костров, но затем сон всё-таки победил.

Глава 3

К Каррасу мы прибыли через неделю. Вернее, к самому безопасному месту поблизости, поскольку дальше расстилалась сплошная завеса не то из тумана, не то из дыма. Отряд встал лагерем на окраине леса, за которыми расстилались поля с неубранным урожаем, гниющим теперь безо всякой пользы.

Погода стояла приятная и располагающая, и общую картину омрачала лишь черная завеса над городом. Позднее Лето в Ауревале казалось самой прекрасной порой: спокойные, насыщенные тона мрачное величие лесов и безмолвие гор, виднеющихся на самом горизонте. Небо совершенно чистое, без единого облачка, без единого намёка на недавние бури, и до того припекает солнце, что хочется прилечь и поспать пару часов под его ласковыми лучами. Я вспомнил, как еще недавно брел по колено в грязи под пронизывающим ветром, несущим мокрый снег, тут же превращающийся на одежде в воду и порадовался этой перемене погоды. Хотя бы в этом плане мне сопутствовала удача, и разбираться с проблемой Карраса можно с сухими ногами и в тепле.

Турмарх Корретаний Мединий отправил к стенам Карраса чуть ли не всё своё ополчение, вставшее двумя лагерями на возвышенностях вокруг города. Патрули денно и нощно несли службу, вглядываясь в пелену тумана и не подпуская желающих попытать удачу и пограбить затихший город. Но за месяц, прошедший с момента катастрофы, никаких изменений так и не произошло. Безветренная погода, будто по чьему-то злому умыслу, нависла над городом, не давая дымке рассеяться. Как оказалось, туман погубил не всех жителей города. Выжило около семи десятков человек, сумевших перебраться через стену, в числе которых почти все дозорные, несшие службу на стенах в ту роковую ночь, когда погиб город. Но никто так и не смог внятно рассказать о произошедшем, только лишь то, что за считанные мгновения откуда-то появилась целая туча горького дыма с отвратительным удушающим запахом, буквально поглотившая город. Начав задыхаться, дозорные попрыгали со стен, благо у внешней стены высота всего десять футов, и бросились прочь, так же поступили и жители ближайших домов, не обремененные семьями с детьми. Те же, кто попытался спасти родственников и друзей, так навсегда и остались в погибшем городе.

После того, как очередное офицерское совещание, так любимое Августином, было закончено, я остался для личного разговора с инквизитором, намереваясь переговорить с глазу на

глаз.

- Касательно Мелиссы… ты знаешь, - начал было Августин, словно совершенно забыв о том, зачем мы сюда прибыли, - она хорошая девушка из хорошей семьи, и я вижу, она нравится тебе. В общем, я бы хотел обговорить с тобой детали вашей помолвки.

Этими словами Августин ввел меня в полнейший ступор. Теперь, когда стены погруженного в дым Карраса находились в считанных милях от нас, говорить о помолвке с его племянницей казалось сущим безумием.

- Помолвки? Мы стоим на пороге кладбища, в которое превратился целый город с тысячами жителей, а ты говоришь о помолвке?

- Я вижу, вы понравились друг другу, не отрицай.

- Ты знаешь про моё обещание.

- С тех пор прошло много лет, - немного сердито покачал головой Августин, - неужели ты вечно хочешь скитаться по богом забытым местам наподобие этого и лезть во все опасности, куда бы тебя ни направили магистры, стараясь забыть события давно минувших дней?

- С такой жизнью еще повезет, если лет десять протяну. Так что не так уж и долго мне осталось скитаться.

- Признайся, что просто струсил. Ты боишься возможности вновь потерять дорогих тебе людей и потому трясешься над каждой новой привязанностью. Пойми: это не та жизнь, которую могла бы тебе желать Катарина…

- Даже если и так. Мне нужно лишь завершить своё дело, и тогда я подумаю и о помолвке и о покупке виллы на склонах Храмового Холма в Стаферосе и обо всём остальном. Но не сейчас, когда под боком у меня полторы тысячи задохнувшихся в дыму людей.

- Ты так ни разу и не обмолвился об этом своём деле, ни словечка, - задумчивый взгляд Августина будто обжег меня, он будто нарочно игнорировал все мои замечания о предстоящей работе, разговаривая только об интересующих его вещах, - иногда я начинаю сильно беспокоиться о твоём рассудке, Марк. Тебе нужно отдохнуть где-нибудь на берегу моря, снять домик с десятком слуг и полежать на песке. Впрочем, Альвину это нужно и того больше, он выглядит совсем плохо.

- Скоро всё закончится, и тогда, когда я всё улажу, обещаю: мы всё обсудим - в очередной раз отмахнулся я, пытаясь перевести разговор в иное русло, но инквизитор и в этот раз оказался непреклонным.

- Сейчас мы не будем говорить об этом, хорошо. Но после того как разберемся с городом, ты расскажешь мне всё об этой

твоей загадочной цели, к который так неудержимо стремишься.

Я не стал спрашивать у старика, что он предпримет в противном случае. Об этом мне оставалось лишь гадать. Глядя вслед удаляющемуся серому балахону с виднеющейся в разрезах по бокам кольчугой, не снимаемой инквизитором даже во время сна, я невольно подумал о том, как хорошо было бы хоть кому-то излить душу. Но сейчас это, пожалуй, всё же окажется лишним. Неизвестно, как отреагирует на мою историю старик, и не сочтет ли за сумасшедшего. По его мнению, мне и так пришлось пережить много того, из-за чего даже самый крепкий разум начнет изменять себе. Но сейчас следовало подумать совсем о другом: город за пеленой тумана будто ждал нашего хода, и пора было к нему наведаться.

Каррас представлял собой классическое имперское поселение прямоугольной формы с четырьмя воротами на каждую из сторон света. В центре на возвышенности располагалась крепостица, вокруг которой ровными квадратами выстраивались сначала ремесленные и общественные, а затем и жилые кварталы. По данным разведки, ворота города со всем сторон оставались закрытыми и единственным способом пробраться внутрь, опять-таки, была лестница, уже давно слаженная для разведывательного отряда из шести человек, в который вошли двое местных проводников – стражников, сумевших спастись из гибнущего города, выделенных турмархом, двое егерей – мои недавние знакомые Гретт и Фонарь, вызвавшиеся добровольцами, один из младших соглядатаев Августина по имени Тимбольд, чьё имя тут же выскользнуло из моей головы. И я сам.

Посылать в город большее количество людей сочли нецелесообразным, поскольку никто пока не смог определить природу окружившего Каррас тумана. Местные считали его вратами в Чертоги Тишины, открывшимися дабы покарать грешников, живших здесь, даже успели сочинить историю о непотребностях, творимых горожанами и их грешной жизни, за которую те и поплатились. Всех обуял первобытный страх, и потому до сих пор даже самый отчаянный разбойник не подступил к городу ни на милю.

- Думаю, это какой-то подземный пожар, - пожав плечами, заключил Альвин, с сочувствием глядя на мои сборы.

- Но чему там гореть под городом?

- Может быть, подземный газ, мне почём знать.

- Здесь нет никаких шахт, по крайней мере, так говорят местные. Только один грот, где местные добывают воду.

- Так может, кто-то нашел эти пещеры или прорыл путь под город к этим залежам и поджег их?

- И как, по-твоему, это произошло? Кто-то копал колодец и докопался до этих самых пород?

- Может быть, не знаю, - приложившись к бурдюку с вином, развел руками Альвин, - в любом случае, не советую тебе там долго находиться, маски помогут не протянуть ноги первые полчаса, а потом может начнется отравление, судороги, галлюцинации, рвота, мышечные спазмы и прочее, прочее...

- Но ты ведь не знаешь, что там горит, может, это не так уж и опасно.

- Судя по тому, что за три недели город не покинула ни одна живая душа, дым смертельно опасен. Скорее всего, несчастные задохнулись в считанные минуты, не успев спросонья сообразить, в чем же дело.

Я повертел в руках черную кожаную маску с двумя окулярами из мутноватого стекла и с длинным носом, в который напиханы влажные тряпки и травы, через который едва ли можно свободно дышать. Такие маски носят целители во времена моровых поветрий, сейчас они сослужат свою службу и здесь. По крайней мере, я на это надеялся. На самом деле, задумка Августина касательно этих масок привела всех в восторг, и переубедить людей в бесполезности мокрых тряпок, немного облегчающих дыхание в дыму на пожаре, сейчас было бы попросту невозможно. Наверное, не стоило брать с собой кого бы то ни было, но это уже зависело не от меня: жизнь этих людей в их собственных руках, а ответственность – на их командирах и Августине.

- Меня не покидает чувство, будто я иду на верную смерть.

Неуверенно натянув маску себе на лицо, я попытался представить, как буду ходить в ней по задымленному Каррасу. Мутные, плохо сработанные стекла окуляров не позволяли видеть дальше десяти шагов, и сложно представить, насколько снизится их эффективность, когда я окажусь в городе.

- Это потому, что так оно и есть. Зачем ты вообще напросился лезть туда? Августина и турмарха вполне бы устроило пять трупов вместо шести.

- Видишь ли, я немного более живуч с тех самых пор, как надо мной поработало Багряное Пламя, так что, возможно, единственная надежда узнать, что же там произошло – это я. Другое дело – остальные добровольцы. Боюсь, переубедить их я не в силах.

- Спорный, конечно, вопрос, но я бы не стал на это слишком уж надеяться. Мне до сих пор не совсем понятно, как работает твоя регенерация, и поможет ли она в данном случае.

- В любом случае, у нас нет времени ждать, пока туман рассеется, так что чем раньше Августин получит свои шесть

трупов, тем раньше мы сможем двинуться дальше.

- Я не собираюсь везти твой разлагающийся труп до самого Морхейма, даже не проси. Незачем рисковать ради тех, кто уже наверняка мертв. Там ничего не осталось, кроме дыма и огня.

- Тогда хотя бы узнаю причину произошедшего, это должно пролить свет на общую картину происходящего здесь, в Ауревале. Мне нужно знать, является ли трагедия этого города случайным событием или же вражеской диверсией.

- Если ты там погибнешь, от этого знания не будет никакого толку.

- Тогда придется выжить.

Вскоре всё оказалось готово для вылазки. Кожаные доспехи, полностью закрывающие все участки тела, плотная одежда под ними и маски, которые, по мнению Августина, должны были защитить нас на какое-то время. Местные уже успели убедиться в опасности тумана, отправив в нем пару коз на привязи. Несчастные животные уже через сорок минут перестали подавать признаки жизни, и это лишь на самом периметре огромного облака, расстилающегося над городом. Нам же предстояло зайти в него всего на десять-пятнадцать минут – то время, за которое можно добраться до городского подземного водохранилища. Когда же перед глазами почти до самого неба оказалась стена дыма, я наконец осознал всю абсурдность этой затеи. Выжить там, где до нас погибло столько людей, почти никаких шансов, и подобный риск не слишком уж оправдывает возможные полезные сведения, которые можно подчерпнуть здесь. Быть может, разве что спасение тех, кто мог укрыться в подземельях крепости, имеет какой-то смысл, но рассчитывать на это – дело не слишком оптимистичное.

- Двигаться будем по главной от восточных ворот улице, - инструктировал один из проводников, бывший декарх стражи, чертя на земле примитивную схему города, - грот находится как раз с этой стороны под холмом, всего несколько минут быстрым шагом. Оттуда ведет лестница в крепость. Но скорее всего проход в грот будет закрыт по ночному времени, когда вся эта чертовщина произошла. Кто-то из стражников мог укрыться внутри, как и гарнизон крепости, но они к этому времени наверняка уже погибли.

- А где находится склад с провиантом? – я показал пальцем на линии, проведенные от обозначающего грот круга до крепости, - если кто-то и остался в живых, то только там мы сможем их обнаружить.

- На нижних этажах крепости, рядом с гротом.

- Значит, если дым не попал внутрь, у спасшихся есть доступ

и к чистой воде и к провизии.

- У нас лишь одна проблема: если ворота, закрывающие проход в грот будут закрыты, у нас вряд ли получится попасть внутрь. Разве что брать штурмом крепостные стены, но они значительно выше городских, и без лестницы ничего не выйдет. Когда всё это случилось, у стражи водохранилища должна была закончиться смена, и они могли не успеть закрыть ворота перед следующим постом.

- Значит, будем надеяться на то, что они открыты. А также на то, что маски помогут не задохнуться в дыму хотя бы первые десять-пятнадцать минут. Еще не поздно отказаться от этой затеи.

- Там осталась моя семья, кир, - дрогнувшим голосом прервал меня десятник, - и если есть хоть один-единственный шанс. Я пойду туда даже без этой дурацкой маски.

Остальные не сказали ни слова, только молча переглянулись и вновь обратили свои взгляды на меня, словно ожидая моей реакции.

- Мы сделаем всё возможное, чтобы найти всех выживших. Однако я возьму вас туда на одном условии: что бы ни случилось, не забывайте о своем долге. Вы должны вывести нас оттуда.

- Я исполню свой долг до конца, кир.

В какой-то мере я понимал чувства декарха, и даже мог всецело положиться на его слова до определенной поры. Однако быть уверенным в том, что, увидев тела своих родных, он не забудет о долге, не мог никто, даже он сам. Быть может, часть горожан или солдат и смогла спастись, тогда предстояла нелегкая задача по их спасению, но как это сделать, я тоже пока не знал. Разве что обмотать им лица мокрыми тряпками и как можно быстрее вывести из города. Почему-то все, кроме спасшихся стражников, были уверены в невозможности их спасения, и даже не рассматривали такой вариант, и потому, если спасённые найдутся, придется импровизировать.

- Хорошо, тогда надевайте маски и выдвигаемся, - скомандовал я, - ставим лестницу, берем стену и ждем внизу остальных, потом шеренгой выдвигаемся к гроту, вы, декарх, показываете дорогу. Постоянно держите впередиидущего в поле зрения и не отходите дальше двух шагов. Вперёд!

И мы, натянув на голову маски, последний раз оглянулись в сторону лагеря, где нас провожали взглядами сотни солдат местного ополчения и наш отряд. Подхватив лестницу, удобно слаженную и легкую, мы почти бегом отправились к колышущуюся в десятке шагов от нас завесу.

***

Ужасный запах ударил в нос, как только мы сделали десяток

шагов. Что-то похожее на горящую нафту, из которой делают огненную смесь для боевых дромонов, но более едкое. Видимость, как я и ожидал, оказалась почти нулевой, я мог видеть только спину идущего в трех шагах впереди меня да землю у себя под ногами, всё остальное скрывала непроглядная хмарь дыма.

До стены мы добрались за считанные секунды, установить лестницу тоже не составило труда, как и перебраться через стену. А вот дальше начались проблемы. Видимость резко снизилась, и теперь я уже едва ли мог видеть даже кончики своих пальцев. В связи с этим обстоятельством, я не нашел ничего более подходящего, чем приказать взяться за пояс впереди идущего и таким образом передвигаться за декархом, подобно утятам за матерью-уткой.

- Если кто-то чувствует себя плохо, сейчас последний шанс вернуться обратно, - предупредил я.

Все заметно нервничали, но назад никто не повернул, похоже, маски хоть немного, но действовали, и удушливый дым не так сильно терзал нос и легкие.

Под ногами вся мостовая оказалась покрыта черным пеплом, на котором отчетливо вырисовывались наши следы. Как я ни старался, ничего, кроме белесого тумана разглядеть не получалось. Пока не было видно ни тел несчастных, ни следов паники, должной охватить город в предсмертный час, всё застыло в этой непроглядной дымке и действительно напоминало видения другого мира.

- Командор, у нас большая проблема, - послышался спереди взволнованный голос декарха.

Я быстро обошел строй и оказался рядом с ним, пытаясь понять, что же случилось. Поначалу кроме того же дыма и пепла под ногами ничего не было видно, но через пару мгновений окружающее пространство озарил огненный всполох, поднявшийся откуда-то из-под земли. Даже сквозь кожу доспехов я ощутил прокатившийся по нам жар.

- Да это сама адская бездна разверзлась и прибрала к рукам местных грешников! – дрожащим голосом воскликнул Фонарь, судорожно осеняя себя неумелым символом веры.

Осторожно подойдя ближе, я увидел, как камни брусчатки изменили свой уклон и цвет, и еще через несколько шагов стал виднеться край воронки, из которой и исходило пламя. Жар здесь и вовсе сделался невыносимым, зато видимость немного улучшилась, и открывшаяся картина мне совсем не понравилась.

- Похоже, горят угольные залежи, - попытался я объяснить остальным увиденное, - подземный пожар той ночью вышел наружу, это и погубило город.

- Возвращаемся обратно? – выходя из-за спины Фонаря, с надеждой в голосе поинтересовался Тимбольд.

Парень явно боялся сильнее всех, и удерживала его здесь лишь воля Августина. Пожалуй, он единственный, кто вооружился на разведку сверх необходимого, будто опасаясь встретить здесь всех демонов подземного мира. Если я ограничился охотничьим ножом, как и декарх, а егеря – боевыми секирами для взлома дверей, то Тимбольд взял с собой и меч и даже ручной арбалет, не говоря уже о наборе кинжалов.

- Фонарь, Гретт, - обратился я к егерям, убедившись, что ближайшая к нам дверь дома заперта, - ломайте, мы обойдем провал через этот дом.

Переглянувшись, они достали секиры и принялись за дело, стараясь сделать его как можно быстрее. Всего за пару минут от двери остались одни щепки, и я жестом приказал всем зайти. Внутри царил такой же туман, что и повсюду, однако не такой густой. Кажется, мы попали в какую-то мастерскую, но определить, что именно здесь производили, мне так и не удалось, однако мне на помощь пришел декарх.

- Здесь была кожевенная мастерская, нам нужно пройти ее насквозь и выйти через помещения для рабов к старой пристройке. Так мы окажемся максимально близко к нашей цели, если на пути не появятся новые каверны.

Со скоростью ветра мы пролетели через помещения, где еще совсем недавно кипела работа и сидели живые люди. Здесь мастера и подмастерья занимались непосредственно самими изделиями. Там, во дворе располагались сараи, где отмачивались, золились и дубились кожи, где и трудились все рабы. И сейчас, взломав очередную дверь, мы оказались среди двух десятков мертвых тел, застигнутых смертоносным туманом прикованными к стенам. Мертвецы под слоем пепла казались черными, выточенными из воска фигурами, почти сливающимися с полом. Если бы здание мастерской и пристройки сложили из дерева, участь их была бы еще более незавидной. Стараясь не смотреть по сторонам, высадив последнюю дверь, мы вышли во двор и оказались на пепелище, оставшемся от всех внутренних построек. Перед нами чернел обугленными стенами каменный дом, за которым начиналась нужная нам улочка. Оставалось только гадать, каким чудом уцелела кожевенная мастерская, когда всё вокруг превратилось в огненный ад. Удушающий запах становился всё сильнее, и потерянные несколько минут давали о себе знать. Кашляли почти все, жгучий пот жег лицо и тело, а окуляры маски запотели, снижая и без того почти нулевую видимость. Но, по словам декарха, до грота оставалось всего пару

минут хода, так что мы успевали, и, выбравшись на мостовую, изо всех сил устремились к спасительному по нашему мнению месту.

Там, где когда-то находился один из домов, теперь разверзлась огненная щель, из которой вздымались к небу языки пламени. Всё вокруг оказалась сожжено дотла, но мостовая уцелела, убегая вверх и теряясь в дыме, и вскоре перед нами предстали ворота, закрывающие вход в городское водохранилище. Обитые железом створки встретили нас надменным молчанием и на первый взгляд вход под холм, на котором смутно угадывались очертания крепости, казался надежно закрытым.

- За этими воротами помещение для стражи, потом подсобные помещения, а там уже сам грот. Мы добрались.

- Но они закрыты, – внутренне холодея, почти шепотом сказал я, разглядывая отрезавший нас от спасения монолит из дерева и стали.

Вместо ответа декарх ухватился за массивное кольцо на одной из створок и, потянув ее на себя, приотворил достаточно, чтобы мог протиснуться человек.

- Повезло, как же нам повезло, - я почти увидел, как под маской его лицо расплылось в довольной улыбке, - их всё-таки не успели закрыть в третью смену.

- А если бы не повезло, в городе стало бы шестью мертвецами больше, - ответил я, пролезая следом, чувствуя огромное облегчение от сего факта.

Декарх был первым, не считая его молчаливого сослуживца, плетущегося с нами, кто отважился выступить в роли проводника, и самым старшим в звании. Так что выбора у меня не было. Пожалуй, полагаться на его предположение о смене стражи, во время которого ворота открываются на короткое время для смены тех, кто дежурил у водохранилища, было не лучшим решением. Но это сработало. Удача в этот раз оказалась на моей стороне, но полагаться на нее так часто, как это делал я – не слишком умно. Однако я никак не мог преодолеть этой странной уверенности в лучшем исходе, всё не могло закончиться так просто.

Оказавшись внутри и закрыв за собой ворота, мы оказались в небольшом помещении, где некогда располагался пост стражи. Массивный засов и вправду лежал на земле неподалёку, и никто не притрагивался к нему, за прошедший месяц, судя по количеству пепла. Однако люди здесь были, на это указывали множество припорошенных следов на земле. Воздух казался куда более чистым, и количество дыма по сравнению с творившимся на улицах ужасом, было заметно меньше. Дальше от помещения отходил узкий туннель, ведущий немного вверх и убегающий

затем куда-то направо.

- Отсюда хотели проложить акведук, но деньги так и не успели выделить. Через эти ворота приходили водовозы из ремесленного квартала, а там дальше хранятся бочки с водой, которые постоянно наполняют рабы и затем выкатывают отсюда, - пояснил декарх, снимая со стены факел и доставая кресало.

- Хорошая система охраны, даже подъемной решеткой проход оборудовали, - указал я рукой на механизм, установленный у основания туннеля.

- Ворота ненадежные, вокруг них слишком мягкий грунт, а скала начинается как раз там, где решетка, - объяснил декарх, - и на наше счастье, ее тоже не успели запереть. Кажется, сам Антартес помогает нам…

- Вы ничего не говорили про эту решетку! Это риск, о котором вы должны были нас предупредить! - начал возмущаться Тимбольд, но зашелся в приступе кашля, согнувшись пополам

- Она закрывается всего лишь на пару минут раньше ворот, - отмахнулся декарх, - сейчас не время думать о том, что могло бы случиться, нам нужно идти дальше.

Тимбольд выглядел испуганным и больным, его уже шатало из стороны в сторону. Пожалуй, еще немного, и придется нести его на руках. Не медля больше ни секунды, мы двинулись дальше по туннелю, оказавшемуся довольно длинным и уводящим нас в недра холма, захватив несколько факелов, найденных в караулке. Как рабы таскали по этому коридору, хоть и оборудованному направляющими желобками для качения, тяжеленные бочки с водой, для меня оставалось непостижимой тайной. Здесь воздух окончательно очистился, и мы смогли снять маски, вдохнув наконец живительного воздуха и стерев пот и копоть с лица. Теперь казалось, будто жуткий запах никогда уже не покинет меня, и каждая пора кожи навсегда пропиталась этим едким дымом. По крайней мере, у меня появилась возможность продышаться, и я, сняв с пояса флягу, сделал несколько судорожных глотков, а затем вылил немного на ладонь и умыл лицо. Сразу стало гораздо лучше, но через некоторое время сильно закружилась голова, и пришлось остановить отряд, уже и так пребывающий на грани потери сознания, дабы немного передохнуть и собраться с мыслями.

- Долго еще спускаться? – я устало посмотрел в лицо декарха, но тот в это же мгновение отвел взгляд.

- Мы почти пришли, там внизу еще одна дверь, но если они закрыта, мы без труда сможем высадить ее топорами.

Егери, казалось, едва могли шевелиться и выглядели немногим лучше Тимбольда, который никак не мог унять свой

кашель. Второй проводник, за всё время не издавший ни звука, тихо сидел у стены, прикрыв глаза, и только хриплое дыхание выдавало в нем живого человека. Во всем нашем отряде только я и декарх чувствовали себя более-менее сносно, однако начальник стражи, судя по глазам, был сильно возбужден и не задерживал взгляд на одном предмете дольше пары секунд. Судя по нездоровому блеску и дерганой мимике, декарх явно пребывал в наркотическом опьянении, успешно скрываемом под маской до сей поры. Но я не стал заострять на этом внимание, поскольку сейчас в этом не было никакого смысла.

Спустя, наверное, четверть часа, я пришел в себя, однако все еще ощущая себя отравленным и слабым. Тимбольд так и не перестал кашлять, судорожно хватая ртом воздух, и сплевывая на землю мерзкого вида слизь. Помощник декарха всё так же сидел в одной позе и на все попытки поднять его, реагировал подобно снулой рыбе, уже не в состоянии даже открыть глаза. Пришлось нести его на себе и заодно помогать едва стоящему на ногах Тимбольду, на теперь уже коротком спуске.

- Надо постучать, - декарх остановил уже занесших секиры егерей, - и дерганым шагом направился к двери, с ходу ударив по ней ногой, а затем принявшись колотить по ней всем конечностями, будто в судорожном припадке.

- Да угомонись ты…

Фонарь попытался оттащить разбушевавшегося декарха прочь, но тот, будто озверев, накинулся на егеря с кулаками, первым же ударом разбив егерю нос. Закапала кровь, и Фонарь, взревев от боли, потянулся было за ножом. Я подоспел вовремя, оттащив вместе с Греттом обиженного егеря прочь. Декарх же моментально потерял к нему всякий интерес и снова принялся биться об дверь, игнорируя все наши попытки его образумить.

- Они там, я знаю это, - раз за разом повторял декарх, то громче, то тише, пока, наконец, силы не оставили его.

- Успокойся, Теол, - тихо, едва слышно, произнес второй стражник.

Так я узнал имя декарха, хотя, по всей видимости, для этого оказалось уже слишком поздно. То, что поддерживало в Теоле жизнь, теперь заработало в совершенно противоположном направлении, выкачивая из него энергию, и силы почти оставили декарха, мечущегося в бредовом состоянии где-то за гранью реальности. Но, не смотря на все попытки декарха привлечь внимание тех, кто, возможно, оставался еще в живых, за дверью всё по-прежнему оставалось тихо.

- Да этот полоумный там только всех распугал, - злобно прошипел Фонарь, у которого никак не получалось унять

хлеставшую из носа кровь.

- Мне кажется, я сейчас кони двину, - снова подал голос подручный декарха, второй раз за прошедшее время удививший нас своим умением разговаривать.

- Ломайте дверь, - устало взмахнул я рукой, - нам в любом случае нужно забраться как можно глубже под землю и переждать какое-то время, пока яд не выйдет из нашей крови.

Оттащив едва дышащего Теола от двери, я присел у стены и стал наблюдать, как егери медленно, но достаточно сноровисто рубят дверь, обливаясь потом и поминутно сплевывая в сторону. Спустя несколько минут мне пришлось сменить запыхавшегося Фонаря, у которого снова открылось кровотечение, и через пару десятков ударов, толстая створка рухнула внутрь, а из открывшегося проёма нам в лицо дыхнуло влажной прохладой. Занеся всех, кто не мог самостоятельно передвигаться, внутрь, мы поставили дверь на место, и принялись осматриваться.

- Вот про это бочкохранилище и говорил Теол, - будто так же, как и я, только что узнав имя декарха, произнес Гретт.

Я подошел к одной из массивных бочек, сбитых из дубовых реек и скрепленных медными обручами, и откупорил крышку. Внутри оказалось полно воды, и я дрожащими руками принялся умываться, стянув с себя кожаный нагрудник и рубаху. Большего наслаждения на этот момент, пожалуй, не знал никто из смертных: до того было чудесно чувствовать прикосновение ледяных брызг к разгоряченной и зудящей коже. Гретт, недолго думая, поступил точно также, а затем мы вдвоем откатили бочку к остальным, и принялись раздевать и омывать бесчувственные тела Теола и его напарника, надеясь хоть немного облегчить их страдания. Тимбольд и Фонарь смогли самостоятельно раздеться и умыться, но на этом их силы исчерпали себя.

- Придется пока оставить вас, и дальше пойдем только мы с Греттом, - огласил я своё решение, в очередной раз прикладываясь к фляге, наполненной теперь местной водой, - всё осмотрим и вернемся за вами. Здесь достаточно безопасно и нет дыма.

И снова все выразили своё немое согласие, то ли не желая, то ли не имея возможности выразить своё мнение. Немного оклемавшийся Гретт выглядел не лучшим образом, но он оказался единственным, способным стоять на ногах, не считая меня. Так что я еще легко отделался своим непродолжительным головокружением и тупой болью в затылке по сравнению с остальными. Смутная тень отчаяния закралась ко мне в душу, и я никак не мог прогнать ее, осознавая, но не признавая тот факт, что всем этим людям, скорее всего, уже не выбраться отсюда. По

крайней мере, если самые плохие из них и смогут оклематься, обратный путь наверняка убьет их всех. По моим внутренним подсчетам, путь до этого места у нас занял немногим больше половины часа, а этого вполне достаточно для смертельного исхода при отсутствии защиты в виде наших масок.

Тимбольд почти перестал кашлять, и теперь беспомощно развалился прямо на каменном полу, подложив под голову снятый нагрудник и рубаху. На крупном лице его блестели капли пота, и хриплое дыхание струйками пара время от времени вылетало из приоткрытого рта. Фонарь, прислонившись к стене и поджав одну ногу, с безучастным выражением лица следил за пламенем факела, время от времени бросая на меня беглые взгляды. Бывшие стражники же валялись бесформенными кучами там, где мы их и положили, не подавая признаков жизни, однако я несколько раз перед уходом убедился в том, что это не так и где-то глубоко в их массивных телах еще теплится искра.

- Надеюсь, пока мы ходим, никто из них не откинется, потому что дорогу я так и не запомнил, - пожаловался Гретт, поднимая секиру и вновь надевая рубаху, решив на этот не возиться со всеми ее многочисленными завязками.

Оставив без внимания его слова, я двинулся вперед, проходя мимо стеллажей с одинаковыми бочками, так что Гретт едва успел меня догнать, когда мы в очередной раз оказались у туннеля, на этот раз, судя по пробивающемуся из самого грота свету, достаточно короткому. Мы оказались у самой цели, но поскольку ни людей, ни их голосов не было слышно, я уже предполагал самое худшее. Преодолев оставшееся расстояние, я оказался в огромной, но плохо освещенной пещере, своды которой, покрытые огромными колоннами сталактитов, едва угадывались высоко над головой. По сравнению с этой красотой, все проделанные людьми ходы и помещения казались уродливыми червоточинами, однако красота грота и черная гладь воды из небольшого озерца посередине, окруженного наростами сталагмитов, лишь на доли мгновения обуяла моё сознание, поскольку люди всё-таки нашлись.

- Что это с ними? – возник у меня за спиной запыхавшийся Гретт.

Я не мог отвести взгляд от открывшейся картины, но сердце моё облегченно забилось, застыв на один неполный вздох. Все спасшиеся, похоже, находились именно здесь, заполняя всё свободное освещаемое пространство грота. Люди сидели на коленях, не издавая ни звука и не обращая на нас ровным счетом никакого внимания. В середине этого сборища, подобно божеству на пьедестале, на вершине обломленного сталагмита сидел

старик. Открытые глаза его, казалось, были устремлены прямо на нас, пришельцев, посмевших вторгнуться в это царство тишины, но с такого расстояния я не мог как следует разглядеть, смотрели ли его глаза с укоризной или же совершенно спокойно и безразлично.

- Они…

- Тише, - предостерег я Гретта, боясь нарушить странный не то обряд, не то сон местных обитателей.

- Поприветствуйте новых избранных, дети мои! – будто до того выдерживая торжественную паузу, провозгласил старец на своём постаменте.

- Мы пришли помочь вам. За стенами Карраса стоит всё ополчение турмы и специальный отряд, направленный императором для вашего спасения, - стараясь как можно более спокойно говорить, я внимательно следил за стариком, пытаясь понять, в чем тут подвох.

- Спасения? – старик зашелся каким-то странным каркающим звуком, в котором я с трудом определил смех, - вы слышали, дети мои? Эти люди пришли спасти нас!

Теперь уже все собравшиеся сначала неуверенно, а затем всё громче начали смеяться, повернув головы в нашу сторону. Лица, освещенные горящим кругом факелов, казались кукольными масками, и тени на них еще больше придавали им сходство с неживыми пародиями на людей.

- Нет, заблудшие вы создания, вы пришли нас не спасать, вы пришли спастись. Мы как раз закончили молиться, и можем уделить внимание очищению ваших заблудших душ. Уж если вы здесь оказались, значит, не всё еще потеряно.

Смех в зале стал еще более громким, и я лишь с ужасом наблюдал, как все здесь собравшиеся, дети, взрослые, старики, мужчины и женщины, будто сумасшедшие, смеются, сами не понимая над чем. Гретт сверлил меня недоумевающим взглядом, будто предлагая как можно скорее покинуть это место и отправиться обратно, пока еще не слишком поздно. Но было уже поздно.

- Вы надышались демонических испарений и бредите, дети мои, - успокаивающе обратился к нам старик, - но мы поможем вам. Здесь, в нашей обители, больше нет места страданиям и горю, которое вам, несомненно, пришлось пережить. Мы поможем и вам и вашим товарищам, оставшимся наверху и умирающим от яда.

Люди, пришедшие в себя после их странной молитвы, стали постепенно окружать нас, разглядывая с неподдельным интересом, будто и в самом деле увидели призраков из иного

мира. Лица многих из них, багровые и испещренные темными прожилками вздувшихся вен, смотрели страшно и безумно, будто не в полной мере осознавая происходящее. Глаза их, налитые кровью и выпученные немигающе уставились прямо на нас. Возможно, именно так со временем проявлялось отравление дымом, накрывшим Каррас, поскольку подобным образом выглядело большинство из здесь собравшихся. Пусть толпа и не проявляла прямой агрессии, мне стало очень не по себе, и рука непроизвольно стиснула рукоять меча, готовясь отразить возможное нападение.

- Отведите их в кельи, братья, и позаботьтесь о тех, кто остался наверху!

В ту же секунду десятки рук потянулись и схватили меня, но я не стал сопротивляться, зная, что со всеми мне не справиться, а убийство или ранение одного из этих фанатиков только вызовет их гнев. Но Гретт оказался не согласен с моими рассуждениями, и принялся размахивать секирой, пытаясь отогнать обступившую его толпу. Возможно, если бы не отравление, ему и удалось бы уложить нескольких противников, но в таком состоянии ему едва удавалось держать оружие в руках, и вскоре фанатики повалили егеря на землю и принялись избивать. Если бы не жесткий окрик их предводителя, толпа наверняка забила бы Гретта до смерти. От ощущения собственного бессилия руки мои задрожали в бессильной ярости. Я посмотрел на старика, который, по всей видимости, был кем-то вроде вождя этой общины конца света, и встретился с ним взглядом. В глазах его, однако же, не было ни капли того странного фанатичного безумия, плескавшегося в его подопечных. Он выглядел совершенно спокойным и сосредоточенным, чем немало изумил меня. С этим явно следовало разобраться полутуше и не рубить с плеча: наверняка у этого человека найдется что сказать насчет всего здесь происходящего.

Моя тактика сработала, и избивать меня никто не стал, уж это не могло не радовать. Теперь нужно только дождаться подходящего момента и унести отсюда ноги. По всей видимости, люди, оказавшиеся здесь, впали в отчаяние от гибели их родных и близких и всего их города, и потому принялись укрывать израненный разум в каком-то известном только им самим веровании. Не раз мне доводилось встречаться с подобными проявлениями человеческой сущности: во все времена, когда империя переживала трудные времена, улицы городов заполнялись сектантами, культистами, гуру и пророками судного дня. С тех пор как церковь Антартеса сдала свои позиции, новые секты вырастали быстрее чем грибы после дождя, и инквизиция

уже не успевала вылавливать всех. Во многих рейдах на подобные убежища, где скрывались очередные Дети Последнего Заката или Внуки Первой Луны, я участвовал лично, и потому отлично знал принципиальную схему того, как всё здесь обустроено. Здраво поразмыслив, я всё-таки пришел к выводу, что убийство старика не принесет мне никакой пользы: люди эти слишком глубоко прониклись его словами и собственными страданиями, и потому его смерть лишь упрочит их заблуждения. Быть может, Альвин сможет потушить пожар бушующий в городе, и люди эти понемногу смогут вернуться к прежней жизни, но в таком случае в большей степени опасаться следовало не удушливого дыма, а инквизитора второго ранга, прозванного Цикутой. Многим из них лично придется убедиться в правдивости этого прозвища, и все они еще успеют позавидовать мертвым.

Меч у меня, конечно же, отобрали, как и маленький, спрятанный в сапоге стилет, но по приказу старика не стали связывать, как это сделали с Греттом, а только лишь обступили со всех сторон, не давая шанса на побег. Егеря утащили в одно из боковых ответвлений, часть людей отправилась туда, где были оставлены остальные члены отряда, а меня повели вслед за стариком, величаво плывшим впереди процессии в своём нелепом белом балахоне, блестевшим свежей краской. Мы прошли несколько подземных хранилищ искусственного происхождения и вскоре оказались перед очередной дверью. Предводитель фанатиков торжественно достал массивный железный ключ и несколько раз провернул его в замке, открывая вход в небольшое помещение, темное и сырое, впрочем, как и всё здесь. Несколько рук втолкнули меня внутрь, и тут же дверь за моей спиной закрылась, отрезав последний отблеск света. Я оказался в полной темноте, слыша лишь, как старик с жаром начал втолковывать своим последователям какие-то указания. Из всех доносившихся до меня обрывков фраз, я понял лишь, что скоро ко мне придут. Но сколько это – скоро, особенно здесь, под толщей земли в полной темноте, я не знал.

Усталость камнем навалилась на меня, стоило только присесть у холодной сырой стены и вытянуть ноги. Быть может, ядовитый дым как-то и подействовал на меня, но почувствовать это явно никак не получалось. Кашель почти прошел, и осталась лишь сдавливающая всё тело тяжесть, похожая на давление толщи воды. Следующие несколько часов я пребывал в полусне, чутко прислушиваясь к каждому шороху, доносившемуся из-за двери, но никто так и не пришел ко мне, не принес ни еды, ни даже воды, ни единого отблеска света. Я провалился в забытье и лежал неподвижно, полностью отдавшись собственным мыслям,

плавающим в голове неспешно подобно огромным китам в просторах океана. В такие моменты я будто проникал в самые глубины собственной личности, мог видеть своё прошлое и, временами даже то, чего в действительности никогда не было, навеянное этим странным полусном. В темноте, когда ни единый лучик света не касался моих глаз, я пробуждался внутри самого себя. С тех пор, как мне довелось познакомиться с действием Багряного Пламени, только таким образом я мог пробуждать в себе остатки прежней жизни, недоступные и забытые в обычном состоянии. В этой темноте двери, за которыми скрывались остатки того, что не выжгла благодать Антартеса, открывались передо мной, и я снова чувствовал себя живым. Ночи Ауреваля как нельзя кстати подходили для таких практик, но временами я боялся навсегда остаться в этом небытие, и потому старался ложиться спать лицом к костру, дабы всю ночь видеть свет, и не позволять себе проваливаться во тьму.

От размышлений меня отвлек звук открывающейся двери, раздавшийся подобно грому среди ясного неба. Я не знал, сколько времени просидел так. Часы? Или дни? Время утратило всяческий смысл, и лишь одно желание овладело мной: навсегда остаться здесь, в этой темноте, глубоко под землей, где нет ни солнца, ни звезд, отдаться ужасной усталости и растечься по холодным камням аморфным студнем. Но где я отчетливо мог ощущать присутствие чего-то жуткого и голодного. Пугала.

Через мгновение я вскочил на ноги, почувствовал острый укол страха, забытого мною до тех самых пор, пока я не оказался на земле Ауреваля. На пороге стоял старик, держа в руках факел, а за его спиной высились двое мощного телосложения мужчин из числа его паствы.

- Он жив, и он готов узреть утерянный прежде свет, - торжественно объявил старик, указывая на меня тонким узловатым пальцем, - отведите его в молельный зал, чтобы я мог донести до него то, чему воспротивились души остальных.

Я внутренне похолодел, пытаясь представить, что могли сотворить эти фанатики с ослабевшими и отравленными дымом егерями и бывшими стражниками Карраса, но, заглянув в спокойные глаза старика, почему-то успокоился. Было во всем его поведении нечто неправильное, похожее на то, как не слишком толковый актер пытается сыграть слишком сложную для него роль. Не став дожидаться специального приглашения, я вышел из камеры. Миновав череду темных коридоров, мы оказались в просторном помещении, в дальнем конце которого из какого-то мусора и досок было сооружено нечто вроде алтаря, над которым горели десятки свечей, ронявших странные тени на стены вокруг.

- А теперь оставьте нас, дети мои. Я должен побеседовать с этим человеком наедине.

Меня втолкнули внутрь следом за стариком, и дверь за нами захлопнулась. Я повернулся в сторону своего пленителя, ожидая объяснений, но тот не спешил ничего мне рассказывать. Вместо этого он прошаркал в сторону алтаря, бережно снял одну из погасших свечей, поджег ее и заново водрузил на своё место.

- Теперь они ушли и можно поговорить, - совсем другим голосом обратился ко мне старик, - позволь представиться: меня зовут Игнатий. Знаю, сейчас не до вежливости, но времени у нас так много, что я посчитал нужным…

- Знаю, мы оказали вам не самый подобающий прием, - опережая мои вопросы, продолжил старик, - но это было необходимо. Для благополучия этих людей.

- Что за секту вы здесь организовали? За стенами Карраса остановился специальный отряд, и человек, который возглавляет его, я думаю, вам очень хорошо известен. Когда пожар будет потушен, Цикута разожжет собственный. Под вашими ногами.

- Если будет потушен, - сокрушенно разведя руками, вздохнул Игнатий, - об этом я и хотел поговорить.

- Позволь рассказать всё с самого начала, кир, - примирительно выставив вперед ладони, улыбнулся Игнатий, - и начнем мы с дружеского рукопожатия. Я уже назвал своё имя…

- Маркус, командор третьего ранга, - неохотно пожал я протянутую мне руку, все еще не вполне осознавая намерения этого странного человека.

- Так значит, император прислал специальный отряд для нашего спасения?

- Вовсе нет. Каррас не столь значителен для подобных визитов, но по пути мы решили всё разведать и понять, в чем же дело.

- Жаль, очень жаль, но впрочем, здесь нам помочь смог бы разве что солнцеликий Антартес. Мне, как алхимику, доподлинно известны все неприятные особенности горения того вида угля, на чьих залежах был построен Каррас.

- И что же это за уголь?

- У него пока еще нет названия. Я надеялся стать его первооткрывателем, но, к сожалению, не успел. Проблема в том, что как только этот уголь оказывается на воздухе, в нем начинается процесс воспламенения, так что добыть образцы чрезвычайно сложно. Не подумайте, пожар – не моя вина, я даже не успел приступить к своим изысканиям, когда всё произошло.

- Я так и думал, что дело в этом, - с видом эксперта я покачал головой, припоминая слова Альвина.

- И скоро пожар перекинется на весь пласт, залегающий под землей, и тогда начнется настоящий кошмар. Боюсь, нас уже не спасти, и о Каррасе на ближайшие столетия можно забыть.

- С этим можно что-то сделать?

- В том-то и дело, что нельзя. Именно поэтому я стал Вестником, как эти несчастные меня называют. Всего пару недель мне потребовалось для убеждения людей в правдивости моих слов, и теперь они чувствуют себя гораздо лучше, нежели бы я позволил всему идти своим чередом. Я убедил их в том, что настал конец всего, и лишь мы, спасшиеся во чреве земли – последние избранные, которые, пережив эти нелегкие времена под землей, снова заселят поверхность. Не буду рассказывать подробности, но думаю, смысл понятен. Я уже и не надеялся на помощь, но вот вы здесь, однако обратный путь вашим людям не пережить. Как и вам, кир.

- Видимо, действительно придется переждать, пока они придут в себя. Но через несколько дней они наверняка будут готовы двинуться в обратный путь…

- Нет, не будут. Газ, выделяемый при горении этого минерала, крайне токсичен, и от него нет никакой защиты. К тому же, он склонен накапливаться в теле человека, и выводится крайне трудно. Если ваши люди не умрут в ближайшие часы, еще одна доза этих испарений наверняка убьет их, это я гарантирую. Но вот на вас я не вижу никаких следов его воздействия и меня это, по правде говоря, немного сбивает с толку. Расскажите, как ощущения? Голова не болит, не кружится? Сухость во рту, першение, боль в груди?

- Нет, ничего такого, - отмахнулся я, - так значит, вывести отсюда людей не представляется возможным?

- Конечно, нет! Я же сказал это в самом начале. Половина из них умрет почти сразу, как выйдет на поверхность, а остальные еще очень долго будут болеть, и в лучшем случае к прежней жизни вернутся лишь каждый третий. Зачем давать им ложную надежду на спасение, если выживут только единицы? Им хорошо здесь, во тьме, где запасы воды безграничны, а еды хватит еще на несколько лет, а к тому времени, быть может, концентрация отравляющего вещества в их телах снизится до неопасного уровня, и можно будет попытаться выбраться отсюда. Впрочем, скорее всего, после выгорания определенных объемов пород, земля в городе и вокруг него обвалится, и откроются вечногорящие каверны, которые не в состоянии будет потушить ни один дождь.

- Я не могу бросить здесь своих людей. То, что вы предлагаете – такая же смерть, только более долгая. Так какая разница, умрут

они сейчас, или через пять лет? По крайней мере, у них будет шанс.

- Если они не умрут сейчас, то все равно не выдержат обратной дороги. Пройдут еще месяцы, прежде чем они будут готовы для повторения подобного путешествия, но к тому времени пожар распространится еще дальше, и дымом затянет все окрестности. Город провалится в пытающую бездну, и только скальное основание этого холма останется стоять.

- Но неужели нет никакого выхода? – в отчаянии вопросил я.

- Можно только покарать виновных, но, я думаю, их уже и так нет в живых.

- Виновных?

Я почувствовал, как сердце моё отчаянно забилось, будто в преддверии какой-то тайны. Наверняка весь этот пожар произошел не просто так, но кому он мог понадобиться? Впрочем, я знал, кому, но даже самому себе не мог в этом признаться.

- Не знаю, кто мог быть во всём этом замешан, поскольку слишком много неизвестных в этом уравнении. Пожар начался будто бы сразу и везде, целый город затянуло дымом в считанные минуты, и никто не успел забить тревогу. Я бы сказал, что это кара божия, но слишком уж это глупо звучит. Быть может, кому-то удалось прознать о залежах, и действовала тут целая диверсионная группа, а может, мои расчёты оказались неверными, и для возгорания целого пласта достаточно одного очага.

- Но больше это похоже на диверсию: пожар случился именно тогда, когда весь город спал. Никто бы не стал копать землю по ночам.

- Верно-верно, - быстро закивал Игнатий, будто пытаясь оправдаться, - в некоторых местах порода выходила почти на поверхность, и достаточно было копнуть немного глубже, чем следовало.

- Кому еще были известны эти сведения?

- Моим ученикам, упокой Антартес их души, да и… всей гильдии Алхимиков. Это не такой уж и большой секрет, учитывая постоянную потребность производства в новых видах топлива. У нас были все необходимые сертификаты и патенты на исследования, были отличные шансы добыть экспериментальный материал, но спустя всего пару месяцев после нашего приезда, это и случилось.

- А как же ваши ученики? Как они погибли?

- Ах, бедные мальчишки, - снова вздохнул Игнатий, утирая навернувшиеся на глаза слёзы, - знаете, в молодости у людей есть определенная потребность в женском обществе и… я… э-э-э. В

общем, я предполагаю, они погибли вместе с борделем, в котором остались на ночь. Вряд ли у них был шанс добежать до стен достаточно быстро.

Старик, казалось, с каждым словом нервничал всё больше, и я никак не мог взять в толк, чем же это вызвано. Возможно, его пугала возможность оказаться в лапах Августина, если пожар всё-таки прекратится, а может быть, он скрывал что-то, что могло пролить свет на случившееся. Так или иначе, слезы его казались мне совершенно искренними, и когда речь его зашла о пересказе событий той роковой ночи, Игнатий и вовсе не смог выжать из себя ни единого слова, казалось, заново переживая ужас и страх смерти в удушливых объятиях захватившего Каррас пожара.

- И что же теперь мне делать? Я должен пойти обратно и рассказать обо всём, что здесь случилось, пусть даже и оставив на ваше попечение своих людей.

- Позвольте мне только некоторое время понаблюдать, кир, как ваш организм отреагирует на дым. Я бы крайне не советовал идти прямо сейчас.

- Я уйду сейчас, - отрезал я, - сколько людей укрывается здесь?

- Сто пятьдесят три человека, большая часть – солдаты гарнизона, остальные – кто успел сбежаться сюда с ближайших улиц. Я специально оставил ворота и решетку открытыми, до последнего надеялся, что спасется кто-нибудь еще. Потом ждал, пока придет помощь. Как далеко нынче дым простерся над городом?

- Несколько сот футов от стен, немного больше, немного меньше.

- Очень и очень плохо,- сокрушенно покачал головой Игнатий, - если в ближайшее время не пройдут ливни, это облако будет только расти с каждым днем. Быстрее, чем я рассчитывал.

- Если дымное облако будет распространяться, каждый час промедления снижает мои шансы выбраться отсюда. По определенным причинам дым этот не так губителен для меня, и потому у меня есть все шансы выбраться и рассказать о случившемся.

Игнатий только молча кивнул и, посмотрев на меня полными невыносимой печали глазами, направился к двери. Ноги его зашаркали по полу, и казалось, будто весь он как-то сгорбился и скомкался, пораженный внезапной болезнью.

- Не знаю, что за особенности вашего организма позволяют дышать этой отравой так долго, но удерживать слугу императора здесь против его воли я не могу. Только подыграйте мне немного для пущего эффекта.

С этими словами он вышел наружу и кликнул своих людей, в ту же минуту пришедших на его зов.

- Этот человек – чист! – провозгласил Игнатий, обращаясь к фанатикам, - и более того, он известил нас о том, что жизнь на поверхности действительно уничтожена. Но дух его оказался достаточно силён для противостояния нечестивым испарениям, и потому он снова направится наружу, дабы искать других избранных и доводить до них вести о скором избавлении! Сам Антартес поведал ему в скитаниях, что ровно через семь лет сможем мы выйти на поверхность и вновь заселить мир. Я также видел это откровение и потому говорю вам, дети мои, возрадуйтесь, грядет спасение!

Люди восторженно загомонили и в слепом благоговении повалились на колени, принявшись биться головой об пол. Я старался не выказывать всего того ужаса и неприятия, что вызывали во мне их действия, за неполный месяц утратившие всякий здравый смысл. Неужели их горе оказалось настолько сильным, что они оказались способны поверить в любую чушь, скармливаемую им этим тщедушным старцем? Но, впрочем, не мне их судить, они сами избрали свой путь. В конце концов, Игнатий прав: лучше жить здесь, под землей, в сытости и тепле по законам их нового миропорядка, чем умереть, пытаясь выбраться из того ада, в который превратился город, корчась в судорогах и пытаясь втолкнуть в сжатые спазмом легкие еще немного этого яда.

- Могу я проведать своих людей перед уходом? – тихо шепнул я на ухо Игнатию, когда мы, увлекаемые взбудораженной толпой, принялись двигаться в обратном направлении.

- Двое пришельцев умерли, великий Вестник, - обратился к Игнатию один из фанатиков, - еще двое при смерти. Боюсь, их души оказались недостаточно чистыми для грядущего царствия.

- Ведите меня к ним, быть может, я еще смогу помочь этим несчастным.

Нас отвели в те самые «кельи», представляющие собой обыкновенные камеры для хранения припасов, переоборудованные теперь в некое подобие не то темницы, не то места уединения для молитв. Гретт, которого толпа чуть не забила до смерти, лежал на соломе отдельно от остальных, к нему я заглянул в первую очередь. Дыхание его было прерывистым и хриплым, но Игнатий, осмотрев егеря с ног до головы, послушав его дыхание, поглядев на язык и глаза, одобрительно покивал головой.

- Этот жить будет. С большей долей вероятности. Чем больше масса тела, тем больше нужно яда, чтобы его убить, поэтому он и

выжил.

- Даже не смотря на то, что твои люди его так отделали, - бросил я долго сдерживаемый упрек.

- Я испугался, кир, и не знал, как поступить, - начал оправдываться Игнатий, но я прервал его взмахом руки.

- Осмотри остальных.

Тимбольд, с кровавыми пузырями на губах, тихо сидел у стены и что-то бормотал себе под нос, совершенно отрешенный от этого мира. В этот раз Игнатий лишь едва заметно покачал головой, сразу же приступив к осмотру остальных. Я же подошел к помощнику Августина и попытался завязать с ним диалог.

- Тимбольд, ты слышишь меня?

- Я слышу голоса ангелов, отец. Неужели ты теперь тоже с ними? - удивленно раскрыв глаза, принялся шептать Тимбольд.

- У него галлюцинации, - пояснил старик, даже не поворачивая голову в мою сторону, - недолго осталось.

- Это я, Маркус, - не сдавался я, - мы дошли до цели, здесь есть спасшиеся люди.

- Весь мир теперь погрузился во мрак… и огненные каверны зовут к себе души грешников. Ты не слышишь их голос, Марк? Не слышишь, как он зовет тебя? Его ворон уже выклевал моё сердце, но я не чувствую боли, потому как все мы уже давно мертвы. Не спи, Маркус, не спи. Не позволяй своему разуму погрузиться во тьму…

Я невольно вздрогнул, но постарался внешне не выказывать своё волнение, однако с трудом смог выдержать полный боли взгляд Тимбольда. В очередной раз мне приходилось видеть, как умирают мои знакомые, пусть даже и те, кого я знал лишь номинально. Их имена моментально уносит ветром памяти, и остается только пустота. Именно поэтому я не хотел больше видеться с Мелиссой, прекрасно осознавая последствия наших последующих встреч. Я буквально сходил с ума от этих мыслей, от этих видений и снов, от потерь и лишений, преследующих меня уже столько лет, что сам порой не осознавал, что реально, а что нет. Тимбольд продолжал говорить, но я уже не слушал его речей. Игнатий принимал его слова за бред, я же отлично понимал, что скрывается за этим. Понимал, но не хотел принимать как действительность, не хотел слушать голос умирающего, вещающий устами Пугала, не хотел вспоминать ворона с глазами-пуговицами, выклевывающего сердца своих жертв. Я отошел к стене и прислонился к холодному камню лбом, пытаясь отогнать навязчивые мысли, вызванные предсмертным бредом Тимбольда. Игнатий же будто и не замечал ни моего состояния, ни умирающего инквизитора, нервно продолжая

колупать закрытые глаза декарха, в тщетной попытке открыть их.

- Этот будут жить, - Игнатий указал на Теола, лежащего без сознания, - шансов меньше, чем у того здоровяка, но ваши маски всё-таки немного помогли снизить отравляющие свойства дыма. К тому же, судя по всему, он использовал какой-то стимулятор, за счет которого его сердце всё еще продолжает биться. Будет очень долго болеть, но, надеюсь, жизнь того стоит.

- Позаботьтесь о них, мастре, о большем не прошу. А я должен идти.

Игнатий только тихо прикрыл глаза, пытаясь нащупать пульс у второго егеря, но безрезультатно. Фонарь лежал на спине и смотрел немигающим взглядом в потолок, но это зрелище уже не могло тронуть мою душу: слишком уж часто я наблюдал за подобным зрелищем.

- Прощайте, командор, - протянул мне руку на прощание Игнатий, снова приводя меня в неловкость этим странным западным обычаем.

- Прощайте.

И я пошел прочь из этого подземного мира, приютившего в себе полторы сотни людей. Туда, где за пеленой дыма начинался настоящий мир. Где правило солнце, и где никто еще не слышал о проблеме этих людей, запертых в маленьком гроте и вынужденных молиться о возвращении на поверхность и слушать слова своего Вестника.

***

Горящий город завораживал и ужасал. Нет, то пылали не маленькие одноэтажные домики Карраса, а древние каменные дворцы Стафероса, его форумы, бани и сады, библиотеки, мастерские и театры. Осыпалась, не выдерживая невыносимого жара, штукатурка, рассыпалась лепнина и барельефы, зелень садов обугливалась и превращалась в пепел. Я будто плыл над гибнущим городом, не в силах понять, видения прошлого передо мной, настоящего или будущего. И всюду, куда я ни обращал свой взор – всюду огонь и разрушение.

Как я оказался здесь? Когда удушающий дым погибшего Карраса, превратившегося в угли, сменился ревущим пламенем умирающей имперской столицы? Далеко внизу по улицам растекались ручейки иноземных захватчиков, ломая последнюю защиту города и, сливаясь, превращались, наконец, в ревущий поток, уничтожающий всё на своём пути. Теперь я вспомнил этот день, и воспоминание это заставило мой дух, безмятежно реющий над Стафероса, воспрянуть ото сна и заметаться, пытаясь высвободиться из объятий кошмара. У меня не было ни тела, ни даже формы, и сколько я ни пытался пошевелить

отсутствующими руками, не происходило ровным счетом ничего, и даже ветер не возбуждали мои призрачные телодвижения.

Я оказался обречен наблюдать последний день Шестой Империи, гибнущей для того, чтобы воскреснуть снова, подобно легендарному фениксу. Горячий ветер носил мой бестелесный дух над огненной бездной, и нигде мне не было покоя, а только лишь бесконечные душевные муки терзающих меня воспоминаний.

- Смотри, как рвутся нити, связывающие тебя с этим миром, - раздался где-то неподалёку знакомый голос.

И в это же мгновение раскаленный ветер невероятно быстро понес меня к храмовой горе, пока еще не затронутой огнем так, как остальной город. Я хотел ответить, но не смог издать ни звука, холе закричать, но у меня не было и лёгких, чтобы набрать в них воздух. Здесь, окруженная высокой стеной, возвышалась вилла, больше напоминающая полноценную крепость. Мой дом, еще не сметенный ордами ахвиллейцев. Теперь я вспомнил эту уже стершуюся часть моей памяти, и рванулся изо всех сил, пытаясь преодолеть лишенное плоти бытие.

- Неужели тебя не радует это чувство? Теперь, спустя столько лет, ты можешь признаться себе: ни эта, ни любая другая трагедия, больше не трогают твою душу. Багряное Пламя очистило тебя от страданий, от грусти и печали, от страданий и горя, как ты и хотел. Твои чувства – отголоски прошлого, запертые на семь замков, истинная же твоя сущность чиста и лишена страстей.

Внезапно я почувствовал едва заметное шевеление окружающего меня воздуха. Сосредоточившись, я вцепился в это ощущение и не отпускал его, пока вновь не ощутил глубоко внутри себя биение смертного сердца, перекачивающего по пока еще незримым венам, эфемерную же кровь.

- Разве не прекрасно это чувство, когда нет больше оков бренной плоти? Когда есть только чистый разум, подобно божественному, что некогда носился над тьмою?

Медленно, слишком медленно тело моё снова начинало существовать. Дым опалил мои легкие, а жар огня, прежде ласковый и подобный весеннему ветру, обжег вновь обретенную плоть. Каждая частица меня кричала от невыносимой боли бытия, противясь своему рождению. Я упал на землю, опалённый и задыхающийся, а невидимые крылья, что несли мой дух, опали и обратились в пепел. Теперь я обрел и свой голос, но всё равно не мог выдавить из пересохшего горла ни звука, наблюдая лишь, как пламя окружает нетронутый до сих пор островок Храмового холма, как знамёна с четырехглавой Гидрой устремляются всё выше по изящным мостовым, неумолимо отвоёвывая у защитников ярд за

ярдом.

- Но чувствуешь ли ты теперь что-то помимо физической боли? – на этот раз голос звучал совсем близко, но я оказался не в силах даже повернуть голову, дабы встретиться с Пугалом лицом к лицу - только бог не чувствует боли. Ведь он и есть боль. Он не имеет начала и конца, не имеет ни плоти, ни духа. Но в то же время он – всё.

- Оставь меня наконец, - тихо, даже не осознавая, произнес ли я эти слова вслух или про себя, сказал я, - ты понятия не имеешь о моих чувствах и мыслях. Так не смей же говорить о том, чего не знаешь!

- В самом деле, я не очень хороший рассказчик, но ведь видения прошлого и туманные намёки – это так таинственно. Создается впечатление какой-то жуткой тайны, не правда ли? Впрочем, уже поздно придумывать что-то еще, это будет выглядеть глупо. Но касательно одного ты неправ: я знаю о тебе больше, чем ты можешь даже представить, знаю такое, в чем ты не можешь сознаться самому себе.

- Думаешь, я могу хоть что-нибудь понять в этих бессмысленных полётах над горящим городом? Я уже не одну сотню раз переживал смерть моей семьи, жены и детей, смерть города, в котором жил и страны, которой служил. В своих снах я видел это так отчётливо, будто всё происходило наяву.

- Ты просто не хочешь узреть того, что я тебе показываю, поскольку не знаешь первопричины происходящего. Но в этом нет ничего страшного, у нас еще есть время, - уже приглушенным голосом оборвал мою речь невидимый собеседник, - а пока что тебе нужно очнуться от этого, вне всякого сомнения, прекрасного сна, иначе твоё тело начнет гореть, и дальнейшие наши беседы будут немного… затруднены.

***

Казалось, будто я и в самом деле оказался в вечной тени подземного царства. Лишь дым и тишина, изредка нарушаемая треском пламени где-то вдалеке. Я не помнил, как оказался здесь, не знал и куда теперь идти, поскольку при падении стекла окуляров едва не разбились, покрывшись густой сетью трещин, за которыми ничего не разглядеть. Здесь, на дне провала дым стлался не так густо, как на поверхности, но всё же его хватало для мучившего меня кашля. Оставалось только благодарить счастливый случай, спасший меня от падения в огненную бездну, разверзшуюся буквально в шаге от меня, однако теперь ещё предстояло выбраться из этого провала и найти обратную дорогу.

Не знаю, сколько времени пришлось потратить на утомительный путь наверх. Я полз, обдирая истершиеся перчатки

до самой кожи и чувствуя невыносимый жар, подгоняющий меня снизу, будто из чрева просыпающегося вулкана. Невыносимо хотелось пить, но фляга потерялась где-то во время падения, и теперь оставалось лишь молиться всем возможным богам, гадая, прикончит ли меня раньше дым или жажда. Теперь, лёжа у края обрыва и судорожно вдыхая ядовитый дым, я осознавал всю абсурдность этого предприятия, обрекшего на гибель пятерых человек. Да, теперь стали известны истинные причины гибели города, но загадка таинственного поджигателя, по всей видимости, так и останется загадкой. Был ли это тот, кто насылает мне видения, или же всё это просто галлюцинации и излишне реалистичные сны, вызванные жизненными тревогами? Кто обрек Каррас на ужасную смерть? Или же это было случайностью, человеческой небрежностью и глупостью? Сотни вопросов роились в моей голове в этот момент, но чем дальше я углублялся в них, тем более яркими становились образы, мелькающие в моей отяжелевшей голове. Затем пришло тревожное чувство, заполнившее собой отяжелевшее тело. Сквозь окуляры маски мне виделись тени, промелькивающие на самой периферии моего зрения, и заставляющие каждый раз вертеть головой из стороны в сторону, пытаясь настигнуть их. Сердце гулко билось в груди, отдаваясь неприятной тупой болью в руках и ногах, и пока я брел сквозь дым и пепел, поминутно падая и заходясь жутким кашлем, страх продолжал расти и сковывать мои движения.

Выгоревшие стены домов, вдоль которых я брел, встречали пустыми провалами окон и осыпающейся кладкой, рассыпающейся под моими руками черной золой. То тут, то там я натыкался на запорошенные пеплом, обгоревшие и скрюченные тела несчастных, пытавшихся в роковую ночь спастись из гибнущего города. Мертвецы лежали поодиночке, парами и группами, целыми семьями, и всех их нагнала удушливая смерть, всех укрыло одеяло пепла, и теперь лишь немой оскал обугленных ртов с белеющими зубами выдавал в этих похожих на обугленные головёшки телах некогда человеческих созданий. Меня трясло и мутило, видения ужасных оскалов мертвецов все больше завораживали моё воображение, и я никак не мог избавиться от этой завораживающей картины перед глазами. Нет, смерть давно уже не пугала и не ужасала меня, слишком много было ее на моём веку, начиная от смерти троих моих братьев и сестер в младенчестве, дальних и близких родственников, смертей случайных прохожих от оспы и чумы на улицах и заканчивая убитыми врагами в сражениях. Но это место и смерть этих людей казались чем-то невероятно неестественным: никто не

похоронит эти тела, никто не будет скорбеть по ним и даже вороны и могильные жуки не покусятся на них. Они будто оказались обречены на вечные муки в крошечном филиале ада на земле, сокрытые в удушливом дыме ото всего мира.

И мысли эти до того въелись в меня, что я уже не видел перед собой ничего, кроме смерти. Меня тошнило, и перед глазами метались налившиеся чернотой тени, кружа голову своей невероятной пляской. И тут, подобно грому, раздался звук колокола, чистый и мощный, прокатившийся через дымную пелену, заглушая все прочие звуки и даже мысли, будто заполняя собой всё окружающее пространство. Я замер на месте, не в силах выдержать его чистый и громкий звук, зажав уши руками, но вскоре осознал, что звучание его исходит изнутри меня и не собирается прекращаться. Из носа моего хлынула кровь, и пришлось снять с лица маску, чтобы не захлебнуться, темные грязные капли очень медленно закапали с нее на землю, смешиваясь с пеплом под ногами. Оторвав взгляд от созерцания вида собственной крови, я обнаружил себя стоящим в окружении обугленных мертвецов, обступивших меня плотным черным кольцом.

- Вас не существует, - непонятно для чего произнес я, почувствовав себя в этот момент невероятно глупо. Страх, холодный и липкий, мгновенно сковал сердце и остановил бег крови по жилам.

Но темные капли продолжали капать на такую же черную землю, и в установившейся после удара колокола оглушительной тишине звуки эти казались невероятно громкими. Страх парализовывал, и силы оставили меня. Только неимоверным усилием воли я заставлял себя двигаться вперед, пробираясь между покойниками, оскаленными обгоревшими лицами взиравшими на меня. Я чувствовал, как сжимается кольцо вокруг меня, чувствовал прикосновение мертвых рук, пытающихся схватить меня, но никак не мог вырваться. Вскоре я сорвался на бег, но чем дальше продвигался, тем больше осознавал: за всё то время, что я шел и бежал по задымленному городу, можно было четырежды пройти его из конца в конец. Но ему всё не было конца и края, лишь бесконечные руины, дым и мертвецы. А я всё бежал и бежал, задыхаясь и кашляя кровью, растирая раскрасневшиеся и высохшие глаза до рези и помутнения. В этот момент мне пришла в голову страшная мысль: «А что если я и вправду умер в тот момент, когда ударил колокол?». Но я гнал ее прочь и всё бежал, спотыкаясь и падая, окруженный немыми оскалами мертвецов. Внезапный порыв ветра его не сбил меня с ног. Снова прозвучал колокол, и с неба хлынули потоки воды,

превращая пепел в жидкую грязь. Но там, где-то впереди был свет, и этот стремительный бег с каждой секундой приближал меня к нему. Луч этого света всё разрастался и поглощал окружающее пространство, превращаясь в ослепительный коридор, по которому моя душа отлетала из умирающего тела. Вскоре этот свет заполнил собой всё окружающее пространство, и я закричал, ослепленный и обожжённый им. Затем пришла темнота.

Глава 4

Когда я открыл глаза, вокруг было очень темно, но по звукам я понял, что нахожусь уже не на пустынных улицах Карраса и даже не в Чертогах. Кажется, будто с момента последнего моего воспоминания прошел всего лишь миг. Вот ослепительный свет бьет мне в глаза, и вот я лежу на большой и мягкой кровати, укрытый пуховым одеялом, а за окном ветер покачивает листья, и те шелестят до того размеренно и спокойно, что глаза мои закрываются сами собой. Снова наступает темнота.

- Я уж боялся, что ты никогда не очнешься, - раздался совсем рядом со мной тихий, но неизменно твердый голос Августина.

- Он еще слишком слаб, ваше преподобие, ему нужна тишина и покой, - ответил ему кто-то незнакомый.

- Ужели старик сможет как-то помешать этому отдыху? Я знаю: он гораздо сильнее, чем кажется, и сможет сказать мне пару слов перед тем, как ты напоишь его своим зельем.

- Я просто предупредил…

- Оставь нас на пару минут.

Чуть приоткрыв глаза, я увидел низенького полного человека похожего на упитанную мышь в своей серой тоге, учтиво склонившим голову перед Августином. В следующее мгновение он будто испарился, и весь мир теперь занимало обеспокоенное лицо инквизитора, в глубоких морщинах которого, казалось, виднеется пыль многих веков.

- Марк, ты слышишь меня?

Я едва заметно кивнул головой, пытаясь понять, смогу ли теперь выдавить из себя хоть одно слово. Это простое действие показалось мне невероятно трудным, поскольку горло моё и лёгкие всё еще горели огнем, даже когда я пытался вдохнуть немного больше воздуха, чем следовало.

- Мы нашли тебя у самой кромки дымной завесы, и ты был едва жив, - увидев, что я не в состоянии членораздельно говорить, сообщил мне Августин, - на вторые сутки, как ты собрал отряд и ушел туда. Если бы не Альвин, сумевший-таки призвать дождь, мы бы потеряли и тебя. Мне не терпится узнать, как всё прошло, но доктор пока не дает никаких прогнозов относительно того, когда ты заговоришь: так сильны оказались твои ожоги. Неделю назад мы прибыли в Морхейм и сейчас ты в моем доме, если интересно. Кстати говоря, Мелисса навещала тебя каждый день и ушла буквально несколько минут назад. Девочка очень беспокоилась и просила остаться, но я отослал ее до тех пор, пока ты не придешь в себя. Она итак просидела возле твоей кровати

чуть ли не два дня…

Я мысленно закатил глаза, поражаясь упёртости моего учителя, однако внешне оставался, по всей видимости, спокойным как мраморная глыба, поскольку любое движение отдавалось болью в моем измученном теле. Погруженный в какие-то свои мысли, Августин продолжал размеренно рассказывать о том, как Мелисса подходит мне, и как он всё хорошо придумал с нашей помолвкой. Не сказав о ней мне ни слова. Впрочем, инквизитор любил решать дела за других, не спрашивая чьего бы то ни было мнения. К этому я привык, и почти не слушал его речей.

- Пить, - едва шевеля губами, выдавил я.

А вдоволь напившись, тут же снова провалился в сон, наполненный странными и расплывающимися образами. Сон на самой грани бодрствования, какой бывает у всех больных, кому недуг не позволяет забыться в спасительной темноте.

Так тянулись похожие друг на друга серые дни. Лето сменилось осенью, что особенно ясно ощущалось здесь, в самом сердце Ауреваля: бесконечная морось и серые небеса, виднеющиеся в окнах моей обители, холод и утренние туманы. Только спустя две недели я смог подняться с постели и пройтись по просторной спальне, в которой поселил меня Августин, обставленной скромно, но со вкусом. И все дни моей болезни, как по расписанию, меня навещала племянница инквизитора, долгие часы проводившая подле моей постели. Приходил и Альвин, вечно пьяный и шумный, рассказывая обо всем, что происходит в городе, в особенности о его трактирах и публичных домах, где он пропадал целыми днями. Его душу терзали страшные муки, от которых он пытался отрешиться выпивкой и женщинами, в особенности сейчас, хотя никогда в этом и не сознавался, игнорируя всякий здравый смысл. Наверное, с точки зрения Августина, так выглядел и я, хотя природа наших душевных терзаний была совершенно разной. Я не осуждал его, и потому Альвин, как ни к кому другому привязался ко мне, и на том зиждилась наша дружба.

Долго еще не мог я нормально говорить, но как только уста мои вновь разверзлись, наши разговоры с Мелиссой потекли подобно широкой и глубоководной реке – размеренно, спокойно и долго. Она рассказывала мне о своей жизни и о жизни Ауреваля, о том, как в этих землях впервые появились люди, каким богам они молились и какие сказания повторялись неизменно по вечерам в их утлых жилищах. Знала она, как мне казалось, почти всё об истории своего края, равно как и об истории всего прочего мира. Образование ее было заслугой брата,

оплатившего учёбу в лучшем имперском учебном заведении для благородных дам. Однако домашнее ее обучение, и то саморазвитие, которым Мелисса занималась всё свободное время, при всем при этом составляли едва ли не большую часть ее общей образованности и ума, каким только может похвастаться девушка в наш век. Наше общение складывалось весьма плодотворно, не смотря на то, что дочери стратега едва исполнилось семнадцать, в то время как мой век уже перевалил за третий десяток. Она была юна, умна, полна жизни и просто обворожительна, я же – изранен, стар и опустошен. Однако мы будто не замечали этой разницы, и имя ее, подобно целебному растению, от которого оно происходит, как нельзя кстати подходило такому ее воздействию на меня. Мелисса поведала мне десятки историй и легенд, выведанных у коренных племен, называемых имперцами «людьми долин» или кеметами, здесь обитающих, и записанных в несколько томов книг за ее авторством.

- Когда-то, по поверьям людей долины, в пузыре дыхания Творца, спящего в это время в водах на дне Мирового Океана, обитал дух, подобно другим духам в их собственных пузырях, поднимающихся на поверхность - голос Мелиссы лился подобно воде горного ручья, так же весело и звонко, и я невольно заслушивался им, иногда теряя нить повествования – и стало ему очень скучно в этом нескончаемом пути к поверхности, решил он создать по подобию того, как создавал миры сам Творец, свой собственный мир. А поскольку дух этот сам был частью Бога, его дыханием, то и обладал частью его силы…

- А сколько тогда духов наплодил Творец за время своего бытия, если каждый пузырек его дыхания – отдельная сущность? – не смог удержаться я.

- Столько, сколько звезд на небе. Люди долин верят, что каждая звезда – солнце другого мира, то есть пузырька воздуха, в котором он заключен, а пространство меж ними, видное ночью – темные воды Мирового Океана.

- Интересно было бы взглянуть на мир Творца, каким его представляют эти дикари, вот уж, наверное, презабавное зрелище. Извини, рассказывай дальше, - опомнился я.

- Так вот. Для создания своего мира, дух этот, называемый Арри, то есть, дыхание, в переводе с диалекта кеметов, опустился до самого дна и взял его твердой поверхности, дабы создать Хвилею и Близнецов, младших братьев ее, которых видно только по ночам. Сам же Арри стал небесным светилом, беспрестанно снующим вокруг своих творений и наблюдающих за ними. Но была земля пустынна и бездушна, тогда Арри часть себя отдал, дабы эту жизнь создать, большую часть себя, и более не в силах

был вмешиваться в дела своего творения, оставаясь ныне только безмолвным наблюдателем. Из духа его произросли травы и деревья, появились звери и птицы, в последний же момент созданы были люди по образу и подобию Творца, которого так любил Арри и частью которого он являлся, дабы восхвалять своим существованием Бога, воплощая образ его, и создавать самим свои миры, повторяя бесконечный цикл творения.

Мелисса на минуту замолчала, будто обдумывая сказанное, и как-то туманно смотря поверх моей головы. В такие моменты меня так и подмывало окликнуть ее, выдернув из мира внутренних грез, но я всегда сдерживался, как бы ни хотелось мне услышать продолжение.

- Всегда есть какое-то «но», в чем же здесь подвох?

- Ни в чем. Арри дал людям облик Творца и желание создавать, и больше ничего. Нет никаких заповедей, нет ни Чертогов Боли, ни Чертогов тишины. Люди, умирая, перерождаются вновь, то травой, то деревом, то зверем, то снова человеком. Всё обращается во прах и рождается снова, бесконечный цикл творения, как я уже и говорила.

- И как они, в таком случае, относятся к имперскому богу? Как объясняют они его силу и силу тех, кто наделен его властью?

- Они для кеметов средоточие Арри, укравшие у других созданий часть его духа и потому способные менять мир сильнее прочих живых существ. А тот, кто сможет поглотить весь дух его на земле, обратится вновь самим Арри, повторив цикл творения.

- Какой ужас, на месте этих несчастных дикарей я, должно быть, страшно боялся бы перерождаться, если есть вероятность воскреснуть каким-нибудь деревом, простояв на одном месте тысячу лет - глупо улыбнулся я, но, наткнувшись на серьезное лицо Мелиссы, тут же стер улыбку с лица. Слишком уж серьезна она относилась к фольклору и истории, чтобы адекватно воспринимать безобидные шутки.

- По крайней мере, это не звучит так же глупо, как истории из Книги Антартеса, в этом есть какой-то смысл, - немного обиженно, ответила Мелисса, так что я готов был поклясться, будто она и сама уверовала в сказки полудиких кеметов.

- Занятно слушать такие речи от племянницы инквизитора.

- Иногда мне кажется, будто и дядя утратил свою веру. Здесь, в Ауревале, люди молятся самым разным богам, верят в разные обычаи и приметы, так что не удивляйся тому, что творится на улицах города, и тому, почему инквизиция не жжёт здесь костры круглые сутки.

- Постараюсь не удивляться. Однако относительно старика Августина у меня никогда не будет сомнений: этот человек имеет

железные принципы и веру.

- Железу свойственно ржаветь, - пожала плечами Мелисса, - впрочем, ты прав. Дядя гораздо крепче, чем может показаться.

Минутная обида тут же сползла с ее лица, уступив место прежнему теплу. Мелисса впитала в себя всю сущность Ауреваля, сам дух этой непокорной и суровой земли, и оттого ревностно защищала каждую ее историю и божество, живущее, казалось, в каждом дереве и под каждым камнем. Здесь, на окраине мира, сохранилось всё то, что империя уничтожала на протяжении сотен лет, здесь до сих пор верили в дриад и оборотней, в кобольдов и вурдалаков, троллей, огров, драконов и фей – всех мифов мира, привезенных сюда золотоискателями со всех уголков земли. И потому забавно слушать всё это мне – выходцу из самого сердца просвещённой столицы, где так сильна была мощь Антартеса, что долгие годы всех несогласных и неугодных этому могущественному и беспощадному богу сжигали на кострах сотнями и тысячами, выкорчевывая семена ушедшего мира и создавая новый.

- Расскажи мне еще что-нибудь, - любуясь Мелиссой, просил я.

И она рассказывала. Совсем как в те времена, когда я был еще ребенком, и, болея, лежал в кровати, а мать рассказывала мне истории из своей жизни и сплетни высшего света, за незнанием обыкновенных детских сказок. Я наслаждался каждым моментом из череды дней, проведенных в доме Августина, прекрасно осознавая тщетность всех своих чувств, с каждым днем крепнущим внутри меня. Совсем скоро мне придется покинуть этот гостеприимный дом и в очередной раз разочаровать старого инквизитора, разорвав всяческие отношения с его племянницей. Как бы ни было больно мне и ей, это просто жизненно необходимо, и сам Августин не ведает, какой опасности подвергает себя и Мелиссу, устраивая нашу помолвку.

И вот, спустя три недели я наконец смог выйти из дома, и теперь не ограничивался короткими прогулками по саду, созерцая рыбок в пруду под акациями. И хотя Августин уговаривал меня остаться в его доме, я всё-таки нашел себе жилье в другом районе города, недалеко от Литературного квартала, где обитали местные художники, артисты, писатели, философы, музыканты и прочие люди искусства. Я снял деньги со своего счета в имперском банке и арендовал целый особняк, нанял двух слуг и кухарку, и углубился в изучение древнего как сама эта земля города. Миссия наша на данный момент натолкнулась на непреодолимую стену бюрократической волокиты, и члены отряда рассыпались по Морхейму и его окрестностям в

томительном ожидании. Августин же, затаив обиду, не стал рассказывать всего положения дел, но в Ауревале, судя по всему, велась какая-то внутренняя тайная война не то за раздел власти между приближенными военной группировки стратега, не то за веру, не то за управление золотыми потоками фемы. А может быть, за всё и сразу. Оставалось только ждать и готовиться. Уходя, я клятвенно поклялся Августину рассказать обо всем, что терзало меня, и чего я опасался, сказав только об опасности, грозившей Мелиссе, если она будет рядом со мной. Старый инквизитор только тяжко вздохнул и, зло сверкнув глазами на последок, захлопнул за мной дверь.

Здесь, на узкой улочке у моего особняка, где дома почти сходились крышами, закрывая солнечный свет, оказалось ужасно грязно, как никогда не бывает в имперских городах. Весь Морхейм, казалось, утопал в этой грязи, ведь помои и мусор здесь принято было вываливать прямо на улицы из окон домов. Весь изрытый смердящими канавами и расползшимися древними мостовыми, он производил впечатление ожившего мертвеца, вставшего из своей могилы непонятно для какой цели. На древних руинах столицы Ауреваля росли и снова рушились новые кварталы, перемешивались культурные эпохи и местами среди развалин какого-нибудь дворца времен Второй империи здесь можно увидеть утлые лачуги нищих, прижатые друг к другу так плотно, что нельзя уже различить, где начинается одно жилище и где кончается другое. Нищета и богатство жили здесь рука об руку: богатейшие владельцы рудников и золоторудных компаний, купцы, мастеровые, гильдейский и военный люд проживал подобно императорам в огромных золоченых дворцах с целым сонмом прислуги и рабов, выжимая из этой безжизненной земли все ее золотые соки и устанавливая монополию на их добычу, переработку и продажу. Все остальные, кому не посчастливилось прибиться к этой братии, установившей в Ауревале свои законы и владычество, оказались вынуждены влачить жалкое существование, немного лишь отличающееся от жизни рабов.

Стратег и его турмархи были высшим законом, военной силой фемы, обеспечивающей ее защиту и поддерживающей порядок. Они же получали большую часть дохода от золотодобычи. Второе место в этой иерархии занимали имперские торговые компании, а также динаты - крупные землевладельцы, способные влиянием и военной силой подтвердить права на свои земли. Дальше шла администрация муниципалитетов и владельцы мастерских, а также назначенные самим императором сборщики налогов и прочие «контролирующие» соблюдение имперских законов и

поддержания власти императора чиновники. Все остальные, низшие сословия, были бедны и почти не имели никаких прав по сравнению с высшими. Здесь почему-то особенно чувствовалась эта разница, как ни в одном другом уголке империи, где свободного гражданина, пусть даже самого последнего подмастерья или крестьянина, не могли убить без суда и следствия по обвинению в «нарушении законов военного времени» или по любому другому подозрению. Стратиоты – рядовые солдаты фемы выглядели знатными людьми по сравнению с прочими фемами империи и владели обширными наделами с приписными крестьянами и рабами, вместо казарм, как положено в военное время, нередко проживая в загородных виллах, получая неплохие деньги от своей земли и из казны стратега.

Неудивительно, что к моменту нашего прибытия, разжиревшие и обнаглевшие от золота и власти военные, динаты и монополизировавшие торговлю гильдии принялись соперничать друг с другом за еще большую власть и богатство. Разбираться с ними нужно было легионам путем полного уничтожения, а не шести десяткам не самых влиятельных людей империи, только и способных пожаловаться императору на самоуправство и беззаконие, воцарившееся в землях Ауреваля.

Так устроился я в этом странном городе, чередовавшем величие с грязью и богатство с нищетой. Дом мой находился на возвышении, и потому грязь его не касалась так сильно, как все прочие кварталы, находящиеся в низине, и я мог дышать относительно чистым воздухом, недоступным тем, кто проживал внизу. По соседству располагались виллы каких-то знатных патрициев, а может, обычных купцов, так просто и не определить. За их высокими каменными оградами виднелись тонкие шпили и узкие витражные окна, нелепо сочетающие в себе черты дворцов и замков. Архитектура их так отличалась, что невозможно порой определить, из каких земель прибыл человек, здесь проживающий, и к тому же, большая часть этого напускного лоска виделась мне полнейшей безвкусицей, не идущей ни в какое сравнение с пленительно-прекрасным ансамблем Стафероса. Богатые люди, живущие на этом пятачке красоты, были заносчивые и жадные, бедные же, проживающие в трущобах вокруг, вопреки народным сказкам о бедном благородстве – злые и недальновидные, готовые перегрызть горло любому, кто решится пройтись по их владениям без охраны. Не раз и не два эта братия нарывалась на острие моего меча, надеясь с кирками и камнями одолеть одинокого путника, и неизменно в страхе убегая, как только один или двое разбойников падали замертво,

или отползали, подвывая, смертельно раненые. Через некоторое время мне это страшно надоело, и я нанял двух громил, наёмников откуда-то из восточных провинций, судя по цокающему акценту и манере выбривать бороду до подбородка.

Передвигаться в паланкине, как это делали местные богачи, подражая традициям старой империи, я не собирался, и потому послал слуг с распиской забрать моего Хлыста, прозябавшего в стойлах казарменной конюшни. Гордый конь, казалось, ничуть не скучал по моему отсутствию, в общем-то, как и остальные мои домашние любимцы: охотничьи псы и домашние коты, сколько их ни было за всю жизнь. Все они почему-то крайне равнодушно относились к моему присутствию, равно как и к отсутствию, и иногда мне начинало казаться, будто меня и вовсе для них не существует.

Альвин пришел в моё жилище через несколько дней после моего переезда, снова пьяный и с двумя девушками сомнительного происхождения. Я выставил его за дверь в ту же минуту, не без помощи моих новоиспеченных телохранителей, конечно. Только я мог себе позволить так обращаться с Альвином, наследником одного из самых знатных и богатых родов империи, и хотя обида его каждый раз казалась неподдельно искренней, через пару часов он уже отходил. Так вышло и в этот раз. Через три четверти часа мой друг снова заявился к порогу моего дома, уже без девушек.

- Твоя праведность когда-нибудь сделает тебя святым, - с порога заявил он, немного покачиваясь, как моряк, сошедший на берег.

- Ты же знаешь, я терпеть не могу бордельных девок.

- А как же ты тогда свои потребности утоляешь, святоша? Рукоблудишь понемногу? – рассмеялся Альвин в ответ, пытаясь снять измаранные густой грязью сапоги под причитания вышедшей с метлой в руках кухарки.

- Для этого не обязательно идти в грязный и шумный публичный дом. Куртизанки куда лучший выбор, они, по крайней мере, достаточно изысканны хотя бы для того, чтобы не рыгать, нахлебавшись пива. А лучше женись, наконец. У тебя-то уж точно не будет отбоя от самых красивых и знатных дам империи.

- Кто бы говорил, - едва слышно буркнул Альвин.

Не став развивать эту тему, он прошагал в обеденную залу, где слуги уже приготовили стол для небольшого ужина. Покрытые изящными фресками с изображениями жизни святых императоров стены с первого же моего появления в этом доме покорили моё сердце, и здесь я мог сидеть часами, созерцая раскрывающуюся и будто живую историю с ее невыразимым

разнообразием образов и лиц. Альвин же даже не взглянул на всё это великолепие, с ходу усевшись за стол и принявшись поглощать еду с деликатностью борова, голодавшего неделю. Такое поведение моего друга считалось обыкновенным, хотя ни разу я не видел у него подобные манеры ни на одном из официальных мероприятий. Напротив, на устраиваемой даже самым низкородным патрицием пиру, Альвин представлял собой саму изысканность и был гордым сыном тысячелетнего рода: деликатным, остроумным и непоколебимо аристократичным. Только в моем присутствии он мог являть миру то, что приходилось годами скрывать за рамками морали и воспитанности. Не скажу, будто он был свиньей по своей натуре или, как можно подумать, презрительно относился ко мне, но просто его до самых костей творческая натура не терпела никаких рамок, как в искусстве и его ремесле, так и в этикете, и потому он упорно эти рамки крушил в тайне от остальных, наслаждаясь мимолетной свободой от правил и законов. И потому, что только со мной он мог позволить преодолеть эти границы, меня же он любил больше всех, кого знал, даже более своей матери и отца.

- А я ведь не просто так пришел, - покончив с ужином и утерев рот рукавом, наконец произнес Альвин.

- Конечно не просто так. Ты выпил и поел, чего же еще желать?

- Это дело хорошее, - сыто растянувшись, Альвин положил босые ноги на стол, - но у меня есть кое-что получше. Кое-что, касающееся непосредственно тебя и твоего рода деятельности.

- Очень интересно.

- Мне кажется, я вплотную подошел к разгадке того, зачем мы здесь оказались, - интригующим голосом начал Альвин, - конечно, не только из-за этого, причин много. Но главная причина состоит в том, что фема собирается выйти из состава империи и образовать собственное королевство.

- Очень и очень интересно. Откуда такие умозаключения, и причем здесь моя деятельность?

- Захватывающе, не правда ли? А дело всё в том, что у местных сепаратистов завелось какое-то божество, науськивающее их на открытое восстание. Не спрашивай, откуда я это знаю, просто иногда выпивать с разными людьми бывает очень полезно.

- Августин знает об этом?

- Про грядущее восстание – кое-что, но не слишком много. Про языческое божество – вряд ли. У старика сердце лопнет от такого непотребства. А потом Морхейм запылает тысячами костров.

- По мне, так звучит как бред. Последние боги были рождены

много тысяч лет назад и давно известны всему миру. Что ему будет от отделения Ауреваля? По мне, так здесь чисто человеческие мотивы: отказ от контроля со стороны имперского аппарата и захват с последующей монополизацией всех торговых потоков и золотых приисков. Неужели стратег настолько возжаждал власти, что решился на бунт?

- О нет, старик Корнелий верен императору как собака, можешь мне поверить. Я не сидел этот месяц, что ты валялся в кровати, без дела и успел обзавестись парой осведомителей. Кто-то уже копает под стратега и хочет сместить, захватив власть. Вот только кто – пока непонятно.

- Это, конечно, очень занимательно, но ты не подумал обратиться к Августину и затем сообщить куда следует? Императору, например? Или Великому магистру? Мы с тобой, друг мой, великая сила, но не настолько, чтобы решать все дела самим.

- Видишь ли, пока всё это – просто слухи и пьяные сплетни. Пусть бунтовщиками занимаются легионы, но вот божеством займемся мы. Ты ведь прославленный охотник на ведьм и колдунов. А божество -

- Но ты же говорил про осведомителей. Подождём немного и всё узнаем. Что ты такое задумал?

- Просто у меня появилась неплохая идея.

Альвин поднялся из-за стола и, будто только что их заметил, принялся рассматривать фрески у себя над головой, заложив руки за спину и шлепая босыми ногами по мраморному полу.

- Мы выясним, что это за божество, которому тут стали поклоняться и, если слухи о взаимосвязи заговорщиков с ним подтвердятся, будем действовать.

- Почему идея с божественным вмешательством так понравилась тебе? С чего вообще ты решил, будто эта зацепка достойна нашего внимания? Я, конечно, понимаю твою любовь к действиям наудачу, но эта земля нам совершенно неизвестна. У нас нет ни связей, ни людей, ни достаточной осведомленности касательно местной иерархии и взаимоотношениях среди сильных мира сего.

- Деньги решают всё, а у меня их более чем достаточно, - самонадеянно отмахнулся Альвин.

- Боюсь, здесь твои деньги не будут играть особой роли: эти землю изобилуют золотом, и недостатка в средствах нет никакого. Даже самый последний бонд может намыть себе столько, сколько не сможет унести.

- Пусть так, но я-то могу их обеспечить тем, что в Ауревале не купишь за золото. Дружба со мной выгодна и торговым гильдиям

и местным патрициям, ты так не считаешь? Все, начиная с грязных золотарей и заканчивая советниками и клерками местного муниципалитета, твердят о некой сущности, обитающей в лесу Короля Эльфов. У меня есть несколько свидетелей, утверждающих, будто они видели самого бога в нем. Догадаешься, как зовут эту сущность или дать тебе три попытки?

- Король Эльфов?

- Не угадал. Его называют Царём Эльфов, чувствуешь разницу?

Альвин оглушительно расхохотался, довольный своей шуткой, но тут же собрался и посмотрел на меня совершенно серьезно.

- На самом деле, я тоже сначала подумал, будто надо мной посмеялись, но так оно и есть, можешь мне поверить.

- Так значит, в лесу Короля Эльфов живет… Царь Эльфов?

Мелисса не раз рассказывала мне об этом персонаже местного фольклора, но я плохо помнил, что именно происходило в ее рассказах, предпочитая тихо любоваться ею и наслаждаться тембром ее голоса, не особо вникая в суть.

- Так оно и есть. Но если пытаться связаться всё это логически, получается, что король ниже царя. Так? Царь правит империей, а король – национальным государством, и, в принципе, как это, например, происходит в Гревианской империи, короли правят под покровительством императора, сохранив свой титул после их завоевания. А значит, королей эльфов несколько, а этот – самый главный. Он их император.

- Скажи мне, сколько ты сегодня уже выпил, раз дошел до такой мысли?

- Много, но это неважно…

И тут я вспомнил историю Мелиссы. Стоило только немного покопошиться в своей памяти, как образ Царя Эльфов, сурово взирающего на меня с гравюры ее книги, тут же возник перед моим внутренним взором.

- А знаешь, ты действительно прав, - оборвал я речь Альвина, пытающегося доказать мне, что пять литров вина – это еще не много, - только не совсем точно. По преданиям кеметов в этих землях некогда правили семь божественных королей древнего народа, исчезнувшего тысячелетия назад. Эльфами потом стали называть вообще всех лесных жителей, и потому из рассказов кеметов первые поселенцы и придумали называть этот исчезнувший народ именно таким образом.

- Так может, предания не врут? И кто-то из этих божественных королей до сих пор обитает в местных лесах? Нельзя исключать такую возможность, поскольку Ауреваль –

место, мягко говоря, обособленное от остального мира. Ни разу на эту землю еще не ступал карательный корпус инквизиции, а это о многом говорит.

- К сожалению, как показывает практика, предания – лишь то, во что люди хотят верить, а не действительность. Странно, конечно, всё это, но не более чем. Нужно выяснить, откуда растут ноги этого нового культа, и затем навести на их след Августина и других инквизиторов. Уж они от этих преданий и золы не оставят.

- Тогда подготовься как следует, через пару недель я хотел бы уже отправиться в гости к этому Царю Эльфов, как только вызнаю всё о том, где он может скрываться и какие люди выходят с ним на контакт. А до тех пор собирай информацию, точи мечи и подбирай людей. Можешь даже рассказать обо всем старику и попросить у него помощи и совета, но лучше мы всё сделаем вдвоем и по-тихому, как в старые добрые времена, дабы не расшевелить это осиное гнездо раньше времени. Лучше, чтобы остальной отряд торчал у всех на виду, не вызывая подозрения, чем скакал по окрестным лесам в поисках не пойми чего. И чем меньше мы вызовем волн в этом болоте, тем меньшей кровью сможем обойтись, если слухи и вправду подтвердятся.

- Августин всё поймет, скрывать ничего не нужно, - согласился я, - может, договорюсь подделать кое-какие документы, дабы наши сборы и отъезд не вызвали ни у кого подозрений.

Я уже до того заразился этой идеей, что никак не мог успокоиться, нервно расхаживая по зале. Не верить Альвину я не мог, даже несмотря на запойную страсть к алкоголю и периодическим помешательствам на этом фоне, потому как наше безграничное доверие друг к другу было проверено годами, и ни разу еще слова его не расходились с делом. Не смотря на вечное пьянство и распутный образ жизни, друг мой всегда серьезно относился к подобным вещам, равно как и к своей работе и возложенным на него обязанностям, и если уж начинал говорить серьезно, оставался серьезным до самого конца. Всю ночь мы обсуждали подробности, которые удалось выяснить Альвину за время пребывания в Морхейме, но ничего принципиального нового я не услышал. Мне предстояло еще самому допросить всех доверенных лиц, верных церкви и империи, готовых дать показания касательно происходящего в лесу Короля Эльфов. В основном это были члены полулегальных сект, не слишком жалуемых в центральных провинциях, но не противоречащих законам Антартеса. В то время как пламя нового культа вышло за пределы избранного круга и начало охватывать все большие слои населения, культисты Темного Отца, хоть и верили в какие-то

свои чудные законы, всё же оставались верны учению Антартеса и с опаской поглядывали на нового бога. В это время многие другие, будучи либо язычниками, перенявшими еще несколько поколений назад местные верования, либо вовсе безбожниками, с радостью распространяли видение нового бога. Представительство церкви Антартеса в Морхейме и вовсе делало вид, будто ничего не происходит, и занималось только поборами и продажей ритуальных услуг.

- Так значит, имя нового бога здесь у всех на устах, но никто ничего не предпринимает? С чем это может быть связано?

- Просто пообщайся с местными и всё узнаешь сам, - Альвина уже порядочно клонило в сон, и отвечал он мало и неохотно. Мне приходилось буквально вытягивать из него ответы.

- Но почему никто ничего не предпринимает?

- Потому что Антартес здесь никому не нужен, он ничего не дает и живет, по мнению многих, где-то в центре империи, вне их разумения и культуры. А царь Эльфов вот он, только руку протяни. Скоро узнаем, что там эти культисты напридумывали, и всё встанет на свои места.

Альвин вскоре стал забавно растягивать слова и путаться в предложениях, безуспешно пытаясь рассказать мне о новом божестве что-то еще. Но спустя пару минут глаза его окончательно закрылись и он уже спал беспробудным сном пьяницы, тихо посвистывая через приоткрытый рот прямо на маленьком столике для фруктов. Я же, не став больше тревожить друга, велел телохранителям перенести его пьяное тело в гостевую спальню, а сам отправился на террасу, выходящую на небольшой сад. Там я просидел остаток ночи, любуюсь молчаливыми звездами, казавшимися здесь, на севере, невероятно яркими и близкими, пока под самое утро сон не сморил меня. И, как я ни желал спокойно забыться, видения вновь одолели меня.

***

- Знаешь, сегодня я решил поговорить с тобой не о прошлом, а о будущем, - спокойным голосом обратился ко мне Пугало. Ворон на его плече хрипло каркнул, будто подтверждая сказанное.

Вокруг меня расстилался хвойный лес, старый и темный, как и все леса в Ауревале. Пугало не сводил с меня взгляда своих серебристых глаз, но в этот раз в нем не чувствовалось безумия, обычно присущего этому странному существу.

- Иногда мне начинает казаться, будто тебя не существует на самом деле, - так же спокойно ответил я, - и всё это только страшный сон длиною в жизнь.

- Бытие зависит лишь от тебя самого. То, что существует и

не существует, напрямую зависит от позиции наблюдателя.

- Кто ты такой? – как и много раз до этого спросил я, впрочем, и не надеясь получить ответ.

- Ответы будут даны в конце. И ты найдешь меня там, где кончается мироздание, и начинается царство разума.

- На другое я и не рассчитывал.

И вновь, как прежде, декорации вокруг начали стремительно меняться. Лес ожил и зашевелился, как будто несуществующий ветер привел в движение каждую веточку и каждую травинку, и в следующее мгновение я узрел Его. Вне всякого сомнения, это было лицо Бога, до того могущественны и прекрасны были его черты. Он сам, могучий и древний, будто высеченный из мрамора, невероятно прекрасный и неописуемый, сидел, подогнув ноги, на берегу какого-то озера, не обращая на меня ни малейшего внимания. Неужели возможно хотя бы вообразить такое и выдержать этот взгляд на себе, если он повернется? Я хотел кричать и плакать подобно ребенку, созерцая подобное чудо, и ноги уже не держали меня. Я упал на колени и, продолжая плакать, всё смотрел на него, наверное, целую вечность. Но вот лицо Бога повернулось в мою сторону, прекрасное лицо его исказила черта удивления, и в этот момент мне показалось, будто взгляд его пронзил меня насквозь и весь я предстал перед ним обнаженным и открытым подобно книге. Он в эту секунду казался мне совершеннейшим из всех созданий на свете, самой первоначальной идеей человека, невозможной, но существующей здесь и сейчас.

- Вот то, что было создано Багряным Пламенем, совершенство невоплощенное, - непонятно откуда донеслись до меня слова Пугала, заполнившие, казалось, всё пространство внутри моей головы, - а теперь взгляни на самого себя. Бледная тень былого, низменная человеческая душа, обуреваемая присущими каждому зверю желаниями. Когда две части сольются в одну, всё встанет на свои места. Но не раньше.

Я внезапно осознал: всё это время мне хотелось лишь одного: заполучить этого Бога. Меня мучила нестерпимая жажда, звериная жажда, утолить которую можно лишь плотью добычи. Хотелось схватить этот прекрасный лик и впиться в него пальцами, раздирая на куски, пить его кровь и поедать плоть, разбить и уничтожить, скомкать, втоптать в грязь и упиться им, совершая первобытный акт каннибализма. От этого чувства бросало в пот, и руки мои дрожали, готовые обхватить мраморную шею Бога и душить его, пока жизнь не покинет эту прекрасную оболочку. Но в этот момент всё тело моё пронзила страшная боль и, взглянув в лицо объекта моего вожделения, я увидел в нем гнев, исказивший до того момента прекрасные и

светлые черты. Я весь пылал огнем и кричал от боли, но никак не мог вырваться, ничего не понимая и не осознавая, пребывая в тумане. Но когда я готов уже был умереть, спасительная темнота подхватила меня и потушила огонь. Я вновь провалился в ее бездну.

***

Я проснулся от собственного крика и вскочил на кровати, путаясь в одеялах и разбрасывая по полу подушки. Еще ни разу со мной такого не случалось, однако теперь я всё еще чувствовал на себе обжигающую ярость божественного огня, от которого так нестерпимо зудела кожа. Череда видений, преследующих меня в Ауревале, окончательно вымотала меня: почти каждую ночь теперь я видел картины прошлого, настоящего и будущего, а сегодняшнее видение стало апогеем всего увиденного.

Я помню, как в самом раннем детстве увидел силуэт моего кошмара в первых моих простых и радостных сновидениях. Немного позже я даже дал ему имя – Пугало, за сходство с устанавливаемых на плантациях отца чучелами, длинными и костлявыми в своих старых одеждах. Тогда я еще не задумывался над значениями этих снов и над реальностью своего извечного попутчика. Он просто наблюдал за мной, изучал своими серебряными глазами и забавно водил из стороны в сторону острым изогнутым носом, будто принюхиваясь. Он не был реальным, нет. Скорее, обычный детский страх, присущий, наверное, почти всем детям. Со временем образ его размылся и потерял четкость, но, как оказалось, не исчез насовсем.

Затем пути наши пересеклись, это произошло много лет спустя, и много горя принесла мне наша первая встреча. С каждым новым днем росла в моей душе страшная ненависть к этому существу. Ненависть, доводящая до безумия. Но никто, к кому бы я ни обращался, не в силах был мне помочь и понять это, убеждая меня в нереальности моих странных образов и слов. Во всем мне виделось присутствие незримой его руки, протянувшейся через года и поприща, дабы настигнуть в любой точке мира, куда бы я ни пошел, и иногда я не осознавал, действительно ли в том или ином происшествии оказался замешан Пугало, или разум просто стал изменять мне. Затем он исчез на несколько лет, но вскоре вернулся в кошмарах, всюду преследуя меня. Он показывал мне страшные картины моей жизни, заставляя смотреть на них снова и снова, а затем уходил, возвращаясь следующей ночью, и снова мучил меня. Мой разум заполнила пелена гнева и ярости, и все мои мысли были заняты только одним: найти и убить это существо, чем бы оно ни было. И так, проснувшись этой ночью, размышлял я обо всем, что было,

ходя из угла в угол, будто загнанный зверь, а в груди у меня тяжелым камнем бухало сердце, отдаваясь болью в голове и вызывая приступы тошноты.

Вошел слуга, широкогрудый, почти квадратный мужчина с редкими волосами на голове и взглядом снулой рыбы. Спросил насчет умывания и завтрака, услышав мои дробные шаги, разносившиеся, должно быть, по всему дому. Я согласно кивнул, и снова повалился на кровать, тщетно пытаясь собраться с мыслями. Не о Царе ли Эльфов говорил мне в видении Пугало? Образы его, порой, бывали чрезвычайно безумны и мало походили на реальность, но это видения стойко наталкивало меня на мысль именно о том божестве, описываемом Альвином. Я никак не мог связать видения Пугала с реальностью, и это злило меня. Кажется, он ведет меня куда-то, а я, подобно собачонке, иду следом, подобострастно виляя хвостом. Наверное, стоило бежать из Ауреваля как можно дальше и никогда не оглядываться, но наверняка мой извечный палач придумал бы способ заставить меня вернуться.

Я умылся и оделся, затем спустился к завтраку, надеясь застать Альвина, но он, как всегда проснувшись ни свет ни заря, уже уехал по своим делам. Теперь предстояло наведаться к Августину и поговорить с ним о предстоящих делах. Естественно, обиженный моим странным поведением и отказом, он поначалу будет упираться и требовать объяснений, но в этот раз я даже дам их ему, пусть и не полностью и не так, как оно есть на самом деле. Полуправда ничуть не хуже, учитывая незаурядный ум старого инквизитора: он наверняка сможет сложить факты и получить верную картину, но позже. А к тому времени я уже сделаю свое дело. На один краткий миг я почувствовал острое желание вначале повидаться с Мелиссой, но всё-таки смог пересилить себя и ненадолго отложить эту встречу. Чувства затягивали меня всё сильнее подобно зыбучему песку, и чем больше я пытался вырваться, тем глубже погружался в их тревожные и неизведанные бездны.

Мне удалось застать Августина дома. Он сидел, мрачнее тучи, в окружении подчиненных ему инквизиторов низшего ранга и выслушивал их испуганные речи, будто учитель, проверяющий у детей выученные уроки. Преподобного боялись больше смерти, хотя мне он всегда казался человеком добродушным, хоть и немного суровым. Быть может, только я один вызывал в нем отеческие чувства, поскольку не доводилось мне ни разу увидеть подобное отношение к кому бы то ни было ещё. Всех собравшихся в доме Августина я знал лично, и не раз мне доводилось даже работать с этими людьми в прошлом во время охоты на ведьм. В

отличие от рассудительного их предводителя, в этих людях до сей поры сохранилась ревностная вера, не столь слепая и яростная, как у послушников, но достаточная для безжалостного убийства людей, обреченных по наветам на смерть в огне. Только одна из тысячи ведьм или колдунов на самом деле обладала хоть какой-то долей силы, им приписываемой, и тогда эти люди звали меня, осознав опасность, с которой столкнулись. Иногда мне казалось, будто и сами себе они не могли сознаться в том, что большая часть тех, кого они пытали и казнили, на самом деле обычные люди, может и повинные в ереси, но всё же люди, а не ведьмы и колдуны. Я же был им необходим только для «особых», беспрецедентных случаев. Так это называлось в официальных документах и отчетах. Я оказался последним охотником на настоящих ведьм, за последние десять лет поймавший только двоих, еще встречающихся в природе созданий, наделенных неизведанными для людей силами, хотя многие до сих пор верили в реальность этой угрозы и тот миф, будто инквизиция денно и нощно борется с десятками и сотнями подобных созданий, раскрывая их тайные логова и шабаши.

Обратив на меня мрачный свой взор, Августин разогнал собрание в ту же минуту, раздав только короткие указания. Затем, когда я опустился на диван, и хотел было начать свою речь, только жестко взмахнул рукой и сухим тоном поставил мне ультиматум.

- Рассказывай или уходи. Мне надоели твои недомолвки, и если ты думаешь, будто и дальше сможешь водить меня за нос, то очень ошибаешься.

- Затем я и пришел, - извиняющимся тоном ответил я, надеясь немного размягчить сердце инквизитора.

- И не вздумай от меня ничего утаивать.

И я рассказал ему всё, что мог. Естественно, не могло быть и речи о самой сути происходящих со мной событий, но историю Пугала я превратил в историю нового бога Ауреваля, решив начать с козырей. Я никогда не был ни особо искушенным фехтовальщиком, ни хорошим сыщиком, фактически я даже не состоял в рядах инквизиции. Единственной особенностью, сделавшей меня профессионалом в области охоты на людей, обладающих особым даром, было умение чувствовать их, появившееся после соприкосновения с силой Багряного Пламени. И именно к этой особенности я привязал свой рассказ, заменив образ Пугала на того, кто, по мнению Альвина, скрывался в непроходимых дебрях Ауреваля. Почему-то я был уверен в правоте своего друга, хотя и осознавал по какому тонкому льду мне приходится ходить, подменяя реальные факты собственными

домыслами. Я никогда не чувствовал присутствия Пугала в этом мире, как чувствовал других, но почему-то был уверен: он здесь, неподалёку. Августин узнал лишь, как давно я начал чувствовать присутствие неизвестного бога и причину, по которой я не хотел ему об этом говорить. Я даже почти не покривил душой, называя ее. Мне было страшно до дрожи. Страшнее всего, с чем мне когда-либо приходилось сталкиваться.

- Знаешь, теперь я понимаю, почему ты никогда и никому это не рассказывал. В лучшем случае тебя запихнули бы в приют для умалишенных, в худшем – отправили на костер как одержимого демоном. И хотя слова твои звучат невероятно и фантастически, я всё-таки верю тебе.

- Я и сам иногда не верю себе, однако слишком многое указывает на присутствие этой сущности в нашем мире. Может, я бы и назвал его демоном, если бы таковые существовали, но больше я склоняюсь к версии с могущественным колдуном, пытающимся использовать меня в своих целях. Он совсем не таков, как все прочие, и его присутствие как таковое я ощутил только здесь, на севере фемы.

- Мне нужно как следует всё обдумать, и позже мы поговорим об этом. Знаю, раньше твоё чутье нас никогда не подводило, но то, о чем ты сейчас толкуешь – угроза совершенно другого рода. Если, как ты говоришь, он является тебе во снах уже так долго, это повод задуматься, поскольку, как мы знаем, разум человека недосягаем ни для кого, кроме Антартеса. Если это нечто смогло пробраться в твою голову, дела наши совсем плохи, и если об этом узнают в главном капитуле, не поздоровится нам обоим.

Мертвенное до того лицо Августина в одно мгновение преобразилось, разгладившись и придя в движение, оживая. Даже седые волосы его будто налились прежним цветом.

- Тот случай, с которым ты столкнулся на берегу Полыни в логове черных золотоискателей, как оказалось, не единственный. Люди из несколько деревень и опорных пунктов в отдаленных уголках Ауреваля по информации разведки стратега превратились в таких же кровожадных безумцев, нападая на каждого попавшегося им на глаза. Турмархи уже навели порядок в своих вотчинах, однако установить причину беспорядков так и не удалось. Однако я склоняюсь к тому, что всё происходящее – дело диверсионных групп, до того профессиональных, что дух захватывает. Каррас и вспышки безумия – не единственные наши проблемы: со всех уголков Ауреваля поступают сообщения о таинственных исчезновениях имперских патрулей и караванов. Весь груз оставался нетронутым, однако люди странным образом исчезали.

- Но в чем смысл всей этой мистификации?

- Я полагаю в том, что таким образом эти диверсанты, кто бы они ни были, запугивают местное население, дабы не вызвать подозрений своими действиями. Аванпосты и наблюдательные пункты уничтожаются под видом вспышек безумия, патрули, разъезды и караваны вырезаются, прерывая сообщение в провинции, а люди думают на злых лесных духов и нечисть. Каррас, главная крепость и опорный пункт турмы Корретания, едва не пропавшего вместе с городом, сгинул в огне и дыме и все думают про наказание Антартеса, а не поджог подземных залежей.

- Тот, кто устроил всё это – невероятно умён и хитёр. Или же вся эта мистика – не выдумки, и нам придется поверить в существование Зла.

- И этот кто-то готовит покушение на стратега, насколько известно.

- От кого?

- От самого стратега. Этим вечером тебе выпадет возможность поговорить с ним лично, он очень просил увидеться с тобой. Ты же теперь его почти официальный зять, как-никак.

Положение вырисовывалось и вправду странное, и потому я решил рассказать Августину и о новом культе, зарождающемся в здешних лесах. Подробно расписав слова Альвина и наш план, я с настороженностью наблюдал за реакцией старика, но не обнаружил в нём неодобрения.

- Что ж, Альвин снова принялся играть в свои игры, как я и думал. Касательно Царя Эльфов… я уже слышал о нем кое-что, однако не обратил особого внимания. Можете проверить эти слухи: возьми рыцарей и проводников из местных, проведай капища и места поклонения, сровняй их с землей, если понадобится. Никто и слова не скажет. Однако это пустая трата времени. Заговорщики прямо здесь, в Морхейме, и если удастся их схватить, выйдем и на остальных. Включая предводителя.

- Почему-то мне кажется, будто наша цель – не простые бунтовщики, - я попытался было вернуть Августина к своей главной мысли, но тот будто решил игнорировать этот факт, увлекшись собственными планами, - если этот Царь Эльфов – не просто мой ночной кошмар, нас ждет противник гораздо более серьезный, нежели группа сговорившихся золотодобытчиков.

Внезапно вспомнилось последнее моё видение, сам не знаю, почему. Показывал ли мне Пугало того, кто скрывается в лесной чаще, того, кому поклоняются местные жители, или же это было послание совершенно иного рода? В конце концов, оно наверняка не соответствовало действительности, и бояться могущественного

бога не стоило. В худшем случае в лесу нас мог поджидать какой-нибудь колдун, но с ним-то я смогу разобраться, особенно с поддержкой Альвина и отряда рыцарей. Под прикрытием рейда по местам поклонения местных язычников можно было провернуть всю эту историю с Царем без лишнего шума. Не затем ли сюда прибыл специальный отряд ревнителей веры? Заговорщики, кем бы они ни были, если и связаны с новым культом, могут попытаться остановить нас, но для этого мы и разрабатывали с Альвином особый план по их отвлечению.

- К месту ли будет сказано, но всё-таки навести Мелиссу, она уже несколько раз справлялась о тебе. Несмотря на твою историю, я все-таки склонен верить в дела человеческие, чем в судьбу. Не бойся потерять, ведь не все, кого ты знал и любил, погибли, а значит, всё в твоих руках. Оставь на время мысли о том, кто приходит во снах. Может статься, это лишь результат потрясений, выпавших на твою долю. Пока у нас не будет достаточных доказательств, лучше не распыляться понапрасну.

- Я так и подумал, - грустно кивнул я, - поверить в историю сущности, меня преследующей, сложно. Но это он каким-то образом замешан в тех бедах, о которых ты говоришь, в этом я могу быть уверен.

- Разве он послал ахвиллейцев штурмовать Текрон и Стаферос? Неужели твой демон затеял эту войну ради единственной цели – причинить тебе вред? Вдумайся в свои слова, Марк, они безумны…

- Нет, не он начал войну, да и не в том дело. Он – злой рок, нависший надо мной, живое олицетворение судьбы. Откуда ему известно всё это? Что он такое, раз способен проникать в мои сны и показывать то, свидетелем чего я не был вовсе? Как объяснить те обстоятельства, при которых погибла Корина и Флавий? Как погиб Леандр, Никон и Трифон? Я видел его воплощение в Стаферосе, видел, как он, пробитый десятком арбалетных болтов, вставал с залитой кровью мостовой, видели его и те, с кем я плечом к плечу сражался.

- Успокойся, Марк, я же сказал, что верю тебе. Однако не стоит сваливать всё в одну кучу: ты мучаешься чувством вины по поводу гибели жены и сына, но погубили их солдаты Ахвилла и огонь, а не твой демон. Это было делом случайности: гонца убили или он не успел до них добраться, вот и всё.

- Скоро мы, так или иначе, всё узнаем. Не вижу смысла спорить.

- Пусть будет так, Марк, пусть так, - мелко кивая, Августин обеспокоенными глазами скользил по пространству вокруг меня, избегая прямого контакта, будто пытаясь избежать дальнейших

разговоров на эту тему.

Взволнованная и сбивчивая речь моя сильно обеспокоила старика, но я никак не мог понять, верит ли он мне. По крайней мере, пытался поверить. Я и сам считал себя порой безумцем, однако слишком много фактов доказывали обратное. Скоро, уже очень скоро я разберусь с этим грузом, но пока придется потерпеть и собраться со всеми имеющимися у меня силами.

На закате должна была состояться встреча со стратегом, а до того времени мы с Августином обсуждали дальнейшие планы и перебирали стопки бумаг, изучая собранную информацию. Нити заговора тянулись в никуда и всё, что нам пока оставалось – это мучительное ожидание, сдобренное сбивчивыми докладами подручных инквизитора перемешивание каши из приказов, распоряжений и документов, связанных с официальной деятельностью отряда здесь, в Морхейме. Одного лишь указа императора, дающего полномочия от его имени делать «всё, что должно» было недостаточно, как это могло сработать в провинциях: фема сопротивлялась вторжению имперской власти со всей страстью бюрократического чудовища, здесь обитавшего. Даже сам стратег не мог, или не хотел решить этот вопрос, неясными речами только запутывая имперских посланников всё больше и больше.

Когда я ушел от Августина, у меня в запасе оставалось еще пара свободных часов, и потому ноги мои, помимо воли несли туда, где Мелисса обычно проводила свой досуг, желая отдохнуть от кажущихся бесконечными приемов, пиров и празднований, проводившихся во дворце стратега. У нее был свой дом, но обитать она почему-то предпочитала в небольшом уединенном уголке культуры Морхейма. А именно в основанной ею небольшой библиотеке при часовне Антартеса всего в нескольких кварталах от виллы Августина.

К небольшому зданию часовенки, расположившейся в живописном маленьком парке, примыкала одноэтажная постройка из белого мрамора. Именно в нем располагалась личная библиотека Мелиссы, построенная на деньги ее отца, по ее словам, очень любившим баловать своих дочерей. Здесь, на некотором подобии Храмового Холма Стафероса, было гораздо чище, и дома стояли достаточно широко друг от друга. Небольшая возвышенность эта, на которой обитала вся верхушка власти фемы, занимала всего семь кварталов, включая дом Августина. Свободного места здесь было не сыскать и за сотню лет, и именно поэтому мне пришлось поселиться немного ниже, там, где обитала знать победнее. Контраст, создаваемый диспропорциями города, поражал воображение, и, выкроив

наконец возможность прогуляться по этой части Морхейма, я с любопытством изучал ее странную архитектуру, вобравшую в себя стили разных эпох и даже стран. На минуту могло показаться, будто я вновь оказался в сиятельной столице империи, однако слишком уж многие факты говорили об обратном: здесь не было ни водопроводов, ни нормальной канализации, а следовательно, ни одной термы, ни одного бассейна или фонтана. Но, не смотря на эти упущения, парк с часовней выглядел ничуть не хуже любого из столичных, и я даже задержался в нем дольше чем планировал, возвращаясь воспоминаниями к тем временам, когда вот так же я прогуливался по садовым галереям Стафероса. Когда имена членов моей семьи были чем-то большим, нежели надписями на холодных могильных камнях. Чувство неимоверной тоски до того остро ощущалось в этом месте, что я, не в силах больше переносить его, решительно направился ко входу в библиотеку, туда, где возле украшенных лепниной дверей возвышались искусно выполненные статуи двух львов с оскаленными в немом рыке пастями.

Она будто ждала моего прихода, закрыв недочитанную книгу и положив голову на руки. Взгляд ее, задумчивый и полный каких-то ей одной известных дум, обратился в мою сторону, и тут же просветлел. Чувственный рот ее раскрылся в приветственной улыбке, и я сразу почувствовал, как тиски душевной боли, терзавшей меня до этой секунды, стали понемногу разжиматься. Пожалуй, если бы я верил в любовь с первого взгляда, именно таким словосочетанием я описал бы связавшие нас чувства. Но было во всем этом нечто большее, чем книжная романтика времен Пятой Империи, большее, чем мистическая Судьба и Провидение. Еще даже не подозревая о существовании Мелиссы, я видел образ ее во сне, одном из многих, приходящих ко мне в безлунные ночи во власти полной темноты. До недавнего времени я никак не мог осознать, в чем же причина столь скоро открывшихся чувств, пока наконец не понял, что знаю ее уже очень давно, совсем не так, как люди знают друг друга. Пожалуй, было в этом нечто похожее на связь с Пугалом, но совершенно противоположное. Я предполагал лишь, что Мелисса воплотила в себе идеальный образ женщины, созданный моим разумом под действием Багряного Пламени.

- Так и знала, что ты придешь, - поднявшись из-за стола, она подошла ко мне, игриво заглядывая в глаза.

Как бы она отреагировала, узнав, какие мысли бродили в моей голове всего пару часов назад? Маленькая частица меня продолжала бороться со связавшими нас чувствами, боль и страх не давали расслабиться и насладиться настоящим, предрекая ужасное будущее.

- А я – что ты будешь здесь, за своими книгами, - улыбнулся я в ответ.

- Книги всегда могут дать тебе гораздо больше, чем общение с людьми. Большая часть тех, с кем мне приходится иметь дело – совершенно бестолковые солдафоны или же их не менее бестолковые жены. Иногда начинает казаться, будто моя семья специально ограничивает свой круг общения именно такими людьми, дабы казаться на их фоне чуточку внушительнее.

- Твой отец на фоне кого угодно кажется внушительнее, для этого ему даже не нужно особо напрягаться, - задумчиво ответил я, припоминая слухи, описывающие выдающуюся во всех смыслах личность стратега.

Когда лица наши соприкоснулись, я ощутил будто разряд молнии, пробежавший по всему телу. Сознание моё разделилось, и я увидел нас со стороны, как это бывает в моменты наивысшего потрясения, когда реальность слишком больно бьет в лицо, заставляя разум отвергать ее. Желание одновременно поцеловать и отвергнуть Мелиссу, спасти ее от возможной участи, причиняло невыносимые муки, и когда губы наши наконец соприкоснулись, нечто внутри меня будто вернулось на своё место, взгляд прояснился и раздирающее меня противоречие исчезло, будто и не существовало. Чувство целостности собственной личности показалось мне до того опьяняющим, что я не мог больше сдерживать себя, заключив Мелиссу, успевшую только тихо пискнуть, в объятия, и закружив ее по залу.

- Что с тобой? Тебя сегодня будто подменили, - едва сумев отдышаться, Мелисса прильнула к моей груди, обхватив ее обеими руками.

- Возможно, именно так оно и есть. Чувствую себя совершенно другим человеком.

- И с чем же это связано?

- С тем, что я очень тебя люблю.

Не успела Мелисса ответить, как я вновь закрыл ее рот своим, не давая опомниться. Книги с ближайшего стола полетели на пол, сброшенные ее рукой, и мне оставалось только молиться, чтобы время замедлилось свой бег хоть ненадолго, и я мог бы успеть на прием к стратегу.

***

К назначенному времени в доме Августина собралась большая делегация, готовая выдвинуться к дворцу стратега. Два десятка разгоряченных и взволнованных мужей бестолково толклись в гостиной, ожидая команды Августина, замершего на своём импровизированном троне в виде кресла-качалки и лишь изредка отвечавшего кивками на обращенные к нему речи. Никто

не мог понять, почему местная администрация и церковь так яростно принялась подкладывать палки в колеса всей деятельности специального отряда, заставляя вот уже месяц сидеть на месте, неспособные получить доступ к управлению местными силами и средствами. Без разрешения Августина никто формально не мог отправить запрос императору на введение легионов для подавления мятежа, однако старый инквизитор заверил всех собравшихся в искренних намерениях стратега, и возмутившиеся умы, готовые уже было броситься с головой в омут борьбы с сепаратизмом, немного умерили свой пыл.

Ни одна фема, пожалуй, не могла сравниться с Ауревалем подобным богатством. Глава военной группировки, правящий здесь почти безраздельно, высочайший Корнелий Дука, обитал в роскоши, которую в полной мере отражал его дворец, по размерам сопоставимый с императорским в Стаферосе и превосходящий дворец императоров Пятой Империи в Клемносе более чем в два раза. Расположенный на вершине самого большого холма Морхейма, этот дворец скорее напоминал крепость, впрочем, как и все прочие дворцы и виллы Ауреваля. Однако этот дворец не выглядел так безвкусно, как его младшие собратья. В нем всё, начиная от крепостной стены наподобие замковой, и заканчивая куполами собора, искусно встроенного в общий ансамбль, казалось наполненным гармонией. Эта крепость-дворец воплощала в себе, пожалуй, все лучшие черты имперской и мелькатской архитектуры, но оттого еще больше усиливался диссонанс с крайней нищетой трущоб, ютившихся у подножия этого чуда света.

У ворот нас встретил почетный эскорт из личной стражи стратега, золоченые панцири которых показались мне до смешного убожественными и нелепыми в реалиях холодного и сурового существования фемы.

- Лучше забудь о том, как ведутся дела в просвещённой части империи. Здесь, в Ауревале в ходу традиции старых Империй – увидев недоуменное выражение моего лица, усмехнулся идущий рядом со мной заместитель Августина – Фотий, до сей поры хранивший торжественное молчание.

Мне много раз приходилось иметь дело с этим высоким сухощавым человеком, на ссохшемся не по годам лице которого всегда блуждала почтительная улыбка. Благочестивые речи и выражение лица Фотия никогда не менялись, даже во время допроса очередного еретика или «колдуна», и потому вызывали у меня некоторое отторжение своим напускным спокойствием и лоском.

- Кажется, именно это и погубило Пятую Империю, - сухо

отозвался я.

- Затем император и послал нас сюда: навести порядок, укрепить государственную власть и силу Церкви. Нужно только указать стратегу на некоторые… ошибки в его административно-политическом аппарате.

- Только посылать нужно было не один отряд, а легионы.

Фотий сдержанно рассмеялся, но глаза его остались такими же равнодушно-холодными, как и всегда.

- Не говори об этом при стратеге: мы сейчас не в том положении, чтобы диктовать свои условия. Ведь именно от Корнелия зависит тот факт, получим мы хоть какую-нибудь поддержку, или же так и останемся ни с чем.

- Разве не сам Дука умолял императора о помощи? Такое ощущение, будто этот человек сам не понимает, чего хочет. Хотя, насколько я знаю, вряд ли можно назвать стратега глупым, учитывая всего его достижения.

- Нет, вовсе нет. Он умен, хитер и расчётлив. Корнелий ведет переговоры лично с Августином, они даже вместе уезжали куда-то за пределы Морхейма, но по приезду дело так и не сдвинулось с мертвой точки. В конце-концов, роль здесь играет еще и факт родства между ними двумя, а это к чему-то да обязывает. Я предполагаю, что дело тут в каком-то личном разногласии по поводу способа решения возникших проблем. К сожалению, меня в эти проблемы сам Цикута решил не посвящать. Как и всех остальных.

- Когда они успели съездить за город?

Я чуть было не остановился на месте, удивленный неизвестным мне фактом, который Августин отчего-то решил утаить от меня. Инквизитор ни слова не сказал мне о переговорах с Корнелием, как и о том, что они даже успели выехать куда-то за пределы стен Морхейма.

- Недели две назад. Ты в тот день, насколько я знаю, еще не мог оторвать голову от кровати. Однако, просто удивительно, как быстро тебе удалось оправиться.

Услышанное мне очень не понравилось. Конечно, я и сам многое утаил от Августина, но какие причины побудили сделать то же самое старого инквизитора?

Во дворце в это время разворачивалась настоящая оргия, как в старые добрые времена, когда империя находилась на самом пике своего могущества, когда тяжелые времена еще не ужесточили законы Церкви и морали. Всюду звучала музыка, всюду ели, пили, танцевали и совокуплялись, как и тысячу лет назад. Еду и вино разносили полуголые рабыни и служанки, а вместо высоких столов, привычных в чинных застольях

Стафероса, где я вырос, использовались низкие столики или ковры, загроможденные золотыми и серебряными блюдами, вокруг которых располагались скамьи, кресла и лежанки, на которых сидели, лежали, полусидели-полулежали все почетные граждане Морхейма, коих насчитывалось не меньше тысячи. Огромная зала вмещала в себя эту толпу так легко и непринужденно, что казалось, разместись здесь и две и три тысячи человек, место всё равно останется.

Инквизиторы и в особенности приор Евгений казались на этом развратном празднике жизни серыми тенями из Чертогов, до того бесцветные одежды их контрастировали с пестротой окружающего действа. По всей видимости, это не первое и не второе посещение подобных оргий уже не так сильно будоражило умы церковной братии, привыкших жить по суровым заветам Антартеса, однако скрывать красноту лица при виде обнаженной пары, время от времени попадающейся на нашем пути, могли только Августин и Фотий. Впрочем, старый инквизитор повидал на своём веку так много, что ни одно зрелище уже не вызывало у него даже легкого удивления, а первый помощник его попросту сросся со своей маской благообразности и был не в состоянии снять ее.

- Почему ты не предупредил меня обо всём этом? – я незаметно протиснулся к Августину через плотный клубок прибившихся к нему инквизиторов.

- Разве это зрелище, после увиденного в городе, еще как-то способно поразить твоё воображение? – равнодушно отозвался инквизитор.

- Но как местные церковные иерархи допустили подобное?

- Взгляни туда, - Августин указал рукой в сторону шумной группы людей, распивающих вино и пьяно горланящих непристойные песни как-то особенно громко, - это епископ и все служители святой Церкви Морхейма вплоть до послушников.

- Вот что происходит с душой человеческой, развращенной богатством и негой, - резонно заключил Фотий.

И больше ни одного слова не сорвалось с губ в нашей молчаливой и сосредоточенной процессии, пока мы, наконец, не достигли центра, где располагались самые роскошные места, занимаемые стратегом и его приближенными.

Корнелий Дука оказался обладателем незаурядной внешности, как его и описывали: даже сидя он выглядел одного со мной роста, и по сравнению с Евгением, самым низким из всех, казался настоящей скалой. Сильное и волевое лицо его немного портила пьяная улыбка, но черные, налитые кровью глаза смотрели внимательно и как-то добродушно. На голове его

блестела огромная лысина, окаймленная частоколом короткой седой щетины и засушенным лавровым венцом, привезенным, видимо, откуда-то из южных провинций в память о героическом прошлом. Корнелий восседал на огромном ложе, слева от него на роскошном троне орехового дерева – его жена, Лукреция, молодая и статная женщина с холодными голубыми глазами и тонкой линией губ, застывшей в полуулыбке, справа – сыновья, имен которых я не помнил, и чьи пьяные тела почти не подавали признаков жизни. К счастью, Мелиссы подобные «приёмы» считала ниже собственного достоинства, видимо, сказалось столичное образование и врожденная скромность.

- Садитесь, дорогие гости, испейте с нами вина и вкусите дары моей земли!

Я заметил, как покоробила эта фраза большинство инквизиторов. Этот нахал смел называть своей землей Ауреваля, принадлежащий одному лишь Антартесу, а после него – императору, наместнику бога на земле. Впрочем, подобным образом последние десятилетия мыслили многие правители империи, и Церкви оставалось лишь брехать на таких нахалов из-за высокого забора, изо всех сил пытаясь удержать хотя бы оставшиеся лояльными им земли.

- А, кажется среди вас, святоши, новые лица. Ты всё-таки привел своего тайного гостя ко мне, брат? - взгляд Корнелия остановился на мне, заставив волосы встать дыбом, - не тот самый ли это Маркус?

- Не столь уж и прославленный, кир, - пытаясь хоть немного соблюсти этикет, поклонился я.

Корнелий несколько мгновений с каким-то непонятным выражением на лице разглядывал меня, и внезапно оглушил всех собравшихся громоподобным хохотом. Гигант распрямился и стал на две головы выше меня, затем подошел вплотную и сграбастал меня в объятия, как старого друга.

- Настолько же скромный, насколько и доблестный. О делах твоих слагают легенды, а ты знай да принижаешься. Нет, мой будущий зять не может быть никем иным, кроме как Маркусом Трижды Оправданным, и слышать ничего не хочу!

- Легенды – лишь часть правды, кир.

- Даже если и часть, этого хватит с лихвой для героического образа. Будь же моим гостем. Как и вы, впрочем… - будто бы только сейчас обратив на инквизиторов внимание, лениво махнул рукой Корнелий, - друг моего брата – мой друг.

А дальше начался бесконечный процесс знакомства с гостями, в ходе которого я очень долго представлялся и разговаривал со всеми, кто удостоился чести восседать рядом со стратегом.

Теперь меня иначе как зятем самого верховного главнокомандующего фемы никто и не называл, и каждый пытался побрататься и сдружиться со столь неожиданно возникшим родственником своего господина. Я же, совершенно ошеломленный и сбитый с толку, что-то отвечал и поддакивал, выпивал и ел наравне со всеми, выжидая момент для серьезного разговора, чувствуя себя лазутчиком, невероятно удачно внедрившимся в ряды неприятеля. Здесь, под сводами золотого дворца будто оживала история, написанная в старых ветхих учебниках и изображенная на выцветших фресках древних развалин храмов, бань, публичных домов и форумах. Старательно вымаранная Орденом, эта история восстала из пепла и теперь окружала меня невероятным круговоротом из пения, танцев и плотских утех. Инквизиторы понуро сидели неподалёку, наблюдая, как Августин ведет задушевные разговоры со своим братом-гигантом. В конце концов, даже эти оплоты святости, воспитанные в лучшем духе Ордена, уставшие от напряжения и молитв, немного расслабились и принялись за угощения, чинно беседуя друг с другом и свысока поглядывая на тех, кто в былые времена за подобное поведение уже сидел бы в колодках на главной площади, побиваемый палками за собственную развращенность.

Через несколько часов, когда пир достиг своего апогея, Корнелий, ничуть не опьяневший со времени моего прибытия, впрочем, как и я, отослав жену присматривать за мертвыми от вина сыновьями, решился на разговор. Августин, турмарх Флавий, правая рука стратега и сам Корнелий, постепенно образовали тесный круг, подобно заговорщикам перед бунтом.

- Мой брат лестно отзывался о тебе, Маркус, и потому я решил последовать его совету и посвятить тебя в наши дела, - совершенно серьезным и ничуть не похожим на свой прежний шутливый тон, голосом обратился ко мне Корнелий, будто сообщая государственную тайну.

- Как тебе известно, заговорщики уже который месяц пытаются устроить мятеж, и действия их несколько… оригинальны. Моя разведка с ног сбилась, пытаясь вычислить хоть одну диверсионную группу, но пока что безрезультатно. А там, где не может справиться разведка Четвертого Серебряного легиона, дело, скорее всего, очень и очень плохо.

- Мы подозреваем вмешательство могущественного колдуна, - пояснил Августин, единственный из круга не притрагивающийся к вину и угощениям, - того самого, о котором ты мне рассказал сегодня. Теперь всё встало на свои места, и вполне очевидно, что без помощи человека, обладающего особыми силами, этот заговор

просто не мог бы существовать. Я думаю, прежде мы ошибались, считая трагедию в Каррасе и обезумевших людей явлениями рационального характера. Когда ты рассказал мне о своих подозрениях, мне пришлось пересмотреть собственную точку зрения.

- У вас есть хоть какие-то доказательства, кроме моих предположений?

- Пока нет, но мне бы хотелось возложить на тебя миссию по их поиску. Найти его и уничтожить, как уничтожил ты великого малефика Александра пять лет тому назад.

Темные глаза его смотрели прямо и безжалостно, заставляя тех, к кому направлен был этот взгляд сгибаться и подчиняться. Даже за то непродолжительное время моего здесь пребывания я успел убедиться в исключительной силе Корнелия, как физической, так и моральной. Огромная фигура его внушала страх, а черные глаза и грамотная речь, когда ласковая, когда жесткая и требовательная, каким-то магическим образом действовали на людей. Он казался богом Ауреваля, ничуть не менее могущественным, чем Бог, из моего видения. Однако стратег старел, и это отчетливо видно было при тусклом свете свечей и лампад, очерчивающих резкими тенями каждую морщинку и складку на его лице. Этот бог мог протянуть еще лет десять-двадцать, а потом истаять подобно туману. Я видел это, и потому не боялся его силы.

- Местные говорят о каком-то Царе Эльфов. Быть может, это и есть искомый вами колдун. Однако зачем ему организовывать собственный культ, мне не совсем понятно. Никто не поддержит его правление, пусть он хоть трижды объявит себя новым богом.

- Богом?– громогласно расхохотался Корнелий, - такого мне еще слышать не приходилось. Те, кто называет себя последователями этого Царя – просто очередные фанатики очередного культа, каких здесь можно насчитать уже больше десятка, мы успели в этом убедиться, как и в том, что они никоим образом не замешаны в истории с этим заговором. Колдун, возможно агент ахвиллейцев – вот наша истинная цель. По косвенным признакам мы смогли вычислить только одно: он скрывался здесь, в Морхейме. А также нам известно, что он может быть как-то связан с культом Темного Отца. Эти еретики не раз уже показывали свою гнилую сущность, так что не удивлюсь, если я окажусь прав. Кто-то убивает моих людей, и этот кто-то мутит воду здесь, в самом сердце Ауреваля. У меня под носом.

- Дайте мне побольше людей и ресурсов, и я найду для вас кого угодно. Однако насчет колдуна вы наверняка ошиблись: я не чувствую здесь ничьей силы, кроме имперского инженера

Альвина Мартения. Быть может, он уже покинул Морхейм…

- Я знал, на тебя можно положиться, - одобрительно улыбнулся Корнелий своей улыбкой мраморного колосса, не став даже дослушивать мои возражения – как только этот жалкий колдун будет пойман, а все его прихвостни развешаны на крестах вдоль главного тракта, мы устроим такую свадьбу, что ее запомнят надолго не только здесь, но и во всей империи!

- Если его нет в Морхейме, значит, придется подождать, пока мы сможем собрать полноценный экспедиционный корпус, - глаза Августина продолжали буравить меня, будто проверяя на прочность, - завтра мы примемся за это дело с должным тщанием, и начнем с тех самых еретиков, которые называют себя служителями Темного Отца. Когда в городе не останется людей, которые вызывают сомнения в своей верности императору и его наместнику, мы займемся поимками того, о ком ты так не хотел рассказывать.

- Боюсь, от города тогда мало что останется. Сколько времени разведка Корнелия пытается найти предателей у себя под носом? Если они не смогли никого найти, значит, никого и не было.

- У меня есть причины так полагать.

- Но этими причинами нельзя делиться со мной?

- Ты ведь и сам скрывал от меня долгое время некоторые сведения. Подозреваю, и до сих пор скрываешь их часть. Корнелий полагает, что этот колдун или ведьма, о которой ты говоришь, всё еще здесь, в городе. Но если ты так не считаешь и не можешь почувствовать его присутствие, предоставь ему доказательства.

- Доказательства отсутствия кого-либо? Августин, послушай…

- Именно их. Корнелий больше склонен доверять своей разведке, нежели человеку, которого видит впервые в жизни. Я много сделал для того, чтобы устроить вашу с Мелиссой свадьбу и создать подходящие рекомендации касательно твоей персоны. Но этого недостаточно. Если хочешь завоевать его доверие, используй старые-добрые догматы Инквизиции, и выбей из главных подозреваемых все необходимые признания.

- Я всё понял, друг мой.

- Просто сделай как я сказал. И никакой самодеятельности.

На этом содержательная часть нашего разговора закончилась, разбившись о стену моей немногословности. Во всем этом, кажется, замешалось нечто очень и очень подозрительное, и полностью довериться ни Корнелию, ни его приближенным, я никак не мог. Как могли они так просто придумать какого-то колдуна, подрывающего власть стратега, полагаясь лишь на

полученные за несколько часов до этого разговора сведения? Слишком уж просто всё совпало. Но глупцами эти люди никак не могли быть, а значит, что-то они недоговаривали. И это мне очень не понравилось. Я снова будто сходил с ума, разрывая своё сознание на части в попытках понять истинную причину происходящего, не складывающееся в общий образ, а лишь расплываясь кусочками мозаики, никак не подходящими друг к другу. Пугало никогда не казался мне простым колдуном, пусть и невероятно сильным: в его образе сквозило нечто древнее и непонятное современной человеческой культуре. Быть может, это и роднило его с местным божеством, якобы живущим, по мнению Альвина, в лесу, но поверить в это самому никак не получалось. Видение Бога, насланное Пугалом, значило что-то совершенно другое, и теперь предстояло дознаться до его сути. Если Пугало реален, а в этом я не сомневался, в Ауревале меня ждали сразу два противника: он и Царь Эльфов. Или же они были одним и тем же лицом. И в этом был определенный смысл. Если они хотят охоты на колдуна, они ее получат. Августин ясно дал мне понять, что от меня требуется, но сомнения терзали мою душу. Я безгранично доверял своему другу и учителю, но не доверял Корнелию. Почему он хочет, чтобы признания выбил именно я? Почему хочет уничтожить несчастных культистов, которые наверняка никак не причастны к готовящемуся заговору? Ему нужна демонстрация моей лояльности стратегу. Но зачем? Уверен ли он в его лояльности империи? Тысячи вопросов, но пока что ни одного ответа. Я привык доверять Августину, но в этот раз семя сомнения всё-таки дало свои всходы.

Я продолжал есть и пить, но внутренне оставался максимально сосредоточен. Нужно поскорее сообщить обо всём Альвину, приглашенному, как оказалось, в числе прочих знатных людей города, и уже по пути к хозяину празднества налакавшемуся до поросячьего визга.

Скоро наступил рассвет, и ночь сменилась легкой светлой дымкой, проникающей в залу через узкие окна. Гости спали там же, где до этого пировали, здесь оказалось не принято уходить домой. Сон вскоре сморил и меня, еще до того, как колосс-Корнелий закончил рассказывать очередную историю из своей жизни в бытности еще легатом при Шестой Империи. Грудной голос его убаюкивал не только меня, но многие из почтения к хозяину продолжали бороться со сном. Я успел только попросить Антартеса избавить меня от видений в эту ночь, но видимо у бога сегодня оказались дела поважнее.

***

Зал суда всегда казался мне самым монументальным

сооружением в Стаферосе. Огромная статуя Антартеса, подпирающая купол, казалась невозможным воплощением гения инженерной мысли. Кругом от него расходились ряды колонн, под статуей располагались ложи обвинения и защиты, напротив – трон верховного судьи, императора. Гранит и белый мрамор искусно переплетались здесь в затейливом узоре, а купол, покрытый лепниной и фресками, изображавшими сцены из Книги Антартеса, поражал всех, кто оказывался под его сводами не только своей монументальностью, но в большей степени красотой изображений, за восемь веков почти не утративших своего первоначального облика.

Я оказался там же, где и десять лет тому назад. На площадке перед высоким троном, на котором восседал десятилетний Николас, последний живой представитель рода Адамидас и последний из императоров Шестой Империи. Скоро ему предстояло принять смерть от рук наемных убийц, но сейчас он искренне увлекся судом над убийцей своего отца. Над Маркусом Клавдием Кемман.

- Здесь и началась твоя история, - как и всегда Пугало возник из неоткуда, движением руки заставив время остановиться, - история, которая привела тебя в конечном итоге в темные леса Ауреваля.

- Ты знаешь, кто такой Царь Эльфов? – неожиданно для самого себя спросил я.

- Он – не конечная цель, а только лишь средство. В конце пути тебе придется убить меня, и занять моё место.

- Но зачем?

- Узнаешь, и очень скоро. Просто отдайся той ненависти, что кипит в тебе: я не зря разжигал ее столько лет.

- Можешь ты хоть раз поговорить со мной и не путать своими безумными речами? – в отчаянии закричал я, пытаясь достать неуловимый силуэт Пугала, но тот лишь незаметно ускользал от меня.

- Ах, если бы я мог. Но я, увы, не более чем заложник собственных законов и правил. Вспомни теперь всю боль Багряного Пламени и отправляйся затем на мои поиски. Когда же мы встретимся в реальном мире, я укажу тебе истинный путь.

Силуэт его истончился и истаял, а время снова обрело свой ход. Холод цепей, сковывающих меня, впился в запястья, обжигая. Голоса обвинения за моей спиной вновь налились силой, обвиняя и выкрикивая ругательства в мой адрес. Видение это, вырванное из памяти моей черною рукой Пугала казалось неотличимым от реальности, и каждая частица моего тела ощущала на себе невыносимую жестокость происходящего. Маленький человечек на

троне, носатый и кудрявый с выкаченными блёклыми глазами, как у его отца, никак не может усидеть на месте. Николас, кажется, готов расплакаться от нетерпения, но протектор, дядя маленького императора, успокаивающе треплет племянника по голове и что-то шепчет на ухо. Через два месяца эти же руки нанесут смертельный удар кинжалом тому, кого сейчас ласкают, но сейчас в глазах протектора виднеется только искренняя забота и участие. Поразительно, как быстро большая политика меняет отношение людей друг к другу.

- Маркус Кемман, *- слышится голос с трибуны обвинения, - вы обвиняетесь в государственной измене и преступном сговоре с целью убийства императора. Верховный суд Шестой Империи на основании полученных доказательств и показаний свидетелей приговаривает вас к казни.*

- Сожгите этого изменника, - визгливо кричит Николас со своего трона, но протектор снова что-то шепчет племяннику, и тот снова успокаивается.

- Если суд земной в третий раз признаёт меня виновным, то пусть состоится суд небесный, - услышал я собственный голос, вырвавшийся через разбитые губы.

Зал на мгновение затих, а затем разразился шумными воплями. Многие из тех, кто здесь присутствовал, знали о моей невиновности, но назначить козла отпущения всё-таки казалось им необходимым. Теперь же планы их дали большую трещину, не смотря на малую вероятность положительного исхода. Багряное Пламя могло сжечь любого, пусть он хоть трижды невиновен. Безвинных людей не существует, и мне оставалось лишь надеятся на отсутствие крупных грехов в моей жизни.

С той секунды, как я заикнулся о небесном судилище, даже сам император не мог остановить божественный процесс испития Багрового Пламени. Настал черед церкви действовать, и дежурный служка, представляющий здесь и сегодня власть церковных иерархов, бегом бросился к Великому Магистру. Но поскольку за последние полсотни лет к божественному суду обращались лишь три раза, все из которых закончились весьма печально для обвиняемых, процесс затянулся на добрых два часа. Николас, взволнованный грядущим представлением, никак не мог найти себе места, но в итоге отправился трапезничать. За ним на перерыв ушли и члены суда, оставив меня в окружении гвардейской стражи, прикованного к мраморному полу холодными как лед кандалами, невыносимо обжигающими кожу.

Наконец, когда всех известили о прибытии Магистра и подручных, ложи вновь наполнились народом и в зал торжественно вошел сам Великий Магистр, слепой уже старик с

голым пятнистым черепом и огромными седыми бровями, закрывающими, казалось, большую часть его ссохшегося лица. Простая деревянная чаша в его руках, примитивная и лишенная всяческих украшений, вызвала во мне нервный трепет. Не боли я боялся, но бессмысленности смерти. Теперь, потеряв всё, я оказался обречен в ужасных мучениях уйти и сам, уйти навсегда, лишиться разом и тела и души. Только чудо могло спасти меня.

И это чудо случилось. Приняв из рук старика наполненную водой чашу, я сделал осторожный глоток, затем еще один и еще, пока сосуд окончательно не опустел, бессильно выскользнув из моих рук. Первые мгновения ничего не происходило, и зал замер в напряженном ожидании, пытаясь угадать, сгорю ли я в священном пламени, или буду помилован. Но вот кровь моя начала нагреваться, оттесняя холод кандалов и даже нагревая их. Жар этот рос и вскоре начал обжигать, а кожа рук покрываться волдырями. Боль сделалась нестерпимой, и я закричал, пытаясь вырваться из своих оков, но тщетно. Огонь сжигал мою плоть, обугливая сосуды и сухожилия, превращая кровь в пепел, но я все время оставался в сознании, в ужасе ощущая мучения погибающей плоти. Через несколько часов огонь полностью очистил моё тело и душу, но в тот день с покрытого кровью и копотью мрамора поднялся уже кто-то другой. Я будто со стороны взглянул на себя и не узнал ни одной знакомой черты. Глаза его больше не казались мне глазами человека. В них я увидел отражение Бога. Через мгновение наваждение пропало, и я снова стал собой: высший суд свершился.

***

Я очнулся ото сна совершенно разбитый и нисколько не отдохнувший. Вокруг вповалку спали гости стратега, пьяные их тела причудливо переплелись в танце животной страсти, да так и застыли, застигнутые рассветом, рассеявшим сказку этой ночи. По моим подсчетам, прошло не более трех часов с того момента, как я закрыл глаза, однако видение, казалось, длилось целую вечность. Вновь я ощутил себя сгорающим заживо и восстающим из пепла бытия, перерожденным по воле Антартеса. Древний артефакт под названием Багряное Пламя в тот день исчерпал свои силы: когда служители подняли чашу с мраморного пола зала суда, дерево ее треснуло и начало стремительно рассыпаться, превращаясь в труху. Так было утрачено последнее божественное чудо, и настало время, когда многие умы империи всерьез задумались над тем, жив ли их бог, или давно канул в бездну, как и многие до него. А еще через год восстала из пепла, но уже в новом обличии и Седьмая Империя, провозглашенная новым родом императоров и благословленная новым же Великим

Магистром.

В Ордене знали: Антартес оставил свой народ уже очень и очень давно, и непонятно было, умер старый бог или ослаб, не способный ни слова сказать своим подданным. Боги умирали и раньше, однако секреты их происхождения оказались надежно сокрыты в глубине веков, и никто уже не найдет сейчас подобных тому свидетельств. Однако человеческое происхождение богов – не секрет, и в Книге Антартеса об этом говорится прямым текстом. Есть Творец – и он вечен, он – абсолют, вне человеческого познания и не нуждающийся ни в чьей вере, боги же – лишь избранные им люди, могущественные, но смертные, призванные защищать свои земли и заботиться о душах умерших. Не зря покровитель империи всегда изображался в виде огненной птицы – Феникса, насытив этим образом искусство и культуру народов, живущих под его знаменем. Если простые люди узнают о смерти своего покровителя, империю ждут темные времена: только именем Антартеса возвращалась она к жизни раз за разом даже после полного уничтожения, простояв таким образом больше двух тысячелетий, уходя корнями в глубь веков, когда люди только-только изобрели письменность и смогли изложить первые божьи законы на каменных обелисках древнего Клемноса.

Предаваясь воспоминаниям, я тщетно пытался вновь забыться сном, но раз за разом боль от касания божественного пламени всплывала яркой вспышкой, впивалась в меня, стоило только закрыть глаза. Пугало сказал: «Мы встретимся в реальном мире». Интересно, каким же образом произойдет эта встреча? Мне не хотелось думать ни о чем, связанном с его жутким образом, однако я не мог заставить себя остановить стремительно несущиеся мысли: в них крылась разгадка какой-то невероятной и немыслимой тайны. Пугало жаждал моей ненависти, но зачем? В его словах нет ни единой доли смысла, только безумие, древнее и бессмысленное. Всю жизнь он внушал мне ненависть, приписывая себе, а иногда и совершая лично все дела, принесшие мне неисчислимые беды. Так, по крайней мере, мне всегда казалось. Насылал кошмары и чудовищные видения, заставляя переживать события прошлого снова и снова, а затем лишь грустно признавался в необходимости этих зол, будто выплывая на поверхность своего сумасшествия.

Я резко поднялся на ноги, не в силах больше выносить эти навязчивые мысли, и решительно направился на поиски Альвина, затерявшегося где-то среди этой кучи-малы. В этот ранний час бодрствовали только стражи стратега и слуги-рабы, тихо и незаметно убирающие следы бурной ночи. Тело друга нашлось в двух десятках ярдов от входа: видимо, он пытался добраться до

хозяина торжества, выпивая всё вино, встреченное на пути, но закрома Корнелия всё-таки одержали победу. Двое рабов дотащили Альвина до его паланкина, и я отправил их к себе домой, наказав закрыть в комнате и не давать выпивки ни под каким предлогом.

Нежно потрепав Хлыста, почищенного и накормленного конюшими стратега до отвала, я пустил его резвой рысью по направлению к обители Темного Отца, секте, гонимой по всей империи и почему-то буйным цветом разросшейся здесь, в самой северной точке страны. Впрочем, судя по намерениям стратега, процветать ей осталось совсем недолго. Несмотря на всё миролюбие приверженцев этого малого ответвления учения Антартеса, их наиболее яростно преследовали во время Ночи Очищения, и потому встретить последователей Темного Отца где-то кроме Морхейма теперь представлялось довольно затруднительно.

Глава 5

По всему известному миру люди молились разным богам и идолам: где-то духам леса или пустыни, в других местах – кровожадным богам войны или богиням плодородия. Здесь же, на самом краю заселенных земель, близ подножий древних гор Трора молились Смерти. Культ Темного Отца не отрицал веру в Антартеса, однако вместо Творца они почитали Смерть, как исконную силу, довлеющую над всем миром, а вернее, Отца-Смерть, представленного в их странной культуре хоть и безликим, но почему-то мужчиной. Тогда как весь мир задумывался над тем, кто сотворил Хвилею, небесное светило и Близнецов, людей, животных, горы и леса, культисты задумывались только над тем, как всё это должно умереть. Для них первична тьма, а не свет, попытка жизни выхватить у царства смерти несколько лишних мгновений, прежде чем погаснуть. Вся материя в этом мире – не более чем искра потухающего костра, и солнце и земля, в конце концов, перестанут существовать, уступив место бесконечной и всепоглощающей темноте небытия и Смерти. Какая-то логика была в их учении, но я никогда не увлекался даже верой в небесного защитника империи, казавшегося для большинства людей единственной существующей истиной, чего уж говорить про многочисленные культы, секты и пантеоны мелких богов, разбросанных по необъятным просторам самого древнего государства мира.

За время моего пребывания в Морхейме я успел получить достаточно сведений о тех людях, с которыми хотел встретиться, но знакомство с ними началось уже очень и очень давно, еще со времен, когда я был младшим инквизитором в Приорате Стафероса. Что-то о местных служителях я узнал от Альвина и слуг, что-то – от Мелиссы, но в общем и целом никакой тайны здесь не было: молились Отцу почти так же открыто, как и Антартесу, и мне оставалось только гадать, чем же всё это не понравилось стратегу.

Главным храмом культа, если его можно так назвать, испокон веков служили развалины древнего города на северо-западе Морхейма. Когда-то в столице Ауреваля проживало более сотни тысяч человек, десятая часть Стафероса в его лучшие годы, теперь же, после долгих лет упадка, город только-только начал оживать, и насчитывал на данный момент едва ли половину от прежнего числа жителей. Естественно, чуть ли не третья часть Морхейма оставалась незаселенной и разрушенной временем: старые виллы, храмы, арены, театры, форумы и бани, бордели, мастерские,

склады, рынки и административные комплексы обветшали настолько, что даже нищие и бродяги опасались селиться в старой части города, грозящей с минуты на минуту обрушиться. Здесь служителей Отца никто не беспокоил, как не беспокоили и они сами наиболее впечатлительных граждан своими странными ритуалами. В катакомбах старого кладбища под обрушившимся храмом Антартеса эта братия пустила свои корни. Если верить слухам, подземные туннели, идущие от старых захоронений, пролегали под всем городом, откуда культисты время от времени выходили на поверхность и забирали прямо из постелей несчастных своих жертв, которым предстояло умереть на алтаре их странного бога. Ими пугали непослушных детей, рассказывая, как люди в черных балахонах вылезают по ночам из колодцев канализации старого города и безошибочно находят тех, кто с утра не доедает положенную порцию каши, забирая навсегда в свои темные гробницы. Однако культистов никто из их недоброжелателей не трогал, хоть их и старались обойти стороной.

Я спешился у ворот разрушенного храма, оставив Хлыста на попечение молчаливого послушника в черной тоге с красной каймой. Да, этот странный культ имел здесь столько последователей, что даже содержал конюшню и трапезную для тех, кому захочется помолиться в подземном святилище Темному Отцу. О чем можно молиться самой смерти, кроме прекращения своих земных мучений и скорейшей гибели врагов, я никак не мог себе представить, однако философия этого учения, насколько я знаю из моего предыдущего знакомства с этой странной братией, не настолько примитивна, как можно себе вообразить.

Святилище представляло собой параллельные друг другу коридоры, соединенные посредине пересекающим их сводчатым проходом, испещренным бесчисленными альковами, оборудованными скамьями для сидения и обставленными свечами. Входы в альковы закрывали шторки из плотной ткани, не пропускающей свет снаружи, ее можно было задернуть и погасить свечи, оставшись в полной темноте. Здесь не было ни алтаря, ни изображений, ни одного атрибута, присущего привычным религиям: пустые альковы, где можно просто посидеть в темноте под землей и подумать о вечном. Спустившись в темные залы под алтарем Антартеса, заботливо очищенный от обломков и пыли и усыпанный полевыми цветами, я не без труда отыскал еще одного служителя, на этот раз полноправного Смотрителя, молчаливо обходившего свои владения. Следовало действовать решительно, и я сразу потребовал от него встречи с главой общины. К моему

удивлению, Смотритель даже не стал задавать вопросов, лишь смерив меня долгим взглядом с головы до ног. Дряблая и бледная кожа его лица напоминала собачью, а маленькие заплывшие и непрестанно слезящиеся глаза только усиливали это сходство.

- Мать примет вас, кир, идемте за мной, - хриплым басом уведомил меня Смотритель, забавно моргнув глазами.

Странная традиция выбирать предводителей исключительно из женщин и именовать их Матерями, по всей видимости, символичными супругами их Отца, уже не вызывала у меня удивления. Анна, Мать общины Стафероса, маленькая сухая старушка, как и её преемница Кара, такая же старая, но более энергичная и веселая, казались мне в то время самыми мудрыми женщинами империи, с которыми я только имел дело, и очень полезными тогда сказались эти знакомства. К сожалению, все прибежища культа в свое время оказались уничтожены, а служители сгорели на кострах во время очередной Ночи Очищения. Я не успел спасти их, как не успел спасти и многих других, чем, естественно, не преминул воспользоваться мой извечный мучитель. Но, пожалуй, они достигли того, к чему стремились, превознося своего собственного Творца. В конце-концов, именно смерть была для них основой всего сущего.

Идти пришлось недолго: пройдя несколько сот шагов по подземному коридору, мы оказались у массивной двери, по всей видимости, ведущей в жилые помещения. Смотритель завозился с ключом и с натугой отворил замок, пропуская меня в теплый и хорошо освещенный, обшитый деревянными панелями коридор. По сравнению с холодом святилища, здесь царила благодать, немедленно согревшая моё уже изрядно промерзшее тело. Мы прошли еще немного по уютным, но кажущимся бесконечными, коридорам, оснащенным, как оказалось, даже хитро спроектированной системой вентиляции, позволяющей избежать сырости и плесени. Целый подземный городок, посвященный, однако, не жизни, но смерти.

- Чем могу быть полезна другу нашей семьи?

Мать, достаточно молодая еще женщина, невероятно высокого роста и тонкая, как тростинка. Темное платье плотно облегает неказистую ее фигуру, а лицо, бледное и маленькое закрыто вуалью. Движениями, напоминающими паучьи, она вытягивается из-за стола, обхватив его по краям длинными и тонкими руками, распрямляясь чуть ли не до самого потолка. Жутковатое зрелище. Ее тон, однако, нежен и участлив и потому странно не сочетается с пугающей внешностью.

- Для начала хотелось бы знать, с кем имею честь разговаривать, - тем же добродушным тоном ответил я, пытаясь

понять, чем вызван подобный теплый прием.

- Ах, прости, дорогой Марк, я столь наслышана о тебе от спасшихся братьев и сестер из Стафероса, что подумала было, будто мы с тобой давно знакомы. Меня зовут Флавия, когда-то я была Флавией Гракха, но родители мои давно отреклись от меня в силу понятных причин.

- Я знал главу семейства Гракх - Антония и некоторых членов этого славного семейства. Соболезную утрате.

- Не стоит. Смерть естественна и не должна вызывать сожаления, разве ты не забыл, где находишься?

- И вправду, - немного смутился я, - каждый раз удивлялся размышлениям Кары на эту тему, со страхом и трепетом обсуждаемую обычными людьми. Старушка могла успокоить даже умирающего в час смертельной агонии своими речами.

- Прошу простить меня за дурные манеры, но я зашел ненадолго и вскоре вынужден буду покинуть вашу замечательную обитель. Быть может, сведения, которые я принес, уже устарели, но я никак не мог не убедиться в этом лично.

Дело в том, что наш глубокоуважаемый наместник, Корнелий Дука, подозревает вас в сношениях с его врагами. Не знаю, насколько верны его сведения, но у него, вероятно, есть свои причины так считать.

- Нам нет дела ни до каких заговоров. Тебе, кир, это прекрасно известно.

Улыбка медленно сползла с лица Матери и лицо ее, казалось, побелело еще больше. Замедлив свой шаг, она остановилась напротив, спиной ко мне, и я заметил короткую судорогу, пробежавшую по ее вытянутой фигуре.

- Возможно. Я не доверяю ни самому стратегу, ни его приближенным, и потому хочу быть в этом конфликте лицом незаинтересованным. Однако приказ о вашей поимке и допросе, пусть неофициально, но уже отдан. И даже назначен человек, который должен его исполнить.

- Дука пытается подмять под себя не только политическую власть, но и духовную. Церковь Антартеса целиком и полностью подчиняется ему, а второй, так сказать, конфессионной группой по своей численности являемся именно мы, дети Темного Отца. К тому же, я уже успела перейти ему дорогу, о чем дважды пожалела с тех пор. Пожалуй, мне и самой стоило догадаться, к чему всё это приведет.

Скажи мне только, кто он? Под чьим знаменем этот человек собирается устроить очередную резню наподобие Ночи Очищения, и нет ли у нас каких-нибудь возможностей призвать на помощь законы империи?

- Это я, - коротко улыбнувшись, я заглянул в оторопевшее лицо Матери, мгновенно отстранившейся на почтительное расстояние.

- Не волнуйся, с Корнелием, как я уже и говорил, меня ничего не связывает. Почти. Я прибыл сюда в составе специального отряда, направленного самим императором для решения неких проблем стратега. Сам Дука уверяет меня в том, что вы, кира, часть готовящегося против него заговора, возглавляет который некий могущественный колдун, жаждущий захватить власть в Ауревале и отсепарироваться от империи.

- Чушь! – Флавия раздраженно махнула своей паучьей рукой, и направилась обратно к своему рабочему месту, будто собираясь что-то там найти.

- Именно об этом я подумал в первую очередь. Быть может, если бы не мои тесные контакты с вашей братией, я бы поверил Дуке и исполнил его маленькую просьбу. Всего-то и нужно заставить нескольких еретиков дать красноречивые признания в государственной измене и ереси. Обычная практика.

- Не так давно стратег уже раздавил две непокорные общины неподалёку от Морхейма. Не знаю уж, в кого они верили и чему поклонялись, но Дука отчего-то решил всерьез взяться за вопросы веры в Ауревале. Привычное религиозное разнообразие в последние годы постепенно сходит на нет его стараниями, но люди, тем не менее, поговаривают о новом божестве…

- Царе Эльфов? – ничуть не удивился я.

- Да. Люди стратега борются со всеми проявлениями ереси, но слухи об этом божестве только множатся. Быть может, это очередные выдумки, но мне почему-то кажется, что всё это как-то взаимосвязано.

- Так или иначе, я сказал всё, что должен. Люди Корнелия могли проследить за мной, и, кто знает, о чем они могут подумать, узнав, что я был здесь. Я подарил вам самое ценное, что только мог: время. Используйте его с умом, потому как через пару дней я буду вынужден прийти сюда в составе карательных частей инквизиции, дабы дать стратегу всё необходимое.

- Благодарю тебя, друг, - устало развалившись на своем кресле, Флавия прикрыла лицо руками, будто размышляя над моими словами.

- В ответ я бы хотел узнать всё, вам известное о Царе Эльфов, а также о том, что происходит в Ауревале. Я знаю: у вас достаточно информации, которой можно поделиться. Вскоре, надеюсь, мне удастся хоть немного прояснить ситуацию, и тогда я пойму, чем помочь вам.

- Тогда нам придется встретиться где-нибудь в безопасном

месте. Желательно, через несколько дней или даже недель, пока все не уляжется.

- Назначь время и место – и я приду.

- Завтра, в полдень у Трибуны Бельвеста. Там ты найдешь моих связных, которые помогут установить постоянный контакт. Только будь крайне осторожен: у стратега много глаз и ушей. Боюсь, он уже мог прознать о твоем визите сюда, и тебе придется очень постараться объяснить ему свои действия, прежде, чем в предательстве будешь обвинён ты сам.

Я только склонил голову в знак согласия, не имея ни малейшего представления, где находится названное ею место. Однако у меня еще оставалось достаточно времени узнать, тем более что я собирался наведаться в гости к Мелиссе. Воспоминания о ней немного рассеяли сгущающиеся тучи в моей душе, на секунду заставив сердце биться немного быстрее. Мне захотелось увидеться с ней как можно быстрее, но вначале следовало поговорить с Альвином, и как можно быстрее, пока он не сбежал, влекомый утренним похмельем.

- Надеюсь, твоё предупреждение пришло не слишком поздно, - бросила мне напоследок Флавия.

Я ничего не ответил, только коротко поклонился, уходя. Миссию мою можно считать успешно выполненной: контакт с общиной установлен и даже былые мои капиталовложения в дело стаферосских фанатиков возникли отголосками здесь, на краю мира, позволив значительно облегчить мою работу. Фактически я только что поставил себя на сторону мнимых предателей, но причин доверять Матери и ее людям было гораздо больше, чем в случае со стратегом. Даже тот факт, что стратег хотел устроить нашу с Мелиссой свадьбу, ничуть не подкупал меня: в голове уже начал зарождаться план, который позволит мне усидеть разом на двух стульях. Дело это невероятно сложное и слишком уж много в нем неизвестных, однако конечный результат стоил того. Так, по крайней мере, я хотел верить.

Над городом снова собрались хмурые тучи, еще по-летнему кудрявые и бойкие, готовящиеся уступить место сплошной осенней хмари, затягивающей небо от горизонта до горизонта. Дул холодный порывистый ветер, гоняющий тучи пыли и мусора, и на пустынных улицах этой заброшенной части города не видно было даже нищих, населяющих город в великом множестве и непрестанно клянчащих милостыню на каждой улице, площади и проулке. Я неспешно направлял коня по выщербленной и кое-где поросшей бурьяном мостовой, уныло созерцая развалины по сторонам, расслабившись и целиком уйдя в размышления. Это меня и сгубило.

Раздался щелчок спускаемой тетивы, и в то же мгновение я ощутил сильный толчок, выбивший меня из седла. «Убили» - только и успело промелькнуть в голове. Боль пришла с запозданием, и уже оказавшись на земле, я разглядел алое оперение арбалетного болта у себя в плече. Инстинкты заставили моё тело сгруппироваться и не сломать спину при падении, и еще два болта, пропоровших плащ, вошли в землю в том месте, откуда я откатился, едва соприкоснувшись с мостовой. Сердце гулко билось в груди, отдаваясь молотами в висках, боль почти не ощущалась, и мир вокруг превратился в узкий коридор, в конце которого – либо спасение, либо смерть. Я не видел нападавших, но предполагал, что они укрываются на втором этаже каменной развалюхи в конце улицы, и потому быстро, как только возможно, даже не поднимаясь на ноги, вполз в ближайший проулок. Теперь у меня появилась лишняя пара секунд для подготовки: болт не задел костей, но правая рука с трудом повиновалась мне. Кровь уже пропитала рубаху и стекала теплыми ручейками по коже жилета, однако рана оказалась не слишком серьезной. Левой рукой я достал меч, но биться так, как мог я правой рукой, получится едва ли не вполовину хуже, и только узкий переулок давал мне хоть какое-то преимущество. Если же нападавшие решат избежать схватки на мечах, последней надеждой моей останется только полуразрушенный колодец, которым заканчивался проулок: то ли старая канализационная сеть, то ли часть системы водоснабжения старого города. Если не слишком высоко, можно попытаться уйти подземными туннелями, не переломав ноги при падении.

Я и не надеялся на честный бой, поэтому сразу же бросился к колодцу, но наткнулся на решетку, не смотря на годы забвения, всё еще надежно перекрывающую путь вниз. Возможно, именно на это рассчитывали нападавшие: пристрелить меня в этом тупике, единственном укрытии на хорошо просматриваемой улице, и я уже слышал топот ног моих убийц, желающих завершить своё темное дело. Однако я без труда, хоть и с внутренним содроганием от такого кощунство, за несколько быстрых ударов перерубил мечом проржавевшие уже прутья, и с глупой надеждой в сердце прыгнул во тьму. Родовой меч в очередной раз показал себя с лучшей стороны: сейчас такую сталь уже не делают, и стоит он целого состояния. Но возможность в бою крушить даже самые толстые доспехи, пожалуй, бесценна. А какая, в общем-то, разница между ржавыми прутьями и броней врага, если на кону стоит твоя собственная жизнь?

Впрочем, ноги я всё-таки переломал, свалившись на целую гору камней. Хорошо хоть в переносном смысле этого слова,

иначе история моя наверняка завершилась бы в этом грязном и непривлекательном месте, оказавшемся-таки канализацией, пусть и давно заброшенной. Ноги болели и не желали слушаться, но страх гнал меня прочь, и всё тот же коридор перед глазами уводил меня дальше в темноту, заставляя спотыкаться, падать, снова подниматься и бежать, бежать… В полной темноте я едва ли мог в полной мере осознавать, в каком направлении двигаюсь, и только шершавые стены подсказывали мне путь, уводя всё дальше от моих преследователей. Сложно сказать, сколько времени я убегал, вздрагивая от каждого шороха и оглядываясь назад, во тьму, опасаясь увидеть свет факела убийцы, посланного по мою душу. Здесь, внизу, пахло сыростью и тленом, сапоги мои скользили по грязи и проваливались в нее в местах, где скапливалась вода. Наконец, спустя примерно час, я обессилено опустился на землю, выбрав место посуше, и утер холодный липкий пот с лица, наверняка измазав его пылью и паутиной со стен. Вокруг тишина и ни звука не пробивается в эти холодные безлюдные туннели с поверхности. Никто меня не преследует, но от этого не легче: в сплошной темноте нет направлений, только легкий гул ветра, по которому я и пытался выйти. Кое-где пути оказались завалены, и пробираться через них пришлось едва ли не ползком, расцарапывая ладони в кровь и раздирая одежду. Плечо налилось свинцовой тяжестью, но кровь, кажется, остановилась. Рука онемела и замерзла, отдаваясь глухой болью при каждом движении, но, в принципе, ничего страшного.

Внезапно, подобно солнцу среди ночи, глаза мои ослепил свет, вырвавшийся из-за очередного поворота. Я медленно и тихо, дюйм за дюймом стал двигаться к его источнику, пока не услышал потрескивание поленьев и неясное бормотание: кто-то жег костер. Подойдя поближе и заглянув в боковой проем, низкий, но сухой, поскольку пол в нем на два фута возвышался над канализационными стоками, по которым я бродил всё это время. В углу, рядом с костром, примостились двое: бородатый мужчина и маленький ребенок, свернувшийся клубком у его коленей. Я негромко кашлянул, надеясь привлечь внимание, и медленно вышел из своего укрытия. Но моё появление, по всей видимости, осталось для этих двоих незамеченным, поскольку белые слепые глаза сидящего у костра всё так же немигающе смотрели перед собой, и даже на звук моих шагов он не стал поворачивать головы, то ли не слыша, то ли не желая обращать внимания.

- Не бойтесь, я не доставлю неприятностей, - как можно более миролюбиво обратился я к этой странной парочке.

- И тебе не хворать, путник, - с каким-то странным акцентом

ответил слепой, - присаживайся, твои преследователи еще нескоро заберутся сюда, если вообще смогут пройти этой дорогой.

Я остолбенел, уставившись в слезящиеся бельма глаз слепца, будто пытаясь понять, не послышалось ли мне. Но тот, едва заметно скривив губы в тонкой улыбке, казалось, наслаждался моей реакцией, подобно фокуснику, ловко одурачившему ребенка исчезновением монетки.

- Эти туннели, если уметь слушать, многое могут сказать о том, что в них происходит, - все с той же добродушной улыбкой, пояснил слепец, - особенно если ты слеп как крот. Садись, кто бы ты ни был, погрейся и передохни.

- Я ранен, и мне поскорее нужно выбраться отсюда. Не подскажешь ли ты, где тут выход на поверхность?

- Прокопий.

- Что?

- Меня Прокопием Слепым кличут. А это – дочурка моя, Анна, - он погладил копошащийся сверток у своих ног, больше похожий на груду тряпья.

Комок у ног слепца зашевелился и, будто услышав свое имя, из него показалось маленькое грязное и худое лицо девочки с ясными голубыми глазами. Окинув меня быстрым взглядом, она тут же снова зарылась в свои лохмотья, потеряв всяческий интерес.

- Я… Марк, - неловко представился я, - так как, говоришь, мне отсюда выбраться?

- А я еще и не говорил, как. Отсюда выход тебе один – на погост, так что ты присядь, обожди немного.

- Что ты такое несешь? – с трудом подавив злость, я всё-таки доковылял до костра, однако садиться не спешил.

- Ты не серчай на меня, добрый человек. Однако супротив правды не попрешь, на нее обижаться не стоит. Те, кто преследуют тебя, давно уже все входы-выходы держат.

- Тебе известно, кто они?

- Людя, знамо дело. Не гоблины и не орки какие. Только они родимые друг другу глотки резать горазды.

- Это мне и так известно, - с сожалением ответил я, всё-таки прельстившись теплом, исходящим от костра. Невыносимо захотелось пить, и, будто почувствовав это, Прокопий вынул из-за пазухи плоскую и грязную флягу, протянув ее мне.

- А как вы здесь оказались и что вообще забыли в этом унылом подземелье? – отпив немного теплой, но всё-таки чистой воды, поинтересовался я.

- А подальше от этих людей и забрались, ей-богу. Не в почете

нынче проповедник антартесовой воли стал, измельчал народец, да новых богов себе наплодил. Даже ему нынче молятся повсякому, каждый на свой лад, да никому он не отвечает. Вот и бесятся от одиночества да глотки друг другу грызут.

- Так ты бродячий проповедник. Отчего же Церковь Морхейма не устроила тебя?

- Э, нет, братец, я с той братией никогда делов не имел. За то и били меня и травили аки собаку бешеную, да всё равно я от веры своей не отступился и отступаться не собираюсь. Как завещал Бог жить, так и живу, что в первую империю, что в двенадцатую.

Я смутно себе представлял, сколько раз за прошедшие века переписывалась Книга Антартеса, имевшая в основе своей старинную рукопись на нечитаемом ныне языке. Годы шли, менялись люди, менялась и их культура, язык, мировоззрение. Естественно, Книга изменялась вместе с человеком. Но о какой же вере говорил Прокопий? Странный этот человек навевал на меня странные ощущения, и весь облик его казался обликом святого отшельника, коротающего свои дни глубоко под землей подальше от сует мира сего.

- Вот, например, знаешь ли ты, что человек не имел души, когда был создан Творцом? – задал слепец неожиданный вопрос, резко повернув голову в мою сторону.

- Это как?

- А вот так, - совершенно серьезно ответил Прокопий, - почему, по мнению клириков, у кошки да собаки души нет, а у человека есть, хотя он по сути своей тот же зверь? Потому как душу эту создали много позже, уже без ведома Творца. Антартес и другие боги устрашились смерти и небытия и воспротивились естественному ходу вещей. Родившись из праха, во прах обратишься. Ноне же – бессмертной душой либо в Чертоги, либо в Геенну Огненную на веки вечные. Однако гордыня их обуяла. И потому не чту я их заветов, а почитаю только самую первую и самую верную мысль Антартеса, первого из богов: жизнь – величайшая ценность человека, ибо она одна, и другой не будет. Почитайте жизнь во всем ее разнообразии, почитайте мошек и букашек, траву и деревья и зверей прочих, ибо они – есть чудо божие, единственное и неповторимое. Так говорил он в начале начал.

Я все дальше и дальше ускользал от бесконечного потока мыслей этого странного человека, не совсем понимая, о чем же он ведет свои речи. Лицо его разгладилось и порозовело, а дочь его, Анна, выглянула наружу из своего кокона и с благоговением внимала речам отца.

- Так ты веришь только изначальным заповедям?

- Да, ибо в них истина. Остальное – от сомнения.

- Интересная концепция. Но разница между кошкой и человеком в наличии разума у последнего. Что, если не душа есть основа наших мыслей и чувств?

- Все мы настолько уверились в своей исключительности… Разница в том, что кошка не умеет думать о смерти, а человек – умеет. И этому человечку страшно, ибо маленький его разум не в состоянии осознать, каково это – умереть. Он погряз в этом страхе и изо всех сил начал думать, как же избежать страшного конца, как обмануть весь мир и Творца. Он верит в идеалы и готов спасти целое человечество от смерти. И он находит способ.

- Какой? – мне даже становится интересно слушать эти полубезумные речи, они отвлекают от боли в руке и заставляют задуматься о вечном. О чем еще размышлять, сидя под землей в свете костра, когда на поверхности рыскают убийцы, желающие оборвать предмет наших разговоров?

- Создать нематериальную, бессмертную копию человека, душу. И боги отдали самое себя, дабы эти души создать, всю свою силу отдали, и умерли обычными людьми. Все, кроме Антартеса, самого могущественного среди них. Он долго еще вынужден был созерцать творение своих рук, и неизвестно, что с ним в итоге сталось. Многие думают, будто он умер, пожертвовав остатками себя для людского счастья, кто-то – что Творец забрал его к себе, подарив истинное бессмертие. Быть может, он и сейчас ходит среди людей и наблюдает за нами, за тем, во что мы превратились и что сотворили с его заповедями.

Слепец еще долго говорил о богах и людях, добре и зле, но я уже почти не слушал его, погружаясь в дремоту.

- Запомни накрепко, мил человек, только одно: не боги создают людей, а люди – богов. За это я лишился права жить с ними и обречен скитаться в таких местах, как это.

Глаза мои окончательно закрылись. Убаюканный потрескиванием поленьев в костерке и монотонными речами слепца, я уснул, чувствуя только тупую боль в ране, далекую и какую-то нереальную. А Прокопий всё говорил и говорил, даже в моем сне, огромный, бородатый и громогласный. Рассказывал о городах и людях, в них живущих, о далеких странах и землях, лежащих за многими морями, о том, как устроен мир и всё в нем согласовано. Фантазия сплелась с реальностью, и мне казалось, будто вместо костра светились глаза Анны, огромные и невинные, полные неизбывной тоски. Было в них что-то не от мира сего, какая-то вселенская печаль. Затем девочка тихонько выскользнула из рук отца и подошла ко мне, наклонившись почти

вплотную к моему лицу.

- Он хочет видеть тебя на своём троне. Ты должен спасти всех нас для него, спасти наши души от небытия и забвения. Потому как он больше человек, нежели бог, и потому боится смерти пуще всего на свете.

И снова раздался удар колокола, расколовший реальность на части. Мерные удары его сулили смерть, смерть, о которой говорили мне слепой проповедник и его дочь. Я вскочил на ноги и едва не упал, скрученный острой болью в руке. Не было ни костра, ни Прокопия, и никаких следов их пребывания. Голова пульсировала болью, а во рту чувствовался привкус крови. Неужели всё это оказалось только сном?

- Идите, кир, они ушли, - кто-то затронул меня в темноте, заставив подскочить от неожиданности.

- Прокопий, ты ли это?

- Ась? Это ж я, Стакашка, кир.

- Кто?

- Вы просили меня показать вам выход отседова, а потом кричали о преследователях и о том, что нужно проверить все выходы. Так я и того, глянул – и снова к вам. Теперича – три медяка гоните, как обещали.

Я засунул руку в карман и нашарил там несколько монет, бездумно ссыпав их все в руки человека, чье гнилостное дыхание изо всех сил пыталось сбить меня с ног. Откуда-то сверху падали лучи полуденного солнца, но здесь, внизу, все равно царила густая тьма.

- Благодарствую, кир. Пойдемте, я вас прямехонько к Императорским Прудам и выведу, здоровы будете.

Всё-таки слепой мне приснился. Но как же так? Всё было настолько реально. Неужели кровопотеря оказалась куда значительнее, чем я предполагал? Так или иначе, через несколько минут петляний по заброшенной канализации, мы оказались у основания огромной трубы, выходящей к болотцу, называемому местными жителями Императорскими Прудами. Ползком пробравшись к свету и еще несколько десятков шагов по болотистому берегу, заросшему камышами, я без сил повалился на относительно сухой и ровный участок набережной, некогда мощеный гранитной плиткой. Нищий, выползший следом за мной, при свете дня оказался достаточно молодым парнем лет двадцати с обезображенным оспой лицом и копной грязных волос, свисающих на глаза. Первым делом он выплюнул на руку мои монеты, на проверку оказавшиеся золотыми, и зачарованно принялся разглядывать их, будто не веря своему счастью.

- Так это чё, золото? – подняв, наконец, удивленные глаза,

ошарашенно пролепетал он.

Но меня рядом уже не было. Я уверенно продвигался вперед по узеньким и грязным улочкам города в поисках лекаря, и вскоре поиски мои увенчались успехом. Правда, нашел я не лекаря, а коновала, но вытащить болт сможет и мясник. Учитывая здешний уровень развития медицины, главное – иметь хоть какие-то представления о том мясе, с которым придется работать. И через четверть часа я уже сидел на какой-то огромной скамье, помытый и раздетый до пояса, а вокруг меня хлопотал сам коновал и его то ли жена, то ли дочь, похожая на него как две капли воды, однако очень уж взрослая. Спросил – оказалось, жена.

- Фу, какая гадость, - машет рукой перед носом женщина.

Разрезав рану, коновал с помощью своих жутких инструментов извлекает из моего многострадального плеча холодное железо болта, и со звоном кидает его на поднос. Из раны смердит какой-то неприятной смесью пота и желчи, а сама рана – воспаленная и вспухшая.

- Слюна гидры, - принюхавшись, заключает коновал, - удивительно, отчего вы еще живы, кир. Настасья, принеси уважаемому господину макового молока…

- Не нужно, - качаю я головой, - зашивай.

По всей видимости, славный доктор хотел облегчить мои страдания перед смертью, но отправляться на тот свет мне пока рано. Жалко Хлыста. Что эти убийцы сделали с ним? Надо будет послать людей по местным рынкам, быть может, славного скакуна выкупил какой-нибудь скупщик краденного и мы с ним еще увидимся. В конце концов, пусть эта животина никогда и не питала ко мне добрых и искренних чувств, однако за восемь лет нашего знакомства я успел порядочно к нему привязаться.

Дом коновала я покинул так быстро, как только смог. Под недоуменные взгляды спрыгнул со скамьи и, щедро оплатив услуги «доктора», скрылся за дверью. Отличный повод для сплетен о том, как отравленный ядом из одного мерзкого вида мха, убивающего за считанные минуты даже слона, не только выжил, но еще и на своих двоих покинул операционный стол, скрывшись в неизвестном направлении. Естественно, Альвина я дома не застал. По заверениям слуг, вспыльчивый патриций выломал дверь какими-то потусторонними силами и убежал через окно. Зачем нужно было выламывать дверь, я так и не понял, однако факт оставался фактом. Поручив моим телохранителям, коим очень повезло не отправиться вместе со мной на прогулку до обители Темного Отца и остаться в живых, разыскать Хлыста и нанять еще людей для охраны дома, я бросился на поиски друга.

Опять встреча с Мелиссой откладывалась, и это злило меня всё больше. Но вот ведь незадача, за всё это время я даже не задумался над тем, кому понадобилось посылать убийц. И теперь, остановившись посреди улицы, как вкопанный, я принялся лихорадочно продумывать план дальнейших действий. Действовать всё-таки предстояло куда более осторожно, и потому я вернулся домой, принявшись писать письмо Августину. Обратиться к будущему зятю? Пожалуй, не стоит. Дикая мысль о том, что убить меня пытался сам Дука, на мгновение задержалась в моей голове, и тут же исчезла. Он хотел проверить меня, а когда я пошел к его врагам, решил прикончить. Но когда я уходил, он еще спал пьяным сном. Разве что Корнелий решил заранее отдать приказ на случай каких-то определенных действий с моей стороны. Бред. Засада была подготовлена. Может, он не доверял мне так же, как и я ему? Какую роль во всем этом играет Августин, и не грозит ли ему такая же опасность?

Я набросал несколько вопросительных строк для Цикуты и отправил слугу доставить посылку инквизитору, надеясь, что еще не слишком поздно. Кроме старого инквизитора и Альвина в этом городе у меня не оказалось ни одного человека, которому можно доверять, а это очень и очень плохо, учитывая складывающиеся обстоятельства. Мелиссу я даже под угрозой собственной смерти не хотел втягивать в эти игры. Пусть она и могла помочь мне, но ее безопасность и спокойствие в тот момент значили гораздо больше. В Стаферосе я мог бы поднять все нужные инстанции и знакомства, в считанные часы начав охоту за убийцами и поиском заказчика, здесь же на моей стороне только сомнительное знакомство со стратегом, которое может обернуться и против меня. Мысли роились в голове подобно рассерженному улью шершней, меня тошнило и мутило, но более ничего серьезного в своих ощущениях я пока не заметил. Испарина выступила на лице, но я уже не в состоянии обращать на нее внимание. Оседлав запасного скакуна, я быстрее ветра вылетел по направлению к дому Альвина. Впутывать друга в эти дела тоже не хочется, но кто может поручиться, что заказчик убийства не принялся вести охоту хоть на весь специальный отряд. Августина я предупредил, он предупредит всех остальных, а этого пьяницу мне пришлось взять на себя. Если же в этом деле замешан стратег, мне в любом случае конец.

Я галопом влетел в ворота виллы Альвина, чуть не стоптав слугу, выскочившему встретить гостя. Узкий колодец ведущий ко внутреннему двору едва позволял разъехаться двоим всадникам, но с другой стороны, оборонять подступы к воротам виллы в таком проходе – самое замечательное дело. Хозяин оказался

дома. Я поднялся по мраморным ступеням, укрытым пышными красными коврами, на второй этаж и замер, в отчаянии осознав тщетность моей спешки. Альвин лежал на голом камне пола, безвольно раскинув руки в стороны, и под его головой с растрепанной курчавой шевелюрой разлилась огромная алая лужа крови. Сердце болезненно сжалось, и тошнота подступила к горлу с новой силой. Едва ли могу заставить себя передвигаться, чтобы подойти к телу друга. Шаг. Еще шаг. Вот я медленно опускаюсь на колени возле Альвина, пытаясь сдержать катящиеся из глаз слезы, но безрезультатно. Всё кончено, и как глупо! Мы были вместе долгих двадцать лет, вместе учились, сражались и веселились, пережили падение Шестой Империи и вместе встретили зарю Седьмой. И вот теперь, на самом краю мира среди этих бесконечных темных лесов и бесплодных пустошей…

- Прости за дверь, - булькнув в лужу вокруг своей головы, заговорило тело моего друга.

- Что?

- Дверь.

- Что дверь?

С сердца будто свалилась целая гора. Однако ее тут же заменили раздражение и досада подобного же размера. Утирая слезы, я в сердцах пнул босую ногу Альвина, а затем попытался его перевернуть. Но тщетно.

Только сейчас я заметил край торчащего из-под плеча бурдюка, содержимое которого разлилось на несколько ярдов вокруг подобно крови.

- Двери конец, - едва шевеля губами, утопающими в разлитом вине, пробормотал Альвин.

- Знаешь, ты отлично выбрал время для очередной попойки. Меня тут убить пытались…

- Зачем? – растягивая слова и пытаясь приподнять голову, изумился Альвин. В таком состоянии мне с ним не о чем говорить, так что придется тащить куда-нибудь в безопасное место.

- Сейчас мы поедем в одно место, слышишь меня? Ты можешь встать хотя бы на четвереньки и отползти подальше от лужи?

- Не-а, - резюмировал Альвин, напустив целый косяк пузырей и отключившись окончательно.

Вынести пьяное тело не составило особого труда. Загрузив его в паланкин, я отправился рядом верхом, не в силах больше вдыхать запах перегара и вина, пропитавшего, казалось, весь мир.

***

Дом Августина оказался наполненным вооруженными людьми. Резиденция у инквизитора просто огромная и включает в

себя целый комплекс зданий, обнесенных самой настоящей крепостной стеной, поэтому места хватило всем: и боевым братьям и рыцарям. Видимо, Августин решил обезопасить сразу всех своих людей, собрав их в собственном замке, и «гости» всё продолжали прибывать. Я насчитал порядка тридцати человек, успевших откликнуться на зов, остальные расквартировались за городом или на окраинах, и потому еще не успели явиться.

- И как только ты умудряешься вляпываться во все неприятности подряд? – нахмуренный взгляд инквизитора скользнул по бесчувственному телу Альвина, которого под руки выносили из паланкина.

- Они меня сами находят, только и всего.

- Пойдем ко мне в кабинет, нам нужно всё обсудить.

Я зря надеялся на личный разговор, поскольку вездесущий Фотий оказался даже быстрее мысли Августина, терпеливо ожидая его прихода в приемных покоях. На его извечно спокойном лице блуждала легкая полуулыбка, никогда не вызывающая у меня доверия. Вскоре подошли еще несколько человек из рядов высших инквизиторов, однако их невзрачные скучные и застывшие лица никогда не вызывали у меня такого раздражения, как лицо Фотия. Приор Евгений также оказался среди приглашенных, нервно ерзая на большом стуле и время от времени утирая крупный пот с лысины маленьким кружевным платочком. Августин и не собирался говорить со мной конфиденциально, как это происходило раньше. Но почему?

- Итак, господа, - пробасил Августин, окидывая собравшихся долгим и выразительным взглядом, - настало время действовать, потому как разговоры нас ни к чему не привели. Как вы уже знаете, на командора Маркуса было совершено покушение. Информацию о его передвижениях, спланированных буквально за несколько часов до отъезда, имел строго ограниченный круг лиц, в числе которых сам Корнелий Дука, я и достопочтимый Фотий, Флавий из Торма – правая рука и турмарх стратега. Кроме этого в него входят также Мединий Север – главный казначей Ауреваля и Юлия Катрон, по слухам, любовница стратега и по совместительству глава торговой империи ныне покойного Берта ди Артелье…

Я сел на обитый бархатом диван в углу и погрузился в собственные мысли. Возлагать на этих людей слишком большие и умные мысли, как по мне, глупость. Да, такие люди как Фотий чрезвычайно умны, но они не осознают истинного положения вещей, плавая на поверхности омута и не ощущая бездну, над которой находятся. Для них это очередной заговор и повод разжечь пару сотен костров для успокоения души и разума, но то,

что происходит в Ауревале на самом деле, далеко даже для моего понимания. Так зачем же Августин, прекрасно осознающий данное обстоятельство, собирает показное собрание? Быть может, именно для этого. Люди и так ропщут на единоличность инквизитора в принятии решений, однако в данной ситуации подобная вольность, как по мне, излишня.

- Я так и знал, что проклятые еретики будут бежать в эти окраинные земли и здесь пытаться строить своё безбожное царство! – кричал Евгений, забавно болтая ногами на своем несоразмерном седалище и не доставая до пола, - рано или поздно кто-то из ересиархов должен был хотя бы попытаться основать собственный еретический культ, а теперь нам даже стало известно, где сидит корень всего зла.

- Эти корни, уважаемый приор, уходят слишком глубоко в землю. Мы не располагаем достаточными средствами для противодействия им, тем более, не располагаем мы и информацией о том, кто хоть предположительно замешан в заговоре, - спокойным тоном возразил ему Августин.

- Так как же нам быть в таком случае?

- Так же, как и всегда. Мы отправимся выкорчёвывать культ в местах поклонения, примерно известных нам. Завтра же. Как только сердце заговора – носитель проклятого дара – будет убит, оставшиеся бунтовщики будут уже в руках контрразведки стратега.

- Мне кажется, убийством кира Маркуса заговорщики отлично показали нам, кто в городе поддерживает этот заговор. Без сомнения, это сектанты этого их Темного Отца, обитающие в заброшенной части города! Но убийство не удалось, и планы их должны измениться. Нужно уничтожить их, пока они не предприняли ничего нового.

- Слишком очевидно, - не выдержал наконец я, - с тем же успехом можно было дать мне спокойно доехать до дома, и у самого порога перерезать мне горло. Эти сектанты – народ совершенно иной идеологии, и я убежден в том, что они и не помышляли об участии в каком бы то ни было заговоре. Стратег не пожелал рассекречивать имеющиеся у него данные. Это его право. Но тогда у меня возникают совершенно другие вопросы…

- Нужно заставить стратега отправить своих стратиотов прочесывать лес, вот что я думаю, - вставил своё слово Евгений, не обращая внимания на мои слова.

И тут случилось то, чего я и ожидал: поднялся гвалт, где каждый пытался перекричать оппонента и попытаться задавить его силой, а не аргументами. Каждый раз подобные собрания заканчивались одинаково, поэтому Августин и перестал собирать

своих подчиненных для публичных обсуждений, предпочитая разговаривать с каждым лично и с глазу на глаз. Я специально назвал другое место встречи с матерь, надеясь ложной информацией хоть попытаться выманить предателя, ведь никто, кроме меня не обладал ею, даже сам Августин.

- Идите, - тихо, но четко отчеканил мой учитель.

И тут же крики стихли, как по мановению руки. Лица инквизиторов вновь изобразили скучающую серьезность и повернулись в сторону Августина.

- Я сказал, вы свободны. Целый час вашей болтовни не привел ни к чему стоящему, впрочем, как и всегда. Выметайтесь отсюда, пока я не разозлился.

Первым за дверь выскочил приор, блестя лысиной и пыхтя как боров, за ним чинно вышли остальные, напоследок смерив меня презрительными взглядами. Естественно, ведь я единственный, кого выносил старик Августин и с кем советовался чаще всего.

- Что ты хотел добиться этим сборищем? Думаешь, предатель – один из присутствующих здесь? – спросил я, когда мы остались одни.

Августин сидел темнее грозовой тучи, однако в дубовых складках его лица я всё-таки разглядел тень улыбки, едва сдерживаемой стариком.

- Не думаю, но знаю. Я не первый раз собираю этих болванов для «серьезных совещаний». Перетасовываю их с людьми умными и доверенными, а потом выявляю, кто из них врет, кто лицемерит, а кто склонен предать. Такие как приор очень любят казаться глупыми агнцами, но я-то вижу их насквозь: не за свою глупость Евгений попал в эту ссылку.

- Так это Евгений?

- Нет, безусловно, нет. Мне нужно было еще раз проверить всех своих людей.

- Но ведь ты и так лично отбирал каждого из них, если не считать часть приданных Орденом рыцарей и подобных приору людей. Усомнился в собственном выборе?

- Отнюдь. Я только хотел удостовериться в их личной преданности и способности правильно выбирать сторону.

- О чем это ты?

Своим загадочным молчанием Августин частенько заменял ответы на мои вопросы. Раньше меня раздражала подобная манера общения, но со временем я осознал: за этим кажущимся пренебрежением скрывается возможность найти подходящий ответ, лежащий практически на поверхности, самому. И никогда еще не ошибался. На мгновение осознание страшной догадки

бросило меня в жар, но я поспешил скрыть ее следы, внимательно изучая застывшее лицо учителя. Фрагмент мозаики встал на своё место, но общая картина всё равно пребывала в полнейшем хаосе, через который мой разум никак не мог пробиться.

- Так мы отправимся в лес Короля? – слабым, едва ли похожим на мой собственный, голосом спросил я.

- Я же сказал тебе, четко и ясно Марк: никакой самодеятельности, - извиняющимся тоном сказал Августин, проигнорировав вопрос.

- Я помню.

- И ты, наверное, уже догадался, что остался жив только благодаря мне. Однако еще не всё потеряно: я до самого конца готов стоять за тебя. Ответь честно: готов ли ты выбрать нужную сторону в грядущей войне?

- Я всегда был только на своей стороне, ты это знаешь, - покачал я головой, уже понимая, к чему клонит Августин.

- Нейтралитет будет означать смерть для тебя. Здесь нет ничейной стороны.

- И ты готов дать свершиться этому?

- Я же сказал, что буду защищать тебя до конца! – Августин яростно сорвался со своего места и в два шага очутился подле меня, - брак с Мелиссой, твоё увлечение ею, должны были стать гарантией, но ты и здесь чуть было всё не испортил своей никчёмной одержимостью и трусостью. Ужели ты и в самом деле думал, будто я поверю твоей истории, что ты мне поведал? Вздор! Твои разговоры о нем начались после чаши Багряного Пламени, или ты уже забыл? Да, ты несколько раз выкладывал мне всю якобы «правду» о нем, но потом забывал о своих словах. Я надеялся, до самого конца надеялся на исцеление твоих душевных пороков, но безрезультатно. Прославленный воин, до самого конца защищавший своего императора и затем оклеветанный его убийцами, народный герой, оправданный божественным судом… Всё прямо как в сказках, мифах о героях, спасённых чудом и силой собственной веры. Но эта чаша свела тебя с ума. Она породила в твоем разуме виновника всех твоих горестей – Пугало, - увидев в моих глазах проблеск страха, Августин еще больше навис надо мной.

Так ты его называешь, верно? Воплощенный детский страх. Суть в том, что всё это нереально, ты борешься с фантомами, гоняясь за ними повсюду. Говоришь, видения привели тебя в Ауреваль? Нет. Это я привел тебя сюда. На край мира, подальше от этого проклятого города, подальше от имперской гнили. Но ты и здесь стал видеть его. Боги… даже здесь.

Я вскочил, будто ошпаренный его словами. Поверить во всё

сказанное казалось мне в эту секунду попросту невозможным. Ведь я отчетливо помню, как сталкивался с Пугалом там, на улицах Стафероса, помню его образ, пропитанный ненавистью и болью. Всё это не могло быть плодом моего воображения, как уверял Августин. Мир плыл перед глазами и я едва мог стоять, отступая всё дальше и дальше от пылающей яростью и… грустью фигуры инквизитора.

- Просто дай мне доказать его реальность. Я как никогда близко подобрался к своей цели: она здесь, в Ауревале, осталось только сделать шаг. Кто-то же занимается всей этой мистификацией, в конце концов. Ты сам говорил мне о колдуне, который якобы строит заговоры против стратега…

- И я даже знаю, кто, - процедил Августин, - ахвиллейцы. Это их рук дело. Как и прежде тянут свои жадные щупальца в надежде проглотить кусок побогаче. Я как мог пытался отогнать тебя прочь от того, во что лезть не следует, но своими вчерашними словами ты прямо-таки заставил моего брата попытаться остановить тебя. Забудь про Царя Эльфов, если не хочешь нарушать свой нейтралитет. Найди колдуна среди вражеских лазутчиков, о большем я тебя не прошу.

- Но я не чувствую здесь никого. Никого, понимаешь?

- Ни одна диверсионная группа не может действовать настолько идеально, не оставляя следов. Я долго не мог поверить, но это так. Царь Эльфов – не миф. Однако это не его рук дело, поверь.

- О чем ты говоришь? Почему ты не рассказал мне с самого начала? Это же почти открытое восстание против империи…

- Именно поэтому и не рассказывал. Надеялся привлечь тебя на нашу сторону, аккуратно подвести к истине, но ты рванулся слишком неожиданно, и Корнелий решил перестраховаться. Докажи свою верность, выпотрошив врагов Корнелия – вот и всё, о чем я просил. Тебе нужно было только собрать людей и отдать приказ.

- Пугало показал мне видение нового бога. Именно за ним я пошел.

- Избавь меня от своего бреда! – рявкнул Августин, - нет никакого Пугала. Нет, и никогда не было. Уйми проекции своего сознания и найди колдуна. Это всё, о чем я тебя прошу. Способности, дарованные Багряным Пламенем, уже не единожды помогали тебе в подобных поисках. Ты просто не хочешь прислушиваться к ним, витая в собственном воображении.

- И что потом?

- Потом твоя миссия будет исполнена и ты волен будешь поступать как хочешь. Это ведь твоё кредо? Сделай что должно, и

ничего более? Всё здесь происходящее оставь кому-нибудь другому, это тебя более не касается. Император послал нас на помощь своему наместнику. А ему требуется от тебя только это.

- Но это ведь мой мир, моё государство. Почему ты рассчитываешь на моё молчание?

- В этом государстве у тебя не осталось ничего, Марк. Я знаю: тебе плевать на империю, на императора и на Антартеса. Ты живешь по привычке, и если всё вокруг разрушится, всё равно будешь жить дальше, свободный ото всех оков кроме самого себя. Ты лишь придумал, будто Пугало – это твоя извечная цель. Даже Александра, за которым охотился, ты до последнего момента считал его воплощением. Во всех, кого ты преследовал, виднелся лишь один образ. А я молчал и верил. Но можешь себе и дальше представлять, будто колдун ахвиллейцев – это и есть Пугало, быть может, так ты найдешь его быстрее, и затем сможешь найти себе очередную жертву своей безумной охоты на призраков.

- Тогда мне нужна гарантия безопасности. Мне и Альвину: это из-за меня он вляпался во всю эту историю. А также мне нужны деньги и люди. Если мои видения – бред воспаленного сознания, как ты говоришь, я не буду больше обращаться к ним и подойду к своей миссии как можно более объективнее. Передай мои условия Корнелию, и я выполню свою часть сделки, закрыв глаза на его увлеченность властью.

- Хорошо. А теперь ступай, у меня еще много дел.

Я медленно, всё еще не осознавая происходящее, двинулся прочь из этой ставшей вдруг маленькой и душной комнаты. Но на пороге Августин всё-таки окликнул меня.

- Оставь Мелиссу в покое, вам больше не стоит видеться.

- А это уже не твоё дело, - тщательно проговаривая каждое слово, не оборачиваясь, ответил я, и уже более твердым шагом покинул инквизитора.

Августин собирал отряд вовсе не из-за моего письма. Но для чего тогда? Флавию ждет очередная Ночь Очищения, я думаю. Как много поменялось в моей жизни за эти часы, проведенные в доме моего учителя и друга. Но друга ли? Меньше всего на свете я ожидал подобного поворота событий, особенно в исполнении казавшегося непоколебимым и бесконечно праведным инквизитором, всю жизнь посветившим служению Ордену и Империи. Заговор зрел под самым моим носом, но я, в безграничном своём доверии ничего не видел и не слышал. И как искусно всё оказалось спланировано, как элегантно воплощено в жизнь, что даже я, всё это время пребывавший рядом с главным заговорщиком, оставался в неведении до самого конца. Но в чем же смысл всего этого? Богатство и безграничная власть? Смешно,

вся эта пародия на государство продержится только до прибытия первых легионов империи, и семь тысяч стратиотов Корнелия превратятся в пыль под их ногами за считанные минуты. Разве что у сепаратистов есть кто-то, кто готов поддержать всю эту авантюру. Царь Эльфов? Да, Августин прямым текстом сказал мне о его реальности, как бы абсурдно это ни звучало. Новый бог Ауреваля. Догадки Альвина, как ни странно, оказались верны. Тогда какого колдуна, во имя всего святого, меня требует обнаружить этот обезумевший старик? Здесь нет никого, я не чувствую ничьего присутствия, даже этого загадочного Царя Эльфов. Если заговор готовит сам стратег, то кто тогда втыкает палки ему в колеса? Кто погубил Каррас и кто устроил всё остальное? Явно не последователи Темного Отца, и не ахвиллейцы. Круг моих познаний стремительно сужался, превращаясь в точку на огромном белом полотне, и казалось, будто с каждой минутой промедления это белое полотно лишь разрасталось, закрывая собой весь мир.

Я вышел на оживленную улицу и медленно побрел куда глаза глядят, пытаясь собраться с мыслями. Люди носились по своим делам: богачи в паланкинах спешили на очередную пирушку или посмотреть на гладиаторские бои, рабы таскали бочки, ящики, сумки и коробы, бегали по поручениям хозяев. Патрули городской стражи патрулировали, торгаши торговали, мастеровые спешили в свои мастерские и из них, бродячие музыканты и актеры исполняли свои произведения, золотари вычищали отходы человеческого бытия, нищие толклись и просили милостыню. Город жил своей жизнью, не замечая меня, одиноко бредущего в толчее вечернего потока. Следовало заняться делом: забрать Альвина, начать подготовку к дальнему походу в поисках того, не знаю чего, набрать проводников и следопытов, распорядиться имуществом и деньгами. И главное – хоть на минуту увидеться с Мелиссой. Воспоминание о ней жгучей плетью стегнуло моё сердце, и я едва не сорвался на бег в страстном желании повидаться. Но библиотека, ее излюбленное место обитания, оказалась пуста и безжизненна. Я обежал весь парк в смутной надежде, однако не встретил ни одной живой души. Идти к ее дому казалось слишком опасным, там всегда дежурили гвардейцы ее отца, а сейчас там могли оказаться еще и убийцы, присланные им же по мою душу. Я написал лишь короткую записку, оставив ее между страницами уже раскрытой книги под названием «Завоевание золотой долины», но, пролистав несколько страниц, понял, что могу подчерпнуть из нее много полезных сведений. Поэтому, засунув книгу за пазуху, я положил записку в шкатулку с письменными принадлежностями,

и вышел вон.

Казалось, отчаянию, охватившему меня, не было предела, и потому ноги несли меня прочь, через кварталы богачей и бедняков, по бесчисленным улочкам и проспектам. Я никак не мог пережить того удара, обрушенного на меня Августином. Это было похоже на предательство собственного отражения в зеркале: настолько сильно я доверял ему. В какой-то момент я оказался возле одного из многочисленных питейных заведений Морхейма. По всей видимости, ногами моими в этот момент управлял пребывающий в забвенном сне Альвин, каким-то странным образом захвативший власть над этой частью моего тела. Однако я решил не останавливаться на достигнутом, и уверенно направился к потертой вывеске с карикатурным изображением какого-то очень уж знакомого мужчины в профиль с кружкой чего-то пенящегося и почему-то зеленого. «Седьмое небо пьяного Нероса» - крупными буквами намалёвано ниже. Я немного порылся в кошельке и выудил старую потертую и щербатую монету, сверкнувшую мне в холодных сумерках золотым блеском. И точно, императорский профиль почти один в один. Захотелось зайти. А впрочем, почему бы и нет?

Внутри тепло и темно, с высокого потолка свисает одинокая люстра с немногочисленными свечами, наполовину уже прогоревшими и оплывшими. Вся обстановка – простая и потрепанная временем, но слаженная на века. За стойкой – с десяток помятого вида работяг, набираются чем попало, начиная с эля и вина и заканчивая мерзкого вида кеметским пойлом, по слухам, невероятно крепким и смертоносным для утонченных имперских глоток, привыкших к разбавленному вину. Взгляды посетителей на несколько секунд задержались на мне, а затем вновь опустились в кружки и тарелки, утратив интерес. Я всегда предпочитал одеваться просто и без излишеств, и потому не привлек к себе никакого внимания: очередной искатель приключений, по-походному одетый в рубаху, просторные штаны, заправленные в высокие сапоги, кожаный жилет и шерстяной плащ, на поясе невзрачные ножны с коротким мечом. Где-нибудь в южных провинциях, да и в самом Стаферосе мой облик наверняка натолкнулся бы на стену непонимания со стороны приверженцев старых традиций, предписывающих всем свободным гражданам носить тоги и туники. Но как бы мне ни нравилась «варварская» одежда, приходилось соблюдать приличия, пребывая в цивилизованной части империи. Посмотрел бы я на этих ценителей моды в холодных лесах и болотах Ауреваля, где уже в конце осени выпадает снег, невиданный для большинства жителей империи. Здесь даже бывшие легионеры,

ни разу в жизни не надевавшие штаны, предпочитали одеваться в более практичные одежды, и никто не обращал внимания на разношерстные детали гардероба, сочетающие в себе и северные и западные и даже восточные элементы одежды.

Я присел за угловой столик и вновь погрузился в раздумья, пытаясь унять терзавшую душу горечь. Война уже черной тенью нависла над скучающими фигурами людей в трактире, однако никто из них и не осознавал этого. Неужто Корнелий и вправду возжаждал полной власти над фемой, намереваясь объединить людей со всех уголков земли под знаменем нового бога и бросить вызов императору? Звучало абсурдно. Двенадцать легионов общей численностью в сто тысяч человек, фемные ополчения, боевой корпус Ордена и войска федератов пройдут по Ауревалю из одного конца в другой и даже не заметят сопротивления. Но Корнелий не дурак, и уж тем более не дурак его брат – Августин, а значит, у них должен быть какой-то гениальный план. Старый инквизитор предполагал, что за беспорядками в феме стоят ахвиллейцы, а значит, на их помощь стратег не рассчитывает, надеясь справиться своими силами. Или же Августин просто дезинформировал меня, ткнув в первое попавшегося на ум слово. В любом случае, это не моё дело, сколь занятно бы всё это ни было. Мой учитель прав: с этим государством, да и со всем этим миром меня ничего уже не связывает, ни долг, ни преданность, ни любовь к отчизне, ни тем более к ее обитателям. Оставалась только Мелисса, и я должен буду вырвать ее из надвигающейся бури и увезти так далеко, насколько это вообще возможно. Но сначала – Пугало, он же – колдун, донимающий Корнелия. В том, что это именно мой знакомый терроризирует фему уже который месяц, я почему-то не сомневался, постепенно сопоставив все имеющиеся в моем распоряжении факты. Однако вопрос о его мотивах всё еще оставался открытым. Зло ради зла? Заманчиво, но маловероятно.

- Что кушать будем? – передо мной выросла огромная, закрывающая остатки света фигура женщины с подносом в руках. Видимо, хозяйка заведения, или жена хозяина: лицо толстое и доброе, так и лучится внутренним светом.

- Что-нибудь на ваш выбор, кира, - невольно улыбнулся я в ответ, - и той бурой жижи, что пьют господа за стойкой.

- Это называется тарка, господин. Если раньше не пробовали, начинать следует очень осторожно…

- Бутылку, будьте добры.

- Как угодно, - нервно хихикнув, женщина натянуто улыбнулась и, покосившись на мой меч, тут же скрывшись на кухне. Может, испугалась, что я тут же напьюсь и начну буянить.

Но алкоголь почти не действовал на меня, как и все яды: еще один побочный эффект Багряного Пламени. Теперь я даже не был уверен в своей смертности, поскольку смертельные раны заживали на мне за считанные недели. Полезное свойство, однако время от времени мне начинало казаться, будто мое тело – вовсе не моё, а только лишь прочная, у кого-то позаимствованная оболочка, бесчувственная кожа дуба или сосны, в которой я оказался заперт.

Спустя полчаса на столе передо мной возник молочный поросенок в окружении свиных же колбасок и крупных маслянистых и шарообразных грибов. Затем прибавилось блюдо с запечёнными овощами и кашей со свежей зеленью и пышный каравай причудливой формы. Пузатая уродливая бутылка из дрянного стекла – вершина кеметской научной мысли, на фоне всего этого великолепия смотрелась донельзя нелепо, однако это маленькое безобразие в данный момент ничуть не смущало меня, до того я оказался голоден.

- Покушайте сначала, господин, - участливо сообщила мне хозяйка, - посидите часок, потом уж пейте.

Естественно, я не стал слушать доброго совета, опрокинув в себя целый стакан, адским огнем прокатившийся по пищеводу. Затем сразу же еще и еще один. Сидевшая за соседним столиком компания бородачей в великом изумлении следила за этим представлением, перестав даже жевать. Тепло разлилось по всему телу, и хмель немного ударил в голову, но только самую малость. Я прикончил почти половину бутылки и принялся за еду, по всем правилам этикета маленькими кусочками поглощая представленное на столе изобилие. Свинина, казалось, растворялась прямо во рту, грибы оказались немного странными на вкус, но достаточно приятными, поэтому основное блюдо я уничтожил достаточно быстро. Затем допил остатки бутылки и почувствовал себя совсем хорошо, даже настроение немного улучшилось. Бородачи зашевелились и о чем-то принялись яростно перешептываться, поглядывая в мою сторону. Затем один из них поднялся и гордо прошествовал к моему столику, приглаживая на ходу свою рыжую шевелюру.

- Неловко обращаться, эээ… кир - странно подбирая слова с мягким кеметским акцентом, бородач заерзал напротив меня, не зная, куда себя деть, - но не хочешь ли присоединиться к нашей компании? Я наблюдал, как ты пьешь тарку, и могу сказать только одно: лишь истинный кемет может так пить.

- Что ж, почему бы и нет? – расслаблено ответил я, ощущая легкость во всем теле и желание с кем-нибудь поговорить, - сейчас куплю еще одну бутылочку и присоединюсь.

- О, нет-нет, мы угощаем. Бранда! – кемет окликнул хозяйку и что-то быстро затараторил на своём языке. Толстуха покосилась в мою сторону, и согласно закивала, вытирая подолом потное широкое лицо.

Я последовал за пригласившим меня бородачом к сборищу точно таких же рыжих и бородатых мужчин в грубых кожаных одеждах. Кажется, я очень удачно пришел в это место: если это кеметские охотники, для моей миссии не найти лучших проводников, тем более что, судя по их реакции, мне удалось вызвать в этих суровых людях кое-какое уважение.

- Моё имя – Тукка, это – Ррек, Нгар, Шеффе, Кагар… - кемет представил мне еще семь человек, но имена их тут же выветрились из головы, совершенно чуждые моему уху. Я сделал вид, будто всех запомнил и даже ответил на традиционные кеметские приветствия, о которых рассказывала Мелисса, напутав только самую малость.

- Марк, - представился я в ответ, выдержав очередную порцию направленных уже в мою сторону приветствий, после чего сел на предложенное мне место.

В это время хозяйка трактира принесла целую бочку тарки, могучими руками взгромоздив ее в центре стола. Эта женщина превосходила каждого кемета чуть ли не на голову в росте и в два раза – шириною плеч, так что бородачи смотрели на нее нескрываемым то ли любовным, то ли просто восторженным взглядом. Прибежали еще две заморенного вида девицы, и принялись убирать объедки, принося взамен новые блюда, доверху наполненные различной снедью.

- Бранда, - указал главный из кеметов на фигуру хозяйки, - бой-баба, тоже из наших. Говорит, ты ей понравился, но сказать стесняется. Говорит, имперские обычаи запрещают.

Я посмотрел в сторону Бранды и нервно сглотнул, на секунду представив себя в объятьях этой женщины, затем перевел взгляд на Тукка и с максимально вежливым тоном сказал ему, что суженая у меня уже имеется.

- И чего же? – не понял тот.

- Не в обычаях империи предаваться любовным утехам с другими женщинами, если любишь кого-то одного.

- Да-а, дела-а - задумчиво протянул Тукка, машинально уже приглаживая косматую бороду.

- Но пить за знакомство имперские обычаи не запрещают? – весело поинтересовался другой кемет, кажется, Кагар или Нгар.

- Заставляют.

- Дела-а, - снова покачал головой Тукка, на этот раз одобрительно, и мы выпили.

Когда первый бочонок подошел к концу, большинство моих новых знакомых уже прилично набралось, а за окном уже стояла глубокая ночь, я стал узнавать для себя много нового и интересного. Голова немного кружилась, и ноги немного подкашивались, но в целом я чувствовал себя превосходно, даже не смотря на разболевшуюся рану. Рыжие обитатели равнин Ауреваля действительно оказались охотниками, пропивающими выручку в трактире своей соплеменницы, и по совместительству пристанище всех кеметов города. Люди равнин не любили ни Морхейм, ни любые другие города и городки, основанные имперцами, и если и селились в них, то только тесными маленькими общинами. Бранда же по неведомой мне причине решила отказаться от неприязни соплеменников и построила собственное питейное заведение, мгновенно ставшее популярным среди немногочисленных кеметов города. Единственной недвижимостью этого кочевого народа во всей столице фемы. Странное название трактира Бранда объяснить не смогла, сказав только, что вывеску заказала нарисовать с последней оставшейся у нее монеты, уплаченной художнику, пририсовавшему зачем-то Неросу кружку пива.

- Что вообще за небо такое, седьмое? – пьяно прижавшись к присевшей на минутку Бранде, поинтересовался Тукка.

Шеффе что-то ответил ему на кеметском, и все дружно рассмеялись. При мне они старались говорить на имперском, но иногда всё-таки срывались на родную речь, более привычную и легкую для заплетающихся языков. Взгляды этих людей по сравнению со строгими нравами имперских граждан показались мне невероятно необременительными: у них хоть и имелось некое понятие брака, но ни о какой супружеской верности не шло и речи, не было никаких сексуальных запретов и предрассудков. Всё прямо как на оргии стратега, будто бы перенявшего часть уклада этого странного народа. Превыше всего, по их словам, ценилась сила, в любом ее проявлении, пусть даже это было и количество выпитой тарки, и потому дабы мне подтвердить свой дружеский статус, пьяные кеметы затеяли борьбу на руках, в которой я, даже учитывая количество выпитого бородачами пойла, победил всего лишь четверых из них. Однако этого хватило, и под веселую тарабарщину на кеметском, было решено заказать еще бочонок и продолжить знакомство.

Но на втором бочонке проклятая тарка решила вдруг подействовать на мой устойчивый даже для слюны гидры организм. Меня развезло, но кеметам пришлось еще хуже, среди них держались только трое, включая Тукка. Мне в голову наконец пришла мысль нанять всю эту веселую компанию для своей

миссии, и я не преминул ее озвучить.

- А куда итти надо?

- Я сам еще до конца не уверен, но думаю, куда-то в сторону леса Короля Эльфов. Как вы его там называете?

Кеметы дружно переглянулись и, немного помолчав, выпили остатки тарки из своих кружек.

- Лес Килмара, значит, - будто даже немного протрезвев, ответил Тукка, - любите же вы, имперцы, давать громоздкие названия. Но что ты хочешь там найти?

- Не что, а кого. Одного колдуна, донимающего людей стратега. Тот, кого называют Царём Эльфов, на вашем языке зовется Килмаром?

- Говори тише, не хватало еще, чтобы кто-то услышал, - тут же понизив голос до пьяного шепота, отозвался Ррек, - местные не очень-то жалуют разговоры о нем, однако частенько посланники вашего военачальника наведываются в его лес, разговаривают с нашими старейшинами. Но сами мы до конца не понимаем, что там происходит: всюду патрули и заставы, через которые даже лис не проскочит.

- Этот Килмар – кто он?

- Ооо, - мечтательно закатив глаза, затянул Тукка, - Он - один из великих шаманов древности, живший еще когда прапрадед моего прапрадеда сосал молоко своей матери. Он достиг полного единения с миром и ушел в тот лес, ставший затем священным для нашего народа, однако сейчас старые обычаи поклонения ему уже почти забыты, и только некоторые старейшины до сих пор чтят их.

- И о чем посланники стратега говорили с ними?

- Я не знаю. Старейшины только сообщают свою волю кланам и не посвящают нас, простых охотников в свои дела. Мы не охотимся в священном лесу и никогда не приближаемся к нему, поэтому, если ты хочешь всё-таки проникнуть туда, особо на нас не рассчитывай.

- Вы же только что говорили о патрулях, через которые и лис не проскочит…

- Кемет ловчее лиса, - пьяно ударил себя в грудь Ррек, - за хорошее вознаграждение, я лично проведу тебя незамеченным даже через целый строй воинов, выстроенных вокруг леса.

- По правде говоря, я сам не уверен, куда мне нужно. Лес Килмара – единственное на данный момент место, которое я знаю, и тянет меня туда исключительно сверхъестественное чутье.

- Чутьё для воина важнее разума, - авторитетно заявил Тукка, опрокидывая очередную порцию выпивки.

Эти трое: Тукка, Ррек и Шеффе, единственные из всей десятки способные вести разговор, вызывали у меня какое-то подсознательное доверие. Суровые, рассудительные, явно опытные, сильные войны и следопыты. Кажется, у меня появились первые спутники и, в общем и целом, ими можно и ограничиться. Проблема состояла в том, что я не знал, с какой опасностью придется столкнуться, и какое количество боеспособных людей мне может понадобиться. В любом случае, над этим можно подумать и завтра. Мы выпили еще, и голова моя окончательно опьянела, как никогда за последние десять лет, кеметы и вовсе едва не падали со своих мест, а большинство из них и вовсе лежали бородатыми лицами в тарелках, подобно павшим на поле брани воинам.

- По десять золотых на каждого вас устроит?

Кеметы переглянулись, багровые от выпитого лица удивленно вытянулись и раскрасневшиеся глаза жадно выкатились. По всей видимости, с вознаграждением я перемудрил.

- Да за десять золотых я тебя хоть на собственном горбу допру, - снова пьяно заорал Ррек.

- Тогда, братцы, через неделю пошлю весточку. Где мне вас найти?

- Да здесь мы будем, у Бранды. У хозяюшки очень просторные комнаты и мягкие кровати, - лукаво улыбнувшись, подмигнул мне Тукка. Правда для этого ему пришлось перекосить всё лицо, поскольку тарка начисто лишала человека всех мимических способностей.

Остальные пьяно заржали, а Шеффе, до сей поры сидевший в каком-то блаженном расслаблении, завалился на бок и захрапел, вызвав очередной приступ смеха.

- Дела-а.

- Будем, - налив очередную порцию тарки, произнес Ррек.

Мы сдвинули чашки и выпили. На этот раз по последней, поскольку кроме нас в таверне не осталось ни одной души, не считая Бранды и ее слуг. Видимо охотники надирались подобным образом достаточно часто, поскольку хозяйка и две девушки-служанки, оказавшиеся рабынями, сноровисто растащили их пьяные тела по комнатам. Единственный оставшийся в сознании Тукка мертвой хваткой вцепился в необъятное тело Бранды. Та, видимо, оказалась не против, поскольку больше вниз она не спускалась, заставив несчастных девушек таскать тяжелые туши гостей самостоятельно. Через полчаса я покинул гостеприимную таверну и, немного покачиваясь, зашагал по ночным безлюдным улицам Морхейма.

Ноги сами несли меня к дому Мелиссы, расположенному

близ главного храма Антартеса и в непосредственной близости от дворца. Естественно, Корнелий не оставит дочь без защиты, поэтому наверняка рискую нарваться на гвардейцев, но тем интереснее. В затуманенном мозгу рождаются идеи одна восхитительнее другой, и я уже даже не иду, а бегу по едва-едва освещенным улицам города. Только чудом я не нарвался ни на один из патрулей, в великом множестве вышагивающих по мощеным центральным улицам города. На окраинах, погрязших в грязи, нищете и беззаконии, ни одного стражника мне отыскать не удалось, но здесь они ревностно охраняли покой привилегированного сословия, особенно в ночное время. Дорога не заняла у меня много времени, хотя пару раз я и умудрился заплутать в бесконечных хитросплетениях узеньких темных улочек города. Дом Мелиссы – огромный белоснежный особняк, вклинившийся между двумя невзрачными по сравнению с ним постройками поменьше, украшенный высокими колоннами наподобие тех, что украшают Библиотеку Стафероса. Архитектурный ансамбль этого квартала, по всей видимости, давным-давно покоился в земле, а подобные сооружения стали гвоздями в крышку его ужасающего гроба. Строил этот «дворец» еще предшественник Корнелия, и, по всей видимости, пытался воссоздать в нем какие-то элементы из архитектурных особенностей стиля поздней Третьей Империи, однако получилось неважно. Я бывал здесь лишь пару раз, и хотя каждый раз ужасался наружному контрасту, внутренняя обстановка, выполненная изящной рукой Мелиссы, мне вполне импонировала, создавая в душе ощущение уюта и комфорта. Хмель уже выветрился из головы, хотелось спать и пить, однако поворачивать назад было поздно. Естественно, я не нашел ничего лучше, чем воспользоваться старой доброй канализацией, благо ею никто не пользовался уже больше столетия, предпочитая выливать помои прямо на улицу: удивительно как быстро выходцы из просвещённой империи утратили в этом суровом крае остатки своей цивилизованности. Искать вход пришлось недолго: развалины в соседнем квартале оказались наполнены ходами как сыр – дырками, и украв с ближайшей стены факел, я по подземным ходам добрался до дома Мелиссы, выбравшись в каком-то подвале, оставшемся, по всей видимости, от предыдущей постройки. Продравшись через завалы мусора, и извозившись в грязи и пыли, я с огромным трудом отодвинул проржавевшую решетку двери, я попал в помещения для слуг, едва не перебудив половину дома страшным скрежетом. Навстречу мне выбежал пожилой темнокожий мужчина в одной набедренной повязке, в котором я опознал отставного повара

стратега, привезенного Корнелием откуда-то с юга Кедильи и отданного затем в распоряжение дочери. Он тоже, кажется, узнал меня, но я всё-таки на всякий случай ссыпал в его странно белые ладони оставшиеся у меня золотые, сказав, что иду к хозяйке. Темнокожий повар заулыбался и пообещал молчать, а я отправился дальше, минуя комнаты со спящей прислугой.

Миновав таким образом вестибюль, в котором дежурила пара гвардейцев, я оказался в приемной зале, от которой во всех направлениях расходилось множество комнат. Справа от меня располагалась огромная библиотека, излюбленное место Мелиссы, где она иногда проводила даже целые ночи, засыпая на кресле у окна, ее я проверил в первую очередь. Дальше, минуя стражу, прошел через гимнасий и термы, сообщающиеся с остатками еще действующей канализационной и водопроводной системы города, выходящей к реке, и снова попал в жилое крыло. До спальни Мелиссы я добрался через добрых полчаса, ожидая, пока сменится стража у ее покоев, тихо проскользнув в резные двери, изображающие какие-то природные мотивы, и лицом к лицу столкнулся с Мелиссой, едва не вскрикнувшей от неожиданности, но вовремя зажавшей себе рот рукой.

От нее исходил нежный лавандовый запах, а тело прикрывала только шелковая почти прозрачная ночная сорочка, изящно обрисовывающая высокую грудь и линию бедер. Длинные волосы ее спадали почти до пояса, частично закрывая встревоженное личико Мелиссы. Я же, грязный и дышащий перегаром, небритый и взлохмаченный, ворвался в эту обитель чистоты подобно городскому нищему в храм Антартеса, и сейчас чувствовал себя крайне неловко.

- Выглядишь неважно, - задорно улыбнувшись, заключила она.

- И это только часть проблем, главная из которых состоит в том, что твой отец нанял убийц, едва не прикончивших меня.

Глаза Мелиссы расширились от ужаса, и она в одно мгновение оказалась подле меня, положив руки мне на плечи и пытаясь заглянуть прямо в глаза.

- Как ты можешь так говорить? Он ведь сам благословил наш будущий брак.

- Это долгая и запутанная история. Ты ведь получила мою записку?

- Именно из-за нее ты смог забраться так далеко. У нас есть время до рассвета, так что можешь наконец рассказать всё. Я так скучала…

- Мы не виделись всего-то чуть больше одного дня, - улыбнулся я в ответ.

- Какая разница? Мне тошно здесь одной.

- Хорошо, я расскажу, - тяжело вздохнув ответил я, поднося свои губы к лицу Мелиссы и чувствуя влагу ее слез.

Но к рассказу я приступил еще нескоро. Только когда первые лучи восходящего солнца проникли сквозь тяжелые шторы спальни, мы смогли оторваться друг от друга и наконец решить, как быть дальше в сложившейся ситуации.

- Ты думаешь, скоро начнется война? – сладко потянувшись, спросила Мелисса, удобно положив мне голову на плечо и заглядывая в глаза.

- Я уже не думаю, я знаю. Есть два варианта: Корнелий готовит нечто грандиозное, способное изменить наш мир до неузнаваемости. Второй вариант – он обезумел от власти и не знает что творит.

- Но как он собирается провернуть свой грандиозный план? Второй вариант, само собой, я даже не рассматриваю.

- Твой отец, кажется, нашего нового бога, известного нам под именем Царя Эльфов. Кеметы зовут его Килмаром, и как я понял из их рассказов, он был великим шаманом древности, в какой-то момент обретшим божественную власть и став их покровителем. Королём Эльфов, Царём, великим шаманом… как только его не называют.

- Никогда не любила эти лингвистические изыскания, - фыркнула Мелисса, - все местные названия – исключительно имперского происхождения, причем разных периодов. Смешение языков и культур здесь, в Ауревале, окончательно запутало всю эту историю с местным фольклором. Для кеметов что царь, что король – одно и то же, и теперь уже все позабыли, что лежало в основе всего этого.

- Как бы то ни было, этот Килмар – не миф. Августин говорил о нем вполне уверенно, и я склонен доверять словам старика.

- Тогда мы должны убежать отсюда как можно скорее.

- Да, и мы убежим. Но сначала я должен выполнить свою миссию: убить колдуна, который якобы действует в составе вражеской диверсионной группе. Однако я полагаю, что колдун этот и Килмар, вполне возможно, одно лицо. Только в голове никак не укладывается, как он может одновременно и вредить мятежному стратегу и поддерживать его.

- Но зачем? Я думала, мы сбежим уже завтра. Какой смысл помогать моему дяде в устранении его врагов?

- У меня с этим колдуном личные счеты, - неопределенно ответил я, поглаживая шелковистые волосы Мелиссы, не желая загружать ее лишними проблемами.

Я так и не рассказал Мелиссе о Пугале, хотя и намеревался.

Незачем сейчас пугать ее подобной мистикой, расскажу, когда всё закончится. Она поймет. И Августин узнает, что всё это – не плод моего воображения, а жуткая правда жизни, пусть временами кажущаяся нереальной, но оттого не менее угрожающая.

- Тогда убей его и поскорее возвращайся обратно, - просто и как-то по детски заявила Мелисса.

- Обязательно. А потом мы уедем туда, где нам уже ничего не помешает быть вместе, подальше от войн и заговоров.

- Подальше от всего мира и ближе друг к другу.

И мы еще долго лежали в обнимку, наслаждаясь последними мгновениями уходящей ночи и своим обществом, пока я не вспомнил о назначенной Матерью встрече.

- Трибуна Бельвеста – место, где раньше располагалась главная судейская площадь города. Названа в честь известного и, по преданиям, самого справедливого судьи Морхейма, жившего более двух веков назад. Сейчас там царит запустение, как и в большей части старого города, но иногда там проводятся празднества или городские игры: места-то много.

- Тогда я побегу, пока весь дом не проснулся и не застал меня в непотребном виде. Нужно еще привести себя в порядок и немного перекусить.

- Жду тебя сегодня ночью, - промурлыкала Мелисса, целуя меня напоследок, - только на этот раз не лезь через канализацию, а то теперь вся постель в грязи, будто бродячего пса приютила. Я впущу тебя через сад, там, где калитка рядом с кустами сирени. Этой ночью стражник у входа будет спать, и даже не заметит, если кто-то захочет наведаться к его хозяйке.

Я оделся и тихо выскользнул тем же путем, что и вошел сюда, в последний момент разминувшись со стражей и нырнув в крытую галерею, уходящую в сады. Никогда не считал себя ловким и незаметным, и уж тем более, таковым не являлся, однако местные стражники умудрились дважды за одну ночь пропустить меня мимо себя. С одной стороны, для меня их невнимательность хороша, но с другой… если кто-то захочет похитить или убить дочь стратега, помешать ему будет некому.

Жутко хотелось спать, но времени оставалось мало, всего часа три, и потому я первым делом отправился приводить себя в порядок и завтракать, выбрав для этого ближайшую гостиницу с респектабельным названием «Золотой императ». Судя по всему, именно столько стоила одна ночь в этом заведении, поскольку располагалась она в самом богатом районе города и выглядела под стать окружающему ее лоску. Перед входом дежурит сонный паренёк лет четырнадцати, одетый пёстро, но со вкусом, ждёт посетителей. Просторные двери открыты, будто приглашая зайти,

и я уже не могу пройти мимо, соблазняясь исходящими оттуда запахами готовящейся еды. Слуга недоверчиво оглядел мой внешний вид, но промолчал, нацепив на лицо максимально любезную улыбку, дернув лишь за веревочку рядом со своим постом. Где-то внутри раздался звон колокольчика, оповестивший хозяев о прибытии гостей, и я направился в его сторону.

Через полтора часа я вышел из этой обители лести и лицемерных улыбок, чистый, сытый, опрятно одетый и конный, оставив остатки своих сбережений в жадных потливых ручонках управляющего. Придется вновь обращаться в местный банк за очередной порцией золота, хранящегося на моих счетах, однако этот визит мог еще подождать. Направив норовистого, черного скакуна какой-то местной породы в указанном Мелиссой направлении, я мысленно молился о том, чтобы стратег послушал Августина и не устроил на меня очередную охоту. Определенно, закончив это дело, мне стоило бы озаботиться организацией личной охраны, иначе очередной визит в заброшенную часть города грозит закончиться для меня не так благополучно, как в прошлый раз.

Спустя еще час я, проехав жилые кварталы, углубился в старый город, пустыми глазницами домов следивший за каждым моим движением. Здесь прочно угнездилось царство хаоса и разрушения, щемящей тишины и человеческой тоски. Мысленный взор рисовал картины расцвета этого города: прямые чистые улицы, ровные ряды домов с единой архитектурой, акведуки доставляют жителям чистую воду, а канализация отводит нечистоты из домов и с мостовых, выметенных и начищенных до блеска. Когда-то даже климат здесь был другой: снег пришел в эти земли всего семь или восемь сотен лет назад, в одночасье изгнав большинство теплолюбивых имперцев на юг. Идеальный порядок, присущий временам Первой Империи царил здесь долгие годы, но снега предрешили его судьбу, обрушив купола соборов и крыши домов, не рассчитанных на подобные нагрузки. Урожаи оскудели, и сельскому хозяйству пришел конец: виноградники вымерзли, как и многие другие теплолюбивые культуры. Холод погубил и многих животных, опустошил леса, оставив охотников без добычи: голод повис над Ауревалем подобно топору палача. То, что осталось от богатой и цветущей провинции, сейчас покоится здесь, на свалке истории, под слоем земли и пепла, под фундаментами новых уродливых построек. Интересно было бы хоть на пару часов окунуться в один из последних дней рассвета Первой Империи, простоявшей больше тысячи лет, и лишь всё больше распадающейся теперь на части с каждым последующим перерождением, когда периоды между

царствами доходят чуть ли не до полувека.

Вскоре показалось и судейское поле, обнесенное развалинами трибун и остатками колонн. В южной части – трибуна оратора, возвышавшаяся подобно императорскому трону. Где-то здесь располагались и остатки тюрьмы, от которой остались только подземные камеры и груды битого кирпича. Но где же меня ожидает Мать? Здесь столько пространства, что можно бродить хоть целый день, осматривая каждый закуток. Поле достаточно хорошо выметено, видны следы множества ног и следы пребывания праздновавшей толпы. Мусор аккуратными горками свален вдоль стен и колонн, то тут, то там – потухшие кострища и остатки каких-то деревянных конструкций. Я медленно бродил среди этого запустения, разглядывая останки давно сгинувшей цивилизации, пока не заметил вдалеке, там, где высилась трибуна Бельвеста, какое-то странное сооружение, напоминающее виселицу. Какой-то странный холодок пробежался по моей спине, вызвав отчаянное желание убраться отсюда подальше. Как в полусне, я двинулся в этом направлении, уже понимая, чем всё это закончится.

Сооружение и вправду оказалось виселицей. Три тела в темных и пыльных одеяниях слабо покачивались на порывистом осеннем ветру, вращаясь то в одну, то в другую сторону. Синие вздувшиеся лица и вывалившиеся языки, выпученные глаза с немым укором взирают на меня, будто силясь спросить о чем-то. Но голосовые связки их, стянутые в последней муке пеньковой веревкой, застыли навсегда, и всё, что им остается – лишь молча взирать на мир, в своей смерти служа предупреждением. Предупреждением для того, кому не следовало лезть не в свои дела. Для меня. На впалой груди того, что посередине, повешена табличка. С такого расстояния буквы на ней не рассмотреть, но я уже предполагаю примерное ее содержание. «Делай своё дело» - гласила надпись. Но как они узнали, где я собирался встретиться с посланниками Матери, если я ни единым словом не обмолвился ни о месте, ни о времени встречи? Неужели среди членов общины у Корнелия были осведомители? По прошлому опыту такая возможность казалось попросту абсурдной: каждый из послушников проходил тщательнейший отбор еще в самом юном возрасте, и долгое время не допускался даже до самых простых церемоний, пребывая скорее в статусе раба, нежели будущего служителя Смерти.

Руки сами собой сжались в кулаки в бессильной злобе. Больше было жалко этих безвинных людей, погибших из-за меня, нежели провалившейся попытки установления контакта со служителями Темного Отца и обустройства агентурной сети

здесь, в Морхейме. Теперь у меня только один путь: поскорее убраться отсюда и предоставить возможность легионам решить все оставшиеся проблемы. Уничтожить Пугало и забрать отсюда Мелиссу – единственное, что мне оставалось. Надеюсь, Мать оказалась в стороне от этих разборок, благоразумно решив не являться на встречу лично. Я приблизился к мертвецам и кощунственно принялся осматривать их одежду. Если люди Корнелия оказались недостаточно щепетильными в своём деле, у меня еще оставался неплохой шанс найти какое-нибудь послание от Флавии, зашитое в полу мантии или подошву сандалий. И мне повезло: в полу мантии одного из покойников и вправду оказался запрятан маленький, вчетверо сложенный клочок бумаги, незаметный и почти неразличимый не намётанному глазу. Но я уже не раз имел дело с подобным, и потому найти тайник смог всего за четверть часа. Воронье уже почуяло предстоящее пиршество, и мало-помалу слеталось к Трибуне со всех окрестностей, нервируя меня своим отчаянным карканьем.

«Будь очень осторожен. Дука собирается убить тебя. Нам больше не стоит видеться, поскольку все мы в большой опасности. Уезжай поскорее из города, а еще лучше – из Ауреваля. Мой доверенный человек поможет тебе». Вот и всё. Ничего нового из этого послания я не узнал, и только зря потратил время. Предатель Корнелий переиграл меня, пусть и на своём поле, однако от этого ничуть не легче. Люди Матери, судя по всему, убиты совсем недавно, быть может, пару часов назад. Наблюдает ли сейчас кто-то за мной, или стратег решил ограничиться одним предупреждением? В любом случае, большой риск для меня – задерживаться здесь. И потому, в последний раз оглянув тела несчастных, я поспешил обратно к своему скакуну, желая только поскорее убраться отсюда. Под хриплое карканье собирающегося воронья, я галопом выскочил из руин Трибуны Бельвеста и направился прочь, даже не оглядываясь. Больше в этом городе мне делать нечего.

Следующая неделя прошла в спешных сборах. Помимо кеметов я завербовал в свой отряд девять рыцарей, лучших из тех, кто оставался в отряде и кто согласился отправиться в путь без своих многочисленных оруженосцев. Больше никого из своих людей Августин выделить не согласился. С момента нашего последнего разговора он сильно переменился: похудел, кожа черепа натянулась, и глаза скрылись где-то глубоко в темных глазницах. Он почти всегда молчал и только нервно перебирал руками, непрестанно обрывая кожу вокруг ногтей. По всей видимости, инквизитор готовил какое-то масштабное и как всегда продуманное до мелочей предприятие, как с ним не раз бывало

до сего времени. Далеко не все члены отряда знали о готовящемся перевороте, и я никак не мог взять в толк, что же предпримет в их отношении Августин: тихо уберет руками наемных убийц, или же постепенно переманит на свою сторону, как поступил он с Фотием и другими своими приближенными. Меня поражала эта конспирологическая обстановка, царившая среди подчиненных инквизитора и вообще по всему Ауревалю: казалось, люди поделились на два неравных лагеря: тех, кто поддерживает восстание Корнелия, и тех, кто об этом ничего не знает. И только теперь мне стали бросаться в глаза различные мелочи, присущие любому заговору: всех, в чьей верности стратегу могли сомневаться, тут же отсылали подальше, в большей степени это касалось специального отряда: рыцарей вынудили покинуть пределы стен Морхейма по надуманному поводу, часть боевых братьев, инквизиторов и служителей Антартеса отправили в монастырь на окраине города. А вот наёмников наоборот разместили подле резиденции Августина: их верность зависела лишь от количества золота, оттягивающего карманы и кошельки, а уж с этим у Корнелия никогда не было проблем. Альвин, последний из тех, кого я решился взять с собой, беспробудно пил, с каждым днем все злее и ожесточеннее, будто пытаясь таким образом покарать себя за какие-то грехи. Не знаю, осознавал ли он хотя бы, реальность происходящего, не говоря уже о готовящемся восстании. Но разведывательную деятельность он прекратил, как оказалось, еще давно, и самое большее, на что его хватило – это шататься по кабакам и выспрашивать у местных пьянчуг всяческие небылицы.

Большей части сектантов удалось убраться из города раньше, чем по их душу нагрянули окованные железом калиги военной разведки Корнелия. Но те, кого удалось схватить, в тот же день сознались в участии во всех мыслимых и немыслимых заговорах против императора и Антартеса. Тем же вечером темное небо над Морхеймом озарили костры, устроенные людьми Августина, и старый инквизитор в очередной раз продемонстрировал, откуда взялось его прозвище.

С Мелиссой мы проводили почти каждую ночь, с головой отдаваясь страсти, какая обычно предшествует долгой разлуке. Я не знал, сколько мне придется провести в этом отчаянном походе за неизвестностью, и смогу ли вообще вернуться обратно живым. Если случится так, что придется перейти дорогу людям стратега по пути к намеченной цели, или Корнелий подумает, будто мы в подошли к разгадке его тайны, на нас начнется масштабная охота с участием всех егерей фемы, уйти от которой будет – огромная удача. Именно поэтому я сократил наш отряд до минимума:

тринадцать человек, моё счастливое число. Достаточно для скрытного перемещения и в то же время для удачного исхода столкновений с малыми силами предполагаемого противника, такими как передовые отряды разведки или патрули. С кем или с чем придется столкнуться в лесах Ауреваля и уж тем более, вблизи леса Килмара, я не имел ни малейшего понятия, и потому постарался подготовиться ко всему сразу. Не без труда удалось добыть сменных лошадей, поскольку готовящаяся к блокаде и войне фема незаметно скупала всех более-менее пригодных для военных действий животин под видом формирования дополнительных конных подразделений. Вследствие этого цены взлетели до небес, и найти хоть что-то приличное почти не представлялось возможным. Провизии заготовили почти на месяц: всё копченое, вяленое и солёное, так, чтобы не испортилось. По пути можно охотиться, и потому запасы, скорее всего, можно будет растянуть и на два и на три месяца. Воды много не требовалось: в Ауревале ручьи и питьевые источники на каждом шагу, поэтому взяли только вино для дезинфекции ран и профилактики дизентерии. В последние дни перед тем, как покинуть город, мне еще один раз удалось пообщаться с Августином, но разговор наш не задался с самого начала: старик будто стал одержим чем-то, что снедало его изнутри, чем-то до ужаса знакомым мне. Ауреваль, казалось, сотворил нечто ужасное с теми, кто был мне дорог: и Альвин и Августин стремительно менялись, утрачивая былые черты, и я никак не мог понять, как это остановить, с каждым днем погружаясь все глубже и глубже в бездны уныния и тоски. Одна лишь Мелисса оставалась для меня путеводной звездой, единственным смыслом жизни в этом беспробудном мраке. Я до дрожи боялся потерять ее, в основном в такие моменты, когда лежа в одиночестве и оцепенении со все возрастающим страхом пытался уснуть, ворочаясь до рассвета и лишь затем забываясь тревожным сном.

- У нас осталось совсем мало времени, - блуждая из угла в угол, непонятно к кому обратился Августин, - всего пару месяцев. Так что действовать тебе предстоит быстро, очень быстро, пока вражеские агенты не смешали нам все карты. Активность их в последнее время немного уменьшилась, но объяснить это можно и тем, что мы основательно прижали им хвост здесь, в Морхейме.

Речь его стала быстрой и дерганой, совсем утратив бывшее спокойствие и властность. Теперь он напоминал мне одержимого старика, предвещающего конец мира на какой-нибудь базарной площади или на паперти храма, нежели бывшего главнокомандующего боевого корпуса Инквизиции.

- Неужели Килмар и в самом деле существует? –

проигнорировав его слова, наудачу спросил я.

На мгновение взгляд Августина застыл, перестав блуждать, и по лицу его прошла странная судорога.

- Я так долго верил в мертвого бога, Марк, так долго искал доказательства его присутствия… Да, Лесной Царь – настоящий бог, и он уже так близко к нам, что можно дыхание его услышать.

- Так это ради него ты решил предать империю, ради какого-то третьесортного божества с самого края мира?

- Не говори о том, чего не знаешь! – в ярости закричал Августин, сжимая кулаки и потрясая ими передо мной.

- Расскажи мне, если не сложно.

- Я всю жизнь посвятил служению пустоте. Тогда как многие говорили о смерти Феникса и предавались всевозможным грехам, уверенные в собственной безнаказанности, я служил Его делу верой и правдой, служил высшей идее и готов был вступить в Чертоги, овеянный праведностью и славой, до конца исполнив своё предназначение. Но Антартеса нет. Нет ни Чертогов, ни бездн Преисподней, ни даже души в нас самих. Мы – пустые сосуды, сиротливые странники, оставленные и покинутые своим Творцом. Ты можешь представить себе небытие, Марк? Я – не могу. И мне чудовищно страшно просто пропасть, исчезнуть, оставив после себя лишь гниющее тело. В чем тогда смысл нашей жизни, если все мы обречены на небытие?

Я с ужасом смотрел на исказившееся лицо Августина, еще недавно обвинявшего меня в безумии. Мысли его напоминали мне мысли ребенка, впервые задумавшегося о смерти, и оттого невероятно слышать их было из уст умудренного жизнью старца, за жизнь повидавшего, кажется, целый мир. Неужели годы всё-таки взяли верх, и разум его помутился?

- Килмар обещал тебе бессмертие души и райские чертоги? Очнись, друг мой, как можешь ты впадать в подобную ересь после целой жизни, проведенной в служении свету?

- Нет ни света, ни тьмы, пора бы уже это понять. Он не может говорить подобно человеку, но я знаю: грядет новое Царство, справедливое и не менее продолжительное, чем у Антартеса. Пойми одно лишь, что люди не могут жить одни на этой земле.

- Неужели и некогда благоразумный Корнелий действительно уверовал в нового бога? Это же полное безумие, не меньшее, чем то, в котором ты меня обвинял недавно. Разве Килмар сможет сокрушить легионы и заставить весь мир оставить ваш маленький мирок в покое? Или вы рассчитываете захватить его именем всю землю?

- Оставь свои бесконечные вопросы, Марк, твоя манера разговора уже выводит меня из себя. Тебе оставили жизнь только

по моему прямому прошению, так наслаждайся же ею, пока можешь, а остальное прибереги для тех, кто занял правильную сторону.

- Так пусть твой бог укажет тебе, где скрывается колдун, которого вы так безрезультатно ищете уже который месяц. Ты не мог допустить хоть на миг мысль о том, что твой бог и тот, кто уничтожил Каррас – одно и то же лицо?

- Я же сказал: он не говорит с нами подобно тому, как разговариваем мы с тобой, а только отправляет мысленные образы своим избранникам, тем, кто будет нести его волю. Если бы я смел просить его показать нам, где укрывается наш враг…

- Если он настолько слаб, что сам не может ни сокрушить, ни даже указать местоположение своих врагов, на что вы все надеетесь?

- Оставь свои вопросы! Остальное тебе знать ни к чему, поэтому отправляйся в путь завтра же утром. Несмотря на все наши разногласия, я всё еще верю тебе, и верю в тебя. Не подведи меня, прошу. В последний раз.

- Я уже пообещал тебе всё, что необходимо.

И я ушел, даже не задумываясь над тем, суждено ли мне еще хоть раз встретиться со своим старым другом и учителем. Мною овладела черная тоска и полная апатия, едва ли во мне нашлись бы еще силы для предстоящего пути, но иного выхода уже не было. Днем я изнывал от душевных мук, а ночью пребывал в блаженном сне рядом с Мелиссой, предаваясь бесконечным наслаждениям плоти и души. Моя прежняя жизнь будто растворилась в густом тумане, через который боль не могла уж достать меня своими острыми когтями, как это было прежде. Видения Пугала также перестали донимать меня, и, пребывая в объятиях ночи и своей возлюбленной, я был счастлив, как никогда в своей жизни. Овеваемые холодными ветрами надвигающейся осени и освещенные тусклым светом мириадов звезд, мы казались друг другу единственными живыми созданиями во всей обозримой вселенной. Где-то там, невероятно далеко от нас уже точились мечи и копья, которым предначертано будет лишить жизни неисчислимое количество безвинных душ. Где-то там, но не здесь, легионы репетировали предстоящую бойню, сами не осознавая еще будущих свершений. Ауревалю предстоит умыться кровью, и император не успокоится, пока не выжжет гнездо предателей до тла, пока кости бунтовщиков не обратятся в прах, и каждый, кто хотя бы догадывался об измене, не сгорит в пламени костра инквизиции.

Но вскоре подвешенное состояние, в котором я оказался, наконец разрешилось. Третьего числа месяца Холодных Вод по

местному календарю всё было готово для нашего похода. В последнюю нашу ночь Мелисса умоляла меня бежать из Ауреваля, оставив войну и смерть другим, но я с внутренним содроганием всё-таки смог отстраниться от ее хрупкого силуэта, едва различимого в темноте, и, сказав все пришедшие в голову глупые слова прощания, побрел к себе домой, дабы затем отправиться к месту встречи за стенами Морхейма у маленького трактира под названием «Последнее прибежище». Душа моя раздиралась на части, но иного выхода попросту не существовало, и оставалось только как можно скорее завершить начатое, вернувшись в конце концов в объятия любви. Мы с Мелиссой успели во всех деталях обсудить план нашего побега, согласно которому спустя две недели после начала моего путешествия она должна будет покинуть Морхейм и направиться к переправе через Полынь. К тому времени, я надеялся, грозная река уже немного притихнет, и у Мелиссы появится возможность бежать прочь из Ауреваля с тем, чтобы дождаться меня уже за надежными стенами Стафероса.

Наступали холода, и по ночам земля покрывалась тонким слоем инея, а значит, времени у нас и вправду оставалось совсем немного. Лес, раскрашенный до сей поры в яркие желтые и красные тона, весь разом осыпался и превратился в голый скелет, недвижимо застывший в тумане. Весь мир замер, будто в ожидании смерти и белого хлада, который погребет под собой всю землю до самого горизонта, подобно савану. В воздухе, холодном и свежем, пахло дымом и сырой землей, и даже город как будто готовясь к долгому сну, перестал так оживленно двигаться и исторгать из своего чрева потоки грязи и мусора. Я отдал последние свои деньги за особняк, в котором прожил недолгие две недели, расплатился со слугами и наемными телохранителями и купил припасов в дорогу. Корнелий от всех щедрот выделил мне золота на целый легион, но я взял с собой только несколько монет, остальное богатство положив на свои счета в банке. Хлыста так и не удалось обнаружить, хотя я надеялся на это до самого последнего момента. Быть может, моего старого боевого товарища давным-давно отправили в какое-нибудь военное подразделение или продали прохожему путешественнику где-нибудь за городом, поскольку никаких следов его пребывания в городе не осталось, кроме пары косвенных свидетельств. Времени на его поиски всё равно не осталось, и потому я мысленно с ним попрощался, оседлав нового своего скакуна с гордым именем Максимус, также безразлично взиравшего на меня черными глазами.

Морхейм, величественный и убогий, богатый и нищий, святой и бесконечно грешный, город, помнящий грозную поступь

легионов Первой Империи, рожденный под ласковым беззимнем солнцем, и утопающий ныне в снегах. На рассвете каменные его стены, покрытые красноватым мхом, остались позади, и я отправился навстречу своей судьбе, по дороге, начало которой лежит в «Последнем приюте».

Глава 6

Альвин едва держится в седле, лицо его серо и неподвижно. Кеметы по моей просьбе разыскали его в одном из дешевых трактиров на окраине Морхейма, привезли его в «Последний приют» накануне последней ночи перед отбытием, и оставили трезветь. Оставшись без спасительной выпивки, друг мой почувствовал себя невероятно плохо, и поначалу оказался даже не в состоянии держаться в вертикальном положении. Только травяные настои Шеффе помогли поднять Альвина на ноги, и если бы не это траволечение, пришлось бы привязать пьяное его тело к седлу подобно мешку с репой.

Рыцари, во главе с моим добрым знакомым сэром Валентайном, угрюмо ехали на своих огромных боевых конях, по сравнению с маленькими лошадками кеметов выглядевшими великанами. Да и сами воины Мельката в сравнении с тщедушными кеметами смотрелись более солидно. Однако я знал наверняка: маленький Тукка или любой из его собратьев в этих дремучих лесах будет эффективнее сотни могучих рыцарей при полном параде, поскольку знает здесь каждый куст и каждую тропку, безошибочно чувствует направление, даже стоя на голове, способен добыть себе пищу в любое время дня и ночи. Помимо этого он – превосходный лучник, попадающий с пятидесяти шагов белке в глаз. Засады и маскировка у них в крови, и потому во время охоты кеметы практически неразличимы среди лесной чащи. И оттого невероятно смертоносны, что наглядно подтвердили первые попытки империи колонизировать эти земли.

Впереди расстилались бескрайние леса Ауреваля, такие же густые и дикие, как и многие сотни лет назад. Холодный ветер трепал тяжелые, налитые темной зеленью ветви древних елей и гнал по серому, нависшему над самыми головами, небу легкие дымчатые облака. То и дело начинал моросить мелкий, больше похожий на водяную пыль, дождь, пробирая холодом до костей. Кеметы, казалось, даже не ощущали непогоды, весело переговаривались и шутили, вертели рыжими шевелюрами. Остальные же, понуро вжав головы в плечи и накинув капюшоны, молчали и думали каждый о чем-то своем. Впереди еще неделя пути до Гелема, первого перевалочного пункта на нашем пути, за которым очагов цивилизации уже почти не найти. Там, на северо-востоке от Морхейма, уже почти нет золотых месторождений, а значит, нет и жизни. Мелкие речки, наподобие Серебрянки, на которой и вырос Гелем, собирали вдоль своих русел

многочисленные деревеньки и рабочие поселки, редко – городки. И чем дальше на север, тем реже можно наблюдать такие поселения, и вовсе сходящие на нет через несколько поприщ в том направлении. До леса Короля – три недели пути, если двигаться через леса, как это делаем мы. По дорогам – около пяти дней. Но я решил подстраховаться и подобраться к цели как можно более незаметно, избежав встречи с разъездами Корнелия и подобравшись к обители Килмара с той стороны, где никто нас не сможет перехватить. Единственным, кто знал все тропки леса Короля, оказался Тукка, остальные не заходили так далеко, предпочитая охотиться на более спокойных южных оконечностях этого лесного массива, поэтому, выслушав все его наставления, я принял к исполнению именно этот план. В общем-то, я надеялся обойти Гелем стороной и не привлекать к себе лишнего внимания, но кеметы уверили меня в том, что городок этот, насчитывающий всего полторы тысячи человек – единственная возможность переправиться через бурные воды Серебрянки, поскольку броды через нее находятся слишком далеко, и придется совершать ненужные маневры, грозившие растянуть наше путешествие вдвое. К тому времени, как разведка стратега доложит о нашем местоположении, мы уже должны будем добраться до цели, оборвав свой след в непролазных дебрях, расстилающихся на другой стороне Серебрянки. Со стороны это будет выглядеть так, будто мы взяли курс строго на север, оставив лес Короля в стороне. Конечно, Корнелий не дурак, и наверняка захочет подстраховаться, отправив людей нам наперехват, но кеметы для того и получали своё золото, чтобы провести нас незамеченными через леса, в которых воины стратега все ноги себе переломают. Я до сих пор удивлялся, как расчётливый и прозорливый Августин смог довериться мне в этом деле. Одно его слово, и меня бы уже никто никогда не нашел. Но вместо этого я жив и даже делаю вид, будто исполняю приказы самого стратега.

Долгими и невероятно темными вечерами, сидя у костра, мы слушали истории, рассказываемые обычно негласным лидером троицы кеметов – Туккой. Рыцари с серьезным видом слушали их и больше молчали, лишь изредка переговариваясь между собой на мелькатском, звучащем грубо и агрессивно даже по сравнению с примитивным языком кеметов. Я же внимал каждому слову, надеясь подчерпнуть для себя хоть немного лишней информации о предмете нашей миссии.

- Когда-то в стародавние времена жили семь великих шаманов, - степенно оглаживая как всегда всклоченную бороду, начал Тукка, когда я попросил его рассказать легенду в Лесном

Царе, - Килмар, Рори, Торнульф, Йорр…

- Опять ты всё переврал, рыжая морда, - недовольно скривился Шеффе, - ты имена из легенды о Братьях взял, а шаманов совсем по-другому звали.

- Сам тогда и рассказывай, - обиженно махнул горящей веткой Тукка, закончив перемешивать угли в костре.

- В общем, было их семеро, и главный среди них – Килмар, остальные тут особой роли и не играют. Владели они странной и очень древней магией, использующей силы природы, и позволяющей им призывать себе на помощь лесных духов, обращаться зверями и птицами, управлять ростом деревьев и травы, да и много чего другого делать. В то время наш народ еще не был так разобщен, как сейчас, и под предводительством этих шаманов кланы жили в мире и согласии, руководствуясь мудростью предков, и не враждуя друг меж другом, как это случается сейчас. Лесов для охоты было в изобилии, а стараниями магических ритуалов шаманов полнились они дичью разнообразной, ягодами да грибами, и потому не было нужды идти войной на соседа, поскольку ни голод, ни холод не страшны были людям тех времен.

- Но какая же история без судьбоносного «но», - вставил своё слово сэр Валентайн, заставив остальных рыцарей ехидно улыбнуться.

- Но… как это всегда и бывает, один из шаманов возжаждал власти над всем Ауревалем, и решил заполучить силы остальных покровителей этой земли. Этим шаманом оказался Килмар, искуснейший и сильнейший из всех. Он обратился великим медведем – Килмардаром, навевавшим ужас на всех врагов его клана, и по одному расправился со всеми остальными шаманами, пожрав их плоть и забрав таким образом всю силу, которой они обладали. Жуткая расправа заняла у Килмара всего одну ночь, и когда взошло солнце, от шести великих шаманов не осталось даже костей, только кровь, пропитавшая землю. На том месте, где пролилась священная кровь их, вскоре выросли могучие дубы, на каждом из которых проявился скорбный лик убитого, печально высматривающий в чаще леса шамана-предателя.

Килмар же, осознав весь ужас сотворенного им непотребства, став в шесть раз сильнее себя прежнего, отправился на вечное изгнание вглубь самого большого леса, именуемого ныне лесом Килмара, решив посвятить отпущенные ему годы единению с силами природы, по слухам, навсегда приняв форму Килмардара и почти утратив свой человеческий разум. С тех пор тот лес стал объектом поклонения для многих людей: некоторым удавалось найти великого медведя и испросить его мудрости. Если Килмар

считал тебя достойным своего благословения и мудрости, он одаривал просящего силой и долголетием, если видел он перед собой плохого человека, то немедленно пожирал его, как пожирал он своих собратьев-шаманов. И горе тому, кто войдет в лес с нечистыми помыслами.

- Старейшины до сих пор оберегают лес от чужаков, и почти никого не пускают в священную чащу, однако никто среди множества кланов уже никто не верит в эти сказки, - прервал рассказ Шеффе, - сам не раз охотился там, и никаких Килмардаров не видел. Обычные медведи – пожалуйста, сколько угодно. В общем, ничего необычного за всю свою жизнь там не заметил.

- Так вот, с тех пор, как Ауреваль лишился своих шаманов-покровителей, всё в нашем краю начало увядать. Солнце, в отвращении от сотворенного Килмаром убийства, отпрянуло от нашего благодатного края, и наступили холода, земля покрылась снегом, погубившим многие растения, а за ними и животных, ими питавшимися. Больше половины людей долины умерли в те годы от холода, голода и болезней. Время Первой Зимы – так именуются первые годы после смерти шаманов и изгнания Килмара.

- Хорошее объяснение для изменения климата, - сказал я после того, как Тукка окончательно замолк и принялся насаживать на вертел жирные куски оленины.

- Как по мне, слишком уж просто и безвкусно, - презрительно фыркнул Валентайн, - суть сказок и мифов в том, чтобы научить людей чему-то, позволить вынести из рассказа какую-нибудь мораль или поучение. Здесь же – просто упившийся властью медведь, вначале сожравший своих соплеменников, и внезапно осознавший, что поступил плохо. Мораль больше подходит для собаки, утащившей кость с хозяйского стола.

- А это и не сказка, - спокойно ответил Шеффе, - легенды – лишь частично выдумка, в отличие от каких-нибудь рыцарских подвигов. Через пару дней я покажу вам истоки этой истории, и тогда, сэр, вы не будете столь скептичны.

Лицо Валентайна вытянулось в непонимании, а затем побагровело от гнева, вызвав взрыв смеха со стороны кеметов. Еще немного, и рыцарь схватится за меч, а затем попытается зарубить обидчика.

- Спокойнее, сэр Валентайн, Шеффе скорее всего имел в виду классические рыцарские баллады о войне с драконами, и вовсе не хотел задеть вашу честь.

Над тем, откуда неграмотный охотник-кемет мог знать эпос королевств Мелькаата, Валентайн, по всей видимости, не

задумался. Или же просто решил проигнорировать дерзкие слова язычника, недостойного даже быть зарубленным честным мечом. Презрительно ощерившись, рыцарь сел обратно и всем своим видом показал свои намерения больше не общаться с грязными дикарями. Остальные рыцари, встревоженно наблюдавшие за этой словесной перепалкой, сверлили кеметов злыми взглядами, но рыжих охотников это нисколько не волновало и те продолжали о чем-то весело переговариваться на своём языке, время от времени кивками указывая на рыцарей и задорно смеясь.

За все время нашего недолгого путешествия подобные стычки случались не один раз. Острые на язык кеметы постоянно подначивали чопорных и гордых рыцарей, а те в ответ неизменно лишь хватались за оружие, и только моими силами удавалось избегать кровопролития. За безобидными их шутками никогда не скрывалось ни злости, ни намерения обидеть, однако выходцы из Мелькаата, казалось, вообще не знали такого понятия как юмор, полностью сосредоточившись на своей чести и достоинстве. Я неизменно пребывал на стороне охотников, но постоянные ссоры вскоре утомили меня, к тому же, плохо сказывались на общей морали отряда, и потому я попросил кеметов заниматься лишь тем, для чего я их нанял, оставив гордых воинов запада в покое. Это помогло. Теперь кеметы сидели с одной стороны костра, а рыцари – с другой, вечерние разговоры разделились на два разных языка, и обе стороны конфликта стали демонстративно игнорировать друг друга. Спокойно я мог общаться лишь с Альвином, из веселого балагура превратившегося в угрюмого затворника. Он перестал пить, но легче от этого не стало: с каждым днем друг мой погружался в какие-то одному ему ведомые пучины, закрываясь от всего мира, и все мои попытки расшевелить его гаснущее сознание, наталкивались на стену холода и непонимания.

Спустя три дня мы оказались в месте, о котором рассказывал Шеффе. Волчье урочище, сплошь поросшее орешником и выделяющееся на фоне хвойного леса большим голым пятном с покрывалом из облетевшей листвы. Посреди него возвышался на добрых двадцать - двадцать пять футов огромный дуб, мощными ветвями сплетающий причудливую крону, похожую на шляпку гриба.

- Вот он, лик Огреда, - почтительно остановившись в нескольких шагах от дерева, сказал Шеффе.

На замшелой коре дуба, сморщившейся от времени, действительно вырисовывалось нечто похожее на человеческое лицо. Толстый нос, полуприкрытые глаза, борода – воображение рисовало лицо старца, но с таким же успехом можно обнаружить

лица и в куче земли и между каплями дождя на стекле.

- Дела-а, - присвистнул Тукка, отринув всякую почтительность и ухватив дубового старца за огромный нос.

- Никакого в тебе почтения нет, рыжая морда, - скривился Шеффе.

- А по мне, больше на бабу похоже, - подал голос обычно молчаливый Ррек, открывающий рот в основном только в сильном подпитии.

- Где ты тут бабу увидал?

- Ну вот. Вот титьки, вот задница, - заскорузлые пальцы быстро заскользили по древесным наростам, очерчивая только одному Ррeку видные очертания.

Рыцари, принявшиеся разгружать вещи для привала, недоверчиво оглядывались по сторонам. Всё выдавало в этом месте какое-то языческое место поклонения.

- Кланы проводят здесь какие-то обряды? – поинтересовался я, когда кеметы вдоволь наигрались с дубовым лицом.

- Нет, это местные дикари. У нас об этом месте остались только предания, как и о лесе Короля Эльфов, и уж тем более поклоняться всяким дубомордым…

- А эти дикари не нападут на нас ночью? В конце концов, мы зашли на их священное капище и лапаем священное дерево.

- Не рискнут, - успокоил меня Тукка, - мы же не кощунствуем, а так, немного развлекаемся. Это вон те благородные сэры, по всей видимости, не против порубить дуб на дрова: им куда ближе их выдуманный бог, живущий где-то за облаками, чем это тысячелетнее воплощение древних сказаний.

- Иногда ты зришь в самую суть, Тукка. Однако лучше держать язык за зубами, особенно такой острый, как у тебя.

Кемет довольно осклабился и, достав из ближайшего кострища маленький уголёк, принялся увлеченно подкрашивать лицо древесному богу загадочных дикарей. Я только покачал головой, уже пожалев о своих словах. Уже было отвернувшись и собравшись по своим делам, краем глаза я заметил какое-то движение среди елей, застывших неподвижно в сотне шагов от нас. Сообщить об этом я не успел, поскольку через секунду окрестности потряс полный боли вой Тукка, заваливающегося на бок со стрелой в спине. Рыцари, как бы я не относился к их мировоззрениям и поведению, всё-таки оставались прирожденными войнами, и среагировали мгновенно, выстроив вокруг нас стену из щитов. Ррек и Шеффе уже натягивали тетивы своих луков, предоставив мне и Альвину, как самым бесполезным в данный момент членам отряда, позаботиться об их раненом товарище. Мы оттащили брыкающегося кемета в безопасное

место, и круг щитов вокруг нас тут же сомкнулся. Стрелы полетели гуще, но, как оказалось, их наконечники были не стальными, а каменными, очень грубыми и примитивными, поэтому рыцарские доспехи и щиты успешно выдерживали их удары. Рана Тукка оказалась незначительной: наконечник пробил кожу куртки и, возможно, сломал пару ребер, но на этом всё и закончилось.

- Ты же говорил, не рискнут, - крикнул я в лицо испуганному кемету, только-только начинающему осознавать несерьезность своей раны, - кто тебя вообще надоумил начать раскрашивать этого злосчастного идола?

- Я… я… - заблеял Тукка, но я не дал ему закончить свою оправдательную речь, выдернув стрелу из раны и тут же щедро облив ее вином.

Защелкали тетивы кеметских луков и, судя по предсмертным крикам, раздающимся со стороны леса, били они вполне успешно. Поток стрел в нашу сторону начал ослабевать, и теперь невидимые наши противники, судя по боевым крикам, собрались атаковать нас врукопашную. Закончив с раненым, я обернулся посмотреть на начинающуюся атаку. Из леса, один за другим, выбегали косматые фигуры людей, вооруженных примитивным оружием вроде каменных топоров и странных деревянных дубин. Я успел насчитать пятьдесят противников, прежде чем ряды наши схлестнулись. Удар неорганизованной толпы столкнулся с монолитным рыцарским строем, и тут же оказался отброшен слитным ударом щитов и мечей. С десяток тел остались неподвижно лежать на земле, а в следующую секунду уже я сам рубил и колол направо и налево, уклоняясь от невероятно сильных и умелых ударов противника. Странное оружие их, нелепое на первый взгляд, оказалось достаточно эффективным, но все-таки не могло на равных тягаться со старым добрым железом. Если бы острая деревянная кромка деревянной не то дубины, не то палицы угодила в голову, тут не помог бы никакой шлем.

Перекошенные лица дикарей слились в одну сплошную кровавую карусель, в которой я, казалось, колол и рубил одних и тех же людей по кругу. Отвыкшее уже от физических упражнений с оружием тело подчинялось не так хорошо, как раньше, однако надолго бой не затянулся: через десять минут, когда истоптанный и поломанный орешник вокруг нас оказался завален телами и внутренностями наших противников, оставшиеся в живых нападавшие бросились врассыпную. Я придержал рвущихся в бой рыцарей и приказал собирать вещи. Не хватало еще нарваться на подкрепление, которое дикари наверняка приведут, дабы

покарать осквернителей их священного дуба.

- Ну и чудища, - констатировал один из рыцарей, переворачивая труп убитого дикаря.

Вид у них и вправду оказался, мягко говоря, странным. Определенно, эти создания являлись нашими собратьями, однако по-звериному вытянутые их лица, мощные надбровные дуги и широкие, как у медведей, носы указывали скорее на их родство с животными, чем с людьми. Покрытые густой растительностью тела и лица их можно назвать безобразными, но кеметов их внешний вид, по всей видимости, нисколько не смущал. Они деловито принялись обыскивать мертвецов, а рыцари, спешно седлавшие лошадей, с омерзением следили за этим актом наживы. Тукка наскоро зашили и посадили на его бурую кобылу, больше похожую своим размером на пони: вид у него был болезный, но кемет больше актерствовал, нежели действительно страдал. Больше никто не пострадал, не считая только нашего имущества, но многочисленные вмятины на доспехах и паре щитов – вполне удачный исход при таком неравном численном столкновении.

Мы скакали так быстро, как только возможно, учитывая всё сгущающиеся еловые заросли вокруг нас и темнеющее небо. Кемет перестал стонать, и вскоре даже снова начал шутить, забыв про свое ранение. Однако встретившись со мной взглядом, тут же умолк, и уткнулся головой в конскую гриву, поняв, что ничего хорошего я ему не скажу.

Когда вокруг сгустилась непроглядная тьма, я остановил отряд и велел готовиться к ночёвке. Лагерь возвели быстро, очистив достаточное пространство от валежника и кустарника, поставив пару палаток и разведя костер. Спать этой ночью предстояло строго по очереди, в то время как большая часть людей должна будет нести ночной дозор. Место оказалось удачным: на возвышении, с одной стороны которого крутой обрыв и овраг, с остальных – пологий склон, просматривающийся на двести шагов вниз. Костер развели в яме, прикрыв со всех сторон стволами гнилых упавших деревьев и выкопанными с корнями кустами, образовав некое подобие печи, свет из которой почти не проникал наружу.

- Вы всё это время знали об этих созданиях, и не сказали мне ни слова, так? – холодным тоном начал я, отчего кеметы дружно опустили взгляды и стали выглядеть провинившимися детьми.

- Да, кир, но они никогда до этого никого из нас не трогали, даже если мы приходили поодиночке или малыми группами. Никогда не вылезали из своей чащи и воевали по большей части только друг с другом.

- Именно поэтому нужно было начать размалёвывать их идола? Ваша прямая обязанность – сообщать мне, как вашему командиру и работодателю, всю возможную информацию, даже о том, что не кажется вам существенным. А уж я решу, полезна ли она будет, или нет. Поэтому больше никаких секретов, никаких собственных мыслей касательно нашей миссии. Прежде, чем что-то делать – спрашиваете у меня разрешение. Я надеялся, что нанимаю опытных воинов и следопытов, а вы оказались проказливыми детьми, из-за которых могли погибнуть люди. Я уж не говорю об этих несчастных дикарях, чьи тела сейчас навалены по всей их священной поляне. И если вы думаете, будто после подобного они оставят нас в покое, то сильно ошибаетесь. До Гелема еще два неделя пути, а значит, первую и последнюю стражу будете нести именно вы.

Кеметы часто затрясли рыжими головами, соглашаясь с моими словами, но на лицах их, как по мне, не отразилось особого понимания. Всё-таки характеры их больше похожи на детские, нежели на характеры взрослых состоявшихся мужчин. Именно поэтому рыцари, воспитавшиеся в строгости и по канонам чести и рыцарского кодекса, так отчаянно презирали непосредственных кеметов, ведущих простой и разгульный образ жизни, ни в чем себе не отказывая и ничем не ограничивая. Леса – их дом, в котором можно вести себя как вздумается, естественно, в определенных рамках разумного, иначе этот дом без раздумья пожрет тебя и выплюнет кости.

Половина рыцарей отправилась отдыхать, остальные, включая кеметов, напряженно вглядывались в лесную чащу, пытаясь выследить любое движение среди древесных стволов. Альвин сидел на корточках у маленького окошка импровизированной печи, протянув руки к огню и бесчувственно глядя куда-то под ноги. Он почти не разговаривал, и только делал то, что ему велят, забывая съесть свою порцию за обедом, если я прямо не укажу ему на это. Такая перемена в нем пугала, и каждый день я подолу пытался говорить с ним, ведя долгие монологи о чем-то отвлеченном. Иногда на лице Альвина отражалась заинтересованность, но по большей части в нем я видел лишь болезненное равнодушие и покорность судьбе.

- Знаешь, те люди, которых мы убили, - едва слышно обратился ко мне Альвин, - один из видов человека, почти уже вымерший, подобно мамонтам. И мы теперь собственными руками приблизили их вымирание.

- Таков уж закон жизни: убей или будешь убит, - пожал я плечами, подсаживаясь ближе.

- И поэтому мы убиваем всё, до чего можем дотянуться. Ты

ведь хочешь уничтожить Царя Эльфов, ведь так?

- Возможно, того, кто скрывается за его личиной.

- Последнее божество нашего мира обречено на смерть, - грустно вздохнул Альвин, - инквизиция вырвет его подобно сорному растению с аккуратных имперских грядок, и отшвырнет к куче таких же сорняков, гниющих и разлагающихся. А затем Августин вернется в Стаферос победителем, вернется к своему мертвому богу и будет купать в лучах славы, обеспечив себе достойную старость.

- Вообще-то не вернется.

Я так и не рассказал Альвину о заговоре, готовящемся в феме, не до конца уверенный в его адекватности. Не знали о нем ни рыцари, ни кеметы, и потому только шли они со мной, смутно представляя цель нашего похода, однако уверенные в его праведности.

- Царь Эльфов – это Килмар, о котором рассказывали кеметы, и он теперь – новый бог Ауреваля, которого почитают местные сепаратисты. Нет никакого заговора против стратега: он и есть главный мятежник, как и его брат, наш старый-добрый знакомый. Августин попросил меня уничтожить, как он думает, колдуна, мешающего осуществлению их планов…

Получилось несколько сумбурно, но основной смысл я передал. Некоторое время Альвин переваривал услышанное, хлопая глазами и пытаясь понять, насколько серьезны мои слова, а затем с хрустом разогнулся и стал выглядеть так, будто только что сам раскрыл этот заговор.

- То есть, ты, зная о готовящемся восстании фемы, зная имена и лица предателей, вот так просто отправился по их поручению? Помогать восстанию свершиться? Да еще и прихватив с собой тех, кто свято уверен в том, что их миссия направлена исключительно на благо империи? Иногда мне кажется, будто ты совсем лишился разума.

Темные глаза его вспыхнули праведным огнем, а руки сжались в кулаки: еще немного и он вскочит на коня и отправиться прямиком на прием к императору, доносить о сепаратизме в Ауревале.

- Только поэтому мы всё еще живы, - спокойно ответил я, - тебе стоило поменьше пьянствовать и витать в облаках, тогда эта информация не свалилась бы на тебя так неожиданно. Я считаю, что Килмар и колдун, на которого охотится вся фема, и которого все считают частью вражеской диверсионной группы не то ахвиллейцев, не то еще кого – одно и то же лицо. Трагедия в Каррасе, исчезновение караванов и патрулей, сошедшие с ума люди – всё его рук дело. Одной рукой он благословляет своих

новых последователей, подстрекая их на бунт, а другой – разрушает их земли и сеет панику.

- Но зачем?

- Этого я пока не знаю. Но скоро мы найдем ответы на все интересующие нас вопросы. Ложись спать, пока есть возможность. Я почему-то уверен: дикари не дадут нам спокойно уйти из их лесов.

Альвин немного успокоился и, почесав отросшую за время своих запоев бородку, согласно кивнул. Затем окинул взглядом свою грязную и кое-где заляпанную кровью одежду, представляющую собой некое подобие формы легионера-арбалетчика, только с узкими кожаными штанами, заправленными в высокие сапоги. За всё время пути он так и не удосужился ни на секунду снять с себя свой доспех, даже засыпая в нем, позвякивая кольчужными кольцами во сне, и потому выглядел он, нечищеный и помятый, совершенно непрезентабельно, особенно учитывая заросшее лицо его владельца с глубоко запавшими глазами и пролегшими от усталости морщинами.

- Надо бы побриться да умыться, - пожаловался непонятно кому Альвин, - а впрочем, потерплю до Гелема.

Я некоторое время смотрел за костром, но сон вскоре одолел меня, и я без сил упал на пихтовый ковер, выстланный в палатке, подложив под голову дорожный мешок, и забывшись тревожными снами о дикарях, чьи лица так и стояли перед моим внутренним взором.

Но поспать мне так и не удалось. Через пару часов меня разбудил встревоженный Шеффе, яростно тряся за плечо и причитая на своем языке.

- Кир, Тукка умирает, - только и сумел разобрать я.

Сон как рукой сняло, и я в считанные мгновения выбрался из палатки вслед за кеметом. Тукка лежал у костра, мертвенно бледный и непрестанно стонущий, а вокруг него, не зная, что предпринять, сгрудились трое рыцарей, должных нести дозор, и Ррек. Альвин, разбуженный поднявшимся гвалтом, выбрался из соседней палатки и с немым вопросом в глазах взглянул на меня, а затем и на стенающего кемета.

- Что с ним? – обратился я к собравшимся.

- Кажется, стрела отравлена, но вот чем – ума не приложу, - затараторил Шеффе, - но он умирает, это точно.

- Альвин, ты можешь помочь?

- Даже не начинай…

Жестом я отослал всех, кто находился подле Тукка, и решил переговорить с Альвином с глазу на глаз. Потерять сейчас

хорошего следопыта – значит, лишить себя как минимум трети шансов на успех. Я слишком долго шел к намеченной цели, чтобы в двух шагах от нее потерпеть поражение. Кто знает, сколько еще человек придется потерять в этих лесах?

- Годится хоть на что-то твое искусство помимо разрушения? Ты ведь сам мне рассказывал, как спас умирающую от оспы девушку.

- Чтобы жизнь спасти, нужно у кого-то ее отнять. Всё не так просто, как ты думаешь. В тот день эту жизнь я отнял у двух ее сестер, уже заболевших, но всё еще полных сил.

- Так тебе нужны жизни?

- Нет, Марк, даже не думай. Позволь бедолаге спокойно умереть без греха на душе.

- Не ты ли сам заявлял мне, будто бога нет? Значит, нет и греха. Наша миссия важнее всего этого, и позволить Тукка умереть – значит поставить ее под угрозу, следовательно, снизить наши шансы на поддержание порядка во всем мире, на спасение тысяч и тысяч жизней. Этот кемет – единственный, кто знает тайные тропы через лес Короля, и только он один сможет провести нас туда незамеченными.

- Ты хочешь сделать вылазку и наловить дикарей для… для этой жертвы? Не подумал ли ты о том, как отреагируют на это рыцари, когда ты начнешь резать пленников и отдавать их жизни для спасения какого-то безбожного кемета?

- Эти дикари – такие же безбожники, так что для рыцарей нет никакой разницы между ними и дикими животными, которых можно убивать ради забавы. А ты продемонстрируешь всем силу их бога, исцеляющего любые раны. Вот оно: истинное чудо. Антартес принимает жертвы и исцеляет смертельно больного кемета, после чего он свято уверует в небесного покровителя империи и станет его верным последователем.

- Звучит жутковато и крайне непривлекательно, - скривился Альвин.

Тукка с каждой минутой выглядел всё хуже. Бледное лицо, покрытое испариной, размякло и опухло, губы посинели и раздулись, а изо рта вместо стонов доносились теперь только хрипы и отвратительное бульканье. Странный этот яд почему-то начал действовать только спустя несколько часов, и я никак не мог определить его, хотя в своё время посветил данному вопросу достаточно времени.

- Сколько тебе нужно жизней?

- Две или три. И лучше успеть за полчаса, иначе спасать его уже будет поздно.

На Альвина было страшно смотреть. Руки его тряслись, когда

он помогал снимать с кемета доспехи и пальцы никак не могли справиться с застежками. От него исходила волна жгучего страха и внутренней боли, но всё-таки Альвин старался держаться.

Я рассказал Шеффе и Рреку о том, что им предстоит сделать. Глаза их округлились, но они промолчали, даже не подозревая о подобных способностях своего молчаливого попутчика. Никто, кроме меня и Альвина даже не подумал о моральной составляющей предстоящего ритуала. Для них эти лесные жители – не люди, а что-то вроде скота, а потому никто даже не собирался терзаться угрызениями совести. Нужно наловить волосатых уродливых дикарей? Не вопрос, а сколько надо? Я чувствовал, как весь начинаю трястись в такт Альвину, хотя и смутно еще осознавая, что же придется мне совершить. Переложить эту работу на кого-то из кеметов, дабы не марать руки? Нет, это исключительно моя идея и моя ответственность, и мне придется нести ее до конца.

Через четверть часа кеметы вернулись, вынырнув из темноты с двумя плотно упакованными свертками на плечах, подающими признаки жизни и пытающимися высвободиться из рук своих захватчиков. Их отнесли к костру и привязали к молодым соснам, сросшимся посередине, стянув холщовые мешки с их вытянутых безобразных голов. Один из них – хилого телосложения, еще совсем молодой, заросший шерстью до самых бровей, непрестанно пытающийся пережевать кляп, закрывающий рот. Другой, а вернее другая – женщина неопределенного возраста. Под грязной шкурой видна покрытая мелким волосом отвисшая до пояса грудь с огромными лиловыми сосками. Она не рвалась и не пыталась освободиться, только лишь затравленно взирая на нас из-под густых бровей.

- Умыкнули прямо с их стоянки, - пояснил Шеффе, нервно расхаживая взад и вперед, - только бабенку эту да сосунка удалось захватить, остальных порезали.

- Я не могу, Марк, не могу, - пряча лицо в ладонях, жалобно запричитал Альвин, - ведь это же люди, живые люди. Я даже безмозглую курицу не смог бы зарубить, не то, что этих… этих созданий.

- Тукка уже едва дышит. Если он умрет, нам придется искать другую дорогу и переть через заставы Корнелия. Подумай, сколько еще человек мы потеряем, если этот чертов кемет подохнет? Тем более, резать тебе никого не придется: всё сделаю я сам.

- Тогда надрежь вены кому-нибудь из них, аккуратно и вдоль, тогда у меня будет достаточно времени для того, чтобы направить уходящую жизнь в тело Тукка. Затем придется сделать

еще по одному разрезу в районе сонной артерии, чтобы закрепить результат.

- Как вообще это произойдет?

- Что?

- Твоя магия.

- Так же, как и переливание крови, только на энергетическом уровне. Ты всё равно ничего не увидишь и не почувствуешь, так что объяснять бесполезно.

Я достал из-за пазухи нож и приблизился к первому пленнику. Пот градом катил с лица, заливая глаза, и мертвенный холод разлился по телу. Убивать врага в бою – одно дело, и совсем другое – резать пленника, как козу на заклание. Каково это – медленно выпускать жизнь из тела такого же, как я, живого человека, глядя в его глаза и молясь, чтобы жизни его хватило для спасения другого? Поступиться принципами и убить связанного пленника, еще и женщину? Без сомнения, рыцари или кеметы проделали бы то же самое без всяких сожалений, еще и изнасиловав эту звероватого вида самку. Так почему же я медлю? Испуганные глаза дикаря наполнились слезами отчаяния, он весь изогнулся и попытался закричать, но наружу вырвался только глухой стон.

- Режь потихоньку, - скомандовал Альвин, усилием воли заставляя себя не дрожать.

И я сделал первый пробный надрез на предплечье пленника, заросшем густой шерстью. Дикарь дернулся и завыл, пытаясь освободиться, но веревки держали крепко, только глубже впиваясь в запястья и шею. В этот миг я будто отделился от собственного тела, наблюдая за происходящим со стороны. Как во сне, наблюдал я за тем, как кровь, темная и горячая, струится из раны, стекая на землю. Нечто происходило в этот момент, будто незримые энергетические пути, пронизывающие этот мир, напряглись, зазвенев от напряжения, и сдвинулись, забирая жизнь у одного и отдавая её другому. Это напоминало мне процесс наполнения бочки, будто энергию носили из колодца с помощью дырявого ведра, расплескивая по пути половину его содержимого. И я почему-то наблюдал за этим, хотя всего несколько секунд назад не видел ничего, кроме ночной темноты и своих рук, сжимающих нож.

Я увидел биение жизни повсюду: в деревьях, во мхе под ногами, в маленьких тельцах белок высоко над головой. Мириады тончайших нитей связывали всё бытие, протянувшись не только в пространстве, но и во времени в немыслимом для человеческого сознания измерении. Одни из них угасали и обрывались, другие вырастали и тянулись во всех направлениях, подобно паутине.

Нити жизни, о которых так любят говорить в виде метафор, не подозревая даже об их реальности. Я на долгие, показавшиеся мне вечностью, мгновения завис в этом чудесном мире, наблюдая саму жизнь во всем ее великолепии, и затем лишь вспомнил о том, чем занимался. Рука моя сама собой протянулась к клубку ярких сплетений, идущих от ближайшего дерева, и аккуратно вытянув одну из нитей, я соединил ее с оболочкой кемета, почему-то бесцветной, как и оболочки всех остальных людей, находящихся неподалёку. Затем таким же образом я дотянулся до жизненных потоков сросшихся сосен, и направил их к бесчувственному телу Тукка, аккуратно соединив и подвязав. Теперь их жизнь перетекала к кемету, быстро тая и истончаясь, вскоре превратившись в почерневшие и осыпающиеся плети. Тогда я достал нити с десятка ближайших деревьев, собрав в пучок, перекрутив для надежности, и вновь связал с едва заметным биением жизни кемета. Весь этот процесс даже не вызвал у меня никакого удивления, только спокойную сосредоточенность, как будто подобное путешествие по тонким мирам давалось мне каждый день и не по одному разу. Будто старуха-вязальщица, я сноровисто сплетал всё новые и новые нити, обращая их в узор жизни. Сложно сказать, сколько времени это продлилось, но когда я закончил, сил у меня уже не осталось даже на то, чтобы закрыть глаза. Мир почему-то перевернулся с ног на голову, но я оказался не в состоянии проверить, отчего же. Чьи-то руки подхватили меня и понесли прочь. Тьма вновь сомкнулась надо мной, поглотив всё сущее. Я вновь вернулся в привычный мне мир и ощутил всю его тяжесть. Близнецы желтоватыми дисками повисли надо мной, будто глаза небесного гиганта, с удивлением разглядывающего букашек, ползающих внизу. Темная тень заслонила их, и последний свет исчез. Я провалился в небытие.

***

Бескрайние и могучие леса Ауреваля, дом древних богов и земля сказаний. Здесь, среди шумящих высоко над головой сосен и под могучими ветвями елей жила старая магия. Ее дыхание ощущалось в холодных ветрах, приходящих от белесых отрогов гор Трора и в шелесте листвы под ногами. Земля дышала свободно и полной грудью, вечная и непоколебимая. И под покровом ее двигались двое случайных странников, старый и молодой.

- Я править хочу, отец! – кричит темноволосый юноша, забегая перед идущим седовласым длинноволосым старцем и заставляя того остановиться и опереться на свой посох.

Серые глаза его горят от возбуждения, на пухлых щеках – румянец, а длинные волосы, слипшиеся от пота, лезут в глаза,

заставляя юношу постоянно одергивать их.

- Правят вожди, - спокойно отвечает отец.

- Но ведь они слушают тебя, поступают так, как ты говоришь, - не унимался юнец.

- Я лишь даю советы. Люди сами решают, как им поступить.

- Но ведь тебе стоит лишь захотеть, и все кланы присягнут тебе на верность! Мы соберем целую орду, и покорим весь мир, сделаем его таким, как должно.

- Думаешь, будто знаешь, как должно? – грустно улыбнувшись, спросил старик. На его морщинистом добром лице пролегла тень большой усталости, но он упрямо продолжал шагать вперед, не обращая на нее внимания.

- Должно быть справедливо.

- Истинно так. Но справедливость для каждого разная, так почем тебе знать, чья верна?

- Того, кто сильнее.

- Но для этого тебе нужно стать сильнее всех, а пока что ты едва ли можешь смотреть на изнанку мира, не падая от усталости.

Юноша выглядел разочарованно, но уже через мгновение упрямство вновь проступило на его лице. Смахнув надоедливые прядки, он бросился вслед за уходящим отцом, передвигавшимся быстро и бесшумно подобно лесному духу.

- Но ведь ты – сильнее всех.

- Когда доживешь до моих лет, всё поймешь, - многозначительно ответил старик.

- Отец? Как можно получить силу остальных Хранителей?

- Так же, как мы получаем силу от оленя, поедая его.

- Но ведь съев оленя или кабана, я не становлюсь сильнее.

- Становишься, ведь если бы ты не съел его, у тебя бы не было сил на прогулку по лесу.

- Но это всего лишь временная сила. Я могу съесть грибную похлебку, и тоже стану немного сильнее…

- В грибе силы меньше, чем в олене, а в олене меньше, чем в человеке. Хранитель сильнее их всех вместе взятых.

- Тогда я съем их всех!

- И в лучшем случае просто набьёшь живот, - рассмеялся старик, - а потом тебя забьют камнями, и на этом всё закончится. Неспроста акт поедания человека человеком запретен: когда сможешь смотреть на изнанку, поймешь, как и что в этом мире устроено.

- Ты только говоришь, что я пойму, а сам ничего не объясняешь!

- Потому что ты жаден и нетерпелив. Если не сможешь

обуздать себя, не сможешь и познать свою силу, она будет сгорать в тебе. Жизнь даже самого неприметного дерева – священна, а ты помышляешь о поедании себе подобных, лишь бы заполучить больше власти над другими.

- Но мы ведь убиваем животных для еды и одежды, рубим деревья для жилищ. Чем это отличается от того, в чем ты меня обвиняешь?

- Мерой, Килмар. Именно ею. Волки не убивают больше, чем нужно для выживания. В них эта мера вложена Создателем. Нам же он дал разум, дабы мы сами могли выбрать свою меру для создания собственного мира: мы определяем, сколько сможем вырастить детей, а не как дикие животные спариваемся при любых подходящих условиях, выбираем, сколько заготовить мяса на зиму, а не бегаем по лесам в метель и холод в надежде наткнуться на случайную добычу. Мы строим себе жилища, шьем одежду, делаем инструменты и оружие. Но всё, что мы создаем – мы отбираем у других: жизни зверей и птиц, деревьев, воды и даже воздуха. И мера для нас должна быть такой, чтобы сберечь как можно больше жизней: построить себе маленькую хижину вместо большого дома, собрать мертвые сухие ветки для костра, а не рубить целую сосну, не ловить рыбу на нересте, а солить ее до этого, сделав запасы. Только тогда мы сможем жить в гармонии с этим миром и пользоваться силой, даруемой им. Я собирал свою силу по крупицам в течение долгих лет, брал лишь то, что преподносил мне этот лес и эта земля, и теперь она питает меня. Мне больше не нужна пища и не нужен сон, не нужен огонь, чтобы согреться. Я больше не нуждаюсь в жизни других живых творений, и вскоре достигну абсолютной гармонии с миром.

- У меня нет столько времени для того, чтобы стать сильнее. Когда я превращусь в дряхлого старика, мне действительно это будет не нужно.

- Ты упрямец. И однажды поплатишься за это. Но я не буду тебя осуждать: твоя мера – это твой выбор, жизнь сама расставит всё по своим местам.

На мгновение глаза юноши вспыхнули холодным жестким светом, но тут же погасли. Руки его безвольно опустились и кулаки разжались. Со стороны могло показаться, будто он смирился со словами отца, но в действительности ярость и жажда, кипящие в его молодой душе, лишь на некоторое время отодвинулись, уступив место показному равнодушию и смирению.

- Жизнь расставит. Это точно, отец.

Юноша улыбнулся, и побежал догонять отца, уже скрывшегося среди деревьев. Подул промозглый ветер, и небо стало заволакиваться густыми и черными тучами. Спустя некоторое

время пошел обильный летний дождь, смывая следы двух случайных путников. Раны, оставленные ими на земле, затянулись, примятая трава поднялась, и лес снова принял свой первозданный вид.

***

Я очнулся ото сна, когда солнце уже достигло зенита, колючими лучами пробиваясь через веки и настойчиво призывая проснуться. Вокруг всё тот же лес, но немного иной, чем в сновидении: более молодой и какой-то менее одухотворённый. Подо мной – целая гора ароматного лапника, застеленного плащами, рядом – палатки и костер, на этот раз открытый и с жаром плюющийся искрами, вокруг которого вальяжно расселись несколько рыцарей и Шеффе, что-то яростно им втолковывающий.

- В следующий раз, когда тебе захочется подергать нити тонких материй, обязательно спрашивай меня.

Я повернул голову и столкнулся взглядом с Альвином. Длинные волосы собраны в хвост, глаза ясные, чисто выбритое лицо нормального цвета. И даже не пьяный. Таким его последний раз видели всего несколько очевидцев лет пятнадцать назад, да и то в живых из них остался лишь я один.

- Что с Тукка? – с трудом шевеля пересохшими губами, спросил я.

- Жив и здоров, твоими стараниями. Ума не приложу, как тебе это удалось, однако это сработало.

- А ты говорил, я не пойму, - слабо улыбнулся я, внезапно осознав, насколько слабым чувствовалось собственное тело.

- Для того, что тебе удалось провернуть, мне потребовались годы учёбы в лучших университетах империи, да и то моя работа по сравнению с твоей выглядела глупой детской поделкой. Множество наук, начиная с математики и физики и заканчивая логикой и геометрией я изучал на протяжении десяти лет, дабы научиться правильно управлять энергетическими нитями, - Альвин развел руками и сокрушенно покачал головой, - ты же, наплевав на расчеты, просто переплел всё, что под руку попалось, и спас кемета, оставив в живых и этих дикарей.

- Завидуй молча великому магу.

- Ты превратился в того, за кем всю жизнь охотился, Марк. От статуса имперского инженера до гонимого всеми колдуна – всего полшага. А точнее, только имперская грамота.

- Настоящего колдуна всегда можно легко вычислить. Человеческая кожа для него – лишь личина, в каком-то смысле. Они – порождения совсем другого человеческого вида, примерно как и эти дикари, поклоняющиеся лицам на деревьях.

- В любом случае, каждый мимо проходящий инквизитор, стоит ему прознать о твоих делах, посчитает нужным на всякий случай разжечь для тебя дружеский костерок.

- Как отреагировали рыцари на произошедшее?

- Никак, они же ничего не видели. Вот ты порезал одного из дикарей, затем с сосен, к которым они были привязаны, начала осыпаться хвоя и кора, затем Тукка открыл глаза и поднялся на ноги, а ты упал на спину, немигающе уставившись на небо. Все подумали, будто ты преставился, даже я, признаться, немного струхнул. Но ничего, оклемался. Когда тебя потащили, стал брыкаться и едва не порвал палатку, в которой тебя пытались уложить, пришлось сюда, на свежий воздух вытаскивать.

- И всё? – удивился я, вспоминая заворожившие меня образы, среди которых, казалось, я пробыл целую вечность.

- Всё.

- Знаешь, я будто увидел изнанку мироздания, - вспомнив услышанное во сне слово, сказал я, - да, Изнанку. Это похоже на внутренние швы у одежды, невидимые снаружи, скрепляющие куски материи между собой. Они будто уходят за грань моего восприятия, куда-то в другие измерения, переплетаются в пространстве и даже во времени. Не знаю, почему, но мне так показалось.

Альвин нахмурился и изобразил нешуточную работу мысли, будто усомнившись в моих словах.

- Видимо, у тебя какой-то особенный дар, потому как я вижу только плоские проекции этих нитей. Их можно перенести на бумагу и вычислить с помощью геометрических и алгебраических изысканий, как требуется воздействовать на тот или иной участок, чтобы получить желаемый результат. Например для того, чтобы вызвать разрыв в земле или обрушить крепостную стену, необходимо по звездам уточнить местоположение объекта на карте подходящего масштаба, затем спроецировать основные силовые потоки на нее, создать модель их взаимодействий и рассчитать, как их следует направить, создав разлом именно в нужном месте. Вероятность промаха при этом составляет процентов семьдесят-восемьдесят, а в случае неудачи можно и вовсе неправильно затронуть ткань мироздания, вызвав ее ответную реакцию. И все эти манипуляции занимают не меньше недели, чтобы ты понимал, насколько это трудоемко. Со стихиями и вовсе нет никакого смысла работать, поскольку они видоизменяются слишком быстро, и провести расчеты попросту невозможно. Будешь тыкаться наобум - скорее всего, закончишь не очень хорошо. Именно поэтому я так не хотел вчера пытаться вылечить Тукка. Ты же действовал так, будто с точностью до

мелочей просчитал каждое свое действие.

- Но я видел только нити жизни, никаких силовых потоков, о которых ты говоришь.

- Понятия не имею, они для меня все одинаковы и больше похожи на обычные тени. Быть может, ты просто не обратил на них внимания, занятый яркой картинкой.

- И как же мне снова оказаться в подобном состоянии? – в отчаянии спросил я.

- А мне откуда знать? – пожал плечами Альвин, - я их всё время вижу, и у меня нет никаких особых состояний. Попробуй вспомнить, как всё произошло и попытайся искусственно вызвать те ощущения.

Я напряг память, пытаясь припомнить ночные события. Страх и омерзение перед самим собой – вот и всё, что пришло на ум. Я собирался медленно убивать двух ни в чем не повинных людей, выпуская из них кровь в попытке исцелить кемета, подобно палачу, пытающему своих жертв. В конце концов, я ведь и до этого оборвал не один десяток жизней, так почему же именно в этот момент мне было так тошно? Убийство в любом случае остается убийством, медленное или быстрое, ведь итог всегда один. Видимо, такова уж человеческая мораль, накрепко обосновавшаяся в моей голове: кому-то она позволяет убивать детей и насиловать женщин, захватывая вражеский город, кому-то – не позволяет добить упавшего врага, пусть даже тот может оклематься и нанести коварный удар в спину. Все мои терзания – лишь плод моего воображения. Я видел изнанку нашего бытия, и в ней нет места подобным рассуждениям: есть только нескончаемый круговорот жизни и смерти, больше ничего. Старые деревья своими кронами закрывают свет молодой поросли, и она гибнет, птицы ловят насекомых и поедают ягоды – ростки будущей жизни, волки охотятся на оленей и зайцев, олени поедают траву и молодую поросль. Каждое живое существо процветает за счет смерти другого, и ничуть не терзается угрызениями совести, придуманной людьми. Рысь удавит своих котят, если поймет, что не сможет прокормить их, и один хищник убьет себе подобного, не поделив территорию, после чего съест поверженного собрата. Кеметы с радостью прикончат сколько угодно дикарей, и выпьют пива из их черепов, рыцари – убьют всех безбожников, на которых укажет им Орден, а инквизиторы запытают до смерти и сожгут на костре всех, кого посчитают опасным для своей власти. И с точки зрения этого мира, ничего предосудительного в их действиях не будет: одни процветают, а другие умирают. Наше бытие ничтожно и ничто в нем не имеет значения, кроме борьбы. Борьбы за существование.

И в этот момент окружающий мир расцвел тысячами красок, куда более яркими, нежели ночью. Мириады нитей протянулись во всех мыслимых и немыслимых направлениях, окутав пространство до самого неба. Страшная усталость накатила на меня, и я судорожно начал моргать, пытаясь избавиться от этого видения. Закрыв глаза и полностью избавившись от мыслей, я почувствовал себя немного лучше, и когда открыл их, Изнанка исчезла.

- Получилось? – придвинувшись поближе, спросил Альвин.

- Да.

- О чем ты подумал, чтобы войти в это состояние?

- Сложно сказать. Наверное, о сущности нашего бытия и о течении жизни.

- Так у твоих способностей, оказывается, философский катализатор? Чушь какая-то. Но ничего, мы еще дознаемся до сути, и тебе не придется прибегать к подобным ухищрениям.

- Это видение очень изматывает. Я чувствую себя апельсином, из которого прессом выдавливают сок.

- Тогда пойдем обедать и восстанавливать твои силы. Все уже порядком изнервничались, ожидая своего павшего командира. Кстати, никто даже не подумал на тебя: все приписывают счастливое исцеление великому и могучему Альвину.

- А как насчет…

- Сказал, задело моей мощью, даже сосны отмерли.

- Вот пусть и дальше остаются в неведении. Не хватало еще рыцарям сомнительного происхождения колдовства: зарубят ночью, и дело с концом.

Тукка, всё это время отлёживающийся в палатке, вылез наружу и сощурился, разглядывая нас. Затем, когда глаза его уже привыкли к дневному свету, радостно выпростался наружу и заключил Альвина в объятья, что со стороны смотрелось донельзя забавно: Тукка едва доставал рослому имперцу до груди. Я едва стоял на ногах от усталости, но всё-таки смог заставить себя подойти к костру и приняться за еду, оставив Альвина на растерзание бесконечно благодарного кемета. Рыцари обрадованно приветствовали меня, однако поглядывали с осторожностью, причину которой озвучил сэр Валентайн.

- Магия достопочтимого кира Альвина, вне всякого сомнения, угодна Антартесу, однако мне прежде не приходилось слышать ни о чем подобном. Неужели праведные чары способны исцелять и безбожников?

- Вне всякого сомнения, способны, - пытаясь на ходу придумать хоть что-нибудь, ответил я, - теперь этот кемет озарён благодатью Антартеса, и вскоре ему предстоит много нового

открыть для себя, в частности, зарождающееся у него в душе пламя истинной веры.

Рыцари зашептались, переваривая услышанное, но, похоже, не слишком удовлетворились моим ответом. По их мнению, магия могла только служить уничтожению всех, кто не веровал в Антартеса, но никак уж не исцелять безбожников. Даже мой авторитет для них в большей степени складывался из слухов и домыслов об инциденте с Багряным Пламенем, поскольку, согласно распространенному мнению, после этого ритуала я стал чуть ли не святым воином Антартеса. Эти воинствующие фанатики, однако же, являлись одними из лучших воинов мира, и потому вместо наёмников мой выбор пал именно на них. Однако вместо золота приходилось платить им небылицами и полуправдой, поддерживающими образ святой миссии, образ святого же командира и его соратника-инженера. Страшно даже представить, как отреагируют рыцари, узнав, что Альвин даже не верит в великого покровителя империи, и что способности его вовсе не божественного происхождения.

- Душа Тукка сопротивлялась светлой магии, и именно поэтому выходящая из нее скверна убила деревья и даже попыталась сразить меня, однако не выдержала наших совместных усилий, и рассеялась.

- Сильная же скверна в душе у этих безбожников, - удивленно ответил один из рыцарей, поглядывая на притихшего Шеффе, занятого поглощением пищи, - может, в костер их, покуда они чего не натворили?

Кемет поперхнулся от неожиданности, но ума промолчать у него хватило. Я тщательно проинструктировал каждого из них, как стоит себя вести с воинственными фанатиками, поэтому Шеффе всегда реагировал одинаково на любые разговоры о вере: молчал и отворачивался, оставляя рыцарей с их монологами об Антартесе ни с чем.

- Антартесу угодно, чтобы мы завершили нашу миссию, - оборвал я начавшиеся разговоры, - а эти люди – наши проводники, и наши единственные проводники в этих землях, способные довести нас до цели.

Теперь, кажется, подействовало.

- А где пленники? – обратился я к Шеффе, уже прикончившему свою порцию, и сыто развалившемуся на примятой траве.

- Привязали там, у обрыва. Прикончить?

- Нет, не нужно. Сейчас подкреплюсь, и решу, что с ними делать.

Я с жадностью набросился на зажаристую кабанью ногу,

исходящую густым жирным соком и ароматным паром. Вприкуску с добрым куском уже слегка зачерствевшего хлеба и печеного лука, я расправился с ней в мгновение ока, краем глаза наблюдая за людьми, сидящими вокруг костра, слушая их разговоры и понемногу начиная тревожиться из-за сложившейся ситуации. Дикари после ночной вылазки кеметов решили не лезть на рожон, но все окрестности просто кишели ими. Видимо, нанесенная их идолу обида, оказалась куда серьезнее, чем поначалу подумали рыжие остолопы. Убитые сородичи только усилили их ненависть, и теперь они наверняка готовили где-нибудь на нашем пути засаду, надеясь расправиться с агрессорами. Я целиком и полностью разделял их негодование, однако ничего уже не мог предпринять для разрешения конфликта. Оставалось только одно: выживать. А значит, придется уничтожить всех, кто встанет у нас на пути.

Рану на руке дикаря так никто и не обработал, и большое лицо его, в каплях крупного пота, от потери крови приобрело землистый оттенок. Стоило мне сделать надрез чуть глубже, и кровотечение прикончило бы несчастного, но на его счастье, я успел вовремя остановиться. Запах от пленников исходил специфический, режущий обоняние, но после вонючих улиц Морхейма, не так уж и отвратительно. Дикарь даже не смотрел на меня, пребывая где-то в царстве своих тревожных снов, и я лишь напоил его водой, оставив в покое. Женщина смотрела зло и со страхом, но от воды не отказалась. Затем сказала что-то на своём грубом странном языке, больше похожем на ворчание енота, и закрыла глаза, откинув голову назад. Наблюдавший за мной Шеффе наконец оторвался от сосны, к которой, казалось, прилип, и медленно подошел к пленникам.

- Она говорит, ты злой дух, несущий большое зло этому миру.

- Так ты знаешь их язык? – удивился я подобным откровениям кемета.

- Немного разбираюсь. Он очень простой, и для понимания смысла сказанного нужно только время.

- Тогда спроси ее, почему она так думает.

Шеффе, немного помолчав, выдал несколько чередующихся между собой звуков очень похожих друг на друга, для большей уверенности сопровождая свои слова жестами. Дикарка злобно ощерилась, и что-то прошипела в ответ.

- Ты вмешиваешься в паутину мира духов и тем самым разрушаешь наш мир, - пожал плечами Шеффе, оглашая результат своего перевода, - видимо, всё еще злится из-за того случая с их деревом.

«Быть может, она не так уж и неправа» - подумал я. Но откуда

ей знать, что я сделал? Неплохо было бы поболтать с ней без лишних ушей. Жаль, я не могу поговорить с ней без помощи переводчика. Пока кемет лишь смеется над глупыми, по его мнению, бреднями этой странной женщины, но стоит мне всерьез начать ее допрашивать, он сразу почует неладное, и тогда не избежать мне неудобных вопросов. Меж тем дикарка всё говорила и говорила, поглядывая то на меня, то на Шеффе, будто пытаясь убедить в чем-то.

- Говорит, убирайтесь поскорее из нашего леса и там творите свои непотребства, иначе скоро весь их народ придет на расправу с нами, и никакие темные силы нам уже не помогут, - почесав бороду, старательно перевел кемет, отсекая каждое слово.

- Не такие уж они и неразумные, как я подумал. И даже язык их вполне располагает к свободной коммуникации.

- Вовсе нет, - отмахнулся кемет, - дело проще, чем две палки: в нескольких их звуках можно зашифровать любое слово. Проще говоря, основа их речи – семь основных звуков, обозначающие на имперском либо определенные буквы, либо определенные слоги. Нужно только понять, какие именно, и получится нечто вроде ключа ко всему их языку, только для каждого языка он разный, но принцип одинаковый.

- И ты нашел этот ключ?

- А то! – гордый за собственный ум, Шеффе расплылся в широкой улыбке.

- Сможешь записать, какой звук что обозначает?

- А вот писать-то я и не научился, - тут же поник кемет, - могу так, на словах рассказать, если очень нужно. Но зачем тебе это? С этими зверями только на языке силы нужно разговаривать…

- Так нужно. Скажи ей, что мы отпускаем ее сородича, а ей самой придется некоторое время путешествовать с нами. Затем, когда мы выйдем к Гелему, я обещаю оставить ей жизнь и отпустить обратно.

Шеффе неохотно, но перевел мои слова дикарке, отчего глаза ее удивленно расширились, и рот приоткрылся в испуге. Однако посмотрев на моё спокойное и расслабленное лицо, она, видимо, успокоилась: пытать и насиловать ее никто не будет, по крайней мере, в ближайшее время.

- Выдвигаемся через час, будешь на ходу рассказывать мне, что к чему. Предвосхищая твои вопросы, отвечу: эта дикарка с большой долей вероятности обладает ценными для меня сведениями, которые тебе, Шеффе, знать необязательно. Я хочу узнать всё необходимое самостоятельно.

Кемету ничего не оставалось, кроме как согласно кивнуть,

проглотив рвущиеся с языка вопросы. Для него я был и остаюсь просто странным имперцем, который время от времени выкидывает нечто чудное, как и в этот раз. Пусть думает так, как пожелает, но знать об Изнанке ему совсем не нужно, впрочем, как и всем остальным. Мало ли как среди кеметов воспринимают людей с подобными способностями, в конце концов, судя по имеющимся у меня сведениям, ни одного шамана среди соплеменников Шеффе после интервенции Ордена в живых не осталось. Причем, сами же кеметы и выдали их в жадные руки инквизиции, обменяв на одежду, драгоценности и безделушки. Материальные ценности у этих людей оказались почему-то ценились жизней своих братьев и сестер, и в этом они не находили ничего предосудительного. Сколько я ни пытался дознаться до причины подобного жизненного уклада, каждый раз лишь натыкался на стену непонимания со стороны кеметов. Ценить нужно только ближних родственников: отца, мать, братьев, сестер да еще хороших друзей. Остальных не грех и предать, пусть они хоть трижды кеметы. Незнакомцы и малознакомые люди для них хуже врагов и даже люди, принадлежащие одному клану, по сути, чужие друг другу.

Отряд пообедал и, собрав вещи, погрузился на коней. Впереди еще несколько светлых часов, а значит, нужно успеть преодолеть как можно большее расстояние, и убраться от жаждущих мести дикарей как можно дальше. Через неделю мы выйдем к Гелему и сможем передохнуть, но пока что необходимо максимально сосредоточиться и быть готовым ко всему.

Дикарю зашили рану, обработав ее подогретым вином и наложив чистую повязку, а затем отпустили восвояси. Он затравленно озирался по сторонам, не осознавая происходящего и погрязнув, по всей видимости, в мыслях о смерти, но затем немного пришел в себя и огромными скачками помчался вниз по склону под улюлюканье кеметов и смех рыцарей. Не смеялись только я и Альвин, напряженно провожающие взглядом косматое тело не то человека, не то зверя. Пленницу погрузили на смирную маленькую кобылу Ррека и крепко привязали к седлу, больше опасаясь не побега, а того, что она сверзнется, не удержавшись, и сломает себе шею. По пути Шеффе рассказывал мне о своём ключе к шифру языка этих дикарей, в самом деле оказавшемся невероятно простым, но требовавшим определенной сноровки. Я записал на клочке бумаги небольшую шпаргалку и заучил звуки, составляющие основу примитивного, но невероятно понятного языка. Для этого я обозначил звуки определенными символами, и составил таблицу из комбинаций, обозначающих ту или иную букву или даже слог в общеимперском. Язык этот и в самом деле,

немного поразмыслив, можно было перевести на любой другой язык мира, а научиться ему и вовсе не составило никакого труда. Вначале я записывал слова, составляемые с помощью шпаргалки, путаясь в непривычных звуках, но к вечеру я достаточно прилично овладел этим нехитрым делом, и обходился уже без помощи бумаги.

Кеметы, постоянно разведывающие местность вокруг, докладывали о небольших группах дикарей, следующих попятам, но воинственный пыл их утихал с каждым часом, и они больше уже не решались даже близко подходить к нам, держась в часе-двух пути позади. Я запретил разведчикам отстреливать преследователей, но проверить исполнение моего приказа, конечно же, никак не мог. Своенравные кеметы наверняка только и делали, что охотились на дикарей, и вскоре те окончательно отстали, оставшись далеко позади. На ночной стоянке я всё так же решил не пренебрегать безопасностью и выставил дополнительные дозоры, отправив кеметов на наблюдательные пункты на периферии лагеря, где охотники, замаскировавшись, буквально слились с окружающим лесом и без отблесков костра могли спокойно следить за окружающим лесом.

Вместо угрюмых елей, закрывавших собой весь дневной свет и мешавших нормальному продвижению отряда, здесь росли березы и сосны, древние и огромные, кое-где тронутые следами пожара, и потому обзор местности оказался не так затруднен, как на месте нашей предыдущей стоянки. В ближайшем ручье набрали воды, и на нормальном костре приготовили свежую порцию мяса из подстреленного по пути оленя. Из овощей и солонины сварили густую похлебку, из собранных трав – отличный чай, чем-то похожий на имбирный. Поужинав, половина отряда тут же отправилась спать, скрывшись в недрах палаток, я же, обрисовав ситуацию Альвину, вместе с ним отправился на переговоры с пленницей, привязанной неподалёку.

- Как тебя зовут? – с трудом выговаривая непривычные для меня слова на языке, больше похожем на звериный, спросил я.

- Зин, - коротко ответила пленница, посмотрев на меня исподлобья.

- Я – Марк.

- Что тебе от меня надо, Марк? – тон ее казался недружелюбным, но Зин смотрела на меня совершенно спокойно, и только огромный нос, надувающийся и опускающийся подобно мехам кузнечного горна, выдавал ее недовольство.

- Ты говорила о некой паутине. Что ты знаешь об этом?

- Паутина окутывает лес вокруг Древа. В других местах ее не видно, но она есть.

- Так ты можешь видеть ее?

- Все мои собраться могут. Другие – не могут.

- Тогда почему не использовать ее для обороны от захватчиков? От нас?

- Нельзя. Паутина соткана не для людей. Мы не должны к ней прикасаться.

Я как мог, переводил слова Зин Альвину, но тот лишь морщил лоб и хмурился, не желая пока что делиться соображениями.

- Где кончается паутина?

- Мы давно уже покинули ее границы.

- Значит, здесь ты ее уже не видишь?

- Только тень. Но и она постепенно истончается.

Я повернулся к Альвину, но тот только пожал плечами, давая понять, что сам разбирается в природе Изнанки ничуть не лучше меня.

- Попробуй снова заглянуть на другую сторону, - наконец предложил он, - почему-то мне кажется, что в этот раз у тебя ничего не выйдет. То место вокруг дуба, быть может, какая-то природная аномалия, где грань между мирами истончилась и приоткрыла дорогу к обратной стороне мироздания, а сейчас мы уже порядочно от нее отдалились.

Я сосредоточился на своих мыслях, в точности повторяя все свои ощущения и образы, возникающие в голове, закрыл глаза и стал размышлять о природе бытия, как это делал в прошлый раз. Спустя несколько минут подобной медитации, открыл глаза, но обнаружил все тот же обыкновенный мир, какой наблюдал перед собой на протяжении всей жизни.

- Действительно, не работает, - заключил я, - но почему ты не видел Изнанку в том виде, в котором наблюдал ее я?

- Наверное, просто не пытался. Не люблю, знаешь ли, размышлять о вечном и о всякой гадости вроде жизни человеческой. А вот эти дикари… быть может, куда более просветленные, чем мы думаем, и потому в состоянии наблюдать Изнанку если не постоянно, то достаточно часто.

- Звучит глупо, - рассмеялся я, представив себе звероподобных дикарей, собравшихся вокруг своего древа подобно философам и размышляющих о вечных истинах, - здесь должно быть какое-то иное объяснение.

- У нас на него нет времени. Завтра мы окажемся в Гелеме, а затем возьмем прямой курс на лес Короля. Если останемся живы, с удовольствием займусь с тобой подобными изысканиями, а сейчас я хочу лишь одного: лечь и заснуть, а не заниматься бессмысленными расспросами этой звероватой бабищи.

Зевнув, Альвин показал, что разговор окончен, и ушел к палаткам, оставив меня наедине с притихшей Зин. Для него всё это казалось не более чем обыденным явлением, он, хоть и не видел Изнанку мира так, как ее видел я, всё же не желал проникнуться подобным явлением. Подумать только, здесь, в диких и дремучих лесах Ауреваля, отойди всего на две недели пути от узкой полосы тракта, существует подобное чудо.

- Как часто другие заходят на вашу территорию? – вновь обратился я к Зин.

- Редко. Древо умеет хранить свои тайны и отводить взгляды чужаков.

- Ты говорила, другие не могут видеть паутину. Но я ведь ее видел. Кто же я по-твоему?

- Дух зла, посмевший притронуться к священным нитям.

Фразы ее, резкие и рубленые, односложные, уже порядком утомили меня, но я не сдавался, пытаясь понять, за кого же она меня принимает, и чем объясняет способность видеть Изнанку.

- Но я ведь такой же, как и ты. Такой же человек из плоти и крови. Я просто пытался спасти одного дурака, посягнувшего на ваше Древо, и сам не знал, что делаю и чем это может обернуться.

- Тот, кто смеет затрагивать паутину, становится проклятым духом зла. После смерти он не находит покой, и начинает причинять зло миру. Никогда нельзя прикасаться к ней. Никогда. Ты теперь проклят и дух твой еще принесет неисчислимые страдания всему живому.

- Почему нельзя трогать паутину?

- Она – ткань мироздания. Она должна быть сокрыта и недоступна. Очень давно мы храним прорехи от посягательств чужаков, как завещали нам предки, и из-за тебя теперь случатся великие беды.

- Есть еще такие же места, как это? Кто-то уже пытался воздействовать на нити паутины до меня?

- Тебе не найти их. Последний, кто совершил подобное преступление, уже сполна поплатился за это и обречен на вечные страдания. От него произошло множество бед и еще много их свершится.

- Как звали того, кто сделал это?

- Не знаю. Оставь меня в покое, несчастная душа.

- Думаю, я знаю, кто это был и что именно он сделал. Не волнуйся, мне это не грозит, как не грозят и многие беды, о которых ты говоришь. Я отпускаю тебя.

Я достал из ножен кинжал, и одним движением разрезал веревки. Глаза Зин, до этого момента затуманенные и отрешенные, вспыхнули внезапным пламенем. Желваки заходили

на ее широком лице, будто она собиралась что-то сказать, но передумала. Неловко поднявшись на ноги, она побрела прочь.

- Постой, я провожу тебя. Иначе мои люди могут убить тебя.

- Мне жаль тебя… Марк, - с трудом выговорив моё имя, непривычное ее слуху, Зин всё-таки замедлилась и пошла рядом со мной, тревожно оглядываясь по сторонам.

- Не нужно меня жалеть. Я иду забрать жизнь того, кто запустил уже однажды свои руки в паутину и кто действительно нанес миру непоправимый ущерб. Я не враг вам, и мне жаль, что пришлось убить твоих сородичей.

- Ты не сможешь убить его. И ты – враг. Пусть и не такой, как тот, кто был до тебя.

Я провел Зин через лагерь под недоуменные взгляды рыцарей и Альвина. Вручил ей бурдюк с водой, немного еды и один из своих ножей, а затем, предупредив кеметов, отправил в темноту леса, туда, где ее, возможно, поджидали ее сородичи. Поступок глупый и неоправданный, однако мне не хотелось лишать ее жизни. Таинственное племя её, скрывающееся так близко к Морхейму, вызывало во мне противоречивые чувства и сложно сказать, сколько ему еще осталось существовать. Несмотря на все их усилия, и игру в прятки, даже на то, что всё это время им удавалось прятаться от кеметов и не привлекать их внимания, совсем скоро цивилизация доберется до их кажущегося таким укромным угла, и сметет с лица земли. Но это буду уже не я. Теперь же я уверился: следующая такая же «прореха» находится в лесу Килмара, и именно там я найду свою цель.

***

В последующие дни нас больше никто не беспокоил. Дикари отчего-то продолжали следовать за нами, но уже очень и очень далеко, так что на этот счет я почти перестал волноваться. Бескрайние леса, по которым мы продвигались, то становились гуще, превращаясь в непролазный бурелом, то редели прогалинами пожарищ. Пару раз кеметы вели нас через огромные черные топи одним лишь им ведомыми тропами. Мертвые деревья изломанными голыми стволами торчали среди темной пугающей воды, покрытой ряской с островками густого зеленого мха. Казалось, оступишься, и тут же пропадешь в этой тьме, но кеметы шли уверенно, время от времени лишь проверяя прочность тропы длинными шестами. На двенадцатый день пути, когда до Гелема оставалось рукой подать, пошел дождь, холодный и хлесткий. Земля тут же превратилась в склизкую грязь, разъезжающуюся под копытами лошадей. Пришлось спешиться и идти на своих двоих, чему никто в отряде, само собой, не обрадовался. Ноги тут же промокли, соприкоснувшись с

кустарником и высокой травой, дождь заливал и через кожу плащей, ручейками стекая по телу, обливал с ног до головы, шквалистыми порывами налетая со всех сторон. Не помогали ни навесы, ни палатки, ни костры: весь мир, казалось, решил погрузиться под воду, и от этого бесконечного холода и сырости Альвин-таки умудрился простудиться. В считанные часы его охватил жар, и друг мой едва держался в седле, заходясь в хриплом кашле, укутанный и закрытый непромокаемыми плащами со всех сторон, красный и опухший. Невольно подумалось о том, как хорошо было бы заглянуть в Изнанку и подпитать больного силой окружающего леса, но с тех пор, как мы покинули таинственную «проплешину», я больше не мог воспользоваться этой способностью.

Спустя два дня мы наконец выехали к стенам Гелема, измотанные непогодой, промокшие и злые. Над крышами домов, видневшимися за высоким частоколом, курился дым, низко стелясь над землей, прибитый нескончаемым дождем. И в этот момент потерянный среди лесов город казался обителью ангелов, спасением для наших промокших душ. Густая утренняя дымка окутала всё вокруг, поднимаясь с широкой глади реки за городом, и отряд будто плыл в ее густом молоке, невесомый и призрачный. Пахло гарью и влагой, городскими нечистотами и сырой травой. Стража у ворот без вопросов пропустила нас, едва завидев гербовые печати на бумагах, выданных Августином. Пока что я оставался служителем закона и представителем воли императора, но очень скоро, я чувствовал, статус мой может резко поменяться, и я превращусь в изгнанника, преследуемого и всюду гонимого.

Гелем, пожалуй, оказался самой северной помойкой Ауреваля. Очертания его полностью утратили имперскую четкость, и превратились в очертания сдохшего борова, уткнувшегося в собственные испражнения. Узкие улочки, залитые грязью и заваленные мусором, никто и не думал мостить, пробросив вместо этого сгнившие доски через ямы с вонючей водой и грязью. Грязные оборванные дворняги дрались за говяжью кость, яростно рыча и вцепляясь друг в друга, оглашая окрестности истошным визгом и лаем. Деревянные дома с деревянными, а местами и соломенными крышами, во рвах, сделанных, по всей видимости, для водоотведения, помои и отходы человеческой жизнедеятельности, взбухшие трупы животных и ужасная вонь. Удивительно, как всего лишь полторы тысячи человек способны устроить подобный ужас, превратив город в рассадник болезней, завалив его собственными отходами. Здесь преимущественно занимались переработкой промысловых

ресурсов: шкур, мяса, кости, глины и дерева. Множество мастерских коптили небо, производя, казалось, только грязь и вонь, отравляя воздух и воду в реке бурыми стоками дубилен. Рыцарей, казалось, ничуть не трогала местная атмосфера, но кеметы, едва лишь мы очутились возле ворот, с ужасом воззрились на творящееся за воротами безобразие. Мне едва удалось убедить их не разделяться и остаться ночевать в гостинице вместе со всеми. Меня и самого уже порядочно мутило от царившего в Гелеме беспорядка, даже по сравнению с Морхеймом казавшимся грязной свиньей, но я держался, надеясь, что дождь вскоре прекратится, и мы сможем переправиться через Серебрянку, оставив царившее здесь зловоние позади.

Выспросив у местных жителей дорогу к лучшей в городе гостинице, носящей гордое название «Звезда севера», мы направились в самый центр города, где даже нашли несколько каменных домов – обиталищ местных богачей и аристократии. Смешение культур здесь, в Ауревале, дало странные результаты: имперская практичность и колорит разношерстной толпы со всех провинций, аррендорская и мелькатская аристократичность и тяга к роскоши, даже ахвиллейские нотки восточной экзотичности смешались здесь в серую жижу и бесцветное месиво. Даже каменные строения – в основном двухэтажные, массивные, грузные и бесформенные, окна узкие и расположены высоко, минимум украшений и максимум уныния. Но здесь хотя бы убирали грязь и доски мостовой выглядели посвежее, а сточные канавы действительно служили для водоотведения. Гостиница выглядела прилично, но звук раскачивающейся на ржавых цепях вывески, тоскливо разносящийся в окружающей серости, просто сводил меня с ума. Я не удержался и, одолжив у одного из рыцарей его боевой топор, перерубил державшую вывеску перекладину, обрушив ее прямо в грязь.

- Нам нужны все свободные комнаты, - обратился я к выбежавшему на шум хозяину гостиницы, лысоватому толстяку с красными глазами, кидая ему в руки мешочек с золотом – на замену вывески тоже хватит. И приколотите ее как следует, иначе я срублю ее снова.

- Да, ваша милость, сию минуту, ваша милость, - засуетился толстяк, - у меня шесть свободных комнат, лучшие из лучших. Изволите отобедать? А затем ванну? Сейчас слуги отведут ваших лошадей на конюшню, почистят, накормят и напоят. Всё в лучшем виде. И никаких клопов в матрасах, надо сказать! У нас – сплошь благородные постояльцы, никакого сброда, всё чисто и красиво…

Тукка раздраженно фыркнул, пустив свою кобылу мимо хозяина «Звезды», за ним последовали остальные кеметы. Рыцари

спешились, оставив своих коней на попечение подбежавшим слугам, раболепно кланяющимся и лебезящим не хуже придворных евнухов. Я последовал их примеру, потрепав Максимуса напоследок и передав его в заскорузлые руки рябого конюха. Впрочем, животина как и всегда, проигнорировала мою ласку, спокойно отвернулась и потопала прочь, даже не взглянув в мою сторону.

Внутри просторно, тепло и уютно. После нескольких дней под дождем в лесу – просто блаженство. На стенах – гобелены, декоративное оружие, здесь же и обеденный зал. Наверх уходит широкая лестница, там, по всей видимости, располагаются комнаты в два этажа. Я выбрал себе небольшую комнату на третьем этаже, и с комфортом расположился: посередине большая кровать, застеленная шелковыми одеялами и огромными пуховыми подушками, дубовый стол с письменными принадлежностями, стулья, массивный шкаф, стены, обшитые деревянными панелями и украшенные резными узорами. В углу – камин. Из окна открывается вид почти на весь городок, утопающий в дымке и моросящем дожде. Гостиница действительно оказалась лучшей в городе, и притом без всякого преувеличения, одна из лучших, виденных мной в Ауревале и на пути к нему. На фоне утопающего в грязи города Звезда действительно казалась звездой на фоне всепоглощающего мрака ночного неба. И когда я согрел заиндевевшие руки возле растопленного камина, сняв мокрую одежду и переодевшись в чистую и сухую, выпив кружечку пряного вина, на душе моей растеклось приятное умиротворение, теплое и сладкое как молоко с мёдом. Но до того момента мне пришлось основательно побегать, проследив, чтобы рыцарей, кеметов как полагается, кони чисты и накормлены, все сыты и переодеты в теплое белье. В особенности пришлось заботиться об Альвине, который не в состоянии оказался самостоятельно подняться в свою комнату: послали за доктором, и дотащили до кровати, где две миловидных служанки заботливо переодели, переобули, обмыли и уложили на теплые перины его болезное тело.

После обеда и недолгих посиделок перед камином я принялся расспрашивать хозяина Звезды о переправе, о том, где можно починить снаряжение, купить теплой одежды и припасов, кто правит в городе и как здесь всё обустроено.

- В Гелеме, ваша милость – военный штаб комита Туллия. Но главной властью в городе всё-таки обладают цеховые старшины и три рода мелькатских аристократов, когда-то давным-давно обосновавшиеся в нашем городе и с тех пор ведущими непрекращающуюся борьбу друг с другом.

- В общем, полное беззаконие, - резюмировал я, - но почему комит не наведет порядок?

- Уважаемому Туллию так легче потрошить казну и присваивать себе большую часть прибыли округа. К тому же, у него слишком мало воинов для поддержания порядка: здесь в основном живут люди вольные и не привязанные к земле, стратиотов у комита не больше полусотни, в то время как наемные гвардии мелькатских аристократов и цеховых старшин даже не воспринимают Туллия как противника, предпочитая расплачиваться с ним золотом, и отваживать его от борьбы за власть.

- И неужели стратег не вмешивается в это безобразие? Гелем не настолько захолустный городок, чтобы отправлять его в свободное плавание, пустив его налогообложение и военную организацию на самотёк.

- Гелем – город золотоискателей и бандитов разных мастей со всех уголков империи, бывших каторжников и висельников милсдарь, - пожал плечами хозяин гостиницы, - большинство из них не поставить в строй и не обложить налогом, за исключение мастеровых разного пошиба, вот и получается, что власть здесь переходит из рук в руки, а комит – только берет мзду, закрывая на всё остальное глаза.

- И в этом гадюшнике нам придется задержаться дня на три, - с некоторым сомнением в голосе, сказал я, наблюдая, как алчно блестят глаза моего собеседника, - пока не прекратится дождь.

Мы толковали с ним еще около часа. Я, как и всегда, расспрашивал, а хозяин Звезды отвечал, причем очень подробно, будто пытаясь выслужиться. Вскоре я знал поименно всех важных людей города, всю администрацию, торговцев, мастеров и проводников. Не сказал бы, что всё это оказалось для меня полезно, однако в такую погоду особо заняться и нечем, поэтому я внимал со всем возможным тщанием. Затем навестил Альвина, но тот большую часть времени пребывал в беспамятстве, не осознавая происходящего. Доктор, а вернее, местная знахарка, суховатая женщина в темных мешковатых одеждах, отпаивала друга десятком разных отваров и уверяла, что больной скоро пойдет на поправку. Я не стал надолго задерживаться, решив положиться на ее познания: в конце-концов, ничего серьезного в этой болезни не было, и я это чувствовал.

Остаток дня я провел в своей комнате, попивая терпкое горячее вино с какими-то местными травами и смотря на огонь, предаваясь тяжелым размышлениям. На душе, как и за окном – серость и тоска, хочется до бесконечности сидеть у огня, укрывшись одеялом, и дремать, забыв про все горести этого мира.

Без Мелиссы душа моя страдала и пыталась найти хоть какое-то утешение в вине, но и этого я оказался лишен. Ее образ виделся мне в игре огненных языков, поглощающих обугленные поленья, дождь, мерно шелестящий по крыше, шептал мне ее голосом. Сейчас нелепыми кажутся мне те страхи, что я испытывал в дни наших первых встреч и робких объятий любви: иррациональный страх потери застилал мой разум слишком долго, и слишком много чудесных мгновений потеря я из-за него. В полной тишине слышались приглушенные голоса рыцарей, их непонятная для меня речь лилась нескончаемым потоком, временами бурным и непокорным, временами смирным и спокойным. Под вечер к ним присоединились женские голоса, и шумное их гуляние переместилось в обеденный зал. А я всё сидел и сидел, глядя в огонь, и даже помыслить не мог, во что вскоре превратится эта сонливая серость осеннего Гелема. Но, в общем-то, никто и не обещал, что путь к моей цели окажется простым.

Глава 7

Беда пришла оттуда, откуда я ее совсем не ожидал. Через два дня нашего беззаботного существования в «Звезде» заявился посланник лорда Тристана Гильдергедорана – главы одного из мелькатских родов, правящих городом. Непроизносимая его фамилия резала слух, но вспомнив фамилию Валентайна, всё-таки отказался от колких комментариев. Естественно, наше прибытие в Гелем не осталось в тайне. Но что могло понадобиться от нас местному барону, я и представить не мог. Формулировка «засвидетельствовать своё почтение» мне не понравилась: я нутром чуял какой-то подвох, и потому внутренне напрягся, собираясь в резиденцию этого самого Тристана. Но отказаться от обеда с самым влиятельным человеком среди местного рыцарства я не мог: не поймут.

Естественно, кроме меня и Валентайна, оказались приглашены и прочие рыцари из отряда, а также Альвин, по причине болезни вынужденный отказаться от визита. Кеметы же не удостоились подобной чести, да они и не слишком огорчились, поскольку весь Гелем как явление ими презирался и порицался, а люди в нем и вовсе казались охотникам недостойными их внимания. Они заперлись в своей комнате, и весь день играли в кости и пили пиво, отказавшись даже от женской компании, предпочитая угрюмо надираться и ждать улучшения погодных условий. Под холодным мелким дождем мы конно и оружно явились в большую каменную резиденцию рода Гильдергедаран, где нас уже встречал промокший до нитки усатый мажордом и группа слуг, таких же мокрых и грустных. Сам Тристан восседал под навесом, на небольшом столике рядом с ним исходила паром чашка с чаем и громоздились легкие закуски. Позади – двое оруженосцев, судя по виду и вышитым на груди гербам с извивающимся драконом, слева, по всей видимости, жена, высокая женщина с бесстрастным лицом и бледными губами, сжатыми в узкую полоску. Сам лорд – высокий и статный, лицо красивое, гладко выбритое, голубые глаза горят молодцеватым огнем, несмотря на достаточно преклонный возраст их обладателя. Вылитый рыцарь, и по облику и по манерам, однако мне он сразу не понравился: было в нем что-то надменное и неприятное, разрушающее общую картину рыцарственности.

- Добро пожаловать в дом рода Гильдергедоран, господа! – приветствовал он нас, не выбираясь, однако из-под навеса.

Слуги в мгновение ока увели лошадей, и мажордом простуженным голосом принялся представлять прибывших

гостей. Некоторые имена и фамилии моих спутников я уже успел забыть, и это напоминание пришлось весьма кстати.

- Кир Маркус, - хитро прищурившись, Тристан сграбастал мою руку и принялся энергично трясти, - вы сегодня единственный имперский аристократ среди мелькатской знати. Прошу, вкусите истинного западного гостеприимства!

- Премного благодарен за ваше внимание, сэр Тристан, - вежливо улыбнулся я, - непогода застала нас в самый неподходящий момент, и, думаю, никто из нас не откажется от вашего гостеприимства.

- Я уже наслышан о специальном отряде, присланном в Мархейм самим императором, но не думал, что доблестные воины его доберутся до нашей глуши. Прошу, проходите, скоро прибудут и остальные гости, а до того времени, я надеюсь, вы поведаете о том, чем мир полнится за пределами Ауреваля.

Стоило догадаться, что простым обедом дело не обойдется. Впрочем, как и всегда. Хотелось вернуться обратно в гостиницу и свернуться в клубок перед камином, но придется слушать мелькатскую речь, есть мелькатскую еду и слушать мелькатскую же музыку. Надеюсь только, что до Гелема еще не дошла мода устраивать балы и относительно спокойное пиршество не перерастет в неловкие телодвижения в моём собственном исполнении. Но, по всей видимости, пока западная знать только-только начала отходить от традиционных пьяных плясок, обрастая культурными слоями, местное рыцарство веселилось по старинке, и в полутемных залах резиденции даже не слышали о новых веяниях.

Внутри прохладно и влажно: высокие потолки, каменная кладка без намёка на утепление хотя бы слоем штукатурки. Оставалось только гадать, как здесь вообще можно проживать в условиях зимы. Или же это всё-таки летняя резиденция, приспособленная больше для приема гостей? Рыцари увлеченно болтали на своём языке, и я чувствовал себя послом при иностранном дворе: до того чуждо всё вокруг и непривычно. Но место мне выделили почетное, за одним столом с хозяином дома через два места от него. Ближе только два представителя других мелькатских родов, прибывших на полчаса позже: Карадир Шварц и Готфрид Леманн, крепко сбитые мужчины, обвешанные золотыми украшениями не хуже дам. Эти двое вместе с пышной свитой заняли добрую половину зала, а расшаркивания и перечисление их титулов заняли просто невероятное количество времени. Я как и всегда пропустил мелкие детали мимо ушей, оценивая лишь картину в общем, и подметил интересный факт: «моих» рыцарей посадили так далеко от меня, что в общем-то это

можно было счесть за оскорбление. Сэр Валентайн хоть и был изгнанником, предавшим собственную веру и короля, но ведь и все здесь собравшиеся – такие же отколовшиеся от прежней родины изгнанники, пусть и наделенные куда большей властью и богатством. Но по внешнему виду рыцарей Ордена определить степень их оскорблённости я не смог: они спокойно и даже весело общались, если и пили наравне со всеми. Стол их – последний, дальше только оруженосцы, но, похоже, никого это не смущало.

Пир, как говорится, устроили горой. Столы трещали от всевозможных угощений: целиком запечённые молочные поросята, утки, гуси, куры, оленина, телятина и баранина, перепела в сметане, рыба жареная, пареная и варёная, овощи, грибы и ягоды, икра и хлеба, пиво, вино, брага и эль. И всё это благородные рыцари поглощали со скоростью и деликатностью голодных полудиких крестьян, расправляясь с блюдами в мгновение ока. Исключение составляли только Тристан и все, кто сидел с ним за одним столом: эти аристократы, похоже, успели перенять веяния прогрессивной элиты своей страны, и вкушали пищу с изяществом императоров, орудуя ножом и вилкой. Играла громкая и веселая музыка, выступали какие-то пестрые акробаты в странных костюмах, факелы на стенах неимоверно чадили, и зала быстро превратилась в душное и шумное пристанище жующих и чавкающих благородных свиней. Империя не один раз воевала с западными королевствами, захватывая их земли, но привить человеческую культуру, похоже, так и не смогла.

- Как вы находите наш город, кир Маркус? - обратился ко мне Тристан, скучающим взглядом окидывая пиршественную залу, когда разделявшие нас рыцари удалились по своим делам.

- Немного грязно, но гостиница – высший класс, - скрасив правду о Гелеме, отозвался я.

- Не стоит. Город – дерьмо, и всегда им был.

- Так наведите порядок. Я слышал, комит здесь почти ничего не решает, в отличие от благородного рода Гильдергедоран.

- Здесь власть принадлежит слишком большому числу людей, уважаемый кир, - усмехнулся Тристан, - цеховые старшины, лорды Шварц и Леманн, комит, торговая компания Левира, Преподобный Феокл… всех и не перечислить.

- Здесь есть церковь Антартеса? – удивился я – за всё время моего пребывания в Ауревале не наблюдал особого рвения в служении богу, даже в столице фемы.

- Гелем – последнее пристанище истинной веры в этих диких землях, к сожалению. Преподобный Феокл возглавлял церковную паству, и не слишком ревностно следил за соблюдением законов божьих. Но мы это поправили, и скоро приверженцы Лесного

Царька не будут совать сюда свои длинные носы.

Я невольно вздрогнул, услышав имя Килмара. Тристан заметил это и хитро сощурился: любимый его жест, насколько я успел понять.

- Надеюсь, прибывших со мной кеметов никто не отправит на костер, прознав об их безбожии? – осторожно прощупывая почву, начал я.

- Что вы, ваши спутники в полной безопасности. Они помогают священной миссии, в которую вас отправил сам император. Кто мы такие, чтобы противиться его воле? Но не просветите ли вы меня касательно цели вашего путешествия? Быть может, я смогу чем-то помочь.

Мне очень не нравился этот человек, не нравился ни его город, ни его люди, и потому я решил не открывать ему ни единой доли правды о моей миссии. Пока что. Может, Тристан и не поддерживает Корнелия, но здесь поговорка «враг моего врага – мой друг» может и не сработать. А потому пока следует придержать язык за зубами и присмотреться к этому человеку.

- Мы охотимся на еретиков, - коротко ответил я.

- И что же это за еретики такие, скрывающиеся в лесах за Серебрянкой? Мне почему-то кажется, будто тринадцать человек – слишком мало для поиска кого бы то ни было на такой огромной территории, да еще и в дремучей чаще местных лесов.

- У нас хорошие проводники и достаточно информации, так что хватит и тринадцати.

- Тринадцать человек против лесного божества? Звучит как начало хорошей легенды. Отряд рыцарей и отважный командор отправляются на край света за славой неисчислимой… и так далее, и так далее.

- С чего вы взяли, будто в этих лесах обитает какое-то божество?

Но в этот момент между нами снова втиснулись Шварц и Леманн, старшие сыновья лордов, насколько я понял. От количества выпитого вина их уже порядком шатало, а речь их становилась всё более и более разнузданной, стирая маски былого приличия. Тристан улыбнулся, будто извиняясь, и повернулся к своей жене, что-то зашептав ей на ухо. Рыцари тут же переключились на меня, начав выспрашивать обо всём, что происходит в империи, особенно интересуясь столицей. Я отвечал, сдержанно и по существу, раздумывая над последней фразой Тристана. Этот человек совсем непрост и его, пожалуй, даже стоит опасаться. Кто знает, что задумал этот рыцарь и более того, что ему хочется получить от меня. На бескорыстную помощь в наше время рассчитывать не приходится, а помощь корыстная

может обойтись слишком дорого. И эта неопределенность не на шутку разволновала меня. Тристан хотел заинтересовать меня, и это ему удалось, оставалось только ждать подходящего момента для разговора. Вскоре такой момент представился, но предшествующие ему события повергли меня в ступор.

Когда пиршество почти стихло и большинство из присутствующих напились до состояния полной невменяемости, Тристан улыбнулся и покровительственно посмотрел на меня, затем махнул рукой стоявшему поблизости слуге, и тот исчез. Но ненадолго. Из проходов вокруг зала появились вооруженные люди, быстро заполнившие зал. Я успел лишь схватиться за кинжал, поскольку меч мой пришлось оставить снаружи, но Тристан жестом остановил меня.

- Доверьтесь мне, кир, даю слово чести: вам и вашим спутникам никто не причинит вреда.

И началась бойня. Солдаты, вооруженные короткими мечами принялись резать пирующих, ничего не соображающих от выпитого. Спокойно и методично перерезали горло каждому из здесь присутствующих, окрашивая столы и блюда кровью.

- Что вы делаете? – в ужасе уставился я на сидящего со спокойной улыбкой Тристана.

- Навожу порядок. Они все – предатели истинной веры, и понесли заслуженное наказание.

- Я не понимаю…

- Как только ваш отряд оказался в городе, я решил действовать, - поднимаясь из-за стола, начал Тристан, - я неспроста завёл речь о Лесном Царе. Он проник сюда, в Гелем, и отравил души многих своей скверной. Вместе, кир Маркус, мы очистим город от него.

- Вы убили этих людей без суда и следствия. Как можно говорить о каком-то очищении, когда даже в самые суровые времена Инквизиция не пытала и не сжигала еретиков просто так?

Солдаты Тристана тем временем закончили добивать выживших. Валентайн и его рыцари, хоть и пьяные, но смогли оценить сложившуюся ситуацию. Их окружили со всех сторон, но, как и обещал хозяин дома, никого не тронули.

- У нас общие цели, - спокойно ответил Тристан, пригубив вино из кубка, прохаживаясь взад и вперед - сейчас мои люди довершают начатое, и скоро род Шварц и род Леманн прекратят своё существование. Затем придет черед предателя-комита. И всех остальных.

- Хоть какие-то доказательства их ереси вы можете предоставить?

- Столько, что и не счесть. Идите за мной, кир, и скоро эта расправа покажется вам милосердной по сравнению с тем, на что обречены остальные отступники.

Валентайна и его людей отпустили, но оружия в руки не дали. Только мне Тристан оказал честь, вернув мой родовой меч, по всей видимости, надеясь на дальнейшее сотрудничество. О том, что задумал Гильдергедоран, я узнал по пути на главную площадь города, и знание это мне очень не понравилось.

- Ересь проникла в сердца добропорядочных граждан Гелема, - напутственным тоном вещал Тристан, - и мы ждали лишь подходящего случая, чтобы очистить наш город от нее. А кто как не посланник Ордена сможет помочь нашему нелегкому делу?

Килмар, как оказалось, успел собрать невероятно большую поддержку среди жителей Ауреваля. И если в Морхейме паутина восстания еще не привлекла к себе внимания тех, кто сохранил лояльность империи и Антартесу, то здесь, можно сказать, со дня на день готовился открытый переворот, после которого несогласных с волей лесного божества должны были по-тихому удавить. Тристан же, по его словам, действовал на опережение, собрав всех верных ему и Антартесу людей, и решил навести порядок. Город бурлил подобно муравейнику: солдаты лорда дорезали оставшихся в живых бунтовщиков, лишившихся в один момент почти всех предводителей, готовили костры для сожжения тех, кто сдался на милость победителей. Комит Сестерций успел запереться в своей крепости, но гонцов, отправленных за подмогой к Корнелию, поймали, и можно было не ожидать в ближайшее время гнева стратега.

- Как вы узнали о готовящемся восстании, и более того, заговоре такого масштаба? – изумленный осведомленностью Тристана, я смотрел на рыцаря уже совершенно другим взглядом, и ему это явно льстило.

- Порой для того, чтобы узнать о близкой буре, достаточно посмотреть на небо, - с отеческой улыбкой ответил рыцарь, - но на самом деле, всё куда проще: банальный шпионаж иногда даёт превосходные результаты.

- Но долго вам не продержаться. Когда стратег узнает о ваших делах, Гелем захлебнется в крови. Если только не помощь империи…

- Именно так, мой друг, именно так.

Меня покоробило это обращение, но я не выказал недовольства. Тристан не дурак, но мне он не нравится. События Ночи Очищения всё еще являются мне во снах, и здесь, на далеком севере Ауреваля, они снова повторяются, хоть и в меньших масштабах. Мелкий дождь прекратился, но промозглый

ветер только усилился, пробирая холодом до костей. Приверженцы Антартеса, до сегодняшнего дня ожидавшие сигнала, явили свои истинные лица и принялись убивать и грабить тех, кто против них. Колонна рыцарей, сопровождающих нас, пробивалась через толчею высыпавших на улицы горожан, надевших черные одежды с намалеванным на них знаком Антартеса: стилизованным фениксом, больше напоминающим растопыренную кровавую длань.

- Сегодня мы выжжем гнилое зерно, кир, и Гелем вновь восстанет из пепла, как и его божественный покровитель.

Но как бы ни был одержим идеями очищения Тристан, для меня он пока что – лучший из союзников. Здесь, в Ауревале, даже Августин перестал быть другом, предавшись ереси и вступив в сговор с тем, кто пытался убить меня.

- Я рад видеть столь достойное истинных сынов и дочерей Антартеса рвение, - смирившись наконец с происходящим в Гелеме беззаконием, я благосклонно посмотрел на Тристана, ожидая найти в его лице поддержку, - теперь, когда все маски отброшены, скажу вам честно о цели нашей миссии.

- А я в свою очередь смогу оказать этой миссии всестороннюю поддержку, - расплылся в улыбке Тристан.

- Мы отправляемся в лес Короля Эльфов для уничтожения божества, именуемого также Килмаром, того, под чьими знамёнами сепаратисты Ауреваля вознамерились поднять восстание против империи.

Лицо Тристана на мгновение вспыхнуло праведным гневом, но рыцарь вскоре смог взять себя в руки. В этом человеке удивительно мирно могли сосуществовать фанатизм и благоразумие, и я даже на некоторое время проникся симпатией к выдержанности Гильдергедорана. За неимением лучших союзников, оставалось только довериться единственному из имеющихся, и я сделал свой выбор, скрепя сердце.

- Я могу отправить с вами три десятка рыцарей и полторы сотни воинов, - тут же ответствовал Тристан.

- Ваши воины еще понадобятся здесь, для защиты стен Гелема, когда турмы Корнелия придут мстить за погубленных собратьев по вере. От вас мне лишь требуется небольшая посильная помощь: теплая одежда, еда и услуги кузнеца, большего и не нужно.

- В таком случае, вы получите всё, что необходимо, - кивнул Тристан, - я прошу только об одном: помогите по справедливости судить еретиков и некоторое время побыть законным представителем Ордена. Тем более, дождь в ближайшее время может затруднить путешествие, и лучше будет его переждать.

Сложно путешествовать по осенней грязи, особенно в компании больного соратника.

- Разве еще остались те, кого можно судить?

- Будут. Вечером, когда люди отловят всех, кто отверг истинную веру, мы приступим к последнему этапу очищения. А сейчас вы увидите то, что сотворила скверна этого… Килмара с его приспешниками.

И я увидел подтверждение словам Тристана: на площади, куда мы въехали, люди в черных одеждах сколачивали огромные клетки, рядом с которыми сидели или лежали избитые и едва живые люди, не отмеченные божественным знаком. И было их так много, что не сосчитать: вся площадь и ближайшие улицы бурлили подобно похлебке в котелке, все кричали и вопили кто в религиозном экстазе, кто от боли и отчаяния. За считанные часы городок скинул с себя оковы оцепенения и разгорелся фанатичной верой, которая, как известно, до добра не доводит. В Ночь Очищения было убито более десяти тысяч человек, точно так же выдернутых из своих домов и подвергшихся ужасной казни только лишь за свои религиозные убеждения. Для империи этот акт убийства позволил пережить очередную войну с ахвиллейцами и удержать в своём составе южные провинции, укрепив власть Ордена и Инквизиции в частности. Я чувствовал не только острую тоску и разочарование, но и необходимость всех этих зверств: когда придут легионы, Гелем не сгорит в пламени войны, как многие другие города и деревни фемы, и куда больше жизней будет спасено, нежели погублено сегодня. Но среди простых людей, не принявших догмы Антартеса, выделялись те, кто находился в привезенных на повозках клетках. Я невольно вздрогнул при виде этих созданий, виденных мною в первую мою ночь в Ауревале. Обезображенные лица, разбитые о толстые железные прутья клеток, ярость и бешенство, капающая из разверзшихся ртов кровь и слюна. Вне всякого сомнения, это те самые одержимые, которых пришлось убить на лесном хуторе черных золотоискателей.

- Я помогу вам, - кивнул я, ненадолго задержав взгляд на клетках - позвольте мне только переговорить с комитом, когда ваши люди схватят его. Быть может, у него имеется некоторая информация и указания касательно нашей миссии от стратега или его приближенных.

- Конечно. Можете допросить хоть их всех. А сейчас – окажите нам честь, командор, и первым поднесите факел к кострам этих заблудших душ.

Клетки быстро сгрузили на землю и со всех сторон обложили дровами и хворостом, щедро облив земляным маслом со всех

сторон. Одержимые метались внутри, пытаясь выбраться, будто чувствуя приближающуюся смерть, но железо держало крепко. Всё происходило будто бы во сне, и я едва мог осознавать происходящее, вернувшись мысленно к событиям той первой ночи и первому своему видению Пугала, появившемуся из бесконечной бездны небытия. Сэр Валентайн со смесью омерзения и гнева наблюдал за одержимыми, попытавшись даже схватиться за отсутствующую рукоять меча. Его рыцари разделяли мнение предводителя, и во взглядах их не было ничего, кроме враждебности по отношению ко всем вокруг, на ком не оказалось знака Антартеса. Кто-то подал мне факел, и я неловко принял его, нетвердой походкой приблизившись к первой из клеток.

Косматый, до самых глаз заросший шерстью мужчина с выбитым глазом метался внутри клетки подобно дикому зверю. Нечленораздельная речь его больше походила на рычание, и я не смог найти в нем ни единой человеческой черты, ни единого проблеска разума. Только бесконечная ярость, желание уничтожить, вцепиться зубами в горло, разорвать заскорузлыми пальцами плоть и напиться крови своей жертвы, еще живой и дышащей. Насладиться агонией и поглотить целиком и полностью. Ярость, которую показал мне Пугало. Именно её я увидел в этих существах, прежде бывших людьми. И потому без раздумий поднес пляшущее пламя факела к промасленному дереву, мгновенно вспыхнувшему и, невзирая на мелкий дождь, тут же охватившему клетку с одержимым целиком.

- Эти создания – действительно порождения Килмара, - сказал я подошедшему ко мне Тристану, - я столкнулся с ними еще в день моего прибытия сюда, но не придал этому должного значения. Где вы нашли этих существ?

- А вот это – самое интересное. Если бы не их обнаружение, едва ли мы смогли бы сегодня стоять на этом месте и предавать еретиков праведному пламени. Предатели держали их в склепе под храмом Антартеса, более того, об этом знал и преподобный Феокл.

- И глава Церкви Гелема тоже?

Тристан угрюмо кивнул, наблюдая за тем, как его люди поджигают остальные костры. Жуткие крики сгораемых заживо существ огласили окрестности, но жаркое пламя в считанные мгновения оборвало их, жадно набросившись на живую плоть.

- Он – один из первых, - подтвердил Тристан, - мои люди проследили за всеми его преступными сношениями и с комитом и с Леманнами и со Шварцами, будь они неладны. Выяснилось, что этих существ они планировали натравить на добропорядочных

горожан, в то время, как предатели бы отсиделись за стенами своих убежищ. По крайней мере, так сказал сам преподобный, когда мы пытками выудили из него всю правду.

- Его можно допросить?

- Боюсь, старик уже не скажет ни слова, - пожал плечами Тристан, - палач постарался на славу, но всё-таки тело Феокла не выдержало такого обращения.

Доверять словам, выбитым пытками, я не спешил, потому как знал: преподобный говорил не то, что было на самом деле, а лишь то, что от него хотели услышать. Местные фанатики вообразили себе сговор темных сил – пусть будет так, я не намерен вмешиваться, всё это мне на руку. Но добраться до правды всё-таки стоило, и оставалось надеяться, что люди Тристана не перебьют всех, кто может владеть хоть какой-то полезной информацией.

Костры прогорели быстро. Скоро те, кто находился в двенадцати клетках, превратились в обугленные головёшки, а собравшиеся вокруг них рыцари и фанатики затянули древнюю как сама империя песню «Рассветных огней». Слова её на старом языке казались скорбными и тягучими, но как нельзя кстати приходились сейчас, в этой непроглядной вечерней мгле под пронизывающим ветром и холодным дождем, начавшемся как только догорел последний костер. Догорит закат, и земля покроется тьмой, настанет время смуты, время чудовищ. И станет брат брату врагом, пойдет отец на сына. Не будет среди людей единства и не отличить во тьме будет, кто человек, а кто – монстр, и станут они жить под личинами среди нас. Настанет час полуночи, и выйдут под лунное знамя все твари, и не будет места на земле роду людскому, среди которого всё более зреет раздор. Магией черной станут промышлять нетвердые духом, обратятся в ересь и забудут свет, станут животным подобны. Оставшиеся же сами превратятся в зверей и жить будут по законам звериным, будут сырое мясо есть, да в листве опавшей спать. И когда встанет весь мир на краю гибели, настанет час рассвета. Огни его испепелят тьму, истребят щупальца мрака, и длань Бога очистит род человеческий от грязи. Все, кто знался с тьмой, и кто ею пропитался – сгорят и обратятся во прах. Настанет новый день.

Таков смысл этой песни, восходящий своими корнями к Времени Ночи, когда после извержения Тингала небо заволокло черными тучами, на долгих три года закрыв собой солнце. Многие верят в то, что рассеяли тьму именно силы Антартеса, в те времена еще являвшегося людям. Покровитель империи таким образом испытывал людей на крепость духа и крепость веры, и когда наконец тучи рассеялись, в живых остались только самые

праведные. Именно об этом рассказывала старая песня, но я почему-то никогда не верил ее обманчивой поучительности. Во тьме выживет тот, кто к ней приспособится, но не тот, кто будет с ней бороться – так показывала практика. И даже Августин, вечный светоч в царстве тьмы в конце концов избрал именно этот путь. Не мне его осуждать. Время рассудит нас всех.

- Отдохните немного, - обратился ко мне Тристан после затянувшегося молчания, - через несколько часов всё будет готово для суда и казни. Если моим людям удастся схватить кого-то из подручных комита или его самого, я пошлю гонца.

- Благодарю, - пожал я протянутую руку рыцаря, - надеюсь, у нас достанет сил сделать всё возможное, и тогда наш рассвет еще наступит.

«Почетный» эскорт проводил нас до гостиницы, уже оккупированной людьми Тристана. Кеметы, разоруженные, но не связанные, встретили меня как спасителя, потребовав обратно их выпивку и кости. Мне пришлось тактично объяснить охотникам всю сложившуюся ситуацию, но вняли слабо. Один лишь Тукка по своему обычаю затянул своё «дела-а», и вернулся на своё место, угрюмо уставившись в окно. Остальные последовали его примеру, но мне всё-таки пришлось взять с них обещание никуда не ходить и ничего не предпринимать до моих особых указаний.

Альвин пришел в себя, но всё еще едва мог вставать с кровати, дабы пройти справить естественные нужды. Я коротко описал ему сложившуюся ситуацию, но друг мой, кажется, большую часть рассказа пропустил мимо ушей.

- Так значит, нас они убивать не собираются? – вяло поинтересовался Альвин, отворачиваясь к стене.

- Если ты не будешь болтать о том, что бога нет – никто нас не тронет. И если кеметы будут сидеть под замком и не попадаться на глаза фанатикам Тристана. За остальных я могу поручиться: рыцари – самые преданные слуги Антартеса, и вопросов у местных не вызовут.

- Вот и хорошо. Вот и славно, - все так же вяло ответил Альвин, закрывая глаза.

На этом наш короткий разговор закончился. Чем ближе мы становились к лесу Килмара, тем больше, казалось, Альвин отдалялся и от меня и от этого мира. Произошедшее у лика Огреда лишь ненадолго вывело его из осенней хандры, и даже сама болезнь его, вполне вероятно, носила именно душевный характер. Я как мог развлекал его и подбадривал всё время, что мы были в пути, пытался выведать причину печали, но безрезультатно. Сейчас жизнь в нем поддерживало только его Дело, за которое он взялся, пусть и с неохотой. Ничто и никогда

не было препятствием Альвину, если у него появлялась какая-то цель, особенно такая важная, как Килмар. И пока лесное божество не повержено, за него я могу не беспокоится.

Я выпил еще немного пряного вина, посидел перед огнем, беседуя с Валентайном о сложившейся ситуации, подумал о жизни.

- Там, где мы проходим, неизменно что-то случается, не находишь? – расслабленно развалившись в кресле, рыцарь вопросительно ткнул в мою сторону стаканом с вином.

- Это наоборот, что-то случается там, где мы проходим. Всё взаимосвязано и вполне логично.

- Как по мне, так ничего логичного тут нет. В моей стране есть хорошая пословица: человек говорит, судьба – смеётся. Вот и мы, отправившись на охоту за Килмаром, не имея никакой информации о нем, не зная даже, как будем драться с божеством, если найдем. Истинная доблесть начинается именно здесь, как и удача, которая нам сопутствует. И потому я и мои братья готовы идти за тобой до самого конца: настоящая удача важнее для командира, нежели всё остальное.

- И потому вы проиграли все войны с империей, - усмехнулся я.

- Потому как ваша удача была больше, - нисколько не обиделся рыцарь, - и потому я сейчас сижу здесь. Мы прошли через леса, бились с дикарями, пришли в Гелем и попали в самый разгар религиозной войны, оказавшись на стороне победителей. А если бы сторонники Килмара оказались решительнее сэра Тристана? А если бы дикари не оказались настолько глупы, и перерезали нам глотки ночью? Если бы мастер Альвин не смог излечить этого вшивого кемета?

- Но это не удача. Это закономерность. Дикари оказались глупыми, Тристан – решительным, Альвин – умелым, Тукка – живучим. Погода только подвела нас, но уж этого никто учесть не смог бы. Каждый наш поступок как-нибудь да отразится на событиях будущего, и из сотен наших поступков в итоге складывается то, что называют громким словом Судьба.

- Может и так, - согласился Валентайн, хотя по лицу его видно было обратное, - но всегда найдется нечто нам неподвластное. Как погода. Я долго наблюдал за тобой, кир, и уверенно могу сказать: в твоих действиях нет разума, одна лишь удача и случайность. Как будто ведет тебя нечто… нечто могущественное. Именно судьба, я думаю.

- Боюсь, это что-то пострашнее судьбы. И вскоре нам предстоит встретиться лицом к лицу.

Рыцарь только двусмысленно хмыкнул, и замолчал.

Разговаривать с кем бы то ни было совершенно не хотелось. Густое как сметана равнодушие окончательно разлилось в душе, скрывая под собой всяческие тревоги: я просто уже устал волноваться и раздумывать над происходящим. Быть может, действительно нечто похожее на судьбу ведет меня? События и люди, кажущиеся важными и нужными, проносятся мимо, не задерживаясь и на долю мгновения. Мои собственные устремления, как только я ступил на землю Ауреваля, превратились в ничто, и обрывались на корню. Я не смог спасти людей, обреченных в Каррасе на смерть, не смог даже установить контакта с общиной Темного Отца в Морхейме, до последнего упирался в собственную трусость, не желая признавать свои чувства к Мелиссе, сглупил в отношении Корнелия и в особенности Августина. Единственное, что у меня действительно получилось – сбежать, отправившись на поиски того, не знаю чего. Что если Пугало в очередной раз решил посмеяться надо мной, отправив в лес, где я никого не обнаружу? Вся моя стратегия и все мои планы – догадки чистой воды, основанные на косвенных сведениях, полученных из непроверенных источников. И всё, что я делаю, быть может, такая же иллюзия, в конце которой меня ничего не ждет. Меня будто ведет за руку строгий отец, одергивая каждый раз, как только я пытаюсь поиграться в грязи или погнаться за бабочкой. Я окончательно запутался во всём происходящем и разум мой растекся киселем.

Так бы и пребывал я в блаженном расслаблении, если бы не гонец от Тристана, явившийся с новостью о поимке комита и нескольких его людей. Я не стал никого брать с собой, и, как был, накинув лишь плащ, отправился вслед за посланником Гильдергедорана.

На улицах творилось сущее безумие. Грязь Гелема окрасилась кровью и пеплом, обломками выносимой из домов мебели и утвари. Как удалось обеспечить этот единый душевный порыв и известить всех оставшихся верными Антартесу о грядущей заварушке, для меня оставалось загадкой. Но Тристан, верно, всё распланировал заранее, потому как слаженность действий его «фанатиков» просто поражала воображение. И мужчины и женщины в темных одеждах с изображением феникса помечали двери домов, в которых обитали те, кто отказался вступить в религиозную борьбу, пусть даже он и не был приспешником Килмара. Некоторых людей не трогали, в основном это были либо южане, поклоняющиеся духам предков, либо осевшие в городе кеметы-язычники. Однако их тоже выводили из домов, одежды их марали красной краской, оставляя только им одним понятные обозначения, и, вынеся всё ценное имущество из их жилищ,

оставляли радоваться жизни. Всех, кто, согласно слухам или доносам соседей, уверовал в Лесного Царя, уже давно отправили куда следует, куда более жестоко и по большей части уже в бессознательном состоянии. Я с внутренним содроганием наблюдал разоренные жилища и следы побоищ, учиненных приспешниками Антартеса, и внутри вновь начало теплиться давно уже забытое чувство досады по собственному бессилию: я не мог спасти никого из них. Да и стоило ли? Те, кто по другую сторону баррикад, наверняка поступили бы точно так же, успей они первыми. И пощады от последователей лесного божества наверняка бы не стоило ожидать.

Мы проехали по разоренным улицам Гелема до самой южной его оконечности. Передо мной выросла серая кладка городской тюрьмы, такой же невзрачной, как и всё в этом городе. Не было в ней ничего пугающего и грозного, как это обычно бывает у остальных имперских тюрем, призванных внушить гражданам страх перед законом и доказать своим видом нерушимость правосудия. Одноэтажная серая постройка больше походила на склад, и если бы не забранные решетками полуподвальные окна и стража у окованных железом почти крепостных ворот, именно за склад я бы и принял это место.

Внутри меня встретил подручный Тристана, выдавший большой, больше похожий на кулачный щит, значок с фениксом, на этот раз выполненным искусно и аккуратно, велев не снимать, дабы избежать неприятностей. Сам лорд сейчас отбыл куда-то по своим делам, но решил доверить мне разговор с комитом, передав, что ровно в полночь будет ожидать меня на главной площади города. Откуда взялось такое доверие к моей персоне, я сказать не мог, но Тристан, по всей видимости, сделал какие-то ему одному понятные выводы относительно меня, и потому даже выделил опытного палача. «Для помощи в беседе», как выразился человек Гильдергедорана. Я же, однако, вовсе не желал пытать своего собеседника. По крайней мере, пока. У меня всегда получалось договориться миром, и надеюсь, получится и сейчас.

В просторной камере я обнаружил избитого и едва живого мужчину неопределенного возраста, прикованного к стулу. Неопределенного оттого, что лицо его заплыло чуть более чем полностью: оба глаза представляли собой едва заметные щелочки в оформлении пунцового цвета синяков, волосы сбились кровавым колтуном, а окровавленный рот превратился в месиво из распухших до состояния колбасок губ. Несчастного комита облили холодной водой, и тот, вздрогнув, пришел в себя, попытавшись подняться со своего седалища, но цепи держали крепко, и Сестерций плюхнулся обратно, разразившись едва

понятной руганью.

- Оставьте нас, - обратился я к сопровождающим, - если понадобятся услуги палача, я позову.

Когда стражники удалились, и в камере остались только мы вдвоем, комит сплюнул и попытался стереть кровь, капающую изо рта. Но у него, конечно, ничего не получилось.

- Моё имя, должно быть, хорошо известно тебе. Наверняка Корнелий успел отправить вам послание касательно моего отряда.

- Как же, припоминаю, - прохрипел Сестерций, изо всех сил пытаясь открыть глаза пошире и рассмотреть своего собеседника.

Во мне даже на мгновение проснулось нечто похожее на жалость, но я быстро придушил эту маленькую змейку. Комит – мой враг, и без колебаний прикончил бы меня, окажись я на его месте.

- И раз у тебя еще не отбили память, может, расскажешь мне о том, какие же конкретно указания давал стратег?

- А что мне с того будет?

- Легкая смерть, пожалуй, будет достаточно щедрой наградой за эти пустяковые сведения. Могу рассказать о том, как поступят с тем, кто предал веру в Антартеса, но, думается мне, ты и так это прекрасно знаешь.

- Знаю. Но мне нужно твоё слово.

- Считай, ты его получил.

- Поклянись Антартесом! – изо всех сил напрягшись, Сестерций подался вперед, будто надеясь, что таким образом я лучше внемлю его словам. Тонкая нитка крови, текущей изо рта, превратилась в маленький ручеек, но комит не обратил на это никакого внимания.

- Клянусь Антартесом, ты получишь легкую смерть. А теперь – говори.

И пленник рассказал. Так просто всё получилось, что я даже оказался несколько ошарашен количеством информации, обрушившейся на меня. Комит был тем еще трусом, и, узнав его поближе, это стало видно очень отчетливо: Сестерций боялся не просто боли и смерти, как и всё живое в этом мире, он боялся чужой воли и пытался угодить всем, будь то Корнелий, Тристан или его палачи. Ставленник стратега, во всем безропотно следовавший до сей поры его воле, в мгновение ока открестился от своего покровителя и принялся поносить его не хуже Тристана, не так давно расписывающего мне то, каким ему виделся этот «грязный предатель». Комит сдался без боя и тем самым хотел выторговать себе жизнь. Теперь же, увидев, что сотворили фанатичные последователи Антартеса во главе с Тристаном, он

жаждал лишь легкой смерти.

- Велено было убить вас всех, как только ваш отряд перешел бы на другую сторону Серебрянки. Чтобы никто не добрался до священного леса.

- Ты видел хоть раз того, кого называют Лесным Царем? Как проходило обращение местного населения? Какие нити связывали вас всех?

- Я ничего не видел, да никогда и не верил в него. Но что я мог сделать? Только исполнял приказы!

Я отчетливо осознавал, что вышел за границы обещанного, и спрашивал уже больше, чем того требовалось, но Сестерций и сам оказался не против поболтать. Его визгливая манера общения уже почти перестала раздражать: он боялся смерти, не мог принять ее, и потому пытался выкупить свою жизнь всеми возможными способами. И я, возможно, даже мог бы поспособствовать этому, сообщив Тристану о том, как комит прозрел в отношении своего лже-бога, и как готов помочь добрым людям в борьбе с заразой Килмара. Мог, но не хотел.

- Все мы исполняем чьи-то приказы. Но кто-то об этих приказах знает больше, а кто-то – меньше. Поэтому я и спрашиваю: а что же знаешь ты?

- Я тогда был еще был кентархом, когда среди избранных было объявлено о пришествии нового бога, - торопливо принялся рассказывать комит, - стратег согнал всех своих офицеров на большую поляну посреди леса. Там всё и произошло: якобы сам Лесной Царь явился к нам. Но я-то ничего не видел. Все вдруг озарилось на пару мгновений странным таким светом, но после – ничего. Остальные тогда бились об землю и плакали, будто ума лишились. Говорили, что узрели самого бога. А мне пришлось всем говорить, будто тоже его видел. Потому как…

- Знаешь, где эта поляна находится?

- Не знаю. Всё в тайне проходило. Только жрецы и стратег об этом месте знали. Остальные там только посвящение проходили. Через них потом и распространялась ересь.

- И через тебя тоже?

- Да, мне пришлось. Но главный здесь, в Гелеме, был преподобный Феокл. Его люди слушались, и впадали в ересь. А тех, кто не выдерживал вида бога и с ума сходил, он у себя в склепе запирал, чтобы они на других не бросались.

Теперь-то кое-что для меня прояснилось. Всё-таки одержимые оказались напрямую связаны с Килмаром, а не с загадочным ядом, о котором я думал вначале. И если сказанное комитом – правда, значит, дела наши совсем плохи. Что это за бог, один вид которого может свести человека с ума? Но более подробной

информации выудить из Сестерция не удалось. Он либо не знал, либо не хотел говорить об этом. Но я больше склонялся к первой версии. Речь его постепенно становилась всё более несвязной и быстрой: он страстно хотел жить, и потому готов был рассказать и сделать абсолютно всё. Отчаяние его чувствовалось так явно и остро, что мне даже стало неприятно находиться рядом с ним. Похоже на то, как будто держишь в руках дождевого червя, бешено извивающегося и пытающегося выбраться из губительного тепла твоих ладоней, сжимающихся всё плотнее, дабы удержать его внутри. Но червяк не может знать о том, что скоро будет нанизан на крючок, а потом скормлен рыбам, а комит – знает, и оттого бьется всё более отчаянно.

- Знаешь, если бы ты мог показать место, где проводился обряд инициации, у тебя был бы шанс выйти из всего этого дерьма чистеньким. Но поскольку достопочтимый лорд Гильдергедоран отправил преподобного Феокла к своему богу, а больше никого из тех, кто мог бы показать нам дорогу, здесь нет, придется справляться своими силами. Я поговорю с Тристаном, и он согласится казнить тебя быстро. Быть может, даже пожалует тебе казнь, причитающуюся комиту. В конце концов, твои слова мне немного помогли, а я умею быть благодарным.

- Я знаю, где это место находится! Это лес Короля Эльфов. Я. Я отведу. Покажу. Я расскажу обо всех наших агентах в моём ведомстве, обо всех чиновниках и доверенных лицах, которые замешаны…

- Сожалею, но для меня эти сведения уже неинтересны. Мы и так направлялись в этот лес, а своих агентов и чиновников прибереги для лорда Тристана.

С этими словами я развернулся и вышел из камеры, а Сестерций, издав жуткий звероподобный крик, снова бросился вперед, натянув сковывающие его цепи до предела. Я не обещал ему ничего, кроме быстрой смерти, как он себе вообразил, намереваясь, начав с малого, выторговать у меня и жизнь и свободу. Моя совесть чиста, и ничего, кроме брезгливости по отношению к этому предателю я не чувствовал. Стража захлопнула за мной двери, и голос бывшего уже комита оборвался для меня навсегда.

***

После полуночи, как и было обговорено, я прибыл к форуму, где уже собралась огромная толпа. На этот раз не один, а с рыцарями, жаждущими принять участие в грядущем спектакле. Именно так, и никак иначе я именовал то, что задумал Гильдергедоран, потому как никакой справедливостью на этом суде и не пахло. Видимость правосудия и иллюзия очищения.

Лорд, а вернее, теперь уже полновластный правитель Гелема, восседал на укрытой от дождя трибуне в окружении своей свиты. Никаких изысков, никакого пафоса, всё по-военному просто и практично. Кажется, новоиспеченный градоначальник всерьез подошел к учению Антартеса, а вернее к последнему его варианту, предписывающему людям жить скромно и лишь по законам божиим. Все ценности, изъятые у приспешников Антартеса вовсе не направили в городскую казну, а соорудили из них огромный костер, в котором оказалось всё, что только может гореть: книги, мебель, ткани, одежда и картины. Драгоценности оказались в другой куче: серебро и золото лежали по отдельности. Почему-то вид этих ровных кучек никак не мог оставить меня в покое: я чувствовал, что этим драгоценным металлам здесь отведена какая-то своя роль. И как впоследствии окажется, не ошибся.

Обвиняемых – всего человек тридцать. Все в рваных одеждах, окровавленные и едва живые. Вокруг периметр из солдат, отделявших однообразно одетую толпу от лобного места, внутри которого десяток столбов с уже заготовленными партиями дров. Помимо этого еще и множество пыточных устройств, назначений некоторых из них я даже не знал. Кого именно, интересно, Тристан задумал запытать до смерти, а кого просто сжечь? Как же давно я последний раз наблюдал за подобным зрелищем? Год или два назад? Уже и не припомнить, поскольку все они слились в моей голове в единый отвратительный кровавый балаган, цель которого – показать силу Ордена и самого Антартеса, предоставив заодно безмозглой толпе зрелище не хуже гладиаторских боёв. Но здесь толпа собралась не для того, чтобы насладиться болью жертв, а для правосудия. Эти люди свято убеждены в правильности своих действий. Еще бы, ведь согласно Книге именно так нужно поступать со всеми, кто посмел усомниться в истинности единого бога, хоть в последнее время таких – половина империи.

Мы поднялись на трибуну и заняли почетные места. Вернее, почетное место занял я, а рыцарей определили в ложу так называемых присяжных. Я уже не сомневался в том, что решение в любом случае единолично примет Гильдергедоран, и никто слова не скажет. Однако продемонстрировать законность сейчас – значит показать народу свои права, как правителя. И правителя такого, который будет блюсти всё в строгом регламенте, а не анархии, который удержит фанатичную толпу от полнейшего хаоса. Быть может, именно это маленькое представление поможет обреченному на смерть от ярости Корнелия городу продержаться до прибытия легионов. Я искренне надеялся именно на такой

исход, хоть и не одобрял происходящего здесь, на этой площади. К тому же, я не вполне осознавал роль, которую мне выделил Тристан, поскольку здесь, помимо судьи и хора присяжных, должных в нужный момент прокричать «виновен!» больше никаких «должностей» не оказалось. Когда все заняли свои законные места и толпа немного успокоился, Тристан поднялся со своего кресла и принялся за дело, подняв правую руку вверх, призывая собравшихся к молчанию.

- Истинные сыновья и дочери Антартеса! – могучим голосом начал свою речь Гильдергедоран, - перед вам стоят последние в нашем славном городе еретики и преступники против веры и закона. Те, кто предал не только бога, но и наше с вам государство, ибо не может империя существовать отдельно от ее бога. Но, как завещал нам император, наместник бога на земле, ни один человек не может быть казнен без справедливого суда, пусть даже он самый бесправный и всеми презираемый раб. Вина должна быть доказана, и именно для этого мы собрались здесь!

Интересно, а как же Тристан тогда оправдал убийство самого преподобного Феокла и вельмож, собравшихся у него на званый обед? Многочисленность врагов и неспособность привести к этому «справедливому» суду всех разом? Но, похоже, никто не разделял моих мыслей, или же делал вид, что не разделяет, поскольку толпа одобрительно гудела после каждой фразы, сказанной их новым правителем.

Дальше началось перечисление имен и списков прегрешений осужденных, которые мне ничего не дали, кроме очередной порции бессмысленной информации. Лица их казались одинаковыми, и потому слились в один образ ободранного и избитого человека без пола, сословия и звания, без права на жизнь и даже быструю смерть. Кого-то из них, тех, кто не занимал ни особо высокую должность, не имел особых богатств и связей, очень быстро объявляли виновными. Находилось несколько свидетелей, заявляющих о том, что подсудимые – самые преданные последователи Килмара, якшающиеся с предателями и предателями же являющиеся. Тристан оглашал приговор, и под рев толпы несчастного, если он сознавался в преступлениях и отрекался от лже-бога, тащили к плахе или к виселице. Костры и орудия пыток должны достаться тем, кто станет защищать свою веру до конца, и я уверен: такие обязательно найдутся.

Очередь дошла наконец до тех, кто составлял верхушку килмаровского заговора. Почему-то именно заговором окрестили это религиозное движение, хотя ни о каких планах переворота или даже убийства оппонентов не было сказано ни слова. К моему величайшему изумлению, преподобный Феокл, как я думал

прежде, вовсе не был убит, равно как и остальные священники и служки, представлявшие официальную церковь Гелема. Но от старика мало что осталось: его изуродованное тело приходилось держать двум стражникам, и вразумительную речь от бывшего первосвященника города уже не услышать никогда. Он мог только судорожно кивать и стенать подобно избиваемой собаке, когда Тристан обращался к нему. В эту минуту я и осознал собственную роль во всём этом судилище.

- По законам империи, служители церкви сиятельного Антартеса могут быть подвергнуты суду и казни только от рук полномочного представителя инквизиции Ордена, - тут взгляд Тристана устремился ко мне, - командор Маркус Клавдий Кемман прибыл к нам именно для этого. Этот обвиняемый сознался в своих прегрешениях, множество свидетелей подтвердили его сношение с темными силами леса, имеется и множество доказательств тому в виде документов и посланий к его господину в Морхейм. Каков будет приговор?

Тристан прекрасно знал: нельзя было даже брать под стражу переметнувшегося Феокла, поскольку тот находился целиком и полностью в юрисдикции Ордена и обладал полным иммунитетам ко всем прочим законам. Только инквизитор шестого ранга, ответственный за приданную ему административную единицу мог начать судебное разбирательство и, соответственно, заключить его под стражу до выяснения всех обстоятельств дела. Тристан по законам империи – преступник, покусившийся на должностное лицо, назначенное Церковью, и по идее, если солдаты Корнелия не умертвят рыцаря раньше, комиссия Ордена, которая начнет разбирать случившееся в городе, сочтет действия Гильдергедорана неправомерными и отправит лорда под суд. Но власти, способной здесь и сейчас вершить суд над впавшим в ересь Феоклом, просто не существует. Инквизиция не имеет своего представительства в феме, и область эта подконтрольна только Аптусу Феррату – инквизитору второго ранга, занимающему должность верховного инквизитора провинции Бервестия. Законодательство никак не регламентирует вопрос самоуправства Тристана, воспользовавшегося сложившейся ситуацией с ересью по своему усмотрению. Он наверняка даже не отправлял писем к Феррату, не уведомлял никого из представителей инквизиции и действовал так, как посчитал нужным. Но даже если бы соответствующие люди оказались извещены о ереси Феокла, ждать карательный отряд стоило не раньше весны. А времени на это попросту не оставалось.

Я имел право вершить правосудие только в военное время и

только над солдатами. Мог и над Феоклом, но лишь по особому распоряжению инквизиторов начиная от третьего ранга и выше. Но распоряжение мог дать только Августин, как единственный инквизитор соответствующего звания во всей феме, а значит, и действия мои до сей поры также абсолютно незаконны. Хитрец Тристан обо всём прекрасно знал, но не сказал мне ни слова. Его словестные увертки насторожили меня, но всё-таки недостаточно. И теперь, если я публично заявлю о виновности преподобного и, более того, самолично отправлю его на костер, длинные руки инквизиции дотянутся до меня, где бы я ни был. И покарают. Однако грядущая война должна будет замести все следы не только моей деятельности, но и того, что творит Тристан. Если откажусь свершить казнь этого запытанного до полусмерти старика и его священников, вряд ли Гильдергедоран спокойно пропустит меня на другую сторону Серебрянки. Если я соглашусь, то фактически возьму всю вину лорда на себя, очистив образ его перед теми, кто впоследствии будет вести расследование дела Гелема. И все шишки достанутся мне, поскольку среди многих здесь присутствующих наверняка найдется немало свидетелей того, как Тристан действовал с моего одобрения и, быть может, даже по моему приказу.

Я знал: какое бы решение мне ни принять, за каждым последуют неприятные последствия. Меня разбирала злость и досада за то, как обошелся со мной Тристан, но еще больше я злился на самого себя, поскольку согласился участвовать во всём этом. Разговор с комитом не дал мне ровным счетом ничего, поскольку мелкие сведения, вытянутые из этого болтливого труса не стоят в данной ситуации того, чтобы ввязываться в разборки с инквизицией. Тристан, если и сможет сообщить мне нечто полезное и пусть даже окажет посильную помощь, все равно ни на шаг не приблизит меня к главной цели. Но в конце концов я уже оказался повязан с главным предателем – Августином. По сравнению с дружбой главного еретика Ауреваля это судилище покажется сущим пустяком. Во мне еще тлели угли сомнения, но я знал: пауза уже слишком затянулась, и действовать нужно немедленно. Поэтому я поднялся со своего места, чувствуя на себе сотни фанатичных взглядов, и вышел вперед, дабы меня было видно всем желающим.

- Если вина этого человека как вы говорите, доказана, я желаю ознакомиться с протоколами допроса и подробной записью всех полученных от этого человека признаний, поскольку показания свидетелей кажутся мне недостаточными для установления всей глубины виновности.

Лицо Тристана нахмурилось, но я не стал обращать на это

внимания, решив придерживаться только что сложившегося в моей голове плана. По закону все, кто вершил судопроизводство, обязаны были ознакомиться с материалами дела еще до суда, особенно с такими, как показания подсудимого, не перечитывая их прямо во время заседания. Раз уж достопочтимый Гильдергедоран решил так подставить меня, пусть платит информацией. Наверняка старик Феокл помимо глупых заявлений о «сношениях со злыми силами» успел наговорить и что-то интересное, а отказать мне в ознакомлении с протоколом никто не вправе.

- Принесите бумаги, - угрюмо приказал Тристан, впившись в меня взглядом, не сулившим ничего хорошего, - протокола допроса будет достаточно.

Тут же один из служащих сунул мне в руки тонкую папку, в которой покоилось всего три грубо справленных листка, сплошь покрытых мелкими буквами с двух сторон. Я жадно впился в написанное, с трудом разбирая слова под неясным светом факелов. Через десять минут я всё-таки нашел то, что смогло заинтересовать меня: упоминание Августина и… меня самого. Сердце моё замерло и, казалось, прекратило биться. Я страшно заволновался, еще ближе поднося бумаги к лицу, пытаясь удержать скачущие закорючки на месте. Бросил быстрый взгляд на Тристана, но тот уже сидел, совершенно спокойный, и что-то говорил одному из своих воинов.

«Инквизитором же второго ранга, Августином Цикутой, мне было велено наравне с людьми комита встретить командора Маркуса Кеммана, если тот вознамериться пройти через Гелем в направлении священного леса, и задержать его. Нельзя было причинять оному командору какой бы то ни было вред, в случае его отказа от сотрудничества. Однако следовало избавиться от его спутников, включая некоего Альвина Мартения. Последнего необходимо было убить только в том случае, если Кемман окажется упрям в своих действиях и допрос его спутников подтвердит намерения двигаться в прежнем направлении, игнорируя возложенную на него миссию. Самого же командора, в случае неповиновения, следовало доставить в Морхейм с усиленной охраной…». Этого уже было достаточно, но еще одна строчка привлекла моё внимание: «…первый приказ пришел вскоре после посвящения лорда Гильдергедорана. Цикута был назначен верховным жрецом и пророком Его воли…».

- Теперь я официально, от имени Ордена и Магистра заявляю: этот человек виновен в сношениях с сепаратистами и с ересью того, кого называют Царем Эльфов. По законам империи и законам божеским бывший первосвященник нашей сиятельной

церкви приговаривается к сожжению на костре. Несмотря на его раскаяние и признание вины, а также отречение от прежних убеждений. Поскольку человек это – не просто светский муж, но бывший слуга и пророк единственного истинного бога – Антартеса Светозарного, предательство его втройне тяжелее, и единственной мерой наказания для него будет очищение пламенем.

Слова мои оказались встречены восторженным ревом толпы, беснующейся в предвкушении расправы. А внутри меня образовалась пустота, в том месте, где находился Августин, дружба с этим человеком, ставшим теперь если не врагом, то неприятелем. Пусть старый инквизитор и приказал доставить меня в Морхейм живым, но Альвина жалеть он не стал, хотя знал его немногим меньше меня. Я никак не мог представить себе, что произошло в его голове с тех пор, как мы оказались в Ауревале. Наверняка Августин не месяц и не два назад решился на предательство, но как давно зрел он в нем? И неужели моё назначение в специальный отряд – его попытка переманить меня на сторону сепаратистов? От волнения я перестал осознавать происходящее вокруг и погрузился в скорбные мысли. Теперь судьба Феокла и его приспешников уже не волновала меня, и обреченный их вид и стенания не касались моего сердца. Всё что я мог и что хотел для них сделать, я уже сделал, и теперь настало время последнего слова приговоренных. Если все они признают свою вину и покаются - пойдут на костер. Если будут всё отрицать и упорствовать – палачи превратят их в подобие Феокла, окончательно лишившегося человеческого облика и дара речи.

- Будьте вы все прокляты со своим несуществующим богом! – внезапно завопил один из священников, - Килмар покарает вас всех, и воины его втопчут этот городишко в грязь, в которой вы все живете!

Как по щелчку пальцев двое палачей схватили сопротивляющегося и визжащего священника, и потащили к устрашающего вида колесу. Я не стал смотреть на то, что происходило дальше, не стал и слушать крики толпы, озверевшей от крови и готовой уже прорвать ряды стражников, дабы принять участие в расправе. Тристан что-то приказывал, кем-то командовал. Трибуны вторили ему ответным «Виновен!», кипели от ярости. Зрелище, виденное мною не один десяток раз. И всё равно, даже после стольких лет службы в инквизиции, разум мой отказывался принимать происходящее. Было во всём этом нечто неправильное, противоестественное, поскольку в Книге Антартеса нет ни единой строчки о казнях тех, кто не верит или верит в другого бога. Если и судить этих людей – то по законам людским,

как военных преступников и предателей государства, но никак не именем бога, прикрываясь высшей силой от собственной совести. Слова комита внезапно превратились в еще один кусочек мозаики, занявшей своё место в общей картине. Как я мог не догадаться об этом раньше и быть настолько слепым?

Я не помнил, как всё закончилось, не помнил и о том, как оказался в сыром и холодном поместье Тристана. Рядом – его стража, а на моём поясе уже почему-то нет меча, даже кинжала. Взгляд Гильдергедорана холоден и неприятен, в нем теперь нет прежней учтивости и доброжелательности, губы сжались в тонкую полоску и превратили лицо его в напряженную маску.

- Неужели расправа над еретиками и предателями произвела на вас такое впечатление? Или это сочувствие я видел на вашем лице? – слышу я голос рыцаря, доносящийся будто издалека.

Воспоминания, серые и тусклые, захлестнувшие меня во время суда, и никак не желавшие оставить меня в покое, мешали нормально думать и подобно галлюцинациям заполняли всё зримое пространство, смешиваясь с действительностью. Я молчал, никак не реагируя на вопрос Тристана, но не потому, что не хотел отвечать. Просто не мог.

- Ты – лживый ублюдок, - прошептал я одними губами, с трудом шевеля языком - ты погубил столько жизней, прикрываясь именем бога, которого предал. Сними личину праведника и признай: эта бойня, прикрытая святой миссией – лишь повод захватить власть в городе и твои фанатики даже не догадываются о том, кто на самом деле притаился в лесах в ожидании мести.

- Иногда нужно выбирать, на какой стороне сражаться, - спокойно ответил Тристан, - я выбрал правильно, и победил. Когда придут легионы, Гелем встретит их открытыми воротами и торжествами, а инквизиция, возможно, даже не будет никого пытать и жечь, увидев рвение местных верующих. А тех, кто решил, будто сможет противостоять империи, ждут бесчисленные беды и страдания, поскольку никакой бог не в силах будет защитить их от гнева императора и палачей Ордена.

- Ты ведь видел его? Наверняка. Они бы не позволили устроить эту расправу, если бы не доверяли тебе. Вы предали Антартеса, а ты предал их, устроив очередную Ночь Очищения.

- Видел. И, признаться, ничего более прекрасного созерцать мне не приходилось. Это было похоже на перерождение: свет, шум, голос, и его образ, до того прекрасный… Я был готов следовать за этим богом куда бы он ни приказал, готов был сокрушить его врагов и быть частью нового мира, который он обещал построить на обломках прежнего. Но чары его со временем спали с меня, я прозрел и понял: всё это – лишь темное

колдовство, и ничего более.

- Ты знаешь, где находится то место, где проводили обряд посвящения?

- Нет, - покачал головой Тристан, отворачиваясь.

- На Сестерция образ Килмара не подействовал вовсе, но дорогу он также благополучно забыл. Комит оказался трусом и последовал за новым богом даже не из-за его колдовства, но из страха перед теми, кто бога видел и кто примкнул к нему. Перед всеми вами: лордами и бывшими священниками Антартеса, всеми, кто имел хоть какую-то власть в Гелеме.

- Да, мы все давали клятву Килмару. И Корнелию. Но путь к заветному месту знал лишь Феокл, даже под пытками не выдавший его, будто знание это в нем защищал сам Царь Эльфов. Может, я и погубил множество невинных душ, но пойти на риск – значило обречь себя на смерть, ничуть не менее мучительную, нежели у тех, кого казнили сегодня.

- Ты ведь прекрасно знаешь: Антартес мертв. Зачем следовать за мертвым богом, если есть такой, как Килмар?

- Антартес, может быть, и мертв, но империя – жива. Я следую за государством, а не за мертвым богом. И в этом мне нужна была помощь. Бывший первосвященник дал мне неоднозначную информацию о том, кем же всё-таки является командор Терасариев. И когда вы, достопочтимый Маркус, прибыли в Гелем, я захотел узнать, на какой же стороне тот, кто, как говорят, осенен благодатью самого покровителя империи.

- Так на какой же я стороне, по-вашему?

- Видимо, на своей собственной, - усмехнулся Тристан, - однако меня сильно встревожили слова Феокла. Зачем тому, кто не служит ни Килмару, ни Антартесу, исполнять поручения инквизитора-изменника? И что это за миссия, интересно было бы узнать?

- Ответ на оба этих вопроса очень прост. Одержимые, которых мы сожгли, появляются по всему Ауревалю, а не только в том месте, где Килмар является своим последователям. Не знаю, как его адепты общаются со своим богом, но, по всей видимости, нормального диалога построить еще не удалось, и потому все странные и мистические случаи, происходящие на территории фемы, приписываются некоему колдуну, желающему навредить верным слугам нового бога. Естественно, ведь Килмар для них – святой покровитель, и он бы не стал причинять вред своим последователям.

- И потому они решили отправить на поиски неприятеля охотника на ведьм... Однако мне всегда было интересно: как вам удается отыскивать своих жертв, особенно если дело происходит

в такой глуши, как леса Ауреваля?

- Проще простого, сэр Тристан. Я их чую.

- Как собака?

- Скорее, как родственная душа, - проигнорировал я издевку рыцаря, - Багряное Пламя дало мне возможность ощущать колебания тонкой энергии, пусть только на подсознательном уровне. Но этого вполне достаточно для того, чтобы выйти на след.

- Но зачем тогда нужно выспрашивать о месте поклонения в лесу Килмара, если можно просто пойти по такому следу?

- В том-то и дело, что я ничего не чувствую. Моя интуиция молчит, как если бы Килмара не существовало вообще, с тех самых пор, как мне не посчастливилось ступить на землю Ауреваля.

- Теперь многое встало на свои места, - резюмировал Тристан.

Небрежным жестом Гильдергедоран велел отдать мне оружие, через несколько секунд оказавшееся в моих руках. Рукоять Легионера приятно холодила руку и внушала уверенность в собственных силах. Я с трудом удержал себя от того, чтобы достать верный меч из ножен и удостовериться в его реальности. Вряд ли кто-нибудь из стражи Тристана смог бы верно оценить мои действия и не проткнуть копьем на всякий случай.

- Вы оказали услугу мне, а я – помогу вам, - примирительно протягивая руку, сказал Тристан, - всё же я надеюсь, что Килмар, будь он реальным богом или колдуном, одурачившим целую фему, вашими стараниями попадет на костер.

- Я, кажется, обещал комиту быструю смерть. Это можно исполнить?

- Ему бы стоило отрубать по куску плоти каждые полчаса и прижигать раны каленым железом. Но… так уж и быть, лишится он только самой важной части своего тела.

- Надеюсь, речь идет о голове.

- А я уж хотел вас провести, - рассмеялся Тристан, - мои люди сопроводят вас и ваших спутников до гостиницы. Завтра вы получите всё необходимое. А когда кончится дождь и выздоровеет мастер Альвин, можете отправляться в путь.

Я пожал протянутую руку и, развернувшись, вышел прочь, заочно распрощавшись с рыцарем навсегда. Если инквизиция прознает о том, что Тристан был посвящен самим Килмаром, костра ему не избежать. Даже его героическое «спасение» Гелема от последователей лесного бога не будет стоить ни медяка, поскольку принцип работы инквизиции всегда остается одинаковым: «Убейте всех, кто притрагивался к ереси. Мертвые, как правило, не склонны к размышлениям о природе Бога, и

потому не имеют сомнений». До прихода легионов Тристан наверняка успеет замести все следы, представив свои действия как храброе восстание против впавших в ересь правителей города и его церкви. Единственным человеком, способным обличить рыцаря, оставался лишь я. Но по какой-то причине Гильдергедоран не пожелал убивать меня, дабы обезопаситься от всех нападок святых отцов. Возможно, и вправду осознал: я только на своей стороне, и ни до чего нет мне дела, кроме единственной цели, которая лежит совсем в другой области бытия.

Чистая постель приняла меня в свои теплые объятия, рассеивая холод и сырость, царившие снаружи. Огонь в камине отбрасывал длинные тени, пляшущие на моём лице, и треск поленьев вместе с гулом пламени убаюкивали мой взволнованный разум. Постепенно я смог заставить себя вытеснить прочь все ненужные мысли и закрыть глаза. Сон укрыл меня темным покрывалом. И снова пришел Он.

***

Аврелия. Имя её подобно теплому мёду на дне хрустального бокала с терпким вином. Черты лица её – истинное совершенство, за которым скрывается чернильная темнота. Глаза её – темный янтарь, проглядывающий через толщу бирюзовых вод, а губы – пурпурные кораллы.

Третий год от основания Седьмой Империи, провинция Нижняя Гельвия, небольшой городок около безымянной речки, протекающей на дне безымянной лощины.

Мы лежим в объятьях друг друга, наслаждаясь тем, что оставила нам страсть минувшей ночи и утренней прохладой. От нее исходит соблазняющий запах свежего сена и полевых трав, смешанных с жаром молодого и горячего тела, и во всем мире, казалось, нет ничего более важного, чем этот рассвет, встречаемый в маленьком доме на берегу реки. На столе – пара медовых сот, козий сыр, лепешки и кувшин с молодым вином, на полу – наша одежда. В углу удобно примостился Легионер, сверкающий стальным навершием в лучах утреннего солнца. Рядом с ним – мой кожаный пояс с розыскной грамотой и ордером на арест, выданным на её имя. Аврелия…

Кем она была? Я так и не нашел ответа на этот вопрос. Демоном, человеком, ведьмой? Пожалуй, всем понемногу. Я искал исчадие адской бездны, но нашел покой своей истерзанной душе и страсть, забытую уже и погребенную глубоко в душе. Мы встретились лишь потому, что оба искали смерти, два одиноких обескровленных сердца, каждое из которых по-своему боролось против целого мира. Смерть, в конечном счете, нашла того, кто её

искал, но не меня. Я был ей безразличен. И потому она забрала Аврелию, подарив долгожданную свободу этой прекрасной, но измученной душе.

- Рано или поздно ищейки Ордена найдут нас. И никакая магия не поможет избежать этой встречи, - тихо шепчу я прямо в маленькое и нежное ушко Аврелии.

- Я бегу так давно… просто давай насладимся отведенным нам временем, - так же тихо отозвалась она, устремляя на меня взгляд своих темных глаз.

И мы наслаждались этими последними часами, последними в её жизни. Я привел лучших охотников сюда, в этот маленький городок, к самому порогу дома Аврелии. Но она не стала убегать. Боги дали нам ровно неделю, и время это, пролетевшее быстрее мгновения, было самым счастливым для меня за последние десять лет. То была не любовь, нет, но нечто не менее изумительное. Костер этого чувства, вспыхнувший подобно солнцу, так же быстро обратился в пепел, и пепел этот, смешавшийся с горькими слезами, застыл на моей душе, сокрыв кипящую в глубине боль от всего мира.

Я протянул руку и дотронулся до её плеча. Плеча моей Аврелии. Кожа под моими пальцами стремительно почернела и стала осыпаться, и изнутри ее вырвался язык пламени, обжегший мою руку. Я вскрикнул и одернулся, но через секунду уже застыл на месте, не в силах вымолвить ни слова, потому как на месте Аврелии теперь осталась только зола, уносимая ставшим вдруг холодным и колючим утренним ветром. Темнота, родившаяся в дальнем углу комнаты начала разрастаться подобно плесени, расползаясь во все стороны. И из самого сердца ее появились до боли знакомые мне очертания. Лицо Пугала, сотканное из мириадов тонких паутинок темноты, серые глаза его горят жутким светом, и широкий как у лягушки рот разевается в жуткой улыбке.

- Убирайся прочь, проклятая тварь! – закричал я, вскакивая с кровати, движимый лишь безграничной злобой и желанием убить ненавистного демона.

- Скоро уйду, не беспокойся, - спокойно отозвался Пугало, окончательно воплощаясь в своё привычный облик и вытягиваясь в полный рост, - ты почти достиг цели, мой герой. И награда будет велика.

- Я знаю, где ты скрываешься, и скоро приду по твою душу. Это ведь ты, тот, кого называют Килмаром? Зачем всё это, для чего?

- Ты будешь очень удивлен, если я расскажу тебе правду. Иногда правда эта становится чрезвычайно вредна для человеческого разума и потому лучше довольствоваться

сладостной иллюзией. Знаешь, какая моя любимая? Иллюзия выбора – вот самая ужасающая из них, и оттого самая прекрасная. Все вокруг уверены, будто могут повлиять на течение неумолимой реки жизни, могут что-то изменить. Ты покинул Текрон, предпочтя заигрывания со смазливой патрицианкой службе в Первом легионе, забрав с собой того дозорного, который ночью должен был поднять тревогу, увидев армию ахвиллейцев. Ты верил, будто сможешь спасти свою семью, отказавшись от того, чтобы повести в бой когорту вигилов, и в итоге оборона в этом месте треснула и, в конечном счете, рухнула, позволив ахвиллейцам захватить город. Ты верил, будто Багряное Пламя спасёт тебя. Ты верил, будто, полюбив Аврелию, сможешь ее спасти, но, в конечном счете, она оказалась на костре, как и все прочие, и заслугу эту, вот ведь шутка, приписывают именно тебе. Но твой «выбор» привел тебя именно сюда. Череда случайных казалось бы решений погубила весь твой мир и скоро у тебя не останется никого. Кроме меня…

- Ошибаешься.

- Я никогда не ошибаюсь.

- Выбор есть всегда. Просто один из вариантов предпочтительнее другого. Я потерял всё, и снова обрёл. Во всем этом нет твоей вины, только мой собственный выбор и его последствия. Когда всё закончится, жизнь снова вернется на круги своя, я даже смогу простить тебе все эти ночные кошмары и то наше столкновение в Стаферосе, едва не закончившееся для меня гибелью.

- Скоро ты поймешь. Поймешь и, может быть, действительно простишь. Однако когда ты встанешь перед выбором, всё уже будет предрешено, и свершится так, как было задумано.

Тьма, из которой появился Пугало, стала разрастаться, закрывая собой горизонт. Исчезла и комната и дом, и весь город. Я остался один в этой темноте, поглотившей весь мир. И только серые, горящие мертвенным светом глаза взирали на меня безмолвно с небес, будто заменяя собой Близнецов. Моргнув, погасли и они.

***

Я очнулся от тяжелого сна и рывком встал, сбросив одеяло на пол. Холодный пот пропитал всю постель и крупными каплями застыл на лице, неприятно холодя кожу. Меня всё еще бил озноб от столкновения с ожившей тьмой, из которой явился Пугало. Прикосновение ее казалось обжигающим, и я невольно провел рукой по груди в том месте, где ее щупальца меня затронули, но ничего необычного не обнаружил.

Бледный рассвет пытался прорваться через закрытые

ставнями окна, и вырисовывал на полу причудливые узоры, то исчезающие, то снова наливающиеся цветом. Камин давно погас, и в комнате стало сыро и прохладно, однако я не спешил одеваться, вместо этого подойдя к окну и, растворив ставни, впуская осеннее утро в свою обитель. Дождь закончился, и по светлому небу неслись легкие прозрачные облака. Ветер бешено раскачивал ветви маленького клена под окном и завывал в дымоходе, однако я с радостью окунулся в его нескончаемый поток, несущий с собой свежесть и бодрость. Семь дней прошло с Ночи Очищения, как я ее обозвал по старой памяти. И теперь, наконец, можно двигаться дальше.

Мысли, немного пришедшие в порядок, возвратились к ночному кошмару, постепенно обретающему очертания в моей памяти. Я будто снова оказался там, на берегу маленького городка под названием Тремм, что в Нижней Гельвии, снова почувствовал прелесть нескончаемого лета, царившего в той маленькой лощине на юге империи. Холода никогда не затрагивали это живописное место, и вечноцветущие сады его никогда не осыпались на землю мертвой листвой, как это происходит здесь, в Ауревале. Там я оставил частичку самого себя, встретив Аврелию и, в конечном счете, погубив ее. Она была не просто ведьмой, но кем-то большим, поскольку силу ее осознать до конца я так и не смог. Это было нечто иное, нежели магия Изнанки, с которой мне довелось столкнуться в здешних лесах, нечто совершенно невообразимое и непонятное, отличное от пропитанных наукой и логикой чертежей имперских инженеров, по которым они скрупулёзно рассчитывали каждое своё действие. Аврелия была сродни богине, изменяющей мир одной только своей волей, и никогда я не видел у нее тех необходимых для каждого уважающего себя колдуна вещей и атрибутов. Ничем она не отличалась от обычного человека, кроме незаурядной внешности и острого как кинжал убийцы ума. Это её, в конечном счете, и погубило: слишком уж явно Аврелия выделялась на фоне простых обитательниц Тремма. Ей удавалось какое-то время укрываться с помощью своей магии, но после встречи со мной она решила отказаться от своей конспирации и предстала перед жителями городка такой, какой являлась на самом деле.

В ту нашу последнюю встречу Аврелия усыпила меня своими чарами, и вышла к собравшейся под окнами ее дома толпе, прямо в руки прибывших со мной инквизиторов. Очнулся я на полу, одетый и с оружием в руках. Как оказалось, Аврелия подстроила всё так, будто я застал страшную ведьму врасплох, и даже смог ранить, прежде чем заклятия ее остановили мой меч. Раненая,

она уже не могла сопротивляться, и потому без борьбы попалась в руки подоспевшей подмоги в лице моих людей, тут же не преминувших провозгласить меня героем, обезвредившим ведьму. Как ей удалось провернуть подобный фарс, для меня так и осталось загадкой. Равно как и то, как ей удалось убедить в нем стольких людей, которым достаточно было сопоставить несколько фактов для раскрытия обмана. Но, как я уже и говорил, магия ее – нечто совершенно невообразимое и особенное, и потому я стал героем, а она – пеплом на мостовой. После ее смерти во мне не осталось ни единого чувства, и ни единая слеза не скатилась тогда по моей щеке, поскольку внутри все выгорело до самого стержня, вновь стирая всё, что наросло после пожара Багряного Пламени. И именно поэтому подозрения и не пали на меня. Холодный и абсолютно бесстрастный, я был самим воплощением карающей длани Инквизиции. Ее героем и оружием.

Ветер окончательно выстудил комнату, и я в спешке закрыл окно, заставив его в бессильной злобе броситься на ставни, едва выдерживающие столь могучие удары. Позвонил в колокольчик, и спустя минуту в комнату поднялся слуга, судя по румянцу на лице, поднимавшийся на мой этаж сразу через три ступеньки. Получив указания, он скрылся для того, чтобы через еще несколько минут явились запыхавшийся парнишка с охапкой дров и две служанки, несущие в руках поднос с едой и умывание. Судя по звукам, доносящимся из коридора, дом уже проснулся, и довольно давно. Учитывая тот факт, что рассвет с каждым днем, приближающим зиму, наступал всё позже и позже, мне следовало подняться еще пару часов назад, однако никто и не подумал разбудить меня.

Умывшись и позавтракав, я спустился в обеденную залу, где и застал большую часть отряда. Рыцари что-то оживленно обсуждавшие между собой, тут же смолкли, устремив свои взгляды на меня. Кеметы, как всегда перекидывающиеся в кости, также прекратили своё увлекательное времяпрепровождение. Альвин, грустный и сосредоточенный, но уже не выглядевший больным, цедил пряное вино и исследовал столешницу, колупая её ножом. Все замерли в ожидании одной единственной фразы, как никогда соответствовавшей этому морозному и солнечному утру.

- Собирайтесь, господа, в полдень мы переправимся через Серебрянку и продолжим наше увлекательное путешествие.

И тут же все, будто до этого момента ожидая лишь моего сигнала, поднялись со своих мест и устремились по своим делам. На месте остался сидеть лишь Альвин, задумчиво разглядывающий пространство перед собой. Люди Тристана, как

и было обещано, обеспечили отряд всем необходимым, благо за время нашего здесь пребывания рыцари и кеметы уже успели привести оружие и доспехи в порядок, а меховая зимняя одежда еще вчера была упакована в седельные сумки. Лошадей менять не стали, ограничившись тем, что раздобыли еще двух сменных для разросшейся поклажи. В общем и целом, всё было уже готово для продолжения путешествия, но я всё равно медлил, сам не понимая, зачем.

- Что с тобой происходит, друг мой? – подсев к Альвину, я с удивлением обнаружил, что вино почти не тронуто.

- Если бы я знал, давно бы уж сказал, - отмахнулся он.

- Даже вино перестало помогать?

- Дело не в этом. Просто я уже устал пить. А ведь это была моя единственная отрада в жизни.

- Что-то подсказывает мне: не в этом дело.

- Эта земля истощает меня – вот в чем дело. Здесь холодно, сыро и темно, и ночные кошмары уже не притупляются ничем, даже маковым молочком.

- Что за кошмары? Ты мне до этого ничего не говорил о них.

- Ты знаешь, какие. За годы они ничуть не изменились, однако здесь отчего-то стали донимать меня каждую ночь. Очень яркие и такие… реальные. Не знаю. С тех пор мне хочется только умереть, и подняться на ноги с утра мне помогает только мысль о том, как хорошо будет вернуться в Стаферос, подальше от этой проклятой земли.

Изможденное лицо его, непривычно заросшее редкой щетиной, исказилось гримасой боли, будто от ноющего зуба. По впалым щекам пробежала дрожь, но через секунду Альвин справился с собой, и посмотрел на меня почти ясными глазами.

- Не обращай внимания, просто остатки болезни.

- Меня почему-то не покидает ощущение, будто не в ней дело. Могу сказать только, что кошмары эти, быть может, порождены вовсе не злосчастной землей Ауреваля, а чем-то большим.

- Что ты имеешь в виду? – мгновенно посерьезневшее лицо Альвина, до того пребывающее в болезненном спокойствии обратилось ко мне, и во взгляде его я прочел не самый приятный для себя вопрос.

Да, я слишком долго хранил существование Пугала в тайне, даже от лучшего друга, не говоря уже обо всех остальных. Но Августин счел мои видения галлюцинациями, а меня – сумасшедшим. Пусть не так категорично, но намек на это отчетливо читался в его прощальных словах. Быть может, тлетворное влияние Килмара так подействовало на старика, но уверенно говорить об этом пока было рано. Обида моя и горечь от

такого отношения к себе со стороны друга и учителя по здравому размышлению вскоре отступили, ведь я много думал об этом в течение последних трех дней, и потому смог разобраться не только в своих мыслях, но и чувствах. Однако осадок остался. И с осадком этим следовало разобраться, дабы поступить в конечном счете так, как должно, не поддаваясь обиде. Вот и сейчас я раздумывал над тем, стоит ли рассказывать Альвину правду, или же необходимо сохранить всё в секрете до самого последнего момента, когда утаивать секрет станет попросту невозможным. Чувство это разрывало меня на части, и я никак не мог решиться, мучительно выбирая в эти мгновения, как же поступить. Да, он мой друг, он прошел со мной через все беды и через все трудности жизни, но сможет ли его отравленный кошмарами рассудок принять эту правду? Сомневаюсь. Но попробовать стоило.

- На ночной стоянке я поделюсь с тобой кое-какими соображениями на этот счет, - медленно, подбирая каждое слово, сказал я, старательно наблюдая за реакцией Альвина, - а сейчас давай собираться и валить отсюда.

Но убраться из Гелема нам не дали, потому как Корнелий всё-таки прознал о делах Тристана, и прислал армию.

Глава 8

О том, что к Гелему приближается войско стратега, известил набатный колокол, ударивший совершенно неожиданно и страшно. Протяжный гул его в мгновение ока пролетел по окрестностям, заставляя перепуганных жителей бросить все свои дела и вывалить на улицы в ожидании разъяснений. Сначала все замерли, вслушиваясь в тревожный голос колокола, но затем, подобно волне, среди толпы начал распространяться тихий шепот, постепенно превращающийся в крик.

Собрав остатки вещей, мы галопом устремились к тому месту, где нас должен был встретить Тристан. Но рыцарь опередил нас, во главе кавалькады выехав нам навстречу. Обеспокоенное лицо его растеряло всяческие черты благородства и добродушия, и напоминало теперь лицо перепуганного мальчика, застигнутого за воровством соседских яблок.

- Стратег всё-таки опередил имперские легионы, - резко осаживая коня, Тристан едва не задавил попавшуюся на пути группу людей, куда-то бестолково бежавших, - три тысячи солдат сейчас направляются сюда, вся турма Флавия.

Мне очень хотелось отпустить какую-нибудь колкость, но я сумел сдержать себя. От Морхейма до Гелема дней шесть пути по тракту, для мобилизации стратиотов – еще дня три-четыре, если воины еще не были собраны в войско. Выходит, Корнелий оказался-таки извещен о предательстве Тристана, скорее всего кто-то успел отправить голубей, когда началась резня. А может быть, и раньше, заподозрив неладное. Как бы то ни было, выстоять против целой турмы, превосходящей количеством жителей города раза в два, шансов не было никаких.

- Единственный верный способ спастись для вас сейчас – это удариться в бега. Пусть горожане отправятся в леса, пока не поздно, часть – на другой берег Серебрянки. Уничтожив паром, мы сможем задержать их на достаточное время, - я попытался было образумить рыцаря, но увидев его глаза, счел куда более разумным замолчать.

- И все они умрут от холода и голода, если мечи килмарских безбожников не настигнут их прежде. Мы будем драться. И умрем с честью, - чеканя каждое слово, ответствовал Тристан, поглядывая на своих рыцарей.

- Сколько у вас воинов, позвольте поинтересоваться? Двести? Триста? Меньше даже, чем одна банда. В лесах у ваших людей есть шанс выжить, но здесь – нет ни единого.

- Моих воинов больше полутора тысяч. Каждый житель

Гелема возьмет в руки оружие и встанет на стену, закроет собой пролом, если понадобится. Армия Флавия идет налегке, без осадных орудий, и потому не сможет взять стены, когда на них поднимется каждый, кто способен держать в руках оружие.

- Вы посылали разведчиков на другой берег? Что если они решат подстраховаться и перекрыть переправу, а еще лучше – отправить на пароме ударный отряд, который откроет ворота изнутри?

- Мои люди еще не вернулись, но если так случится, я прикажу уничтожить переправу.

- Тогда нам нужно на другую сторону, немедленно!

- Отправляйтесь, - кивнул Тристан, - у нас еще есть пара часов на подготовку, так что когда Флавий придет сюда, его будет ждать неприятный сюрприз.

- Если только горожане и вправду решат встать на стены. Всё-таки убивать безоружных людей гораздо легче, чем стратиотов.

Тристан одарил меня обжигающим взглядом, но промолчал, вместо ответа развернув коня и пустив его галопом по направлению к форуму. Быть может, его вдохновляющая речь и сможет подвигнуть кого-то на эту битву, но противостоять ветеранам легиона они не смогут. Быть может, Флавий и обломит об эти стены пару зубов, но итог всё равно будет одним: тысячи трупов и сожжённый город.

Мы не стали медлить, и как можно скорее направились к переправе. По другую сторону Серебрянки, несущей свои бурные глубокие воды с севера Ауреваля, располагались рудники и пара деревень, поэтому паром представлял собой широкое грузовое судно, двигающееся между натянутыми от одного берега к другому канатами, приводимыми в действие береговыми механизмами. На нем в Гелем обычно доставляли шкуры, мясо и руду, поэтому вместительность у парома была колоссальной: как минимум пять десятков человек за раз могли переправиться с одной стороны на другую и еще с десяток тысяч литр груза впридачу. Однако нас ждало жестокое разочарование: целая толпа народу уже пыталась сбежать этим путем, начисто перекрыв дорогу к спасению.

- Предлагаю просто проскакать через этих трусов и порубить тех, кто не захочет уступить нам свое место, - задумчиво покручивая кончик своих усов, поделился своей идеей Валентайн.

- Тогда мы сами будем трусами, разве нет? – ехидно ответил ему Тукка, - будем скакать сломя ноги, да еще и рубить ни в чем не повинных людей. Дела-а.

- Насчет их невиновности еще можно поспорить. Но ты не прав, маленький Тукка, поскольку мы ничего не должны этому

городу, мы не воины сэра Гильдергедорана, и следуем нашей собственной миссии. Эти же трусы – просто бегут, оставляя свой дом и своего господина на расправу килмаровской погани.

Лицо Валентайна даже побагровело от возмущения, но Тукка только тихо посмеивался, глядя на исходящего праведным гневом рыцаря. Решать нужно было как можно быстрее, потому как непонятно, послал ли Флавий своих людей на другой берег, или же ограничится прямым ударом на город. Даже небольшой конный отряд неприятеля мог бы доставить нам кучу неприятностей, а помочь нам в схватке на противоположном от Гелема берегу попросту некому.

Но проблему нашу решили солдаты Тристана, появившиеся из соседней улицы. Плотный строй их с ходу врезался в задние ряды тех, кто пытался спастись бегством, и, прорезав насквозь, оцепил паром, стаскивая с него тех, кто уже успел погрузиться. Толпа заголосила, возмущенная, закричали женщины и дети, оттесняемые щитами стражи. Но противостоять слаженным действиям обученных воинов никто, разумеется, не смог, в особенности потому, что большая часть бегущих оказалась женского пола.

- Неужели этот свихнувшийся лорд решил набрать в свою армию баб? – рассмеялся Тукка, - эти городские девки даже оленя разделать не смогут, не говоря уже о том, чтобы скинуть на врага камень со стены.

Но, похоже, доля правды в шутке Тукка всё-таки имелась, поскольку стражники, тычками и ударами заставившие толпу построиться в неровную линию, принялись методично отбирать людей, тут же уводя их куда-то в сторону. Остальные же, в основном старики и дети, оказались предоставлены сами себе, но причитания их стихли, видимо, из страха к вооруженным воинам, не скупившихся на физическое насилие.

Часть стражников, отбив у толпы своих товарищей, пытавшихся до этого времени хоть как-то организовать переправу, взяла ее под контроль, выставив контрольный пункт. Едва наш отряд приблизился к ним, воины расступились, пропуская к спасительному парому, и я с облегчением перевел дух. Вместе с нами погрузился и небольшой воинский отряд из десяти человек. Все – конные, вероятнее всего, разведчики. Заработали громоздкие механизмы, перемещающие цепи, по которым ходит паром, и мы отчалили из обреченного города, над которым всё так же метался тревожный голос набатного колокола.

***

И всё-таки мы не успели. Турмарх Флавий, конечно же, не

был глупым человеком, и потому полсотни всадников, появившихся на стремительно приближающемся берегу, не вызвали у меня особого удивления. Переправа здесь – не просто пристань, но укрепленная частоколом застава с маленькой искусственной бухточкой для парома. Поэтому взять ее с наскока у нападавших не получилось, и немногочисленные защитники сумели хоть ненадолго приостановить людей комита, не дав им добраться до пристани и расстрелять нас из луков.

Рыцари тут же начали облачаться в боевую броню, готовясь к схватке. Кеметы расчехлили луки и оседлали своих лошадей, нервно переступающих с ноги на ногу. Я же лишь крепче сжал рукоять меча, и украдкой посмотрел на Альвина, судорожного чертившего что-то на клочке бумаге, поглядывая то на небо, то на окруживших заставу воинов. До берега оставалось всего с десяток футов, и в этот момент враги наконец прорвались внутрь, арканами растащив частокол в нескольких местах. Трое оставшихся в живых защитников уже не могли ничего сделать, и вскоре оказались окружены и убиты, а нападавшие устремились к механизмам, приводящим паром в движение с помощью волов, вращающих огромный барабан с цепью. Но было уже поздно, поскольку в этот момент огромные рыцарские кони, с места перейдя почти в галоп, начали свой разгон. Защелкали кеметские луки, и заставу огласили крики первых убитых и раненых. По моей задумке, рыцари должны были заткнуть бреши в стене, разойдясь полукругом и давя тех, кто успел проникнуть за частокол, благо их оказалось не больше пятнадцати человек, а кеметы – отстреливать наиболее назойливых, предотвратив повторный прорыв. У нападавших – легкие доспехи, из оружия – короткие луки, арканы и легкие мечи, ничего, что могло бы эффективно противостоять тяжеловооруженным рыцарям, и потому у нас еще оставался шанс не только выбить их из заставы, но и удержаться здесь, по крайней мере, до тех пор, пока мы не уничтожим переправу, оставив людей комита ни с чем. Альвин же, судя по всему, замыслил-таки какое-то колдовство, предложив мне довериться и продержаться хотя бы четверть часа, пока он проведет расчеты. Но будет ли у нас это время? В конце концов, нас всего лишь дюжина против полусотни конных лучников. Придется продержаться.

Я с ходу отбил копье выскочившего мне навстречу конного стратиота, попытавшегося было заколоть меня прямым и незатейливым ударом. Следующим выпадом мне удалось пробить нагрудник его доспеха и сбросить неприятеля на землю. Рыцари, подобно снежной лавине, просто смели замешкавшихся и явно не ожидавших такого удара противников, и погнали немногих

оставшихся в живых обратно к проломам шириной в два бревна, еще не успевшим превратиться в полноценные бреши, чему весьма успешно препятствовали кеметы, отстреливая тех, кто пытался растащить очередную пару бревен. Ярость боя не овладела мной, как всеми остальными, поэтому, отбившись еще от пары вялых атак в мою сторону, предоставив людям Валентайна закончить начатое, я забрался на дальнюю, закрытую от обзора осаждающих, башню и с тревогой принялся осматривать окрестности.

Наверняка легкие конные лучники нужны были лишь для быстрого захвата парома, чтобы удержать переправу до тех пор, пока не подтянутся основные силы. Будь это пехота, она отстала бы в случае такой атаки слишком сильно, и потому следовало ожидать либо катафрактариев, либо ту же пехоту, только для мобильности двигающуюся конно. Я больше склонялся ко второму варианту, поскольку тяжелым всадникам в полных доспехах было бы крайне неудобно передвигаться по местным пущам, где из дорог только звериные тропы, да и брать укрепления для них – не лучшая задача. А вот провести тем же путем сотню-другую скутатов, способных затем вести уличные бои в Гелеме привычным строем и спокойно держать позиции, укрываясь за щитами и копьями – в самый раз. И я нашел то, что искал.

- Сколько тебе еще нужно времени, друг мой? – стараясь перекричать шум битвы, я выжал из своего горла максимум звука, и почувствовал, что срываюсь.

- Полчаса… час. Не знаю, все слишком сложно и динамично. Проклятый ветер слишком быстрый и резкий.

- У нас нет этого часа. Там сотни две воинов Флавия, и скоро они будут здесь!

Блестящие на полуденном солнце шлемы неумолимо приближались к поредевшему частоколу. Еще минут двадцать, и они будут здесь, а справиться с таким количеством тяжелых пехотинцев не сможет и весь гарнизон Гелема. Оставалось только положиться на волю судьбы и умения Альвина. Но перед этим – уничтожить паром и механизмы, приводящие его в действие. Вопрос только – как?

Я обрубил перевязь, удерживающую волов на месте, и, выстроив послушных животин в цепочку по двое, кое-как соединил их одной веревкой, конец которой накинул на барабан, вращающий цепи парома. Объяснив раненым рыцарям, которых пришлось вывести из боя, что от них требуется, я снова отправился руководить обороной, а заодно поторапливать Альвина, пунцового от умственного напряжения и силящегося

составить наконец своё заклинание.

Вскоре послышался треск, и тут же одна из цепей парома обвисла, став стремительно разматываться и уходить в воду. С этим устройством рыцари справились, пришел черед следующего, а после – самого парома, который предстояло сжечь. Я едва справлялся с лезущими через бреши стратиотами, орудуя мечом безо всякой изысканности, рубя и коля лезущих врагов подобно тому, как дровосек рубит деревья. Последний раз такое сражение выдалось лет пять назад во время стычки с еретиками на востоке имперской провинции Галвань, где отряду инквизиторов пришлось усмирять целое восстание местного королька, много лет назад пришедшего под протекцию империи, но затем впавшего в ересь. Правда, в тот день я был в числе осаждающих, а не обороняющихся, но суть всё равно остается прежней. Кровь заливала всё вокруг, стекала по лицу, смешиваясь с потом, капала с меча в грязь под ногами, и пропитывала одежду. Вот упал один из рыцарей, пораженный случайной стрелой прямо в забрало шлема, двое других уже лежат в стороне, пытаясь остановить кровотечение и перевязать раны. Ррек, тоже раненный, волочит ногу, в которой застряла вражеская стрела, но продолжает осыпать ожесточенно лезущих стратиотов не только стрелами, но и отборнейшими ругательствами. Позади в это время разгорается пламя, медленно но верно распространяющееся по настилу парома, проломленному теперь в нескольких местах. Теперь мы оказались отрезаны от единственного на данный момент пути отступления, но мы бы в любом случае не успели переправиться обратно, потому как паром жестко привязан к направляющим его механизмам, управление которыми возможно с любого берега. Отцепи мы его и попытайся отдаться на милость реки, бурное течение отнесет паром на острые камни ниже по течению, и разобьет вдребезги. И потому вся надежда только на Альвина.

Не знаю, сколько еще продолжался этот бой, поскольку времени для наблюдения у меня уже не оставалось. Семеро окровавленных и израненных рыцарей – все, кто еще мог оборонять укрепления. У кеметов закончились стрелы, и единственный, кто еще способен был вести бой, был Тукка, подбирающий стрелы противника и ловко укорачивающийся от обстрела. Глаза его горели странным огнем, и, казалось, ничто не способно ранить ловкого кемета, отплясывающего только ему одному понятный боевой танец, поскольку за всё время он не получил ни единой царапины. Впрочем, Альвин тоже казался целым и невредимым, хоть и изрядно уставшим. Отвлекшись на секунду, я едва не пропустил удар мечом, стоивший мне в итоге неглубоким, но очень болезненным порезом на предплечье.

Противник же, в отличие от меня, не отделался так легко, рухнув с горы трупов назад с распоротым животом, из которого вываливались склизкие внутренности. Дух стоял такой, что если бы не ветер, все, и враги и союзники, давно бы уже задохнулись в этих миазмах крови, пота, испражнений и выпотрошенных кишок. В какое-то мгновение я осознал предельно ясно: еще пару минут, и две сотни скутариев сомнут нас так же легко, как прибой сметает песчаный замок. Я едва держался на ногах, всё больше и больше погружаясь в пучину отчаяния и бессильной ярости, пытаясь с горсткой людей удержать эту проклятую переправу.

И когда, казалось, мы уже потерпели поражение, поле битвы треснуло, в прямом и переносном смысле. Страшный удар ветра свалил меня на землю и потащил прочь от частокола, который стремительно разлетался на части, уносясь куда-то в разверзшиеся небеса. Там, где-то высоко, будто разверзлось око разгневанного бога, взиравшего на мир смертных с презрением и злобой. Первобытный страх сковал меня по рукам и ногам, и я едва мог шевелиться, в ужасе наблюдая как окружающая действительность уносится в этот водоворот, поглощающий всё вокруг.

- Все по коням, быстро! – заорал мне прямо в ухо подоспевший Альвин, попытавшийся было поднять меня на ноги.

Но следующий удар ветра свалил с ног нам обоих, и потащил к реке, туда, где бились в ужасе наши кони, пытаясь убежать от этого ужаса, сметающего всё на своём пути. Я едва смог организовать оставшихся на ногах рыцарей и Тукка, велев как можно скорее привязывать раненых к седлу и готовиться к спешному отступлению. Все двигались подобно сомнамбулам, в ужасе наблюдающим за тем, что происходило вокруг. А посмотреть на происходящее стоило, поскольку там, где до этого высился частокол, башни и лежали тела погибших, теперь осталась только перепаханная земля и обломки, то поднимающиеся в воздух, следуя зову стихии, то вновь обрушиваясь на бренную землю, лишенную теперь даже намека на какую бы то ни было растительность. Не было видно нападавших, и только носящиеся в воздухе редкие элементы доспехов и частей тел напоминали об ударном отряде Флавия, вознамерившемся переправиться через Серебрянку и открыть город воинам комита.

Но по мере того, как буря стала стихать, в отдалении я заметил разрозненные кучки людей, в панике бегущие прочь от бедствия, настигшего их товарищей.

- Я ждал, пока здесь окажутся основные силы, - будто оправдываясь, сказал Альвин, - если бы ударил раньше, многие из

них остались бы живы, и сейчас бы вырезали нас как овец. Но нам всё равно нужно бежать отсюда как можно быстрее: рано или поздно они соберутся с духом, и тогда нам от них уже будет не уйти.

- Понял. Выдвигаемся по сигналу! Пойдем на север вдоль берега, потом повернем на восток как можно дальше, дабы не столкнуться с оставшимися в живых неприятелями.

- Можем скакать прямо на них, всё равно эти трусы наложили полные портки дерьма, и будут бежать так до самого Морхейма, - Валентайн ткнул толстым пальцем в отступающих солдат и нервно захохотал, будто пытаясь подавить этим смехом свой собственный страх.

- Судя по запаху, ты и сам наложил прилично, - в своей манере отозвался Тукка, единственный из всех выглядящий бодро и опрятно.

- Однажды я укорочу тебя так, что даже твои собратья-коротышки будут называть тебя карликом.

- Тогда я стану королем коротышек. А вот ты так и останешься обделавшимся рыцарем.

Но Валентайн только рассмеялся и, скрежеща зубами от боли, взобрался на коня, не удостоив кемета даже взглядом. Альвин, сосредоточенно вглядывающийся в уменьшающуюся дыру в небе, выдохнул со свистом и, пришпорив коня, показал знаком следовать за ним. И гонка началась гонка. Два с половиной десятка коней и десять человек. Три мертвых рыцаря привязаны к своим коням, и тела их, сломанные и окровавленные, вызывают в моей душе горестный трепет. Скольким еще предстоит погибнуть? Наверное, об этом лучше не думать, потому как может статься, что погибнут они все, включая и меня самого.

Тьма, порожденная страшным ветром, постепенно рассеивалась, уступая место прежнему солнечному дню. Если бы бегущие воины комита не были так напуганы, то, оглянувшись, заметили бы нас и если бы поспешили, смогли бы догнать и перебить. Но страх оказался сильнее, и мы, незамеченные, скрылись в ближайшем перелеске, намереваясь дать большой крюк, дабы избежать нежелательных встреч. Так мы неслись через всё густеющий лес, рискуя в любой момент переломать ноги и себе и лошадям, не останавливаясь, пока, наконец, спустя несколько часов, не выдохлись окончательно. Многие уже не могли держаться в седле, и именно поэтому я принял решение остановиться лагерем и заняться ранеными. Хорошие доспехи и выучка спасли рыцарей от серьезных ранений, но всё-таки бой с превосходящими впятеро силами противника – не прогулка по лесу. Покореженные доспехи сделали своё дело, однако вся

работа, проделанная кузнецами Гелема, пошла насмарку и теперь требовали основательного ремонта. Запас лекарств, предусмотрительно собранного в последние дни нашего пребывания в городе, пригодился как нельзя кстати: настойки, снимающие боль, заживляющие и обеззараживающие мази, чистая материя для перевязок – всё это тут же пустили в ход, предоставив двум самым здоровым членам отряда обустраивать лагерь. Тяжелые ранения имели лишь трое, в том числе и Ррек, так и проскакавший весь путь с наконечником стрелы в бедре. Но при должном уходе инвалидностью они не грозили, и через пару недель уже не будут доставлять таких неприятностей хотя бы в плане верховой езды. Мелкие раны получили почти все, кроме Альвина и Тукка, решившего, видимо, учиться на своих ошибках и не попадаться под вражеские стрелы. Альвин, правда, выглядел не лучшим образом, но физических повреждений не имел, и потому безропотно принялся обустраивать палатки. Я только промыл свои раны чистой водой и замотал чистой материей, уже почти не чувствуя неприятных ощущений. Завтра всё заживет, и от сегодняшней битвы на моем теле не останется никаких следов.

Под стенами Гелема уже наверняка кипел бой. Интересно, удалось ли Тристану мобилизовать горожан и заставить их оборонять стены? Как бы то ни было, мы своим прорывом обеспечили надежное прикрытие городского тыла, потому как две с половиной сотни воинов, высадись они прямо внутри Гелема, устроили бы настоящую резню, начисто лишив защитников каких бы то ни было шансов на спасение. Быть может, Гелем и продержится какое-то время, с нашей помощью, на пару часов дольше, но, в конечном счете, судьба его предрешена. Все это прекрасно понимали, но многие продолжали верить в чудо. Многие, но не я. Больше всего меня волновали возможные преследователи: ветер разметал едва ли половину из них, и потому, даже не «если», а «когда» они соберутся с духом и осознают, что опасность миновала, по нашим следам наверняка отправят погоню. За таланты кеметов я не опасался, и те наверняка смогут запутать следы, однако если нас всё-таки выследят, с таким-то количеством лошадей и раненых, никаких шансов справиться уже не будет. Следовало отдохнуть, и снова продолжать путь, пусть даже идти придется всю ночь и весь день.

- Что это было? – спросил я у Альвина, когда лагерь уже был обустроен и те, кто еще мог есть в вертикальном положении, собрались у костров.

- Где? – будто не понимая, о чем идет речь, Альвин продолжал жевать жареное мясо, хитро наблюдая за мной.

- Не хочешь выдавать профессиональных секретов? Что ж, я

ведь обещал тебе одну историю. Хочешь вначале услышать ее?

- Именно.

- Только хочу сразу предупредить: рассказ мой будет местами очень и очень сомнительным для здравого его восприятия. Поэтому вначале дослушай всё до конца, и не изводи меня глупыми вопросами. У меня хватило глупости рассказать всё Августину, но наш старый знакомый объявил меня сумасшедшим и отправил меня сюда, якобы на поиски колдуна-диверсанта.

- Очень на него не похоже. Быть может, старик из ума выживать начал?

- В том-то и дело, что нет, - печально вздохнул я, пытаясь собраться с мыслями, - быть может, из ума выжил я сам.

И я рассказал Альвину всё, что до этого решил доверить Августину. Про первое появление Пугала, про события, связанные с каждым его видением, о столкновении в Стаферосе, о Багряном Пламени и кошмарах, насылаемых этим демоном. Обо всём, что могло иметь хоть какую-то ценность для общей картины, складывающейся в голове Альвина как стороннего наблюдателя. И целых два часа до самого заката я говорил и говорил, не в силах остановиться, пока словесный поток не иссяк сам собой. Как будто тяжкий груз упал с моих плеч. Совсем другое ощущение, нежели когда я рассказал то же самое Августину. На душе стало легко и свободно, и меня сразу потянуло в сон, будто вся накопленная за день усталость наконец решила навалиться на меня разом.

- Временами действительно было похоже на бред сумасшедшего, - немного помолчав, осмысливая сказанное, резюмировал Альвин.

- А другими временами?

- Проясняются некоторые моменты. Например, твои кошмары, судя по описанию, почти идентичны моим. Только в них я никогда не видел никакого Пугала, одни лишь картины прошлого, вызывающие острую душевную боль. Я понимаю, что всё это нереально, знаю: всё давно осталось в прошлом и я не виноват ни в чем, но сны эти будто заставляют меня переживать всё снова и снова, мучиться и страдать. И я не в состоянии управлять своими мыслями, будто они, мысли эти – актеры на сцене театра, за которым я наблюдаю, но вмешиваться в ход пьесы не могу.

- Я – могу, но это не сильно помогает.

- Почему ты раньше никогда не рассказывал об этом? Быть может, я и не поверил бы во всё это, но зато не стал бы сейчас на тебя сердиться за эти недомолвки.

- Причин много, но главная среди них одна: я боялся

втягивать в это кого бы то ни было, поскольку и так потерял почти всех, кого знал и любил. Долгое время мне казалось, будто именно Пугало погубил их всех, и потому в бессильной ярости снова и снова преследовал этот фантом. Каждый раз мне казалось, будто еще чуть-чуть, и я настигну его, схвачу и уничтожу, но каждый раз он ускользал. Ужасный гнев застилал мне глаза, и я не видел жизни, несмотря ни на что, продолжавшей существовать вокруг моего замкнутого мирка, и потому был для нее недосягаем. Мои чувства превратились в пепел, и единственное, что мне оставалось – это ненависть, гнавшая меня вперед все эти годы. И которая привела меня сюда, в эти дикие дебри Ауреваля. К лесу Килмара.

- Так или иначе, все оказались втянуты в это дело. Что если мы и в самом деле преследуем фантом, обитающий у тебя в голове?

- Но тогда этот фантом насылает кошмары и на тебя.

- Это могут быть обострившиеся вследствие чрезмерного употребления вина муки совести, пусть немного более реальные и пугающие, чем прежде, но всё-таки…

- А как же всё происходящее здесь, в Ауревале? Неужели ты думаешь, будто Августин вдруг ни с того ни с сего решил впасть в ересь после стольких лет службы Ордену? Да и те одержимые, которых я вначале встретил в прибежище черных золотоискателей, а потом и в Гелеме – самое яркое подтверждение существования некой сущности.

- Но почему ты думаешь, будто эта сущность и есть Пугало? У тебя есть какие-то доказательства? В конце концов, я даже не видел этих одержимых, как не видел и никаких других проявлений силы этого злого духа или кто он там.

На изможденном лице Альвина пролегла глубокая тень сомнения. Казалось, он отчаянно пытается мне поверить, но разум его раз за разом наталкивается на непреодолимую стену из фактов и собственных убеждений, не в силах ее преодолеть.

- Но отрицать тот факт, что целая фема: стратег, турмархи и все остальные офицеры, а также, по всей видимости, и местная церковь Антартеса внезапно решила основать собственную религию и выйти из состава империи, не имея для этого даже сотой части необходимых сил, ты просто не можешь. Если бы они воочию не убедились в силе своего нового покровителя, стали бы они предпринимать хоть что-нибудь? И дело здесь не в том, что Корнелий решил продаться ахвиллейцам или кому-нибудь еще: этому нет ни единого свидетельства. Но вот тому, что в сердце древнего леса живет нечто, обладающее невероятным могуществом свидетельств предостаточно. И если бы ты меньше

пил, и больше занимался делом, давно бы уже это понял.

- Я и так понял это с самого начала, когда впервые пришел поделиться с тобой добытыми сведениями, - тихо вздохнул Альвин, задумчиво вороша палкой угли в костре, - но никак не мог принять тот факт, что этот бог или божество может оказаться реальностью. Не игнорируй мой вопрос: почему ты думаешь, будто Килмар и Пугало – это одно и то же лицо?

- Я только предполагаю, Альвин. Только предполагаю, больше ничего. Когда мы доберемся до нашей цели, всё встанет на свои места.

- Если доберемся. Если вообще сможем хоть что-нибудь найти в этом проклятом лесу.

Одинокая снежинка упала мне на руку, тут же растаяв. Я посмотрел на то место, где теперь образовалась маленькая капелька воды, и тут же рядом примостилась еще парочка, таких же колючих и холодных. Воздух вокруг наполнился сотнями крохотных ледяных частиц, кружившихся в тишине вечернего леса. Ветер стих, и теперь вокруг не было слышно ни единого звука, кроме поскрипывания сосен и треска пламени, пожирающего мокрые отсыревшие ветки в кострах. Я даже невольно заслушался, на мгновение выпав из разговора.

- А вот и последствия моего вмешательства, - рассеяно глядя на хоровод снежинок, Альвин тоже, казалось, проникся спокойствием и величием наступившей зимы.

- Так это маленькое чудо – твоих рук дело?

- Нам нужно убираться отсюда как можно быстрее. Кто знает, какими последствиями это может обернуться. Быть может, дело ограничится небольшим снегопадом, а может, снежным ураганом, сметающим всё на своём пути.

- Так что же ты, собственно, сделал? – не отставал я с расспросами, пытаясь хоть немного приоткрыть для себя секреты Изнанки.

- Ничего особенного. Создал колоссальную разницу давлений, в том месте, где ты мог наблюдать «глаз» бури. На самом деле, нам очень повезло не попасть под его воздействие, оказавшись на самом краю, однако последствия этого вмешательства еще могут сыграть против нас.

- Мы не можем уйти сейчас. У нас слишком много раненых, и некоторые едва могут держаться в седле. С рассветом отдадим последние почести погибшим и отправимся в путь, тогда же станет ясно, не прибавится ли у нас мертвецов.

- Тогда лучше укрепить палатки. Почему-то мне кажется, что эта незапланированная зима окажется весьма скоротечной.

Так оно и вышло. Через пару часов снег повалил так густо,

что за его стеной не было видно дальше пары ближайших деревьев. В полнейшей тишине слышался только шелест снегопада и собственное дыхание, густыми облаками пара окутывающее внутреннее пространство палатки. Альвин уже спал, сжавшись в клубок, рядом с ним – еще двое рыцарей, тихо постанывающих от боли во сне. Всю ночную стражу взял на себя неугомонный Тукка, казавшийся ничуть не уставшим и полным сил. Я предполагал такой эффект последствием своих манипуляций с нитями Изнанки, однако подтвердить мои предположения было попросту некому. Тукка же, в свою очередь, расхваливал великий магический дар Альвина, теперь уже неоспоримый, поскольку именно ему он обязан жизнью, неистощимой энергией и неуязвимостью в бою. Оставалось надеятся, что мои действия никак не скажутся на жизнерадостном кемете в будущем. Хотя бы до тех пор, пока мы не закончим возложенную на нас миссию. Но кем возложенную? Ведь именно я привел всех этих людей сюда, не приказ императора, не долг перед государством и богом, и уж тем более не просьба Августина. И если я ошибаюсь, если Килмар – не Пугало, наверное, мой бедный разум не выдержит и придет в окончательное расстройство. Тревога с недавних пор стала моим постоянным спутником. Она не давала мне спокойно есть, спокойно спать и спокойно думать: я мало ел и плохо спал, а мысли лишь бесцельно ходили по кругу, каждый раз возвращаясь к одному и тому же. Что я стану делать, когда найду того, кого ищу? У меня нет никаких планов касательно этого. Чистый авантюризм и надежда на удачу.

Когда я вспоминаю о былых заслугах, присваиваемых мне, в памяти всплывают только невнятные отголоски моих мыслей. Я всегда действовал по наитию, как это произошло с Аврелией и Александром. Два пика моей карьеры, а затем вновь стремительное падение. Первая сама выдала себя, отдавшись на растерзание толпе, а второй…

***

Пятый год от основания Седьмой Империи. Война с королевством Дремм. Зимний лагерь Восьмого Пепельного легиона.

Небольшой карательный отряд Великого командора Латтания и десяток боевых братьев и инквизиторов из генерального капитула уже несколько недель занимались тем, что вылавливали недовольных установившейся на оккупированной территории королевства властью Антартеса и империи, изредка совершая рейды и за территорию фронта. Я долгое время топтался на одном месте, не понимая, куда ведет меня интуиция. Все места, где мог скрываться малефик, давно уже перевернуты с ног на голову, а все,

кто владел хоть какой-то информацией об этом человеке – допрошены с особым пристрастием. Но всё без толку. Нет ни имени, ни примет, ни даже примерного места его обитания. Легионы страдают от голода и холода: все припасы оказались испорчены, а фуражи завязли в снегах, перекрывших тракты и дороги, ведущие к границе. Мор уже четвертый раз с тех пор, как легионы заняли северо-восточную территорию Дремма, обрушивается на измученных солдат, и никакие средства не помогают предотвратить новые вспышки болезни.

Естественно, Инквизиция сразу же объявляет эти бедствия делом рук колдуна, скрывающегося где-то на оккупированной территории, и своим злоделанием подрывающего победоносную военную кампанию. Он неуловим, он вездесущ, и смертельно опасен. Но удача его не безгранична.

Я настиг его в одном из монастырей на самой границе с королевством. Достаточно далеко от фронта, чтобы избежать подозрений, и в тоже время под самым носом у святой братии. Обычный монах, принявший имя Александр. Никто бы никогда не заподозрил в этом смирном и добродетельном человеке коварного малефика, никто, кроме меня. Естественно, он не хранил никаких запрещенных книг, странных облачений или предметов для ритуалов, не был он пугающим старцем с длинными седыми космами и белыми глазами. Обычный монах двадцати шести лет от роду, светловолосый и темноглазый, аккуратная бородка добавляла ему благообразности, а манеры его и вовсе, казалось, принадлежали святому человеку. В Александре, пожалуй, было больше светлого, чем в иных церковных иерархах. Это его и выдало.

Церковь давно превратилась в оплот порока, и настоятели монастырей, как и живущие в них монахи давно превратились в искателей наживы и почитателей собственного брюха. Мало кто из них умел писать или хотя бы писать. Антартес больше не являлся святым во снах и видениях, лик бога давно угас. Только Инквизиция с отчаянной яростью противостояла окончательному развалу церкви, но всё-таки была отделена от нее и мало что могла предложить помимо «прополки сорняков», как выражался в то время Магистр Тантал. И потому, когда я натолкнулся на такого праведного и учёного мужа по имени Александр, выделяющегося среди общего стада подобно одинокой скале среди бескрайнего моря, тень сомнения сразу же закралась мне в душу. Ужасные времена, когда святость вызывает подозрения. И когда ко мне на стол легла вся информация об этом человеке, все отчеты о его последних передвижениях и посещенных местах, картинка сложилась в единое целое. Появившись на пороге монастыря в

начале войны, Александр очень быстро завоевал расположение его обитателей, и в особенности настоятеля, и вскоре стал ведать делами экономического толка. А это, в свою очередь, позволяло ему спокойно перемещаться по владениям капитула, под предлогом разрешения финансовых сложностей, сборов налогов и различных мелких проблем. Единственный раз до того, как Александр попал в руки инквизиторов, мне довелось поговорить с ним в его келье, в которой не было ничего, кроме соломенного матраса, одеяла, больше напоминающего холщевый мешок и конторки с парой выгоревших свечей.

- Я знаю, зачем ты пришел, - тихим голосом, не отрываясь от работы, сказал Александр. Его рука что-то старательно выводила на листе бумаги, чертя завораживающие воображение идеально правильные и красивые буквы.

- Единственный человек, который до сих пор чтит законы Антартеса либо святой, либо вражеский шпион, пытающийся отвести от себя подозрения. И я до самого конца надеялся встретить здесь праведника.

- Иногда святой и демон – одно и то же, - спокойным голосом заметил Александр, - всё зависит лишь от точки зрения.

- Зачем всё это было нужно?

- Затем, что я люблю людей. И мне горько видеть, как им насаждают веру в чужих богов, как сжигают и пытают тех, кто просто хотел жить по заветам своих предков, как легионы снова уничтожают память этого мира.

- На смену старому всегда приходит новое – таков закон мироздания, и нечего жалеть об ушедшем. Эти люди оказались не способны противостоять времени, и потому обречены либо сгинуть, либо стать частью нового мира.

- Но империя – это не новый мир. Это бесконечный цикл, повторяющийся раз за разом под разными названиями и лицами, суть которого, однако же, не меняется. Как бы далеко я ни забрался, как бы долго ни скрывался, вы всё равно пришли за мной. И за моей семьей.

- И поэтому ты решил отомстить? Классическая история, достойная героической саги, в конце которой лишь смерть.

- Не месть, нет, - всё так же продолжая писать, Александр бросил на меня полный боли взгляд, но не остановился, - я лишь хотел ненадолго остановить безжалостную машину легиона. Дать время Дремму собраться с силами и объединиться с союзниками, чтобы выгнать имперцев со своей земли. Дать людям надежду пережить грядущий хаос и избежать полного разорения этой земли.

- Империя всегда берет своё, так или иначе.

***

В конечном счете, Александр отправился на костер. И я снова уничтожил чудо, подобного которому, наверное, уже не отыскать. Владел ли этот человек теми же силами, что и Аврелия и какова была природа его дара? Это так и осталось для меня тайной. В то время я был лишь поверхностно знаком с явлением Изнанки, и то лишь со слов Альвина. Сейчас ситуация стала ненамного яснее, но, возможно, все, кто был отправлен мною на костер, могли видеть мир так, как видел я его в ту ночь в лесах около дикарского капища. Если бы только я смог вновь поговорить с кем-то из них…

С рассветом пришел холод. Весь лес стал белым и скрипучим, и снег доставал до щиколотки, плотный и блестящий. По моим прикидкам, таких похолоданий следовало ожидать не раньше чем через месяц, но стараниями ли Альвина, или по иной другой причине, зима настала именно сегодня. Оно и к лучшему: снегопад надежно скрыл все наши следы, и даже если кто-то решил устроить погоню, его ждало горькое разочарование. Если бы не теплая одежда, вряд ли подобную погоду можно было бы назвать приятной, но мех позволял фривольно любоваться солнечным зимним деньком, не боясь обморозить уши. Но, кажется, открывшаяся взору картина пришлась по вкусу лишь немногим, поскольку рыцари, привыкшие к теплому климату, всё равно мерзли, сгрудившись у жаркого пламени. Остальные готовили погребальные костры, подыскивая сухие деревья, которые можно было бы срубить и использовать в качестве дров, требующихся в изрядном количестве.

Естественно, весь обряд пришлось проводить мне, как единственному полномочному представителю Ордена и старшему среди них, пусть мой статус командора и был всего лишь почетным званием. Аскель и Генрих – последние из рыцарей своего рода, лежали недвижимо на смертном ложе, и на лица их застыл вечный покой. Имена – последнее, что осталось от этих людей. И вскоре, произнесенные в последний раз, они также исчезнут навеки, растворившись в морозном воздухе леса на самом краю мира, где эти рыцари приняли свой последний бой. Мне было горестно наблюдать за тем, как пламя скрывает тела этих людей от внешнего мира, пусть я и успел перекинуться с каждым из них не более чем парой фраз. Они последовали за мной, и потому ответственность за их смерти, пусть и косвенно, всё равно на мне. Больше здесь, в неприветливых дебрях Ауреваля мне не найти таких союзников, и каждый из них теперь стоит дороже всего золота фемы.

Следовало поддерживать пламя до тех пор, пока даже кости

их не превратятся в золу, а затем рассеять прах по ветру. И на это у нас ушло еще много часов. Я повторял заученные слова, а рыцари подбрасывали еще и еще дров, со скорбными лицами осеняя себя знаками Антартеса. Снова и снова. Кеметы, поначалу наблюдавшие за происходящим, к полудню успели утомиться, и отправились на разведку. Альвин же просто сидел на ближайшем пне, сосредоточенно выстругивая что-то из куска дерева, и, похоже, его мало волновали эти смерти. Ночью к нему опять пришли кошмары, и всё, что я мог сделать – это лишь сказать пару ободряющих слов, оказавших не слишком большое воздействие.

Когда всё закончилось, мы вновь тронулись в путь. Солнце едва пригревало, но этого оказалось достаточно для того, чтобы первый снег начал подтаивать, превращаясь в мокрую кашу, разъезжающуюся под копытами лошадей. Приходилось часто останавливаться для отдыха и перевязки ран, и к позднему вечеру, решив дальше не двигаться в темноте, мы осилили едва ли десяток миль. Ночь, казалось, не принесла облегчения: Альвину с каждым днем становилось всё хуже, и потому он предпочитал спать как можно меньше. Снег то таял, то снова замерзал, временами моросил дождь, превращающийся в снег, и обратно. Мораль отряда с каждым днем падала всё ниже, а моя уверенность в собственных силах таяла как этот проклятый снег. Меня не слишком заботил тот факт, что Гелем сейчас, вероятнее всего, уже лежит догорающими руинами, в отличие от Валентайна, проникшегося к Тристану искренней симпатией, и в те дни, когда мы ожидали подходящей погоды, даже озвучивал мысли о том, чтобы остаться и помочь лорду в борьбе за дела веры. Наверняка многие уже похоронили этого отважного и благородного, по их мнению, человека, и потому скорбели немногим меньше, чем по погибшим братьям. Не унывали только кеметы, занятые своими привычными делами, и обеспечивающие нас таким необходимым сейчас свежим мясом.

Дальше на север и востоке лежали только бескрайние и безлюдные пустоши, на западе мы оставили Гелем, и цель наша теперь находилась строго в южном направлении. Там, где билось сердце леса Короля Эльфов. Целая неделя в итоге ушла у нас на то, чтобы вернуться на прежний курс и выйти на окраину известных кеметам лесных массивов. Тукка, лишь несколько раз ходивший дальше, чем эти места, заметно волновался, но у меня пока не было причин сомневаться в природном чутье кемета. Пусть конечная цель пока и не была определена, мои проводники наверняка смогут найти в лесу Килмара дорогу, по которой ходило множество людей, поклоняющихся местному богу.

Ближайшие дни и даже недели можно было не опасаться попасться на глаза каким-нибудь очередным паломникам, и потому мы шли не таясь, устраивая долгие привалы и спокойно отдыхая у костров. Еще через два дня мы оказались на краю леса, за которым начиналось огромное чистое поле, где не росло ни единого деревца. Лес будто кто-то аккуратно подстриг, придав ему почти идеально округлую форму, и за полосой этой земли, почти на горизонте, я увидел то, к чему мы так долго стремились: лес Килмара.

К вечеру следующего дня, миновав открытое пространство, продуваемое всеми ветрами, и ровное как имперский тракт, мы оказались возле черной громады заповедного леса.

Глава 9

- Не нравится мне это место, очень не нравится, - в очередной раз решил высказать свои чувства Альвин.

Уже два дня мы стояли лагерем на самой опушке, ожидая непонятно чего. Я медлил, и никак не мог решиться войти под кроны этого древнего, почти что живого существа. Тысячелетние сосны, огромные и необхватные, будто с немым укором взирали на нас, предостерегая от необдуманных действий. Я знал: стоит нам войти, и дороги назад не будет. Именно там всему предстояло решиться, именно там должен будет закончиться мой поход в земли Ауреваля. И мне должно было войти туда немедленно и покончить со всем тем злом, что творилось здесь. Но я все же медлил, часы напролет проводя в размышлениях и прострации, лишь наблюдая за лесом Килмара с безопасного расстояния, будто в один прекрасный момент он мог обрести ноги и, сорвавшись с места, поглотить меня.

- Мне тоже не по душе это место, - согласился я, в очередной раз обводя взглядом выстроившуюся в ровную линию стену леса, - и вот теперь, спустя годы пути к цели, мне хочется повернуть обратно, и никогда больше сюда не возвращаться.

- Если мы и дальше будем торчать здесь, рано или поздно один из патрулей Корнелия обнаружит нас, и вот тогда ваше «не нравится» превратится в «не вырывайте мне ногти раскаленными щипцами», - сердито вмешался в наш разговор Тукка.

Последнее время он не мог найти себе места, обшаривая местность и днем и ночью в поисках врагов, которые, по его мнению, только и ждут, чтобы схватить нас. Близость этого леса тяготила его, впрочем, как и всех остальных, и потому в своих рейдах он старался держаться от него подальше. Огромное равнинное пространство, которое мы пересекли, как выяснил Тукка, тянулось идеально ровным кольцом далеко за горизонт, и было просто удивительно, почему мы до сих пор не наткнулись ни на один из патрулей, должных сновать по этому открытому пространству взад и вперед. Быть может, стратег решил ограничиться только охраной самого капища, если такое имеется, или же просто не стал распылять силы в преддверии грядущей войны. Я ощущал странное напряжение в груди, какое бывает перед каким-нибудь важным и ответственным делом, и потому не мог спокойно есть и спать. Липкий холод не отпускал, сковывая по рукам и ногам, и даже пламя костра не могло согреть меня, заставляя подолгу сидеть около тепла, кутаясь в меховые одежды. Как бы то ни было, волнение только возрастало, и медлить уже

было нельзя.

- Выступаем через полчаса, - тихо, будто самому себе, прошептал я почти одними губами.

Но, как ни странно, даже этого молчаливого приказа оказалось достаточно, и отряд, до того пребывавший во сне, пришел в движение, вначале медленно и будто неохотно, но всё быстрее и быстрее. Хватило десяти минут, чтобы убрать палатки, завалить костровую яму и убрать все следы нашего здесь пребывания. Настало время для последнего рывка, и сегодня я собирался встретиться с тем, кто называл себя Килмаром, как бы в конечном счете ни закончилась эта встреча.

Я никогда не верил в сказки, всегда предпочитая иметь дело с объективной реальностью, но здесь, в этом лесу, казалось, возможно любое чудо, какое себе только можно вообразить. Наверняка, если посмотреть на этот лес с высоты птичьего полета, форма его, идеально круглая, невозможная в природе, вызовет множество вопросов, которым суждено будет остаться без ответа. Что заставляет деревья расти подобным образом? Древняя магия? Или божество, здесь обитающее? Всё здесь выглядело так, будто имелся какой-то план, следуя которому следовало расти каждому дереву, каждой травинке и кусту, образуя неприметные на первый взгляд узоры и живые конструкции. Я попытался вновь вызвать то состояние, в котором мне удалось излечить кемета, вновь узреть Изнанку мира, и когда это получилось, я едва не ослеп от увиденного.

Здесь находилось сердце нашего мира, теперь я точно знал это. Все нити тянулись вглубь леса, огромные пульсирующие пучки энергии, переплетающиеся и извивающиеся подобно венам в теле человека. Небо надо мной напоминало пестрый восточный ковер, рисунок которого выткал сам Творец. Теперь я не видел даже очертаний реального мира, а только лишь его схему, наполненную немыслимым количеством моделей существующих предметов, питаемых бесчисленными нитями жизней, спускающимися с неба, и прорастающими из-под земли. Я видел все гораздо ярче, чем прежде, видел сам великий замысел, благодаря которому весь наш мир смог быть создан. Но кем? Я затронул рукой тончайшую нить, связывающую маленький куст с единым потоком жизни, и в изумлении наблюдал, как тело его, сотканное из разноцветной переливающейся материи, рассыпается и гаснет, лишенное подпитки.

Люди же, сколько я ни вглядывался, представлялись лишь серыми очертаниями, внутри которых на первый взгляд почти ничего не происходило. Я знал: можно «пришить» к человеку любую из этих нитей жизни, и отдать ему энергию,

предназначавшуюся для того, кому она принадлежала, можно даже связать энергии двух человек, как это делал Альвин, но убить человека подобным способом или же хоть как-то повлиять на него, казалось делом невозможным. Будто мы были не частью этого мира, живущего по своим законам, а инородными телами, холодными, подобными осколкам железа, застрявшими в живой плоти мироздания. В лесу близ лика Огреда я совершенно точно мог наблюдать биение жизни в животных: зайцах, оленях, волках, но не в нас самих. В тот день я не придал этому достаточно значения, потому как едва мог удерживать взгляд на чем-то одном, не теряясь в бесконечности бытия каждую секунду. Здесь же мир почему-то казался статичным, застрявшим в каком-то одном моменте своей жизни. В прошлый раз я мог видеть в какой-то мере и прошлое и будущее всего живого вокруг, бесконечно изменяющееся и неуловимое, здесь же всё находилось в полнейшем спокойствии и забвении, нити казались однотонными и одинаковыми. И это сильно настораживало.

- Что ты видишь? – раздался над ухом какой-то неприятный и незнакомый голос, решивший вторгнуться в этот совершенный мир из своего ограниченного бытия.

- Всё, - только и смог выдавить я, сам не осознавая, зачем.

Невероятное напряжение, появившееся в прошлый раз при соприкосновении с Изнанкой, в этот раз казалось меньше, но спустя еще буквально десять минут я уже едва мог держаться в седле и потому поспешил вернуться в привычный для меня мир. Закрыв глаза, я постарался очистить сознание и отрешиться от окружающей действительности, и тут же сильное головокружение едва не свалило меня с седла. Вокруг снова появился обыкновенный лес, темный и спокойный. Ни единого шороха, кроме перестука копыт, побрякивания сбруи и доспехов, ни единого движения. Поглощенные напряжением этого места, ни рыцари, ни кеметы даже не заметили моего недомогания, и только Альвин, ехавший по правую руку от меня, буравил меня заинтересованным взглядом.

- Здесь будто сходятся все нити мироздания. Где-то там, - я махнул рукой в том направлении, в котором мы двигались, - должно быть что-то вроде сердца, от которого и расходятся соки жизни. Здесь же по какой-то причине всё застыло на месте, и понять причину я никак не могу.

- Значит, мы движемся в правильном направлении. Но меня до сей поры весьма интересует один вопрос: как ты намерен поступить, когда мы найдем Килмара? Если всё это его рук дело, и он действительно владеет подобными силами…

- К сожалению, я сам так и не нашел на него ответа, - оборвал

я вопрос Альвина, пытаясь справиться с накатившей тошнотой, - я ведь могу видеть Изнанку, могу даже изменять ее. Другое дело, что я до сих пор не знаю пределов этой способности, поскольку долгое нахождение в подобном состоянии сильно изматывает, и это значительно снижает наши шансы на победу.

- Знаешь, я пытался, и не раз, сделать так, как ты говорил. Раздумывал о смысле нашего бытия и всё в этом духе, но всё безрезультатно. Однако здесь, в этом лесу, есть одна странность: я не вижу ни одной плоской проекции нити, как ты их называешь, и это наталкивает меня на не менее странные мысли.

- Это какие же?

- Не кажется ли тебе, что этот лес – лишь иллюзия? У иллюзий ведь не бывает теней. Быть может, у меня уже начались проблемы с головой, но минут двадцать назад я видел, как один из кустов на нашем пути просто исчез. Вот смотрел я в эту сторону, смотрел, а потом раз, и будто изменилось что-то. Не могу описать ощущение… - Альвин замялся, сжимая костлявыми пальцами виски и болезненно жмурясь.

- Моя работа, - тут же поспешил я его успокоить, - я оборвал нить этого несчастного куста. Но когда я оборвал нити деревьев, с помощью которых спас Тукка, они не исчезли, а просто умерли. Быть может, мы и в самом деле попали в лес иллюзий. А может, и вовсе во что-то наподобие Чертогов Тишины.

- Надеюсь только, обратно путь нам еще не заказан.

Альвин никогда не отличался любопытством, в отличие от меня, и потому даже не стал расспрашивать о моём увлекательном путешествии на другую сторону бытия. Он целиком и полностью ушел в себя, размышляя о чем-то своём, и на белом лице его застыла маска болезненной напряженности. Ауреваль, казалось, пожирал его с того самого дня, как он очутился на этой неприветливой земле, и сейчас я с горечью наблюдал за тем, во что превратился веселый, немного толстоватый балагур и философ. Казалось, весь он теперь состоит из одних только костей, обтянутых бледной влажной кожей, выбритый до синевы подбородок заострился, а глаза ввалились так глубоко, что казалось, будто каждый глаз смотрит на тебя со дна колодца. Я сам последний раз смотрел в зеркало так давно, что уже и не вспомнить, и оставалось только гадать, насколько лучше или хуже чем Альвин выгляжу теперь.

Рыцари ехали молча, не издавая ни звука, напряженные до звона подобно струнам арфы. Ррек и Шеффе о чем-то тихо перешептывались, ловко лавируя на своих маленьких лошадях в густом подлеске и меж могучих стволов древних сосен. Тукка не участвовал в их беседе, беспокойно оглядываясь и перебираясь с

одного конца нашей вереницы на другой, поминутно натягивая и спуская тетиву своего лука. Я уже начинал за него беспокоиться, поскольку решено было не отправлять никого на разведку и двигаться всем вместе, и оттого неусидчивый кемет очень страдал, пытаясь занять себя хоть чем-то. Выходило не очень. Однако я не мог себя заставить больше вымолвить ни слова, погрузившись в тяжелые раздумья и пытаясь побороть собственное неуёмное чувство, прочно поселившееся в груди.

Когда стемнело, остановились на стоянку. Здесь, в лесу Килмара, почему-то уже не было снега, и земля была сухой, а потому собрать ветки для костра не составило труда. Пока все занимались обыкновенными в таком случае делами по подготовке ночлега и приготовлению ужина, я отошел от остальных и немного углубился в темноту леса, тут же сомкнувшуюся за моей спиной. Пламя костра, не смотря на то, что я сделал всего три десятка шагов, казалось далеким и безжизненным, а лес вокруг – мертвым и ненастоящим. Я едва сдерживал себя, чтобы не побежать обратно к свету, как это бывало в детстве, когда страх темноты еще владел моим детским наивным сознанием. Здесь я снова вызвал образ Изнанки.

Небо надо мной, прежде черное, почти лишенное звезд, расцвело темными, но достаточно яркими красками. Я будто узрел потолок мира, завораживающе красивый и такой близкий, что, кажется, протяни руку, и коснешься его пульсирующей материи. Лес вокруг так и оставался неизменным: нити жизней почти не двигались, и энергия, сочившаяся по ним, казалось, была зациклена и двигалась по кругу. Эти деревья не были живыми, не было здесь ни зверей, ни птиц. Только маленькая группа людей, идущих навстречу неизвестности. Я закрыл глаза, сгоняя наваждение, но вновь открыв их, увидел только кромешную темноту. Повернувшись в ту сторону, где недавно был костер, я не увидел ничего. Как будто ослеп. Липкий страх закрался мне в душу, протянув холодные щупальца к самому сердцу. Сердце гулко ударилось, затем еще раз. В оглушительной тишине окружающей действтельности я казался себе единственным живым существом, единственной искрой в непроглядной тьме. Я совершенно утратил чувство направления и ориентацию в пространстве, низ казался мне верхом, север югом, а запад востоком. Хотя стоит ли вообще говорить о сторонах света, когда вокруг нет ничего, кроме тьмы? Я пытался двигаться наощупь, но не встречал на своем пути никаких преград, будь то кусты или деревья. На земле, сколько я ее ни щупал, не было ни травы, ни камней, ни корней, сплошная ровная поверхность, не холодная и ни теплая. Никакая. Просто преграда, не дающая мне

провалиться в бездну. Отчаяние и первобытный страх сводили с ума, я суматошно пытался отыскать хоть что-то, за что можно было бы уцепиться, но неизменно мои руки хватали одну лишь пустоту. Я полз вперед, силясь выбраться из этого ужасного места, и пот заливал мне глаза, хотя в этом месте также не было ни жарко, ни холодно. Руки мои тряслись, и я едва мог здраво размышлять над происходящим, до того сильным оказался страх, овладевший мной без остатка. Первобытные инстинкты заставляли меня метаться взад и вперед подобно тому, как дикие животные мечутся в клетке, не осознавая происходящего и движимые лишь одним страхом и яростью.

Когда силы покинули меня, я даже не смог понять, сколько времени всё это продолжалось. Час или год? Времени здесь нет. Нет пространства. Существую только я один. Но существую ли? Если бы не опора под ногами, я бы уже сошел с ума. Она почти неосязаема, но она есть, и потому я еще могу бороться. Я то лежал в полнейшей апатии, безразличный к происходящему, то вставал и принимался бежать, переполненный радостным ощущением и надеждой на спасение. Мысли мои уже не подчинялись мне, беспорядочно перемешиваясь в голове в такт биению сердца, распадаясь и изменяясь в размерах, становясь материальными. Через некоторое время мне стали мерещиться голоса, вначале тихие, но постепенно набирающие силу и звучащие громче колокольного звона. Затем они смолкали, сменяясь тишиной, в которой я слышал как кровь бежит по моим венам, этот отвратительный шелестящий звук еще больше сводил с ума, и потому я кричал, пытаясь избавиться от него. И когда к хору этих голосов, перемежающихся яркими вспышками света, добавился еще один, я поначалу не обратил на него никакого внимания.

- Вот мы и встретились, как я и говорил.

Гул этого голоса оказался настолько сильным, что я схватился за уши, пытаясь унять охватившую меня дрожь. Голос, говоривший со мной во снах и видениях. Но не очередная ли это галлюцинация? Я уже не осознавал, где нахожусь, не понимал, кто я и что со мной. Случайные образы возникали у меня перед глазами, уносясь прочь так же стремительно, как и появлялись. Мне стало не хватать воздуха, будто достаточное его количество перестало влезать в мою грудь. Я даже забыл собственное имя, пытаясь лишь не умереть от невыносимых ощущений отсутствия внешней среды.

- Ты находишься в пустоте, если интересно, - продолжал вещать голос Пугала, - не совсем пустоте, если быть точным, потому как существовать в ней без воздуха ты бы не смог, как и

без кое-каких других факторов, о которых ты знать не можешь. Абсолютное ничто, не имеющее ни времени, ни пространства и непостижимое для человеческого разума. Твоё появление в нем, конечно, внесло определенные коррективы, и теперь, грубо говоря, нельзя назвать это место «ничто». Скорее, это что-то ближе к пустоте, поскольку с твоим появлением здесь появилось и время и даже некое пространство… впрочем, я отвлекся. А времени, как бы парадоксально это ни звучало, у нас очень мало.

- Чего ты хочешь? – сам не слыша собственного голоса, спросил я, пытаясь сконцентрироваться хотя бы на своих словах.

- Я хочу, чтобы ты занял моё место и остановил того, кого ты называешь Килмаром. Это если кратко.

- Какое место? Кто ты такой? Ответь мне теперь, когда я…

- Настиг меня? Ведь именно это ты и хотел сделать все эти годы. Ты ведь и сам мог уже догадаться, кто я такой, сложив имеющиеся факты. Проблема в том, что тебе никогда не удавалось мыслить глубоко, и разум твой извечно пребывал в тумане, который я безрезультатно пытался рассеять, пытался пробудить тебя ото сна. У меня были сотни имен, самое известное из которых для тебя – Антартес, бог огня и перерождения. Феникс Империи.

- Но этого не может быть. Ты не можешь быть им! Ты – Пугало, а не бог!

Я почувствовал, как слезы побежали по моим щекам, я мог даже слышать звук, с которым они скатывались. Отчаяние и ужасная внутренняя боль пронзили мой разум и тело, и я едва смог подняться на ноги, в бесполезной попытке отыскать своего незримого собеседника.

- Я лишь оживил то немногое, что оставило тебе Багряное Пламя. Детский страх, лишавший тебя сна в далеком детстве. И именно этим образом я пытался исцелить сон твоего разума, в который ты впал после того, как испил воды из созданного мной артефакта, после того, как пламя выжгло тебя. Ты выжил лишь потому, что спрятал часть себя в далекую потайную комнату своего сознания, оградив самое себя от беспощадного очищающего огня, сам того не осознавая. Но при этом ты так и не смог выйти из той комнаты. Лишь боль и ярость, ослепительная и всепоглощающая, смогли заставить тебя двигаться вперед, боль и ярость, которые я внушал тебе посредством Пугала. Чтобы ты пришел ко мне и сделал то, что должно. Едва я переставал мучать тебя и тыкать палкой, ты сворачивался в клубок и замыкался в себе, переставая идти вперед. Мне едва удалось вытащить тебя из стен Стафероса, а твое путешествие в Ауреваль – и вовсе чудо, на которое тебя сподвигла лишь ненависть ко мне.

- Но что я должен сделать? Я думал, ты, Килмар и Пугало – одно и то же лицо, теперь же всё окончательно перепуталось. Зачем ты привел меня сюда?

- Я – лишь жалкая тень меня прошлого. Теперь я обитаю здесь, вне пространства и времени и моей силы уже не хватает на то, чтобы оказаться в том пространстве, что ты называешь Хвилеей. Я стал бесполезен и скоро то, что можно назвать моей жизнью, прекратится. Но часть моей силы теперь течет в тебе, ты ведь и сам понял это после того, как испил Багряное Пламя, и ты должен взять то, что осталось, чтобы выполнить своё предназначение.

- Моё предназначение… неужели ты думаешь, будто я хоть пальцем пошевелю, чтобы что-то сделать по твоему желанию? Я ничего тебе не должен, как не должен и этому миру.

- Видишь ли, в чем дело. Я и не заставляю тебя ничего делать. Как завещал нам Творец, ты наделен свободой выбора, и можешь поступить так, как желаешь. Но позволь я расскажу тебе прежде об этом выборе и начну, пожалуй, издалека. Когда-то давно, когда другие подобные мне еще обладали своими силами, мы создали то, что ныне называется душой. Мы хотели подарить людям вечность, и ценою своих жизней мы исполнили эту задумку, создав вселенскую систему правосудия, где грешникам уготованы вечные муки, а праведникам – вечные же наслаждения. Я выжил, но стал обычным божеством, положив на алтарь своё могущество, и занимался лишь тем, что пытался всюду установить царствие мира и благоденствия, со временем теряя себя всё больше и больше, поскольку население Хвилеи всё возрастало, и на создание новых душ уходило всё больше моих сил, всё больше моей сущности. Теперь всё, что от меня осталось – это голос в пустоте, и я не могу даже взглянуть на свой мир, который пришлось покинуть, дабы не исчезнуть окончательно.

Килмар был одним из нас, и он также отдал всё, чтобы увековечить себя в человечестве. Но оказавшись на гране исчезновения, он убоялся смерти, и потому попытался вернуть себе жизнь ценою жизней других своих собратьев. Мы разделили мир на Добро и Зло, упростили понимание нашего существования до двух полюсов, но тем самым вынуждены были сами разделиться на два лагеря. Килмар стал богом тьмы и ужаса, я – богом света и перерождения. Мне пришлось изгнать его сюда, за пределы мироздания, дабы зло не нашло себе нового воплощения и условный баланс сил был бы соблюден. Но здесь он, в конце концов, нашел способ вернуться обратно. И сделал он это тогда, когда силы мои почти истощились. Я не смог противостоять ему, и сбежал, в то время как Килмар вернулся туда, где всё

начиналось, в место откуда его изгнали. Он принялся восстанавливать свою мощь. Знаешь как?

- Поглощением душ? – будто во сне спросил я, погрузившись в странное состояние под действием голоса Антартеса.

- Именно так. Он стал демоном.

- Но почему люди следуют за ним? Это всё его магия?

- Нет никакой магии. Просто людям нужно во что-то верить, а я для них давно умер. Он никого не убивает, нет. Лишаясь души, человек ничего не теряет, кроме своего посмертия, а отдают ему свою душу они с превеликим удовольствием, пребывая при этом в блаженном мире лжи. Однако некоторые могут сойти с ума, столкнувшись с бесконечным голодом похитителя их душ, ты и сам видел такое не один раз. Когда он доберется до Чертогов Тишины, остановить его будет уже некому, потому как поглотив всех, кто умер за последние десять тысяч лет, он станет сильнее, чем все мы, кто создал души, вместе взятые. Что будет после? Сложно сказать. Быть может, он уйдет искать другие миры, а может, будет играться с этим. Он может уйти сюда, за пределы мироздания и создать что-то своё, а может уничтожить всё сущее. Но пока у него еще не хватает сил сделать это.

- Но ведь ты мог остаться в нашем мире, мог не отдавать мне силы Багряного Пламени, а забрать их себе и отправить Килмара обратно в пустоту.

- Не мог. История с чашей вышла случайно. Ты первый, кто смог впитать ее силу и не умереть, поскольку изначально она предназначалась совершенно для других целей. Забери я ее обратно, и эта капля не смогла бы ничего решить, поскольку слишком мала была заключенная в ней сила. Но она подготовила твоё тело к трансформации и позволила тебе существовать здесь, в ничто. Она же позволит тебе впитать то, что от меня осталось, и сразиться с Килмаром. Именно поэтому я так отчаянно пытался привести тебя сюда. Так что вот твой выбор: убей меня, сразись с Килмаром, отправь его в пустоту или уничтожь, и спаси людей от смерти. Или же оставь всё так как есть, Килмар вскоре заберет и твою душу и души всех, кто когда либо жил и будет жить, и тогда каждого человека в конце жизни будет ждать небытие. Готов ли ты обречь миллионы людей на эту участь?

- Но ведь нельзя создавать души до бесконечности. В конечном счете, Чертоги Тишины переполнятся, а новорожденные все равно будут обречены на небытие в конце своей жизни. Неужели ты настолько слеп, что не видишь очевидного? Что будет, когда людей на Хвилее станет в сто раз больше, а если в тысячу? Даже если уничтожать души тех, кто находится в Чертогах Тишины, их всё равно не хватит.

- Хватит. Потому как количество энергии жизни в мире не изменяется. Пусть бог и не может создать что-то из ничего, но он может использовать то, что есть. Если людей становится больше, где-то эта энергия убывает. Со временем растительности и животных будет становиться всё меньше и меньше, а людей – всё больше, и тогда им самим придется ограничивать себя. В конце концов можно будет устроить какое-нибудь землетрясение или потоп и сократить численность до минимума. Если бы я смог понять, как подчинять себе энергию, не принадлежащую живому существу, проблема бы и не существовала вовсе…

- Антартес ты или Пугало, но речи твои всё так же полны безумия. Для того, кто существует уже многие тысячи лет, разум твой удивительно узок и банален. Можно ввести еще и срок жизни для человеческой души, скажем, пять тысяч лет, пока душа сама не попросит о небытие, пресытившись вечным наслаждением. Но ведь тогда это уже будет не бессмертие, а просто долгая загробная жизнь? Вечность никогда не притягивала меня, и после смерти мне не страшно перестать существовать. Неужели вы, те, кто стали богами и те, кто создали человеческие души, были настолько трусливы и не могли принять конечность своего существования? Спросили ли вы людей, хотят ли они жить вечно? Быть может, тогда нужно было создать бессмертные копии еще и для домашних животных: кошек, собак… золотых рыбок в царских садах.

Я уже почти кричал, сам не зная почему. Разум мой был переполнен видениями и звуками, среди которых приходилось выискивать голос того, кого я прежде называл Пугалом. Бывший бог говорил спокойно и рассудительно, тон его голоса успокаивал, но принимать его слова я не желал, борясь с наваждением.

- Теперь, прожив вечность, я уже не боюсь смерти. Но в этом ты неправ. Мы не боялись умереть, мы жаждали только того, чтобы после смерти муж снова соединился с женой, родители вновь обрели детей, а дети – родителей. Чтобы смерть больше не разделяла человеческие судьбы, и в мире стало бы меньше горя и боли…

- Оставь при себе эти благие речи. Лучше скажи мне, как остановить Килмара. А я подумаю над тем, стоит ли мне вообще это делать.

- Как я и говорил, выбор был очевиден. Когда ты поглотишь меня и вернешься на Хвилею, тебе не составит труда отыскать мятежного бога. Тебе придется сразиться с ним на равных, и только от тебя будет зависеть исход этой битвы, поскольку проходить она будет не в Изнанке, как ты ее называешь, а в

реальном мире. Чтобы убить его, нужно поглотить его плоть, его сущность, всю без остатка, чтобы изгнать в пустоту – достаточно просто открыть сюда проход и запечатать его за ним. Но помни: он уже один раз смог вернуться, и наверняка сделает это снова.

- Для того чтобы взять твою жизнь, мне тоже нужно съесть твою плоть? Как ты вообще себе это представляешь?

- Нет, меня есть не нужно, я существую теперь лишь в виде энергии, бестелесного разума. Тебе достаточно вспомнить всё то зло, что я причинил тебе, и отдаться ярости, копившейся в тебе все эти годы, но будь крайне осторожен: открывшиеся чувства и знания могут свести тебя с ума и уничтожить. Тебе придется запереть их в самой далекой комнате твоего разума, и беречь как зеницу ока. В своё время тебе придется дать им свободу, и тогда твоя человеческая сущность переродится в нечто новое, способное противостоять Килмару.

- Но как мне вернуться обратно? Как понять, когда воспользоваться тем, что я вынесу отсюда?

- Мироздание подобно полотну, у которого есть лицевая сторона, и есть обратная, где находятся швы, соединяющие части ее воедино. Всё остальное пространство – это Ничто, область, где нет ни пространства, ни времени. Сравнение, конечно, так себе, но доступными разуму человека словами можно объяснить только подобным образом. Потому как Изнанка также имеет свою оборотную сторону, более тонкий слой, отделяющий бытие от небытия. В месте, откуда был изгнан Килмар, осталась дыра, точнее, ткань мира в этой части истончилась, и вновь разорвать ее для тебя не составит труда. Тебе предстоит найти ее, и через нее вновь проникнуть на тот план бытия, где сейчас находится твой враг. Ты можешь потерять всю свою память и самое себя, а можешь – лишь часть воспоминаний. Тебе придется самому во всем разобраться, я не могу помочь тебе.

- Это всё, что ты можешь мне сказать? У меня осталось еще так много вопросов. Неужели тебе так не терпится умереть?

- Мне нет нужды объяснять тебе что-то еще. Вскоре ты сам всё поймешь.

- А если нет? Скажи мне только: Пугало – реальность или моя выдумка?

- Теперь – он такая же личность, как и ты. И всё благодаря тебе. Прими его, и ты обретешь недостающую часть себя. Станешь целым. Вопрос лишь в том, кто из вас больше подходит для главенства разума.

- Что ты подразумеваешь под главенством? Он может поглотить меня?

Но Антартес то ли не счел нужным ответить на мой вопрос,

то ли уже готовился к окончательному слиянию с пустотой. В сгустившейся тишине на меня вновь нахлынули образы и мысли, казалось, мне не принадлежащие. Я вновь соскользнул в пучину безумия, и разговор этот начал истаивать в моей голове, сливаясь с чередой красочных образов. Ничто обернулось ярким солнечным днем в роще близ Стафероса, и я стал центром этого нового мира, его пространством и временем, началом и концом. В месте, где не было ничего, мой разум породил собственное мироздание.

Глава 10

Я открыл глаза и посмотрел в безбрежное небо, безучастно взиравшее на меня едва различимыми силуэтами Близнецов. Я лежал на мертвой, холодной и сырой траве, ощущая множество корней, пытавшихся выбраться из-под земли, и теперь впивающихся мне в спину. Я снова мог видеть, слышать, осязать. И это чувство казалось теперь самым прекрасным из того, что может вообще быть в мире. Нет для меня ничего более желанного, чем видеть небо и солнце, чувствовать под собою землю, напоённую запахами поздней осени, ощущать на своём лице дуновения холодного влажного ветра и прикосновения пожухшей травы, слышать пение птиц и шум ветвей. Был ли это просто кошмар, какие мучали меня раньше? Небытие, голос Антартеса и безграничная жажда, охватившая меня после того, как последние слова были произнесены? Быть может, я всё-таки сошел с ума, и убежал из лагеря, движимый приступом помешательства? Лес вокруг казался мне незнакомым. И, более того, живым, совершенно отличным от того, что я видел в лесу Килмара.

Здесь было теплее, чем в том месте, где я себя помнил в последний раз, однако это еще ничего не значило. Казалось, я оказался за много миль от леса Килмара, но вот понять, как я здесь оказался, не представлялось возможным. В голове моей мелькали смутные образы того, что происходило в Ничто, но по большей части они представляли собой галлюцинации, вызванные полным отсутствием каких-либо ощущений, и уже через несколько минут я не мог отличить одно от другого, не мог разделить явь и сон. Слова Августина, так некстати вышедшие сейчас из глубин сознания, обожгли меня подобно раскаленному железу. «Мир вокруг – это лишь то, что ты сам хочешь увидеть». И я, по глупости своей, видел не истинную картину действительной реальности, а лишь то, что показывал мой погруженный в туманный сон разум. Как мне теперь разглядеть истину в этом непроглядном тумане? И не лучше ли я того, кто, окрыленный обещаниями вечной жизни, отдал собственную душу демону леса?

Реальность и вымысел теперь окончательно слились во мне в сплошную завесу тумана, за которой не видно ничего, что могло бы направить мой путь в нужную сторону. Я так долго жил в мире, где любое явление можно было объяснить с позиции разума. И теперь, столкнувшись с явлением Изнанки и абсолютного Ничто, расстилавшегося за ней, я окончательно

потерял разум, не в силах смириться с полученным знанием. Я прибыл в Ауреваль для восстановления власти империи, но столкнулся с чем-то совершенно невозможным, и так долго боролся с принятием истины, что совершенно перестал отличать истину от иллюзий, почитая за логику и факты свои туманные домыслы.

Я брел туда, где, как мне казалось, находился юг. Мне хотелось лишь одного: выйти из этих проклятых лесов, забрать Мелиссу и уехать прочь. Какая-то потаенная мысль, однако, не давала мне покоя, очень важная мысль. Мне следовало сделать нечто очень важное, связанное с Килмаром, но я никак не мог вспомнить. И раз за разом возвращался к этому, вызывая приступы головной боли, раскаленными гвоздями проникающими в мой мозг. Но я никак не мог поймать ее за хвост, и вскоре вовсе забросил эти попытки, очистив своё сознание от всего постороннего, оставив лишь одну цель: выбраться отсюда во что бы то ни стало. Сильный голод терзал меня. Когда я ел последний раз? Уже и не вспомнить. Тело окутывала болезненная слабость, но я старался не обращать на нее внимания, упорно продолжая свой путь вперед.

Спустя много часов, когда стемнело, я забрался под развесистую ель, опустившую свои ветви до самой земли, и свернулся калачиком, пытаясь сохранить тепло. Холод пронизывал до костей, но здесь, под сенью этого древнего гиганта, хотя бы не было ветра. Невыносимо хотелось есть, но у меня не было ничего, что могло бы помочь мне в охоте, да и соответствующими навыками я никогда не обладал. Грибы и ягоды давно отошли, и оставалось только надеяться на скорый контакт с людьми, иначе я рисковал остаться в этих неприветливых лесах навсегда. Попытки вызвать образ Изнанки закончились ничем. В конце концов я почувствовал себя глупо и прекратил это бесполезное занятие, сосредоточившись на делах более насущных. В детстве один из моих учителей научил меня, как добывать огонь, если под рукой нет огнива, но с тех пор мне ни разу не довелось воспользоваться полученным навыком. Немало времени у меня ушло на поиски подходящего куска дерева и трута, поскольку всё вокруг оказалось сырым и, соответственно, непригодным для розжига. Под одной из елей я нашел большой высохший можжевельник, высушенный и достаточно твердый. Почти час я трудился, пытаясь высечь искру, натерев руки до кровавых мозолей, но результат того стоил. Сухой мох и трава воспламенились, вознаградив меня за труды своим теплом. Остаток ночи я провел в относительном тепле, и если бы не чувство голода, можно было бы сказать, с комфортом.

***

Они появились совершенно внезапно. На этот раз со мной не оказалось кеметов, чувствующих себя в лесу как на прогулке, к которым незаметно не подобрался бы даже комар. И потому их появление застало меня врасплох. Три десятка примитивных, но всё-таки достаточно смертоносных луков со всех сторон смотрели на меня острыми жалами стрел с каменными наконечниками. Лица дикарей, безобразные, с крупными обезьяньими чертами лица, густо заросшие черным мехом, взирали на меня со всех сторон. Вперед вышел один из них, точнее, одна. Моя старая знакомая, которую я отпустил в лесах около Гелема, решив даровать ей жизнь.

- Я же предупреждала тебя, - вновь услышал я их странную клокочущую речь.

- Здравствуй, Зин, - отозвался я, пытаясь понять, чем же вызвана эта встреча, - я тоже рад тебя видеть.

- Я не рада. Ты снова сделал то, что делать нельзя, хотя я тебя предупреждала.

- Между нами нет вражды, просто позволь мне покинуть эти земли. И тогда, обещаю, больше я не сделаю ничего, что могло бы вас оскорбить.

- Нет вражды? Ты глуп или слеп? Твои люди осквернили нашу святыню, твои люди убили многих моих родичей, твои люди похитили меня и хотели принести в жертву ради спасения осквернителя. После этого ты надеешься, будто между нами возможен мир?

- Моя вина лишь в том, что я не доглядел за одним дураком, решившим глупо пошутить над вашим идолом. Вы не стали вступать в переговоры, когда дело можно было бы уладить миром. Вместо этого пустили стрелу в спину своему обидчику, моему проводнику, от знаний которого зависели жизни всего отряда. Тебе и представить нельзя, насколько важно то, что мы делали. Насколько важно то, что я должен свершить.

Зин молчала, лишь неотрывно следя за мной горящими на солнце, похожими на янтарь, глазами. Мои слова по поводу миссии, казалось, вырвались у меня совершенно случайно, ведь я никак не мог вспомнить ни конечной цели того путешествия, что нам пришлось свершить, ни даже моих нынешних намерений.

- Взгляд Килмара уже нашел тебя. И больше всего он желает заполучить то, чем ты владеешь. Твою душу.

- Разве в ней есть нечто особенное?

- Несомненно. И я ему в этом собираюсь помочь.

- Но ведь ты сама говорила: никому нельзя трогать нити Изнанки! Если Килмар получит мою душу, никто уже не сможет

остановить его, и, став богом, он сможет сотворить с Изнанкой абсолютно всё.

- Он лишь заберет то, что сотворили другие, - гнев промелькнул на лице Зин, заставив ее угрожающе сделать шаг в мою сторону. Я услышал, как натягиваются тетивы луков, готовые в любое мгновение послать в меня смазанные ядом стрелы.

- Меньшее зло. Один уничтожит созданное другими, и равновесие мира снова будет восстановлено.

- Ты думаешь, он остановится на этом? Думаешь, Килмар, не станет еще большим злом?

Но Зин не стала вступать со мной в полемику, только махнула рукой в мою сторону, и тут же с десяток дикарей бросились ко мне, намереваясь схватить. Но мой меч оказался быстрее. Сверкающая сталь на миг сбила боевой задор этих зверолюдей, но отнюдь не остановила.

- Лучше сдавайся по-хорошему, - снова услышал я голос той, кого имел глупость отпустить, - нас гораздо больше, и со всеми тебе не справится. Быть может, когда Килмар найдет тебя, он не станет отбирать твою жалкую жизнь.

Отчаяние и страх, такие же сильные, как когда я впервые очутился в Ничто, снова овладели мной. Я почувствовал пульсирующую жилку у себя в голове, будто она являлась той самой мыслью, не дававшей мне покоя последний день. Но как только я пытался выловить ее, целая галерея бессмысленных образов закрывала мой внутренний взор, мешая сосредоточиться. Снова стало не хватать воздуха, и страшная тяжесть опустилась на мою грудь, мешая дышать. Мне нужно было вспомнить всё то, что произошло там, в пустоте за пределами нашего мира. Если это не было галлюцинацией, мне во что бы то ни стало нужно это вспомнить. Но я не мог. Голова моя раскалывалась на части, и рука моя, державшая меч, безвольно опустилась, не в силах выдержать его тяжести. Я почувствовал, как руки дикарей хватают меня и связывают, но не мог пошевелиться, пытаясь только вдохнуть спасительного воздуха. Чем больше я думал над этой мыслью, тем сильнее было удушье. Я помню, как оказался в Ничто, и голос Антартеса-Пугала говорил со мной. Помню отчаяние и ужасные образы, помню боль и ярость, застилающие весь мир. Что-то пошло не так, как должно, иначе бы я не оказался здесь и сейчас. Я должен был помнить. Должен, но ничего не могу с собой поделать. Мелисса. Ее образ всплыл в сознании спасительной искрой в царстве тьмы. Я так скучал по ней все эти долгие дни и недели, так жаждал встречи с ней, так хотел вновь увидеть улыбку на ее лице. Оковы, стягивающие мою грудь, ослабли, и я наконец смог свободно вздохнуть.

Обжигающий воздух ворвался в мои легкие, возвращая гаснущее сознание к жизни. Рванувшись изо всех сил, я почувствовал, как затрещали сдерживающие меня веревки. Но тщетно, бой закончился даже не начавшись.

Дикарей всё равно было слишком много, и бороться с ними не имело никакого смысла. Я оказался слишком слаб, и даже будь я в состоянии проникнуть разумом в Изнанку, вряд ли бы это помогло. Снова я стал проваливаться в туман, не предпринимая больше попыток очистить свой разум и вспомнить тревожащий меня образ. Лишь о ней я думал, лишь она изгоняла боль, с ней я мог раствориться в этой безбрежной белой дымке и не думать ни о чем, кроме нашей любви. В этом было спасение от боли, которую приносили воспоминания. В них я никогда не видел ничего, кроме тьмы и безнадежности, и только одно из них могло даровать мне покой.

Следующие дни превратились для меня в непрекращающуюся пытку: я пытался вспомнить, и никак не мог. Боль была не физической, но другого толка, какая бывает от долгого умственного напряжения. Это был единственный способ остановить Килмара. Я знал: он враг мне. Не только по причине неизвестности его мотивов и происхождения, но и потому… Я никак не мог сформулировать причину моей неприязни к этому существу, кем бы он ни был, демоном ли, богом или тем и другим. Стоило ли вообще доверять Антартесу, единственное желание которого – защитить своё творение всеми силами и даже ценой собственной жизни? Меня раздирало на части, но я упрямо продолжал копошиться в своей памяти, силясь вырвать из лап забвения нужный фрагмент. Антартес сообщил мне способ остановить Килмара, отдал мне нечто необычайно ценное, что мой человеческий разум не смог вместить, не смог осознать, и потому спрятал от себя самого, дабы сберечь целостность рассудка.

Меня куда-то тащили, как я предполагал – к Лику Огреда, но как в таком случае эти дикари собирались защитить себя от моих возможностей взаимодействия с Изнанкой, представить себе не мог. Наверняка они предусмотрели такой поворот событий, однако полной уверенности в умственных способностей этих зверолюдей у меня не было. Зин лично кормила меня на привалах, ни на минуту не давая ослабить стягивающие меня по рукам и ногам веревки, как будто будь у меня свободными хотя бы ноги, я бы бросился бежать в лес под прицелом трех десятков луков подобно испуганной лани. Странного вида каша, которую ели дикари, и которой кормили меня, действовала подобно снотворному, и уже после первой трапезы я едва мог осознавать

этот ее эффект, не говоря уже о более серьезных мыслях. Никто не обращал на меня внимания сверх нужды, и все мои попытки заговорить сталкивались с ледяной стеной молчания, и даже Зин, постоянно обихаживающая меня, за всё время пути не проронила ни слова. Я чувствовал себя донельзя уставшим и разбитым, постоянно хотелось спать, и новых попыток откопать сокрытое знание я уже не предпринимал, растворившись в блаженном сонном тумане.

Спустя, наверное, неделю меня привели туда, где всё начиналось, а точнее, в пещеры, испещрявшие пространство вокруг культовой поляны, на которой возвышался странный дуб с человеческим лицом. Я и представить себе не мог, что всё то время, пока мы шли через лес к Лику Огреда, мы шли над огромными системами искусственных пещер, замаскированных так тщательно, что даже кеметы не смогли их обнаружить. Входы в них представляли собой крошечные дыры в земле, закрытые сверху дерном, камнями или кустарником. Меня, всё так же связанного и упелёнанного без возможности пошевелить даже мизинцем, передавали с рук на руки и опустили в открывшийся лаз, зияющий темнотой. Я почувствовал холодное прикосновение земли и опавшей листвы, камней и корней, а затем очутился в узком пространстве туннеля, едва освещенного далеким светом факелов. Стены его оказались выложены аккуратно подогнанными друг к другу камнями без видимых следов какого-либо раствора. Здесь меня приняли еще двое незнакомых мне дикарей, не обменявшимися с теми, кто был на верху, даже парой слов.

Тоннель, длинный и извилистый, потихоньку расширялся. Стены его блестели от влаги, и с потолка постоянно капала вода, но скапливаться внизу ей не давал уклон, и редкие ручейки стекали куда-то вниз, возможно, в какие-то подземные каверны, специально для этого предназначенные. Вскоре выяснилось, что мое предположение оказалось верным. Меня вынесли в большую пещеру, стены которой были также выложены камнями, на этот раз плоскими и подогнанными друг к другу почти без швов. Справа и слева от входа были проделаны желоба, по которым вода стекала в отверстия, уходящие куда-то на нижние уровни. Стены пещеры, безупречно ровные и гладкие, покрывали различные изображения, в основном различного рода животных и сцен охоты. В центре – массивный каменный алтарь, и сложенные опять-таки из камня жаровни, в которых весело потрескивал огонь, наполняющий подземный зал таинственным светом. Но в этом месте мы долго не задержались, и дикари понесли меня дальше.

Все мои попытки заглянуть в Изнанку почему-то не увенчались успехом. Возможно, дело тут было в тумане, окончательно воцарившемся у меня в голове, но даже эта мысль далась мне с трудом, и единственное, что мне оставалось – это вяло ворочать головой и осматривать местные достопримечательности, пытаясь запомнить дорогу назад. Но после нескольких похожих одна на другую пещер, каких-то кладовых, залов, мастерских, комнат-спален с кучей сваленных у стен шкур и мехов, я уже отчаялся припомнить обратный путь.

В конце концов меня внесли в небольшое углубление в одной из стен, проход который по ширине и высоте не сильно превышал диаметра моего тела, что было больше похожее на заделку для очередного коридора. Влезший вслед за мной дикарь, чей рост, в отличие от моего, позволял ему преспокойно передвигаться по этим системам залов и коридоров, не пригибаясь, не стал меня развязывать, усадив на каменный уступ, и тут же выбрался обратно. Послышался скрежещущий звук, и пятно света на месте прохода закрылось. Я остался один в совершенной темноте. Опять.

***

Меня собирались преподнести Килмару как особо дорогое и вкусное блюдо – в этом у меня уже не оставалось сомнений. Поверить во всё происходящее трудно, но необходимо. Оставался открытым только один вопрос: когда всё это случится? Лесной бог, кем бы он ни был, пребывал в физическом обличье, а значит, его можно убить. Антартес упоминал что-то с этим связанное, но этот момент выглядел абсурдным, и потому я подвергал его большому сомнению. Съесть его плоть – вот что предлагал Антартес, всю без остатка. Но разве это возможно? Нужно ли есть и кости и внутренности, когти и зубы, если воплощение Килмара, как говорят легенды – огромный медведь? На это у меня уйдут недели. Быть может, в этих словах присутствует некое иносказание, и мне нужно понять его смысл, прежде чем вступать в битву. Но я даже не мог выбраться из каменного мешка, в который меня поместили эти подземные дикари, не говоря уже о сражении с Килмаром. Здесь, в этих пещерах они смогли выжить, прячась от всего мира, почти под самым носом у развитой цивилизации, которая, возможно, и стала причиной, по которой они стали жить глубоко под землей. Ах если бы я только мог освободиться и поговорить с кем-нибудь из их правителей, если бы на моей стороне был хотя бы мой отряд, оставшийся теперь где-то в лесу Килмара… Но я один, я связан и никак не могу дотянуться до Изнанки, не могу воспользоваться знанием и силой, данной мне Антартесом. Один в темноте.

В первый день зимы, настоящей зимы, а не той, вызванной вмешательством Альвина, за мной пришли. Семь человек, включая мою старую знакомую, отодвинули камень, и вытащили меня из тюрьмы, в которой я пребывал последние две недели. Я уже не осознавал происходящего, поскольку разум мой, пребывавший уже до заточения в блаженном тумане, уснул окончательно. Темнота и тишина, ни единой возможности пошевелиться. Я уже не чувствовал своего тела, не чувствовал своего разума, а боль и переживания растворились подобно сахару в парном молоке, лишив мотивов к сопротивлению. Все чувства заснули, оставив только долгожданное блаженное спокойствие, к которому я так страстно стремился все эти годы, пока Пугало пытался вернуть меня к жизни посредством боли и ненависти. Когда меня вновь пронесли через все коридоры и залы, я уже не мог отличить один от другого, и все они слились в бесконечный подземный мир, мир камня, пустоты и смерти.

- Он уже совсем близко, - наклонившись к самому моему уху, прошептала Зин, но голос ее почему-то был совсем другим. Голосом Антартеса.

На ее смуглом широком лице читалась тревога, будто появление Килмара для нее означало не меньшую опасность, чем для меня. Мои «носильщики», казалось, тоже были не в восторге от всей этой затеи, но предпочитали хранить молчание, следуя лишь указаниям Зин.

- Почему вы так ревностно оберегаете Изнанку от вторжения таких как я? Кто завещал вам хранить ее? – сам не слыша своих слов, задал я давно мучающий меня вопрос.

- А кто завещал тебе ходить прямо на двух ногах, кто завещал говорить? Люди должны видеть только то, что могут видеть их глаза, и именно поэтому Изнанка сокрыта ото всех. Эти несчастные создания – одни из первых детей Творца, и последние из тех, кто способен заглядывать на другую сторону. Твой же род… наш род был лишен этой возможности, и на то у Него были особые причины.

- Но всё же я могу видеть её, как это делает Килмар и другие, подобные ему.

- И слава Творцу, что таких чудовищ в нашем мире осталось лишь двое. А вскоре и вовсе только он один, - теперь голос уже принадлежал Зин. С кем же я всё-таки говорю? Туман, поглотивший меня, начал рассеиваться и открывать реальную картину мира.

- Это ведь как-то связано с поглощением душ? Думаешь, когда он покончит со мной и всеми остальными, он оставит Изнанку в покое? Это ведь глупо. В голове у такого древнего

чудовища как Килмар может твориться все что угодно, и едва ли вы сможете предугадать его действия.

- Его действия гораздо легче предугадать, нежели твои. Он перестал быть человеком, и потому его стали связывать определенные законы, - снова раздался в моей голове голос Антартеса, яркий и звонкий, - Он – воплощение зла, демон, который пожирает души людей, он – тьма. Но он не истинный бог, он бывший человек, от которого осталась лишь заложенная в него идея, с помощью которой он и обрел нынешнее могущество. Ты же пока – не свет и не тьма, ты можешь поступать так, как тебе вздумается, и невозможно предугадать, как отразятся твои действия на Изнанке мира.

- Что ты хочешь этим сказать? Раз он – зло, то разве не должен он в таком случае уничтожить мир?

- Когда он пожрет все души, когда уничтожит то, что было создано такими как он, всё его существование утратит какой-либо смысл. А смысл его был в противостоянии Добра и Зла, бессмертия души и небытия. Ему всегда должен противостоять тот, кто выступает за свет, за силы добра. Таковы условия их существования, и только так Творец позволил им стать теми, кто они есть, иначе весь наш мир давно бы перестал существовать, обратившись в хаос.

- Но почему вы тогда противитесь тому, что определил сам Творец? – обратился я уже к Зин, чьи очертания уже стали мне отчетливо видны, - если он создал законы, по которым боги могут существовать, зачем вы хотите избавить от этого мир?

- Затем, чтобы никто из тех, кто возжелал обрести подобное могущество, не имел ни малейшего шанса осознать свою человечность. Ибо если это произойдет, не станет ни Добра и ни Зла, ни Света и ни Тьмы, и когда правила будут уничтожены, наш мир встанет на край погибели. Если не останется никого, кто будет владеть подобной силой, если не останется ничего из того, что не было запланировано Творцом, наш мир будет в безопасности. И тогда мы наконец перестанем нести свою службу.

Дневной свет ослепил меня. Он, казалось, выжег мне глаза, и я не мог видеть ничего, кроме бесконечно белого сияния, проникающего, казалось, в самые глубины моего разума. Я не мог понять, происходил ли этот разговор на самом деле, или я оказался в плену очередных галлюцинаций, потому как здесь, на поверхности, я будто пробудился ото сна, а всё остальное так и осталось под землей. Меня куда-то волокли, но я не видел ничего, не мог открыть глаза. Наконец я почувствовал, как путы мои ослабли, а затем и вовсе спали с меня, но всё равно не мог пошевелить ни рукой ни ногой. Послышался звук удаляющихся

шагов, и я снова оказался один.

***

Несколько часов потребовалось мне для того, чтобы прийти в себя. Удивительно, но за это время никто так и не побеспокоил меня. Холодный зимний ветер приятно холодил кожу, и я просто лежал, вновь привыкая к солнечному свету, едва не лишившему меня зрения. Когда глаза мои снова смогли видеть, я обнаружил себя всё на той же поляне под огромным дубом, на котором всё так же отчетливо выступало лицо древесного старца, именуемого кеметами Огредом, одним из первых жертв Килмара на своем пути перевоплощения в бога зла, обреченного на бесконечное пожирание душ. Теперь-то я осознал всё, что хотел донести до меня Антартес, осознал, что спрятано в потайной комнате моего разума и чему с этого момента стоило там и оставаться. Если Добро не может существовать без Зла, то не мог и Антартес существовать без Килмара. Но поскольку бога-Феникса больше не стало, его место предстояло занять мне. И именно поэтому я не мог уничтожить Килмара, ибо после его смерти не мог бы существовать и я сам.

Солнце внезапно закрыла огромная черная туча, и окружающий лес погрузился в тяжелый сумрак. И в сгустившейся темноте я наконец увидел его. Пара яростно горящих глаз, нечеловеческих, наполненных первобытной злобой и яростью. Этот взгляд продолжал буравить меня, но Килмар почему-то не решался приблизиться, предпочитая наблюдать за моими беспомощными попытками подняться на ноги. Туман совершенно исчез из моей головы, и я наконец мог совершенно ясно мыслить, не позволяя нахлынувшему страху наделать глупостей. Тело не желало слушаться меня, в все, что оставалось – это вновь и вновь пытаться размять затекшие конечности, отдающиеся пульсирующей болью при каждом движении.

Килмару все-таки надоело находиться в роли наблюдателя, и он, медленно, будто опасаясь спугнуть меня, выбрался на поляну. Как я и ожидал, древний бог принял медведеподобный образ: существо, высотой почти десять футов и шириной больше дуба, находившегося за моей спиной. Густая серая шерсть покрывала его с ног до головы, длинная и совсем не похожая на медвежью. Пожалуй, можно даже было сказать, что вместо морды у Килмара было нечто похожее на лицо, и оттого образ его становился еще более жутким, противоестественным. Это был образ бога зла, демона леса, должный навевать ужас на своих врагов и в то же время быть максимально смертоносным. Я знал, что оболочка эта – смертна, и потому Килмар принял облик максимально смертоносный: даже при таких размерах он двигался бесшумно и

с невыразимой грацией, будто перетекая с места на место, а под толстым слоем шерсти перекатывались тугие шары мускулов. Казалось, одним ударом своей лапы, вооруженной рядом длинных и острых когтей, Килмар способен перерубить дерево, и я отчетливо осознал: меня этот зверь сможет проглотить целиком. Такими описывались оборотни – люди, по преданиям, способные превращаться в зверей, и, возможно, желая возродить древние страхи, Килмар решил принять именно такую форму.

- Так вот какой ты, мой новый враг, - совершенно обычным человеческим голосом обратился ко мне Килмар, - маленький, неоперившийся птенец. И они надеялись, будто я стану сражаться с тобой.

- Они надеялись, что ты просто убьешь меня, - на удивление спокойным тоном ответил я, - к чему все эти разговоры? Сделай то, чего так хочется.

- Ты всё еще человек! - одним неуловимым движением оказавшись прямо передо мной, Килмар встал во весь рост, нависнув надо мной подобно скале. Меня обдало смрадным дыханием хищника, и чем-то еще, едва уловимым, но смутно знакомым.

- А ты – медведочеловек.

- Почему ты до сих пор не принял дар Огреда? Я вижу, как он прячется в тебе, не в силах выйти из оков плоти.

- Огреда? Ты, наверное, что-то путаешь. Последний бог, с которым мне посчастливилось встретиться, был Антартес.

- Какая разница, как называть этого предателя? У него были тысячи имен, и у меня нет никакого желания запоминать их. Он избрал тебя как своего преемника, но ты почему-то до сих пор не воспользовался его силой. Почему, ответь мне?

Так значит, этот дуб, что сейчас жалобно скрипел голыми ветвями на все усиливающемся ветру – изображение того, кого раньше я знал под именем Пугала, а затем и Антартеса? Элементы моей мозаики, которая, казалось, только начала собираться в единую картину, снова перемешались, и прежняя уверенность в моих суждениях снова пошатнулась. Странный его голос совершенно не вязался с устрашающей внешностью. Он был мягок и размерен, и больше подошел бы какому-нибудь пожилому мужчине с добрым морщинистым лицом, нежели огромному зверю. Конечно, и внешность и голос были обманчивы, но это несоответствие почему-то сильно напрягало меня, вызывая душевный диссонанс.

- Быть может, я просто не хочу становиться богом? С моей смертью тебя ждет небытие. Не станет больше никого, кто смог бы править миром, и он вновь станет таким, каким его задумал

Творец.

- Значит, не хочешь? И ты наивно думал, будто я просто убью тебя? Огред не рассказал тебе ничего, иного объяснения быть не может. Мы ведь бессмертны, и потому не можем уничтожить друг друга, как бы нам этого ни хотелось.

- Но ведь ты убил остальных. Значит, не так уж и бессмертны.

- Узнаю старого-доброго Огреда, - рассмеялся Килмар, - он всегда думал, будто ложью можно творить добро, и то же самое он сделал с тобой. Пятерых моих братьев и сестер убил вовсе не я. Их погубил тот, кого ты так упорно называешь Антартесом. Пусть и не напрямую, но в том, что их больше нет, повинен именно он. Он лишил их силы и сделал смертными, оставив их умирать от старости, потому как думал, будто он – самый мудрый из всех, и только он знает, что нужно этому миру. Я не хотел умирать, и потому стал тем, кого ты сейчас видишь перед собой, я должен был сохранить равновесие, как и было предписано.

- Мне совершенно всё равно, какие были между вами отношения. Я не желаю продолжать это боготворение, и потому отказываюсь от дара Антартеса. Забирай его.

- Так не пойдет, Маркус, так не пойдет. Я не трону тебя до тех пор, пока ты не станешь тем, кем хотел тебя видеть предатель-Огред. И тогда мы сразимся. И это будет хорошая битва. Советую тебе поскорее присоединиться к своему воинству и перестать удерживать в себе эту силу. У тебя есть пять дней на принятие решение, а потом я отниму у тебя то, что не успел отнять Огред.

Килмар развернулся и неспешно двинулся прочь, оставив меня в полнейшем недоумении. Я кричал ему вслед, но он больше не слушал, оставив меня наедине с деревом, из которого на меня сурово смотрело деревянное лицо Антартеса. Лицо Пугала, лик Огреда. Силы постепенно возвращались ко мне, но я всё равно не смог бы догнать этого зверя. Про какое воинство, хотел бы я знать, говорил этот безумный бог тьмы? Как бы то ни было, отсюда следовало убираться, и как можно скорее, пока дикари не обнаружили меня живым и невредимым. Держа меня взаперти под землей всё это время и не давая двигаться, они пытались сломить не только моё тело, но и мой разум, дабы я не смог сопротивляться, когда Килмар придет по мою душу, однако они наверняка не рассчитывали на подобный исход. Видимо, боги и вправду оказались связаны неким Законом, установленным для них Творцом или кем-то другим, не менее могущественным, и который не могли нарушить. Но если изначально их было всего семеро, как произошло подобное разделение на условное добро и зло? Кто провел эту границу? По всей видимости, чем более фундаментальными становились вопросы, возникающие в моем

сознании, тем меньше становился шанс найти на них правдивые ответы.

Антартес, он же Пугало, он же Огред. Один из семерки богов. Как они стали таковыми? Неизвестно. В какой-то момент они решили упорядочить энергию мира и создать с ее помощью души, Чертоги Тишины и Чертоги Боли. Затем произошло что-то, вынудившее Антартеса покуситься на бессмертие остальных богов, что, в конечном счете, привело к появлению Килмара в таком виде, в котором он существует сейчас. К появлению биполярного мира, где добрые боги борются с богами злыми. Антартес впоследствии создал множество божеств, но все они, как и он, в итоге исчезли. Был ли Килмар создателем темных божеств или же их создал тот же Огред, для меня остается загадкой. В конце концов силы его истаяли, потраченные на его детище – бессмертие для человечества, и в последней своей попытке спасти весь этот карнавал он попытался сделать меня своим преемником, лишенным разума богом света, богом-Фениксом, должным продолжить установленные когда-то игры богов. Багряное Пламя каким-то образом запустило процесс инициации моего становления новым Антартесом, но совершенно выжгло большую часть моей личности, оставив лишь темный закуток, где обитал Пугало, оживший теперь детский кошмар. Огреду пришлось вытаскивать его на свет с помощью сильных потрясений, с помощью боли и страданий, дабы я смог явиться к тому месту, где граница между Хвилеей и Ничто сильно истончилась, и где Антартес смог бы завершить моё превращение, отдав остатки своей силы. Нельзя сказать, что эта практика была самой разумной, но в конечном счете она подействовала, хоть и слишком поздно. Если бы я только знал, чем обернется для меня столкновение с Багряным Пламенем, я бы вылил воду из этой проклятой чаши на пол и смело пошел на костер. Я бы назвал сумасшедшим каждого, кто рассказал бы хоть половину того, что я узнал здесь, в Ауревале. Но слишком поздно.

На нетвердых ногах я побрел прочь, поминутно оглядываясь по сторонам в поисках надвигающейся угрозы, но не находил среди деревьев ничего, что хотя бы отдаленно напоминало приземленные силуэты дикарей, идущих по моему следу. Снег хрустел у меня под ногами, и четкая вереница моих следов тянулась за мной, ясно очерчивая мой путь через лес для тех, кто изъявил бы желание выследить двуногую дичь. Если бы не резкий пронизывающий до костей ветер, несущий ледяную пургу, дикари наверняка бы смогли выследить меня по моим следам даже спустя несколько дней, но сейчас мой путь заносило снегом достаточно быстро и бесповоротно. Другое дело, что отсутствие

теплой одежды вскоре должно было меня прикончить, однако холода я отчего-то не ощущал, упрямо заставляя свои ноги вышагивать вперед, в ту сторону, где по моим прикидкам находился Гелем.

Добраться до тракта и по нему отправиться в сторону Морхейма – вот и всё, что я смог придумать. Скорее всего, на подавление восстания в Ауревале император уже отправил свои легионы, и, возможно, именно об этой армии говорил Килмар. Мне следовало как можно быстрее добраться до столицы фемы и хотя бы попытаться остановить кровопролитие, попытаться образумить Августина. Внутренне я, однако же, осознавал всю тщетность этой затеи: пощады теперь не будет никому, и прибывший легион вместе с карательным корпусом Ордена сравняют всю фему с землей, а мирных жителей отправят в пыточные подвалы и на костры за сговор с еретиками. Затем император издаст новый эдикт: поставит новую администрацию, отдаст часть земель в пользу Ордена и Церкви, пошлет верных ему командиров, выделив земли и им и их солдатам, а затем новый поток поселенцев компенсирует потерянные рабочие руки. Всё начнется с чистого листа, а память о мятежном стратеге будет старательно вымарана из истории. Если, конечно, сил Килмара не хватит для того, чтобы одолеть войска империи. Если у меня не получится остановить его раньше. А вот как одолеть десятифутового монстра будучи обычным человеком, я пока не придумал. Наверняка Килмар не так прост, как кажется, и эта его форма малоуязвима для мечей и копий. А потому придется припомнить кое-какие сведения о подобных существах, и принять соответствующие меры. Я чувствовал щемящую тоску, подобно тискам сжимающую мою грудь: у меня просто не осталось выбора, как и говорил мне когда-то Пугало. Мне придется принять свою сущность, или умереть, не в силах спасти кого-либо. Но эта смерть, возможно, стала бы спасением для человечества, ведь без богов, безумных, как Антартес, враждебных и агрессивных как Килмар, всё снова встало бы на свои места, и даже дикари, державшие меня в плену, смогли бы существовать спокойно в своем подземном городе и бессмысленно молиться дубу с человеческим лицом. Мне было бы достаточно броситься на собственный клинок, чтобы лишить Килмара удовольствия предстоящей битвы, чтобы нарушить Закон, предписывающий Добру сражаться со Злом. Но тогда целая фема, опутанная паутиной обмана, обречена будет сгореть в пламени инквизиторского костра, как и Августин, как и моя любовь. Мелисса. Лишь ради нее одной я находил в себе силы двигаться вперед, пробираясь через всё усиливающуюся снежную бурю.

На мне лишь тонкая рубаха, кожаные штаны и сапоги, даже мой верный родовой меч остался внизу, в темных пещерах странных стражей Изнанки. У меня не осталось ничего, что могло бы помочь мне выжить в этих диких лесах, в четырех днях пути от тракта и, скорее всего, от руин Гелема. Снег таял на моём лице и забивался в отросшую бороду, от холода я уже не чувствовал ни рук ни ног, и едва мог передвигаться вперед в этой ледяной пустыне посреди суровой ауревальской зимы. Сложно сказать, сколько времени прошло, однако солнце уже почти закатилось за горизонт, освещая мне путь только красноватыми отсветами холодного заката, выглядывающего из-за туч далеко за горизонтом. Я шел вперед, пока совсем не стемнело, и тело мое не перестало мне подчиняться, окоченев окончательно и бесповоротно. Подняв нижние ветви ближайшей ели, я с трудом залез в это импровизированное убежище, где хотя бы не оказалось снега, и, свернувшись калачиком, попытался заснуть. Жизнь во мне поддерживала только запертая в глубинах сознания сила, и я прекрасно осознавал это. Любой другой на моем месте давно бы уже умер от переохлаждения, но мне пока что приходилось платить только страданиями умирающей плоти, усилием воли заставляя кровь циркулировать по венам хоть немного быстрее. Здесь, под сенью древнего дерева, никогда прежде не пускавшего под свои своды человека, не слышавшего стук топора и человеческой речи, я огородился от всего мира, обернувшись в кокон, защищающий меня от ветра и холода. Сознание мое будто пыталось раздвоиться, и мне стоило больших усилий воспрепятствовать этому. Возможно, именно на это рассчитывал Килмар, надеющийся на то, что когда холод и голод почти прикончат меня, я наконец не выдержу, и выпущу наружу ту силу, которая сделает меня равным ему.

Сон, спокойный, но холодный, укутал меня подобно снежному одеялу. Все тревоги и страхи покинули меня, как покинул этот мир и тот, кто их насылал. Теперь это был самый обычный сон самого обычного человека, дарующий отдых и покой, не грозящий страшными видениями и душевными терзаниями. Возможно, я просто умирал, хотя и не осознавал этого. Постепенно холод сменился успокаивающим теплом, эйфория тронула мой уснувший разум, и я будто снова оказался у жаркого очага в своей комнате в «Утренней звезде», снова кутался в плед и пил пряное вино. Зима была совсем в другом месте, за окном, где бушевала метель и носились крупинки снега, здесь же – лишь царство тепла и покоя. Хотелось остаться в нем навсегда. Но я не мог.

Открыв глаза, я поначалу никак не мог сообразить, где же

нахожусь. Вокруг сплошная темнота, не слышно ни звука. На мгновение мне снова показалось, будто я оказался в своей каменной темнице, будто дикари всё-таки настигли меня и отволокли обратно. Но холод, пусть и не такой жгучий, как прежде, заставил меня припомнить, где я очутился. Под елью оказалось достаточно тепло и уютно, и потому, как только я покинул своё убежище, жгучий холод снова набросился на меня с новой силой. За ночь весь лес замело, и снега набралось не меньше полутора футов, так что первые же шаги наполнили им мои сапоги под завязку. Следовало двигаться как можно быстрее, иначе я рисковал окончательно отморозить себе всё тело и подхватить лихорадку. Пожалуй, любой обычный человек на моем месте давно бы уже лег в снег и умер от холода, но заключенный во мне дух никак не желал расставаться с этим телом, изо всех сил поддерживая в нем жизнь и продлевая мои страдания. Холод был похож на тысячи раскаленных иголок, одновременно врезающихся в меня со всех сторон. Он жег ничуть не хуже железа, и кожа на руках начала белеть и трескаться, утрачивая чувствительность. Невыносимо хотелось есть и пить, и если жажду я смог хоть немного утолить путем поедания снега, сводящего судорогой зубы, то добыть пищу в этом зимнем лесу у меня не было ни единого шанса.

Я бежал, пока силы окончательно не покинули меня, затем поел еще немного снега, ощущая, как иглы льда терзают меня изнутри. Невыносимая боль преследовала меня по пятам, и в какой-то момент я уже не мог думать ни о чем другом, кроме смерти. Единственного способа избавиться от этой боли. Отчаяние, черное и гнетущее овладело мной так сильно, что я уже не мог думать как человек. Я превратился в животное, бегущее вперед, туда, где находилось человеческое жилье, где можно согреться и поесть. Холод теперь стал частью меня, моей плотью и кровью, и в какой-то момент мне стало казаться, будто жгучая боль в белых как лед конечностях всегда жила во мне. Я много раз пытался развести огонь, но руки уже не слушались меня, и всё, чего я добился – это разодранных в клочья ладоней, уже даже не истекающих кровью, застывшей где-то глубоко в сердце.

Следующие два дня прошли так же, как и предыдущий. Я бежал, поедал снег, корчился от боли и метался в подступившей лихорадке. Весь мой путь наполнился болью, которая и привела меня сюда, но болью физической, не отпускающей ни на одно мгновение, и даже в более-менее теплом пространстве под елями, ставшими теперь моими зимними берлогами, я лежал в охватившей меня лихорадке и бредил, не осознавая, где я

нахожусь. Лишь какие-то древние как сам мир инстинкты выживания вели меня вперед, потому как разум отступил так далеко, что впоследствии путь этот через зимний лес представлялся в воспоминаниях не более чем парой картин, лишенных чувств, ощущений и красок. На этот промежуток времени меня не стало, как и десять лет тому назад. Даже ощущения эти, пожалуй, оказались схожи с теми, что любезно предоставило мне Багряное Пламя. Огонь и лед оказались удивительно похожи: обе эти стихии выжгли из меня всё человеческое, заставив разум уйти в немыслимые глубины, предоставив первобытным инстинктам возможность действовать самостоятельно и сохранить телесную оболочку. Это уже был не я, но демон холода и льда. Быть может, найди энергия Антартеса выход в то время и в том месте, вместо бога добра на свет явился бы очередной демон, подобный Килмару. Как бы то ни было, я все-таки смог выжить, хоть и не без посторонней помощи.

***

Императорский легат пропретор Сервий Туллий Магн, командующий объединенными силами двух легионов, он же губернатор провинции Бервестия, бывший сенатор, посвятивший себя войне, не лучший командующий легионами, но самый безжалостный и беспринципный. Образец истинного имперца, чистокровный стаферит и глава одного из высших родов империи. Несмотря на достаточно молодой возраст Сервий, благодаря последней войне с ахвиллейцами, сделал поистине головокружительную карьеру военного, поднявшись с позиции центуриона до легата всего за два года. Затем последовал короткий промежуток занятий политикой, вскоре наскучившей прославленному солдату, и снова новый пост, на этот раз губернатора Бервестии, и звание легата пропретора. Лично встречаться с Сервием мне никогда не приходилось, но рассказы о нем достаточно красноречиво описывали эту, безусловно, выдающуюся личность.

Я не помнил, как оказался в лагере легиона. Последнее воспоминание – разговор с Килмаром, а всё остальное, казалось, потонуло в белоснежной ледяной мгле. Я много говорил о своей миссии, о добре и зле, о богах и демонах, пребывая в бреду, потому как меня даже смогли опознать под личиной того, что от меня осталось. Судя по описанию, в тот момент, когда меня нашли, я походил на духа зимы: белый как снег, покрытый изморосью, ссохшийся и заросший черной бородой до самых глаз. Солдаты приняли меня за одного из выживших, скрывавшихся в лесах вокруг Гелема, а потом кто-то из легионеров, находящихся на лечении в одной со мной палатке, услышав мои речи, позвал

старшего. С меня сбрили бороду и позвали того, кто знал командора Маркуса в лицо. Этим человеком оказался тот, с кем я, будучи молодым патрицием, постигал военное искусство катафрактариев, Авл Красс, ставший теперь декурионом.

По рассказам очевидцев, он в течение получаса пристально вглядывался в моё лицо, пытаясь вспомнить в моём бледном и почти лишенном признаков жизни теле своего сослуживца. В конце концов это ему удалось, и меня вскоре взял на попечение сам легат, уже прознавший про судьбу, постигшую специальный отряд, отправленный сюда за несколько месяцев до этого. На моё счастье, объявлять меня предателем и еретиком никто не стал, более того, я даже оказался героем, воспротивившимся впавшему в ересь Августину, который повел оставшихся верными Антартесу людей в последний бой с силами зла. Остальные члены отряда пока еще не выбрались из леса Килмара, хоть и прошло уже порядочно времени, но я всё-таки надеялся на то, что им не пришлось столкнуться с людьми Корнелия. Однако не все мои поступки оказались столь героичны, как я надеялся. Гелем все-таки пал под натиском турмы Флавия, однако защитники под предводительством Тристана смогли объединиться и уничтожили почти половину воинства противника. Рассвирепевшие от таких потерь, солдаты Флавия вырезали под корень почти всё население города, и лишь немногим удалось бежать. Все спасшиеся наперебой говорили о диверсии на переправе, из-за которой многие не смогли покинуть гибнущий город и были убиты, причиной которой стал как раз мой отряд. Но о том, что таким образом мы предотвратили переброску пришедших с северного берега соединений Флавия, никто не сказал ни слова. Видимо, впечатленные учиненным Альвином колдовством и тем отпором, что они встретили у прибрежных укреплений, солдаты убегали без оглядки, и обратно уже не вернулись.

Сейчас войско Сервия Магна стояло в дне пути от Морхейма, пережидая непогоду. Метель и холода остановили машину легиона и легат, рассчитывавший успеть занять город до наступления зимы, уже на берегу Полыни осознал неосуществимость этих планов. Казалось, сам Ауреваль пытался остановить его продвижение, и, не исключено, что так оно и было. Я не знал, насколько далеко простираются возможности Килмара, однако эта непогода очень уж походила на отголоски манипуляций Альвина с Изнанкой. Каррас, всё также окутанный туманом, еще более замедлил марш легионов, поскольку город являлся крупным центром целой турмы, перекрывающим тракт, к тому же, именно там располагались многочисленные склады с провизией, так необходимые армии сейчас, когда воды Полыни,

как никогда бурные, окончательно отрезали сообщение Ауреваля с внешним миром. Неизвестно, что руководило Сервием Магном, решившим пополнить запасы провизии зачисткой местности, однако многодневные старания его увенчались только десятком убитых местных охотников и парой добытых оленьих туш. Всё остальное лесные жители и немногочисленные фермеры утащили в свои тайные лесные логова, оставив легионерам только пустые амбары и кладовые. Запасы провизии стремительно таяли, и, поняв, что ловить здесь больше нечего, Сервий наконец отдал приказ о взятии Морхейма. Почти достигнув своей цели, армия напрочь завязла в снегах, и к тому же оказалась на грани голода. Пятнадцать тысяч солдат съедали в день столько, сколько не смогли бы им добыть все местные охотники, и потому единственной надеждой для Магна теперь было лишь взятие столицы фемы. Но только после того, как прекратится метель…

Я лежал в теплой меховой постели и слушал завывания ветра за плотной тканью палатки, принадлежавшей Авлу, который сейчас убежал куда-то по своим делам. Тепло, исходившее от жаровни в центре палатки, едва ли могло кого-либо согреть, однако после нескольких дней, проведенных на морозе, мне казалось, будто я познал истинное блаженство. Пальцы на ногах и руках почернели, но я запретил лекарю их отрезать. Если я правильно угадал пределы способностей моего организма, через пару недель всё должно зажить. Если же нет… тогда мне уже ничто не поможет. Однако если я стану инвалидом, неспособным взять в руки меч, со мной всё равно уже будет всё кончено, если только я не решу принять дар Антартеса.

Всё тело болело и ныло, и потому я никак не мог сосредоточиться на самом важном на данный момент: на предстоящей битве с Килмаром. Если легионы войдут в город, мне придется первым делом организовать поиски Мелиссы и обеспечить ее безопасность, однако что-то подсказывало мне, будто Корнелий не станет сидеть за стенами, и, будучи уверенным в своём покровителе, постарается навязать Сервию бой по своим правилам. Но у физической боли были и свои положительные моменты: я был полностью на ней сконцентрирован, и муки выбора вкупе с бессилием и невозможностью повлиять на исход предстоящей битвы почти не тревожили меня, как это было прежде. По крайней мере, цели мои стали отчетливо видны, поскольку скрывавший их туман рассеялся и мой разум наконец очистился от его тлетворного влияния, но вот средств для достижения этих целей у меня не оказалось никаких.

Пусть Августин и оказался на стороне врага, я все равно

надеялся спасти его. Килмар лишил его той ясности рассудка, какой теперь обладаю я, отравил его сознание ложными надеждами и заставил предать дело своей жизни, однако я не переставал надеятся, будто смерть демона развеет его злые чары, и старик осознает то, что натворил под их действием. Нужно во что бы то ни стало успеть забрать Мелиссу, Альвина и Августина из этой проклятой земли, убить физическое воплощение Килмара, но и самому не перестать быть человеком. Нужно избавиться от той силы, что засела в глубинах моего разума, иного выбора у меня просто не было. Но как это сделать? Пожалуй, единственным выходом была лишь смерть, и некому было помочь мне советом, оставалось действовать как и всегда в надежде на положительный исход. А иного я так и не смогу придумать, поскольку привык в таких случаях полагаться только на удачу.

- До сих пор поражаюсь, как тебе удалось выжить. Сколько времени ты так брел, пока тебя не нашли?

Ввалившись в палатку, Авл первым делом направился к огню, подбросив несколько поленьев в увядающее пламя. Человек этот, пожалуй, оказался самым незапоминающимся во всей моей жизни, с учетом тех лет, что мы провели вместе на службе империи. Был он среднего роста, среднего телосложения и средних лет, имел лицо совершенно обыкновенное, и незапоминающееся. Из него, пожалуй, вышел бы отличный наемный убийца, поскольку наши командиры несколько месяцев никак не могли запомнить, как зовут этого человека и как он выглядит, чем в общем-то нещадно ранили его чувствительную душу. У него не было друзей, только пара приятелей, в числе которых был и я, и потому тот факт, что Авл выбился в декурионы катафрактариев, поразил меня больше всего. Говорил он всегда мало и непонятно, ни разу не подавал голос, если его не спросишь, однако оказался надежен как скала и непобедим в бою, к тому же, этому человеку можно было доверить всё что угодно и именно поэтому между нами завязались хоть и не дружеские, но приятельские отношения. Теперь же Авл будто стал заметнее, и от прежней тени себя отличался примерно так же сильно как я от себя самого с тех пор, как мне довелось прибыть в Ауреваль.

- Не знаю, - честно признался я, - но видимо слишком долго. Мне так и не удалось прикончить Килмара, и потому все мы в большой опасности…

- Кого?

- Того бога, к которому переметнулись местные сепаратисты.

- Да брось ты, никаких богов здесь нет и быть не может, - как можно мягче перебил меня Авл, будто пытаясь разговаривать с

неразумным ребенком, - ты выпил тот настой, который дал тебе лекарь? Мне кажется, пока лихорадка не отступит, тебе стоит побольше спать.

- Если никакого бога нет, то на что же тогда рассчитывает стратег? Подумай сам, у него недостаточно войск, чтобы противостоять силам империи, а больше ему помочь некому. Все пути в Ауреваль отрезаны, и здесь только он и легионы Магна. Ты думаешь, будто он такой дурак, и восстал против императора не имея достаточного для того основания?

- Судя по тому, сколько воинов его турмарха полегло под Гелемом, который обороняли только две сотни солдат гарнизона и кучка ополченцев, стратег действительно дурак. Быть может, он прельстился обещаниями ахвиллейцев и понадеялся на их помощь, которая, однако же, так и не пришла. Мало ли что возможно. Но только вдумайся в свои слова: неужели ты веришь, будто ему помогают высшие силы?

- И все его приближенные тоже дураки? Здесь, в Ауревале, вырос настоящий культ. Если даже Цикута, инквизитор, посвятивший свою жизнь искоренению врагов Антартеса, примкнул к восставшим, неужели ты думаешь, будто в этом не замешано нечто большее, чем обещания злосчастных ахвиллейцев?

- Тебе нужно поспать, Марк, - все с таким же сочувствующим выражением лица, остановил меня Авл.

Я понял, что переубеждать его бесполезно, и устало прикрыл глаза. Никто из них не верил и не поверит в существование Килмара-бога, пока не увидит собственными глазами, ведь каждый из этих солдат свято верит в учение Антартеса, согласно которому нет и не может быть иных богов, кроме бога-Феникса, и потому людям незачем бояться тьмы, ведь в ней уже не осталось чудовищ. Но они должны поверить в Килмара-колдуна, а в этом их даже не нужно будет убеждать, ведь инквизиция видит малефиков в каждом, кто не согласен с догмами церкви. Видимо Антартес, сотворивший десятки и сотни марионеточных божеств, которых затем собственноручно уничтожил, став единственным богом империи и мира, всё-таки нашел способ существовать, игнорируя Закон о равновесии, но со мной этим знанием он решил не делиться, предоставив мне право догадываться самому. Быть может, нарушив этот Закон, он и потерял свои силы, оказавшись в Ничто? Что-то мне подсказывало, будто сам Антартес вызволил дух Килмара из небытия, дабы восстановить равновесие и спасти свою жизнь, но уже слишком поздно.

От всех этих божественных рассуждений у меня невыносимо разболелась голова, но суть их всё также продолжала ускользать

от меня. Я будто пытался поймать водяной поток, бессильно наблюдая, как струйки воды уходят сквозь пальцы, и от этого на меня накатывала ужасная тяжесть, не дававшая спокойно существовать. Я бился об стену, пытался поймать ветер в поле, ходил кругами. Как ни назови, мои мысленные потуги приносили нулевой результат. Я не мог понять божественный замысел, будучи человеком. Но и не мог стать богом, позволив планам Антартеса осуществиться. Нужно убить Килмара и избавиться от той силы, что уже не один раз уберегла меня от смерти. А чтобы убить оборотня нужно серебро, и если физическое обличие Килмара – это именно оборотень, серебряный наконечник копья, воткнутый в самое сердце зверя, избавит этот мир от демона.

Я спокойно вдохнул и выдохнул, пытаясь успокоиться и отгородиться от донимающей меня боли в конечностях. Если никто в этом лагере не верит в Килмара, то придется сделать всё самому. Последней мыслью перед тем, как провалиться в сон, была мысль о Мелиссе. Хотя бы с ней я мог ненадолго забыть о проблемах и просто помечтать. Надеюсь лишь, она сделает всё именно так, как мы договаривались.

***

На следующий день, когда мне наконец удалось подняться с кровати и самостоятельно пройтись, состоялся разговор с Сервием, оказавшимся весьма заинтересованным моими делами. Человек этот никогда не вызывал во мне особой симпатии по той же причине, по которой я недолюбливал инквизиторов: излишняя жестокость его всегда была первым средством в достижении его целей, и именно благодаря ей Магн стал настолько известен. Цель оправдывает средства – любимая поговорка легата – пожалуй, давала исчерпывающие знания об этом человеке, поскольку Сервий никогда не считался ни с законами, ни с нормами морали ни даже с простым человеколюбием, и потому каждая битва, проведенная под его командованием, превращалась в кровавую бойню, а подавление мятежа – в тотальный геноцид. Его боялись больше самого Цикуты, по чью душу и заявился Магн, и я готов был поспорить, что многие хотели бы больше видеть голову мертвого легата, нежели старого инквизитора и его двоюродного братца, затеявшего этот мятеж.

Вокруг насколько хватало взгляда простирались ровные ряды палаток, припорошенных снегом, валившим с небес сплошной стеной. Легионеры только и занимались его уборкой, стараясь делать это быстрее, чем успевали насыпать черные от туч небеса. Палатка Авла находилась на возвышении, как и все прочие жилища командиров, и потому отсюда открывался прекрасный вид на занесенные снегом окрестности. Лагерь обнесли ледяным

валом с воткнутыми в него кольями, и даже попытались вырыть ров, впрочем, тут же занесенный снегом, и за пределами его на сколько позволяла видеть снежная круговерть, расстилалось сплошное поле, перерезаемое уже почти невидимой нитью тракта. Где-то там, на горизонте, должен быть лес, невидимый сейчас, но уже ощущаемый мною на подсознательном уровне. И лес этот не сулил ничего хорошего, поскольку служил пристанищем для Килмара, который сейчас, возможно, бродит в поисках невинных душ для утоления своего голода.

Я вошел в роскошную палатку размером с десять тех, в которой находился прежде. Вся она отливала серебром и золотом и была украшена гербами империи и личным гербом самого Магна, изображавшего сжатый кулак, удерживающий золотого цвета молнию. Внутри оказалось очень тепло, даже слишком. Я тут же почувствовал, как царившая здесь духота перехватила мое дыхание, заставив обливаться потом. Посередине – огромный стол, заваленный картами и документами, в центре которого – большая бронзовая статуэтка феникса, раскинувшего крылья, на которых расположились крепления для свечей. Вокруг стола сидят три человека. Судя по знакам отличия, один из них – префект лагеря, пожилого вида ветеран, крепко сбитый и плотный как камень, второй – примипил, высокий и мощный, с несуразно раздутой как у быка шеей. И, естественно, сам легат пропретор Сервий Магн, выделяющийся на фоне своих подчиненных подобно породистому охотничьему псу среди дворняг. На точеном лице потомственного стаферита застыла горделивая маска осознания собственного достоинства, а в каждом движении – властность. Оставалось только надеяться, что за манерами аристократа кроется хоть что-то помимо непомерно раздутой мании величия и самоуверенности, потому как предстоящая битва потребует от этого человека всех его талантов и сил.

- Доброе утро, командор, - едва заметно улыбнувшись, Сервий даже соизволил подняться со своего места, дыбы поприветствовать меня, - вижу, благословение Антартеса не оставило столь отважного человека, раз вы так быстро смогли встать на ноги.

- Я даже могу ощущать это благословение прямо здесь, в моём сердце, - ничуть не покривив душой, ответил я, - и если бы не его помощь, мы бы сейчас с вами не разговаривали.

- Боюсь, не всё зависит от воли его. Увы, мои легионы застряли здесь, всего в одном дне пути от столицы этих еретиков, и пока снегопад не прекратится, солдаты будут мерзнуть и голодать. Однако разведчики докладывают, что силы мятежной

фемы не стали отсиживаться за стенами Морхейма, и, собрав всех своих стратиотов, Дука выдвинулся нам навстречу.

- И вам нужно узнать какую-то информацию, которой я могу обладать?

Лицо Сервия расплылось в довольной улыбке, и легат, указав мне на ближайший к нему стул, предложил наконец присесть. Затем, налив из кувшина горячего вина, собственноручно протянул мне кружку.

- Я хочу только знать, на что может рассчитывать этот впавший в ересь стратег. Под моим командованием десять тысяч легионеров-ветеранов и еще пять тысяч федератов, два лучших легиона Востока. Все силы Корнелия Дука – это едва ли семь тысяч стратиотов и наёмников. Тем не менее, он решил дать мне бой в чистом поле.

- Хотите знать, что стоит за этим поступком?

- Именно так.

- Боюсь, стратег может обладать достаточными силами для того, чтобы нанести вам поражение. И силы эти отнюдь не человеческие.

- Неужели…

- Он может быть известен вам под именем Лесного Царя, но настоящее имя его – Килмар. И его, пожалуй, можно назвать новым богом Ауреваля, пусть еще не вступившим в полную силу.

- Вы в этом абсолютно уверены?

- Именно его поисками я занимался последние четыре месяца. Конечно, он не настоящий бог, но обладает силами отнюдь не человеческими. И уж поверьте, мне лично удалось его увидеть. Если люди, с которыми я отправился на его поиски, еще живы, они смогут это засвидетельствовать.

- Как же вышло, что вы разделились?

- Боюсь, это долгая и запутанная история, легат. Скажу только, что нас развела магия Килмара, когда мы оказались в лесу, служащем местом его поклонения.

- И какие же неприятности сможет нам доставить этот ваш Килмар? – скептически нахмурившись, Сервий поочередно переводил взгляд с одного из своих офицеров на другого, будто ища поддержки.

- Честно говоря, мне неизвестны пределы его сил. Но его можно убить. И даже нужно.

- Тогда нам повезло, что мы встретили вас перед грядущим сражением. К сожалению, карательный корпус инквизиции не успел переправиться до начала зимних бурь, и у нас нет никого, кто мог бы проконсультировать нас касательно еретической магии. Туллий снабдит вас всем необходимым для уничтожения

Килмара, если он вообще появится на поле боя.

- Я подозреваю, что он может принимать облик огромного медведя ростом больше десяти футов. А раз он оборотень, его можно убить с помощью серебра. Если мы сможем это сделать, армия мятежного стратега лишится его поддержки и ваши солдаты перебьют их без особого труда. Но до того следует быть очень осторожными, потому как силы его намного превосходят силы любого из имперских инженеров. Снежная буря может быть только малой толикой того, что нашлет на нас Килмар, и потому главной и единственной задачей должна стать попытка его уничтожения. Любой ценой.

- Тогда сделайте всё возможное, чтобы его остановить, - рассеянно кивнул Сервий, - сделайте так, чтобы по возможности ни один из моих солдат не пострадал от магии Килмара.

- Для этого я и здесь.

Я допил своё вино и, распрощавшись со всеми присутствующими, вышел обратно в зимнюю стужу. Сервий не особо поверил в мою историю, а его офицеры и вовсе смотрели на меня как на умалишенного. Однако легат всё-таки решил перестраховаться, и потому я получил возможность воплотить в жизнь свой замысел. Время с этого момента начинало играть против меня, и здесь я остался совсем один, без возможности получить хоть какую-нибудь поддержку. Мало убить Килмара, нужно еще избавиться от его духа, дабы он больше не смог найти себе новое воплощение. Затем предстояло спасти Августина, найти Альвина и забрать Мелиссу, после чего бежать прочь из гибнущего Ауреваля. План мой походил на гору стульев, поставленных друг на друга, и единственное, до чего я пока смог додуматься – это копье с серебряным наконечником, с помощью которого станет возможным нанести Килмару смертельную рану. Но выйдет ли он на честный бой? Наверняка. Именно этого требовал от него Закон. И я от всей души надеялся на то, что моих сил хватит для того, чтобы выйти из этой схватки победителем.

Руки мои, всё еще покрытые болезненной коркой, слушались уже гораздо лучше, и смертельная бледность отступила, сменившись здоровым румянцем. Лекарь, осматривавший меня сегодня утром, выглядел крайне озадаченным, я же лишь сослался на извечное благоволение высших сил в лице светоносного Антартеса. Такое объяснение явно не устраивало прагматичного целителя, однако сомневаться в моих словах он не смел, боясь быть обвиненным в ереси. Вера и неверие удивительно тонко переплелись в этих людях: многие из них для себя давно уяснили тот факт, что высшие силы покинули этот

мир, даже Антартес, не выдержавший испытание временем, однако перед лицом друг друга выказывали удивительную набожность, а инакомыслящих преследовали по закону, будто пытаясь убедить самих себя в том, что бог до сих пор жив и наблюдает за каждым их шагом.

К вечеру я заполучил в свои руки нужное мне оружие: длинное кавалерийское копье с серебряным наконечником, который раньше был частью штандарта легиона. Слишком мягкий и ненадёжный металл, однако выбора у меня нет, и придется испробовать именно этот способ. Почему-то мне казалось, будто Килмар связан выбором физического тела так же, как связан и Законом равновесия, и потому не мог сотворить себе неуязвимую оболочку. Оборотни почти невосприимчивы к обычному оружию, однако бессильны перед серебром. Тот, кто создал их в незапамятные времена, наверняка руководствовался этим же пресловутым равновесием, не позволяющим одной силе стать абсолютной. А поскольку из всех монстров и нечисти, что я знал, облик Килмара походил больше всего именно на описание оборотня, решением моё казалось довольно очевидным. Ему хотелось честной битвы. И он ее получит.

К тому времени, когда снегопад окончательно прекратился, я уже разжился полным доспехом катафрактария, отличным боевым конем и оружием помимо серебряного копья. Биться в конном строю я конечно давным-давно разучился, поскольку, отучившись в императорской военной школе, я так и не поступил на военную службу, и кроме сомнительного учебных боёв, в которых участвовал больше десятка лет назад, никакого опыта у меня не было. Но в этот раз биться в строю как обычный катафрактарий от меня и не требовалось. Ударный отряд под командованием Авла, любезно приютившего меня в своей палатке, должен был сопровождать меня на поле битвы, чтобы в случае появления Килмара проложить мне к дорогу через войско неприятеля. Также серебряных копий удостоились еще шесть человек, составляющих внутреннее кольцо получившегося латного кулака, которому предстояло пробить доспехи врага и вырвать его сердце.

Меня смущала лишь выбранная легатом Сервием тактика. Он будто бы одновременно доверял мне, но в то же время не воспринимал всерьез, поскольку не собирался отсиживаться за стенами лагеря, а вознамерился атаковать войско Корнелия первым. Разведчики докладывали, что семь тысяч воинов мятежного стратега остановились в трех часах пути отсюда, прикрыв фланги лесным массивом, с двух сторон прижимающимся к тракту. Со стороны снимающегося лагеря

было видно только кажущиеся игрушечными на таком расстоянии фигурки людей, блестящие их доспехи и темную зелень деревьев за их спиной. Сервий собирался атаковать так, будто противник представлял собой не хорошо обученную армию ветеранов, железом и кровью заслуживших право на эту землю, к тому же имеющую поддержку со стороны высших сил, а лишь толпу крестьян, какими он считал всех, кто называл себя стратиотами.

- Клин из полутора тысяч катафрактариев продавит центр их войска, - расхаживая перед своими офицерами, но будто бы разговаривая сам с собой, Сервий задумчиво поглядывал вдаль, где уместилось войско противника, - Тяжелая пехота пойдет одной фалангой шириной в пять рядов, ветераны – по центру, дабы окончательно развалить их строй и прижать к лесу этих землепашцев. Примипил, я рассчитываю на твою центурию в этом деле. В это время вспомогательные алы легкой кавалерии обойдут их с флангов через лес, а затем ударят в тыл, чтобы ни один мятежник не смог уйти. Остальные войска пусть ждут в резерве, потому как, я думаю, у нас на эту бойню уйдет не больше получаса.

Короткая речь Сервия оказалась встречена одобрительным гулом. Никто не посмел высказаться против его безусловно «блестящего» плана. Пожалуй, про легата Сервия Магна также верно было суждение «ведет сражение будто играет в солдатиков», поскольку каждый из его воинов представлялся ему не более чем куклой, исполняющей приказы. Большая часть его сражений, оканчивавшихся победой, представляли собой кровавую бойню, поскольку действия Сервия, пусть даже интуитивно-гениальные, никогда не были рассчитаны на сохранение как можно большего количества жизней его солдат. Там, где опытный полководец отступит, чтобы ударить в наиболее подходящий момент, Сервий бросит свои войска в убийственную атаку, пожертвовав их жизнями ради сиюминутной победы, не имеющей никакого значения для войны в целом при таких масштабах потерь.

Построившись, легионы двинулись в атаку, на ходу развертывая боевые порядки согласно плану Сервия. Я, вместе с моим старым знакомым декурионом Авлом, двигался позади плотного строя тяжелой пехоты. Позади нас маршировала вспомогательная пехота, лучники и арбалетчики, которые вроде как должны будут во время сражения держаться позади и ждать, пока основные силы расправятся с неприятелем сами. Прямо перед нами – сдвоенная центурия примипила легиона, центр войска, которому предстоит побыть в роли молотка, вбивающего клин в тело противника. Нервы мои натянулись до предела, и под

весом тяжелого доспеха, от которого за долгие годы уже успел отвыкнуть, я чувствовал себя неуютно. Где-то там впереди притаился Килмар, и я чувствовал на себе его тяжелый взгляд, хотя пока и е мог различить кошмарный силуэт оборотня. Всё видимое войско Корнелия оказалось пешим, и это открытие мне очень не понравилось: я отлично знал, что у фемного ополчения была как минимум одна банда тяжелых всадников и еще три – легких, а если врага не видно, это еще не значит, будто его нет совсем. Густой ельник, в который упирались фланги стратиотов, мог скрывать под своими раскидистыми ветвями всё, что угодно, и, похоже, темный покровитель Ауреваля сейчас скрывался именно там.

Вскоре катафрактарии подошли на дистанцию наиболее эффективную для начала разгона, и тут же послышался громогласный сигнал буцины, означающий начало атаки. С такого расстояния я уже отчетливо видел весь боевой порядок противника: ровные ряды воинов в золотистого цвета плащах. Корнелий, если это действительно был он, восседал на одиноком среди всего пешего воинства коне, окруженный рядами личной гвардии как раз в самом центре войска, куда Сервий планировал нанести свой удар. Вот он, тот человек, который хотел лишить меня жизни. По нелепому стечению обстоятельств, одновременно и мой тесть.

Сорвавшиеся буквально с первых шагов в галоп катафрактарии неслись во весь опор, подобные стальной стене смерти. Вновь прозвучал сигнал буцины, и фаланга с шага перешла на легкий бег. Поступь более чем восьми тысяч тяжеловооруженных легионеров сотрясала землю и отдавалась по всему телу неприятной дрожью. Что-то здесь было не так.

- Авл, я не вижу их кавалерии, - обратился я к декуриону, напряженно следившему за ходом битвы, - и не вижу Августина Цикуты.

- А еще я не вижу никакого зверя, про которого ты так долго всем нам рассказывал. Наверняка Дука осознал всю тщетность своего положения, и предпочел смерть в бою позорному бегству. Если они и спрятали где-то несколько сотен всадников, алы федератов уничтожат их прежде, чем те смогут кому-нибудь навредить.

Но прежде, чем клин из тяжелых всадников, нацеливших копья на казавшихся беззащитными ряды противника, уничтожил центр войска Корнелия, первые ряды щитоносцев подняли из снега длинные, в семнадцать футов длиной копья, выструганные, по всей видимости, из целых стволов молодых сосен копья. Остановить стальную стену катафрактариев частокол копий,

конечно, не смог, но первые ряды клина оказались убиты почти мгновенно, а напирающие сзади всадники столкнулись с образовавшимся валом из тел животных и людей, потеряв большую часть своей ударной мощи. Но даже этот неприятный инцидент не должен был помешать клину прошить ряды противника насквозь, однако воины противника каким-то непостижимым образом не только смогли устоять, но и сами начали атаку на завязнувшую и ставшую теперь почти бесполезной тяжелую кавалерию.

К счастью, в тот момент, когда катафрактарии завязли окончательно, и их истребление стало лишь вопросом времени, подоспели основные силы легионов, с ходу врубившиеся в строй противника. Я увидел, как примерно пять сотен конных лучников и по полторы тысячи пехоты федератов собираются обойти фланги вражеского войска, а подтянувшиеся по команде внезапно одумавшегося Сервия лучники начали стрелять навесом, впрочем, не причиняя особого вреда вражеским позициям. Далеко не все в войске Магна были настолько же самоуверенны, как и их командир, и потому ломиться через лес корпус федератов, насчитывающий по две с половиной тысячи воинов с каждого из флангов, не стал, выслав вперед разведчиков. Конные лучники тонкими струйками просочились через сплошную стену леса и растворились в нем, но не прошло и десяти минут, как отдельные всадники начали спешно выскакивать обратно, размахивая руками и предупреждая о скрывающейся в лесу опасности. Но удар пришел оттуда, откуда его никто не ждал.

Враг появился с флага войска Сервия: закованная в не менее качественную броню конница стратиотов вынырнула из кажущегося прозрачным леса позади федератов и обрушилась на растерявшиеся порядки не успевшей перестроиться пехоты. Командование корпуса, судя по всему, погибло почти сразу же, поскольку солдаты, вместо того, чтобы попытаться удержать позиции до того, как легкая конница, успевшая уйти далеко вперед, придет на подмогу, попросту побежали. Конная лавина, которая по моим прикидкам, насчитывала больше полутора тысяч всадников, сметя с пути федератов, разделилась. Одна ее часть двинулась навстречу конным алам, сломя голову бросившимся спасать соотечественников, а другая, почти в тысячу копий, понеслась во фланг связанных боем шеренг легионов.

- Будь проклята эта разведка! – взревел Авл, все это время с каменным выражением лица наблюдавший за побоищем, - откуда у них столько конницы? Нам сообщали о двух сотнях, а не о двух тысячах.

- Меня больше интересует, почему Сервий не отдает никаких

приказов, - стараясь сдерживать закипающий внутри меня гнув, я дернул Авла за плечо, разворачивая его в ту сторону, где располагалась гвардия Магна, - вместо командования наш бравый легат решил заняться передислокацией.

Три сотни гвардейцев, составляющих охрану легата, уверенно двигались к правому флангу собственного войска, пытаясь спастись от надвигающейся угрозы в виде вражеской конницы. В том, что эту атаку возглавил сам Августин, я уже не сомневался: красные боевые доспехи, служившие отличительным знаком инквизиторов, отчетливо виднелись среди надвигающегося вала конницы. Наконец трижды просигналила буцина, и левый фланг начал выходить из боя, пытаясь перестроиться так, чтобы встретить удар кавалерии хотя бы не спиной. Но тщетно. Вспомогательная пехота, сметенная в считанные мгновения, и даже не успевшая дать слитного залпа по противнику, в панике отступала. Ряды легиона распались, задние линии начали перестраиваться, но уже слишком поздно. Пехота Корнелия, до того державшая оборонительные позиции, яростно бросилась вперед, стараясь задержать легионеров. И когда задние ряды легиона уже почти смогли развернуть тонкую линию обороны, тысяча тяжеловооруженных всадников ударила им в левый фланг.

***

Пожалуй, приведи Сервий с собой на пару тысяч ветеранов меньше, сражение можно было бы считать проигранным. Но таранный удар в оказавшийся беззащитным фланг легионов вышел не столь эффективным, как на это рассчитывал Августин. Фаланга, ценой неимоверных усилий развернулась навстречу противнику, выдавив правый фланг противника, в результате чего фронт сражения стал проходить наискосок через тракт, развернувшись примерно градусов на сорок пять.

- Легат приказывает вам атаковать конницу противника! – пытаясь перекричать шум сражения, гонец указал на завязшего в плотном строю фаланги отряд.

Внимательно осмотрев печать на сложенном трубочкой указании и, пробежавшись глазами по двум строчкам приказа, Авл повернулся ко мне, будто обвиняя в бездействии.

- Твоего колдуна нигде нет, как я и говорил. Мои люди больше не могут ждать.

- Я иду с вами.

- Надеюсь, ты не растерял свои навыки, - коротко кивнув, Авл пришпорил коня и повел за собой воинов алы, которые, казалось, уже истосковались по битве.

Мучившее меня прежде сомнение переросло в сильную тревогу, холодной хваткой скрутившей моё сердце. Килмар

наверняка выжидал, скрывая своё присутствие, не желая демонстрировать имперской армии свою божественную силу. Быть может, если чаща весов склонится в нашу сторону, ему всё-таки придется показать себя, но к тому времени я останусь совершенно один, лишенный поддержки, и надежда будет только на моё копье, бесполезное теперь в обычном бою. Мне не оставалось ничего иного, кроме как последовать за Авлом и надеяться, что ход сражения переломится в нашу сторону быстрее, чем легионеры доберутся до Августина. Нужно каким-то образом вынудить Килмара выйти на поле сражения, пока не стало слишком поздно.

Но героические усилия легионеров, развернувших фронт сражения и выдержавших удар кавалерии противника, оказались тщетны. Корнелий оказался куда более опытным и разумным полководцем, и за каждую свою ошибку Сервий должен будет заплатить кровью своих солдат. Из чащи позади легионов полетели стрелы, выкосившие остатки вспомогательных войск, а затем, когда сопротивление оказалось подавлено, из-за стволов деревьев показались всадники на низких мохнатых лошадях. Кеметы. Теперь армия Сервия почти что оказалась в кольце, с одной стороны связанная боем с основными силами фемного войска, а с другой прижатая обстрелом примкнувших к стратегу кеметов. Я невольно вспомнил, как обращались со своим луком Тукка, Ррек и Шеффе, и прикинул шансы оказавшегося беззащитным тыла легионов на выживание. И шансы эти показались мне не самыми многообещающими. Гвардия легата, построившись черепахой, медленно отступала, оставшиеся без поддержки конницы и пехоты лучники и арбалетчики разбегались во все стороны, и гибли под непрекращающимся обстрелом. Вокруг царил полнейший хаос, централизованное командование прекратило раздавать приказы, и командирам приходилось действовать по собственному усмотрению. Задние ряды фаланги укрылись за щитами, и обстрел теперь не причинял им особого ущерба, однако все, кто не бежал и кто не мог укрыться за спасительными щитами, в том числе и ала Авла, могли надеяться только на толщину собственных доспехов. Дважды отравленные кеметские стрелы чиркали по моему панцирю и еще несколько прочно засели в щите, так что я начал ощущать его тяжесть. Авл пытался уйти на левый фланг и, обогнув ряды фаланги, ударить противнику в тыл. Мне не оставалось ничего иного, кроме как следовать за ним в этом направлении. Когда катафрактарии уже почти достигли намеченной цели, кеметы, истратив весь свой запас стрел, ринулись в атаку. Это выглядело почти что смешно, если бы не длинные и тонкие как иглы копья, нацеленные на

лишенный копейщиков тыл легиона. Маленькие их лошадки, почти пони, неслись, однако же, быстрее ветра, и хотя люди эти ничего не знали о плотном и ровном строе, в котором атаковали имперские катафрактарии, удар этот наверняка погубит немало легионеров.

Я отстал от двигавшихся плотным строем воинов Авла, но ничего не мог с этим поделать и потому чувствовал себя особо уязвимым. Шум битвы, забытый за долгие годы, оглушал, а тяжелые доспехи мешали двигаться свободно. Через прорези в шлеме я едва мог различать то, что происходит прямо передо мной, не говоря уже о том, чтобы оценить складывающееся положение целиком. Что-то невероятно сильно ударило мне прямо в забрало, и на мгновение я даже лишился сознания, совершенно потеряв ориентацию в пространстве и выронив копье из рук. В голове стоял гул, заглушающий все прочие звуки, а во рту чувствовался привкус крови, но хуже всего то, что смявшееся от удара забрало окончательно лишило меня обзора и негнущимися руками мне только ценой неимоверных усилий удалось поднять его, снова вернув себе зрение.

Всё окружающее меня пространство плыло и двоилось, и я едва не направил коня прямо на дружественный строй, приготовившийся встречать конную атаку противника. От боли я едва мог внятно соображать, пытаясь только не выпасть из седла и удержаться в стременах. Крики раненых и умирающих оглушили меня, втянув в кажущуюся бесконечной карусель кровавой битвы. Желудок взбунтовался, и я едва успел перегнуться набок, прежде чем жесткий спазм не вывернул меня наизнанку. По крайней мере, шлем спас мне жизнь, иначе бы кеметская стрела проделала в моей голове парочку незапланированных отверстий, и никакие силы бы уже не смогли спасти меня от мгновенной смерти. Я так и не понял, когда конь успел вынести меня на открытое пространство, но в какое-то мгновение я просто оказался вне той кровавой мясорубки, что расстилалась теперь позади меня. Сознание постепенно пришло в норму, и я обнаружил себя безнадежно отставшим от людей Авла. С этого фланга легион едва держался, и окинув поле битвы ничем теперь уже не стесненным взором, я без труда обнаружил того, кого искал.

Августин, облаченный в мощные алые доспехи мелькатских рыцарей, переделанных имперскими оружейниками в более подвижный и крепкий их вариант, окруженный группой таких же алых воинов, истреблял левый фланг войска Сервия. Ала катафрактариев под предводительством Авла, казалось, попросту растворилась в хаосе, царившем в том месте, где Августин смог

прорвать фалангу, и я нигде не мог обнаружить своего старого знакомого и его людей. Я остался совсем один посреди огромной битвы, лишенный поддержки и того единственного оружия, которое могло хотя бы ранить Килмара, если он всё-таки объявится. И в тот же момент будто какое-то проведение указало мне, что нужно делать дальше. Некое озарение, наступающее в момент невероятного напряжения сил человека, рассекло мир надвое, представив мне выбор: либо в этом сражении погибнут еще многие тысячи, и стороны перебьют друг друга, не в силах одержать верх, либо я убью Цикуту. Или он прикончит меня. И третьего не дано. Только так можно заставить Килмара проявить себя.

Пожалуй, не было в Ордене никого, кто мог бы соперничать с Августином по части внушения окружающим безотчетного страха и ужаса. Я был, вероятно, единственным человеком, на которого аура Цикуты не действовала. Именно поэтому я, тогда еще совсем юный адепт, не дрожавший при одном только виде этого человека, заслужил с его стороны некое подобие уважения, а потом и вовсе стал его учеником в освоении непростого дела государственной службы, чтобы впоследствии влиться в ряды карателей Ордена. И именно из-за него затем я перешел во внутреннюю службу Террасариев, разочаровавшись и в боге и в тех людях, которые называли себя «его справедливой дланью». Я был слишком отвлечен от мира, чтобы идти с Августином по одному пути, и именно поэтому мифы, легенды и чудовища, которые уже много веков как исчезли с лица земли, заменили мне «согревающее пламя костра», как любил выражаться сам Цикута. Он был идейным человеком до самых кончиков пальцев, и не встречал я больше никого, кто был бы также умен, но в то же время фанатичен. Возможно, глубоко в душе Августин знал, насколько глубоко ошибается в своих принципах, но никогда не мог в этом признаться даже самому себе. Именно это, в конечном счете, привело его к открытому восстанию против империи и предательству той веры, которую он взращивал и лелеял всю жизнь. Это, а не злая воля Килмара, превратила его в того, кого я сейчас видел перед собой. Можно исцелить раны физические, можно даже исцелить раны душевные, но восстановить то, что осталось от крушения дела и веры всей жизни Августина, не смог бы даже бог. Откровения, постигшие несчастного инквизитора здесь, в лесах Ауреваля, могли вызвать у него либо полное отторжение, либо кардинально поменять взгляд на весь мир в целом. Но когда ты еще молод, такая смена приоритетов вызовет разве что большое потрясение. Августина же это уничтожило, он уже не знал, как и не мог жить по-другому. Он стал символом

целой эпохи. Он же стал ее концом.

Я ясно видел, как кровь, покрывающая и без того алый панцирь инквизитора, стекает тонкими ручейками вниз, и капает на истоптанную и изрытую землю, превратившую снег в черную кашу. Моргенштерн с обломанными местами шипами покоился в его руке с невероятным изяществом, и будто был ее продолжением. Несмотря на преклонный возраст, Августин оставался опытным воином, и количество мертвых тел вокруг него только подтверждали этот факт. Гнедой жеребец, на спине которого восседал инквизитор, неистовствовал, омытый кровью десятков поверженных врагов, и, окруженный врагами еще живыми, вертелся и брыкался, круша собственной броней и копытами тех, кто рискнул подойти слишком близко. Еще пятеро инквизиторов, его самых верных сподвижников, бились с ним рядом, не давая легионерам сомкнуть стену щитов и перестроиться для контратаки, все они уже были измотаны до предела и наверняка ранены. Пять сотен оставшихся в живых конных стратиотов пытались окончательно сломить сопротивление на этом фланге, однако закаленные в десятках боев ветераны Сервия не желали сдавать позиции. Людей Авла нигде не было видно, что неудивительно, однако они наверняка должны были ударить в завязшую конницу противника, а значит, драться где-то неподалеку.

Разрубив мечом копье одного из набросившихся на меня кавалеристов, пробившихся через редкий строй легионеров, я проскакал дальше, оказавшись всего в паре десятков футов от Августина. Несмотря на увлеченность боем, он всё-таки заметил моя, и взгляд его, до того момента сосредоточенный, вспыхнул такой невиданной злобой, что я невольно отшатнулся, будто обжегшись. Свалив очередным ударом подвернувшегося под ноги мечника, Августин пришпорил коня и на всем скаку протаранил попытавшихся выстроить стену щитов легионеров, вылетев прямо на меня. Кажется, никто, включая и самого инквизитора, не ожидал подобного поворота событий. Я едва успел выставить перед собой щит, прежде чем тяжелый шар моргенштерна, описав незамысловатую дугу, опустился на него со всей своей разрушительной силой. От удара, рука, держащая щит, разлетевшийся вдребезги, перестала функционировать, и мне стоило больших усилий удержаться в седле. Сердце едва не выпрыгнуло из груди, когда я в последний момент успел парировать следующий удар, и именно в этот момент я, как никогда, остро почувствовал себя на пороге смерти. Августин был воином, а не фехтовальщиком, и лучше всего он умел убивать. Убивать эффективно и быстро, не тратя ни одного лишнего

движения и не давая противнику ни единого шанса на сопротивление.

- Ты хоть представляешь, что натворил?! – внезапно изменив траекторию удара, Августин заставил коня прыгнуть вперед, оказавшись передо мной на расстоянии вытянутой руки.

В его голосе звучала смертельная ярость и затаенная боль, выплеснувшаяся теперь в целый вихрь ударов, направленных не только на меня, но и на пытающихся свалить его с седла легионеров. В брешь, пробитую Августином, густо полезли всадники и пешие стратиоты, и краем глаза я успел отметить, что своим появлением, похоже, окончательно развалил строй фаланги на этом фланге.

- Она погибла по твоей вине! – отчеканивая каждое слово хлестким ударом, инквизитор окончательно оттеснил меня вглубь строя, давая своим людям возможность прорваться вслед за ним.

- Ты заставил ее пойти против собственного отца и тем самым погубил ее!

Я плохо соображал, и никак не мог понять смысл его слов, приходившихся на каждый удар его чудовищного оружия. Перед моими глазами стояли лишь окровавленные и местами сплющенные шипы моргенштерна, и мой собственный меч, покрытый зазубринами в тех местах, где он столкнулся со сталью оружия Августина. Казалось, еще один удар, и меч мой разлетится на тысячи осколков, а тяжелый шар расколет мою голову. Конь подо мной хрипел и брыкался, сжатый со всех сторон телами убитых, которые не могли даже упасть в тесноте битвы. И только царившее вокруг безумие не давало мне постичь смысл доносящихся до меня слов. Я попытался атаковать в ответ, но всё, чего смог добиться – это секундной передышки, после чего прорвавшаяся конница, ядро которой составляли алые доспехи бывших инквизиторов, смяли последний очаг организованного сопротивления на этом фланге. Вынырнувшее будто из ниоткуда копье, пробило мой доспех, будто он был сделан из мягкой бумаги, а не из многослойной стали, изготовленной лучшими мастерами империи. Я не почувствовал ни боли, ни страха, бесстрастно уставившись на длинное древко, обломившееся и застрявшее где-то под самым моим сердцем. От удара меня откинуло назад, но высокое кавалерийское седло не позволило мне упасть навзничь, повредив однако спину, отчего я перестал чувствовать собственные ноги. Смертельный холод начал растекаться внутри, под доспехами, но я уже не мог осознать этого, погрузившись в черный как смоль туман. Из последних сил я выпрямился и посмотрел туда, откуда пришел удар, но лишь затем, чтобы увидеть, как ала катафрактариев длинными

копьями, подобно урагану, сметает захваченных боем противников. Передо мной теперь возвышался один лишь вал из убитых и умирающих, и я вскоре должен буду присоединиться к ним. Августин исчез, как и его сподвижники, убитый движущимся на огромной скорости частоколом копий воинов Авла. Мой друг и учитель присоединился к десяткам тех, кого мне было суждено потерять. Но о ком он говорил в свой последний час? Надвигающаяся тьма огласилась яростным ревом, прокатившимся над всем полем битвы. Килмар наконец пришел за мной.

Глава 11

Тьма, бесконечная и абсолютная, окутала весь мир. Порой она лишь создавала иллюзию всеобъемлемости, как бывает, если ночью облака скрывают звезды, но сейчас я почему-то был точно уверен: этой тьме нет конца. Но это было не Ничто, в котором мне не посчастливилось побывать, наоборот, эта тьма – целый мир, невидимый для человеческих глаз. Здесь кто-то обитал, в этих безбрежных водах океана тьмы таилась если не жизнь, то ее подобие, и я даже догадывался, кто приходился ей хозяином.

Я ощутил себя лежащим на чем-то мягком, укрытым толстым и теплым одеялом. Холод пронзившей меня боли отступил, размылись последние воспоминания о битве, и теперь я оказался в полной безопасности вдали от всего того, что могло причинить мне страдания. Во тьме отчетливо стали прорезаться очертания большой комнаты: вот платяной шкаф, вот стол и стулья, вот большой и мягкий диван, на котором так удобно и приятно сидеть вечерами при свете свечей, положив голову на колени читающей мамы. Откуда эти воспоминания в моей голове? Я попытался встать, и тело показалось мне совершенно чужим. Маленькие тощие ручки едва ли напоминали мои прежние, и легкий укол ужаса заставил меня вскочить на ноги, запутавшись в одеялах и едва не свалившись на пол. Кошмар. Обычный ночной кошмар. Мне снилось, будто я стал совсем взрослым, но чем конкретно я занимался, когда вырос, вспомнить казалось уже трудновато. Наверное, стоило позвать родителей, которые наверняка приласкали бы меня, успокоили и напоили чаем с медом, заверив, что сны – лишь наша фантазия. Но какая-то частичка меня еще сопротивлялась этому желанию. Я потер глаза, слипшиеся ото сна, и, надев тапочки, отправился в сторону двери. В абсолютной тишине, нарушаемой лишь звуками моих шагов, я пытался определить, не спит ли кто-нибудь в столь поздний час, но, в конечном счете, бросил эти попытки, поскольку кроме собственного дыхания не мог услышать абсолютно ничего.

Открыв дверь и выйдя в длинный просторный коридор, я погрузился ногами в пушистый ворс ковра, приятно щекочущего кожу. Не горело ни единой свечи, хотя обычно в такое время слуги оставляли несколько на случай, если кому-нибудь и домочадцев захочется прогуляться по естественным нуждам. Стул в конце коридора, освещаемый лунным светом, на котором обычно всегда дежурил престарелый слуга, пустовал, и странное чувство постепенно стало заползать ко мне в сердце. Что-то здесь было не так, как всегда. Не выдержав надвигающихся ощущений, я громко

позвал маму по имени, всплывшему в моей голове только сейчас, но голос мой оказался слишком тихим и хнычущим, поэтому вряд ли кто-то мог услышать его. Кроме монстров, обитающих в темноте.

Изо всех сил я бросился в ту сторону, где находилась родительская спальня, но, не пробежав и половины пути, споткнулся и пребольно ударился, упав на пол. Хотелось плакать, но страх был куда сильнее. Я поднялся на ноги и, собравшись было бежать дальше, замер, пораженный открывающимся в окре напротив видом. Он был там. Посреди поля, как и всегда. Жуткая фигура его возвышалась над посевом подобно вестнику смерти: длинные руки-крючья безвольно свисали по обе стороны от шеста, удерживающего его в вертикальном положении. На нем была старая отцовская туника, доходившая почти до тех мест, которые можно было назвать коленями и длинный рваный плащ, развевающийся на несуществующем ветре. Я едва мог пошевелиться от сковавшего меня страха, продолжая наблюдать за кошмарным силуэтом из самых моих ужасных снов, не в силах отвести взгляд, будто боясь, что стоит мне только это сделать, как он тут же набросится на меня. Попытавшись совладать с собой, я крепко зажмурился, а когда открыл глаза, в поле уже никого не было. Один лишь шест возвышался теперь посреди поля, раскачиваясь из стороны в сторону. То, что на нем находилось, куда-то исчезло.

Изо всех сил, не обращая внимания на саднящую боль в расцарапанном ворсом ковра лице, я бросился прочь, ощущая, как жгучий страх сжимает сердце, заставляя его биться так часто, что, казалось, еще мгновение, и оно разорвется. Коридоры и комнаты бесконечной чередой проносились мимо меня, еще чуть-чуть и я окажусь в кровати, где спят родители, укроюсь одеялом с головой, и все страхи мгновенно исчезнут. Но когда руки мои изо всех сил дернули за ручку двери, ведущей в спальню, дверь не сдвинулась ни на миллиметр. Замок оказался закрыт. Не помня себя от страха, я принялся стучать и пинать проклятую створку, дергать ручку в надежде, что она вот-вот поддастся, но детских сил моих не хватало даже на то, чтобы причинить огромной и тяжелой двери хоть какой-нибудь ущерб. Никто не открывал и не отзывался на мои жалобные крики, и я в панике принялся озираться, будто предчувствуя надвигающуюся беду.

Коридор позади меня тонул во тьме, и я ничего не мог разглядеть в нем, как ни старался. Тем не менее, меня не покидало чувство, будто кто-то наблюдает за мной, притаившись там, куда не мог проникнуть мой взор. Я услышал, как где-то далеко с неприятным скрипом, будто ночным ветром, открылось окно.

Затем снова всё стихло. Я перестал дышать, и опомнился лишь когда легкие начали гореть от недостатка воздуха. Из глаз текли слезы страха, размывая и без того нечеткую картину реальности, превратившейся в кошмар. Тьма, затопившая коридор, будто ожила, начав двигаться в мою сторону. Тонкие струйки ее растекались по ворсу ковров, стекали с драпировок и картин, украшающих стены, тьма капала с потолка подобно дождю, нашедшему брешь в прохудившейся крыше, послышался хруст, будто кто-то решил сломать пучок веток, и я наконец увидел того, от кого убегал.

Пугало, высокое и нескладное с горящими серебряным огнем глазами, показалось в отблесках лунного света, падающих из дальнего окна. На плече его восседал сотканный из мрака ворон с пуговицами вместо глаз и застывшим в немом крике клювом.

- Пришла пора нам с тобой воссоединиться, Марк, - прокаркало чудовище устами ворона на его плече.

Длинная рука его, состоящая из связанных в пучок веток, протянулась ко мне, издав тот самый хрустящий звук. Я хотел закричать, но не смог даже разлепить ссохшихся и распухших губ, выдавив из себя только едва слышный стон. Страх, казалось, вот-вот остановит моё сердце. И в тот момент, когда тощая уродливая рука уже почти сомкнулась на моей шее, дверь позади меня раскрылась, и хлынувший из нее свет ослепительной вспышкой ударил по пугалу, мгновенно скорчившемуся и превратившемуся в груду тряпья и палок. На пороге возник силуэт отца в домашнем халате. Лицо его, заспанное и уставшее, испускало, казалось, какой-то собственный внутренний свет, смявшиеся волосы закрывают часть лица, а черная борода торчит немного вверх не менее спутавшимся колтуном.

- Опять кошмары? – поинтересовался он добрым, но очень уставшим голосом.

Я не нашел в себе сил вымолвить хотя бы простое «да», поэтому просто коротко кивнул, ощущая, как когти страха постепенно отпускают меня, оставляя после себя лишь маленькие кровоточащие ранки. Я дрожащей рукой указал туда, где секунду назад находилось пугало, но когда сам повернулся посмотреть на то, что от него осталось, ничего не обнаружил.

- Пойдем-ка, - усмехнувшись, отец взял меня за руку и повел к лестнице, ведущей на первый этаж.

Мы дошли до входной двери. Здесь он взял с вешалки теплый шерстяной плащ и заботливо укутал меня, пробурчав себе под нос что-то про холодные стаферосские ночи. Ночная прохлада приятно охладила мою разгоряченную голову, однако сгустившаяся вокруг тишина и темнота вновь вызвали успевшее немного утихнуть

чувство тревоги. Я крепче схватил отцовскую руку, снова вызвав добродушный смешок с его стороны. Мы сошли с аллеи, ведущей к парадному входу в поместье, и вышли к полю, на котором росла пшеница. Посреди созревших уже колосьев я разглядел то, чего так боялся: торчащий посреди казавшегося бескрайним поля шест с перекладиной, на котором тихо и мирно восседало пугало, склонив соломенную голову набок. Сердце мое забилось чаще, и я почувствовал в горле комок горечи, перехвативший моё дыхание. Но чудовище казалось самым обычным пугалом: глаза-пуговицы не горели серебряным огнем, тени, отбрасываемые им на созревший урожай, были самыми обычными, и вовсе не выглядели посланниками из бездны.

- Вот что, друг мой. Раз ты так боишься моей старой туники, надетой на пучки веток, мы его уберем отсюда. Согласен?

Я снова кивнул, занятый разглядыванием жуткого «лица», пытаясь не проморгать момент, когда он оживет. Рядом с отцом это было почему-то совсем не страшно. Он снял его с шеста и закинул на плечо, отправившись в сторону стоящего невдалеке каменного сарая, используемого для хранения всяческого садового инвентаря. Открыв толстую дверь, отец зашвырнул чучело внутрь и повернулся ко мне, демонстративно отряхивая руки.

- Отсюда ему не выбраться, - присев на одно колено, отец заглянул мне в лицо, - смотри, сейчас я повешу сюда замок, и он вынужден будет оставаться здесь. Знаешь, почему?

- Нет.

- Нечисть боится железа, вот почему. На окне сарая решетки, на двери – замок. Если он преследует тебя, наверняка это страшная нечисть. И теперь она будет обитать здесь, а ты сможешь спокойно спать. Знаешь, как можно совладать с подобными страхами?

- Нет, - снова повторил я, смущенный собственным поведением.

- Просто представь, что запираешь этот страх в этом сарае. Возьми его и зашвырни подальше, а потом закрой дверь и навешай замок. Пусть он навсегда остается там. И если твой страх будет пытаться вылезти, повторяй процедуру снова и снова, навешивай такое количество замков и засовов, какое душе угодно. И однажды ты поймешь, что всё, чего ты боялся, навсегда заперто здесь, и больше никогда не сможет причинить тебе вред. Со временем ты забудешь дорогу к этому сараю, и страхи твои исчезнут навсегда.

- А если кто-нибудь откроет эту дверь?

- Я прослежу, чтобы она оставалась закрытой, - улыбнувшись одними лишь уголками рта, отец привлек меня к себе и крепко обнял, - а теперь пойдем спать.

Я также крепко попытался обнять его в ответ, но руки мои ухватили лишь пустоту. Открыв глаза, я обнаружил, что стою в поле совершенно один. Дверь в сарай с тревожным скрипом начала открываться, и оттуда вновь принялась разрастаться, подобно гнили, непроницаемая тьма.

- Всё, что осталось от тебя – это я, - раздался хриплый каркающий голос.

Я не мог пошевелиться, не мог закричать. Всё мое тело онемело и перестало меня слушаться, поэтому единственное, что мне оставалось – это безвольно наблюдать, как отвратительный силуэт пугала неспешно надвигается на меня.

- Ты и сам забыл, как запер меня здесь, в отдаленном уголке собственного разума. Но именно поэтому Багряное Пламя не смогло меня уничтожить. Ты – это я, а я – это ты, теперь придется осознать это. На пороге смерти мы стали едины, только так можно спастись. Протяни же наконец мне свою руку.

Я ощутил невероятный холод, парализовавший конечности. Опустив взгляд, я увидел обломок копья, застрявший под самым моим сердцем. Кровь стекала по пластинам брони, сверкая в лунном свете подобно жидкому серебру, именно так, как сверкали глаза Пугала. Чудовищный ворон на его плече смотрел на меня глазами-пуговицами и качал черной головой, будто осуждая.

- Твоя любовь мертва, твои друзья – мертвы, твоя империя прогнила и скоро обрушится. Очень скоро закончится и твоя жизнь. Остался только я. Совершенный бог великой Тьмы, воплощенный кошмар, рожденный твоим разумом. Именно этого хотел от тебя бедный Антартес, не так ли?

- Как это произошло? – едва способный шевелить немеющими губами, я опустился на землю и посмотрел на Пугало так, как когда-то смотрел на него в далеком детстве.

- Трагический случай. Случайная стрела, пронзившая ее нежное любящее сердце. Когда отец прознал о бегстве собственной дочери, он отправил за ней в погоню своих людей. Она наняла отряд отчаянных рубак, как ты и сказал ей, чтобы добраться до переправы, где вы должны были встретиться, сопротивление их и стало причиной столь неожиданной смерти.

Я внезапно осознал, что эти слова Пугала оказались правдой. И если понять, что пытался сказать мне Августин, и тем более, поверить ему, я никак не мог, то теперь, оказавшись на пороге самой смерти, всё происходящее открылось передо мной чрезвычайно ясно. Там, где прежде билось моё сердце, сопротивляющееся надвигающемуся холоду, образовалась пустота. Последний очаг тепла угас безвозвратно.

- Так значит, Килмар вовсе не бог зла? – задал я совершенно не

имеющий теперь смысла вопрос.

- Он – лишь заложник своего времени. С твоей точки зрения он – зло, но он лишь пытается исправить учиненные собственными собратьями и в частности Огредом беспорядки, вернуть всё к тому образу и подобию, как было задумано Творцом. У человека нет души, нет ни вечной жизни за пределом нашего бытия, ни вечных мук, ни вечных наслаждений. Мы – лишь часть окружающего мира и должны жить с этим миром в гармонии, как и было задумано.

- Обратившись во прах, из плоти своей породишь новую жизнь и станешь частью вечности, - припомнил я слова Килмара.

- Именно так. Возьми мою руку, Маркус. Пришло время войти в вечность.

Последним усилием воли я поднял коченеющую руку, с которой стекала остывающая кровь, и сжал протянутую мне лапу извечного врага самой моей жизни. Я наконец смог принять то, что было мною давным-давно забыто, то, что сохранило мне жизнь в тот день, когда губы мои коснулись чаши Багряного Пламени. Пугало – моё прошлое, я – настоящее. Время стало едино и неразрывно, перестав быть разделенным на до и после. Я вновь обрел себя, прятавшего в том маленьком сарае на краю пшеничного поля. Пусть облик мой и оказался столь ужасным, но это всё, что я смог уберечь от божественного огня. Теперь я стал самим собой.

***

Мир превратился в череду застывших образов. Вот руки мои сжимают сверкающее серебром копье, но руки эти лишь отдаленно напоминают мои прежние. Черные, сотканные из мрака, крылья несут меня над полем битвы, замерившим и превратившимся в полотно, изображающее кровавую бойню, усеянную сотнями и тысячами окровавленных тел. Меня прежнего уже, по всей видимости, не существует, теперь мы с Пугалом поменялись местами, и роль наблюдателя уже отводится мне. Вместе со смертью пришло и понимание того, что пытался сказать мне Антартес перед тем как окончательно раствориться в Ничто, понял я и то, что мне необходимо сделать. Терзавшее меня прежде чувство невозможности вспомнить нечто важное, исчезло, провалившись в пустоту, образовавшуюся на том месте, где прежде была моя душа.

Теперь мозаика наконец собралась, и я увидел весь замысел целиком, совершенно новым взглядом. Я почти что перестал быть собой, но новое это видение позволило мне понять наконец то, что было скрыто от меня всё это время. Семеро богов, отдавших

своё бессмертие для создания нового порядка. Огред и Килмар – сильнейшие из них, ставшие затем воплощением Добра и Зла, заложниками созданной ими же системы. Но лишь теперь я осознал: Антартес вовсе не бог света. Он – обжигающее пламя костра, на котором сгорает очередная ведьма, он – яростный свет, который выжигает глаза и мысли, оставляя только слепящую пустоту, он – меч, которым человек рубит всех несогласных с догмами его правления, он – топор дровосека, срубающий вековой дуб, губящий саму жизнь под железной пятой нового мироздания. Он – само Зло. И пока Килмар пребывал в небытие, изгнанный Огредом, фальшивый бог света творил с этим миром всё что хотел, создавал собственных богов, пытаясь уравновесить собственную систему координат, впрочем, безрезультатно. Тьма, в которой прятался Пугало, воплощенная им в собственную личность, как нельзя кстати подходила на роль нового бога. Смертоносная тень, уравновешенная другой стороной моей личности, неспешной и взвешенной, неспособной прежде сопротивляться ужасу Пугала, должна была занять место нового бога.

Килмар, огромный и устрашающий, но далеко не такой жуткий, как вырвавшееся на свободу Нечто. Тьма наступает на этот мир, и именно я позволил этой тьме проникнуть в это некогда процветавшее царство света. Ночь опускается на Ауреваль и те, кому довелось пережить битву, застывают в немом изумлении, не в силах бороться дальше. Существуют лишь две извечные противоборствующие стороны: Добро и Зло, Свет и Тьма, стремительно сближающиеся для последней схватки за человечество, впрочем, уже предопределенной. Копье, оброненное мной в пылу битвы и неизвестно когда подобранное Пугалом, наливается ослепительным серебряным светом, единственная искра в кромешном царстве ночи. Через мгновение копье это со страшным хрустом пронзает звериную сущность Килмара, разрывая на части грудную клетку медведя-оборотня. Ворон с глазами-пуговицами слетает с плеча и, устремившись к человекообразному лицу умирающего бога, начинает выклевывать ему глаза с хриплым карканьем укорачиваясь от ставших удивительно неуклюжими лап Килмара. Неимоверная жажда захлестнула всё существо того, кто раньше именовался Пугалом, и пальцы-ветви его с хрустом вонзились в плоть умирающего Килмара.

Неимоверным усилием воли я проваливаюсь в то место, которое прежде называл Изнанкой, но названия которой теперь никак не мог вспомнить. Я всё еще существую, хотя почти и не могу влиять на происходящее вокруг. Теперь я сам будто на

задворках собственного сознания, маленький осколок прошлого, запертый в каменный сарай на краю поля. Мир ускользает из моего гаснущего сознания, имена, люди, предметы реального мира исчезают вместе со мной, но я не позволю себе окончательно слиться воедино с собственным кошмаром. Здесь, с той стороны, откуда Творец, по всей видимости, начал создание мира, не было ни света, ни тьмы, но было нечто совершенно неописуемое для человеческого сознания. Теперь я ясно осознавал, как глубоко ошибался прежде, оказываясь здесь. Это была сама идея мира, не материя, но мысль о существовании. Именно здесь было создано всё сущее, нашедшее затем воплощение в реальном мире, и именно отсюда можно изменить всё так, как того требовалось, и теперь, новыми глазами, совершенно отличными от человеческих, я видел это совершенно чётко. Уничтожить саму идею Килмара и Пугала, повернуть время вспять и освободить человечество, сделав его таким же свободным, как это задумывалось Творцом.

Человеческие боги потерпели сокрушительное поражение, пусть и не осознавая этого. Антартес отчего-то был совершенно уверен: Багряное Пламя очистило мою душу и меня самого, вложив необходимые цели и установки. Но наблюдая за мной из своей темницы, Пугало, обретший разум и покорный воле старого темного бога так и не смог заметить происходящие со мной изменения, которые в конечном счете не позволили мне слиться с Тьмой и запустить цикл с самого начала. Быть может, именно тот поцелуй Мелиссы окончательно рассеял терзавший меня страх и бессмысленность, скрываемую за маской гнева, или когда ноги мои коснулись мерзлой почвы Ауреваля, охладив бушующие во мне страсти. А может, только тогда, когда я наконец принял обитающую в глубине души тьму, протянув руку чудовищу, скрывавшемуся в ней. В какой-то момент моё прошлое, настоящее и будущее примирились внутри меня и потребность в Пугале просто исчезла. Мой страх исчез, остался только искусственно созданный монстр, победить которого гораздо легче, чем самого себя. Я перестал быть смиренным рабом уныния и сна разума, о котором говорил мне Антартес в великом Ничто, пусть и осознал я это только сейчас. Вечная жизнь для всех и каждого, высшая справедливость. Пожалуй, всё это имело место быть лишь в бесконечном унынии и страхе, затопившей мою жизнь подобно наводнению. Бояться смерти можно лишь тогда, когда в жизни нет никакого смысла. Теперь же я обрел его, и обрел самого себя, снова стал целым.

Оставалось лишь сделать так, чтобы больше никто не смог проникнуть в сущность Творения и перекроить его под себя.

Никто. Разве что в самый последний раз…

Эпилог

- Ничего не понимаю. Что это за цирк ты тут устроил, брат? Я проехал половину империи, чтобы добраться до твоего угла, а ты теперь заявляешь, что всё в порядке!

- У нас возникли определенные сложности, но потом всё… нормализовалось. Мои люди убили это существо, которое обнаружили егери неподалеку от леса Царя Эльфов. Говорят, у него было человеческое лицо, и он даже что-то говорил им. В любом случае, сейчас проверить достоверность этих слухов уже не представляется возможным.

Корнелий, невольно поежившись под взглядом инквизитора, откинулся на спинку кресла, казавшегося в сравнении с размерами стратега детским стульчиком.

- И ты позвал меня сюда, чтобы рассказать байку о медведе с человеческим лицом?

- Знаю, для тебя всё это выглядит именно так, но готов поспорить, что еще пару недель назад собирался сделать кое-что важное, вылетевшее затем у меня из головы. Считай, что приехал погостить, отдохнуть и набраться сил для борьбы с врагами Антартеса. Ты ведь хотел сосватать за мою младшую дочь этого Кеммана, он здесь?

- Надеюсь, это не старческий маразм, брат, потому как даже у меня в моем возрасте «что-то важное» из головы еще не вылетает. Буря разделила нас во время переправы, поэтому, боюсь, Маркус немного задерживается.

- Мелисса, дорогая, не стесняйся так, ты ему наверняка понравишься. Как и он тебе, - рассмеялся Корнелий, заметив смущение сидевшей неподалеку на низкой лавочке девушки, - во всяком случае, от твоего дяди я слышал об этом человеке много хорошего.

- С удовольствием остался бы еще на некоторое время, но меня ждут неотложные дела в Каррасе, поэтому познакомлюсь с твоим Маркусом в Морхейме.

- Увидимся там, брат, - задумчиво кивнул Августин, провожая удаляющуюся фигуру стратега.

Спустя пару часов дверь кабинета снова открылась, впуская золотистые лучи осеннего солнца и вечернюю прохладу, напоенную запахами мокрой земли и прелой листвы. На пороге стоял мужчина в испачканной дорожной одежде с блестящими в таком освещении серебром глазами.

- О, позволь представить тебе младшую дочь стратега Ауреваля и мою двоюродную племянницу – Мелиссу Дука, - а

этот благородный человек, дорогая моя, как я тебе и рассказывал, Маркус Клавдий Кемман – командир Терасариев и мой ученик…